Е И КЫЧАНОВ Шемучжина. Думавщего Покорить мир

Е.И. КЫЧАНОВ

MH3HB MPAYYWHAA. AYMABUQFO MHP MHP

чингис•хан: личность и эпоха

Издание второе, исправленное и дополненное

БИШКЕК «КЫРГЫЗСТАП» 1991

Кычанов Е. И.

К 97 Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: (Чингис-хан. Личность и эпоха). 2-е изд. испр. и доп. — Б.: Кыргызстан. — 1991 — 288 с. ISBN 5-655-00827-0

> На протяжении столетній личность Чинтис-хапа, его эпоха привъекамі винкание читагелей веск страл. Ему посвящены солядные научные труды и полулярные брошоры, романы и повестні в многок заквака мира. Данавя лаучено полулярная кинта посвящена описанию жизни Темучжина— "Чинтис-хапа на основании первых негочиков монгольских, китайских, мусульманских авторов и спедених первых езропейских путешественников, провикших в тлубины Азан.
> Выл за Чангис-хан киргізом? И на этот вопрос автор

> дает свой ответ.

Книга рассчитана на массового читателя.

К = 0503010000-44 — без объявл. ББК 63. 3(0)

«А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови»

Сокровенное сказание

Со времени первого издания этой книги минуло пятналиать лет. Во «Вступлении» к первому изданию автор писал, что на протяжении столетий личность Чингис-хана, его эпоха привлекают виимание как историков-специалистов, так и широких кругов чятателей всех страи. Ему посвящены и солидные научные труды и популярные брошюры, и изобилующие домысламя романы и повести на многих языках мира. Автор отмечал, что к началу 70-х гг., к моменту написания им книги, интерес к личиости Чингис-хана вновь возродился в связи

с событиями, происходившими в то время в Китае,

В Венгрии и Чехословакии, в Запалной Европе и США вышли: «Чингискан» Мориса Першерона (1962 г.), «Океан и степь, Жизиь и эпоха монгольского завоевателя Чингис-хана (1155—1227 гг.)» Маккензи (1963 г.), «Чингис-хан» Дюпюн (1970 г.), «Чингиз-хан, покоритель степей» Х. Ламба (1986 г.). На английском и французском языках неоднократно переиздается книга акад. Б. Я. Владимирцова «Чингис-хан». К этому можно добавить, что интерес к Чингис-хану прямо или опосредствованно всегда пробуждался в связи с ситуацией в Европе и мире. Приход в Германии к власти Гитлера был отмечен публикацией кияг М. Правдина о Чингис-хане н его времеян, Ральфа Фокса в Англин, Иоахима Баркхаузена и Рене Груссе во Франции и т. д.

Первая в Европе работа о Чингис-хане Ф. Пети де ла Круа «История великого Чингис-хана» была опубликована во Франции в 1710 г. (переведена на английский язык в 1722). Сведення об основном круге изданий о Чингис-хане на западно-европейских языках читатель сможет найтн в сочинения советского монголоведа М. Гольмана «Изучение истории Монголии на Западе» (М.: Наука, 1988). Автор отделяет «популярную» чингиснаду от «научного монголоведения», «За редким исключением,- признал он,- лишены научного значения полунсторические, полубеллетристические кингя Г. Лэмба, Р. Фокса, М. Чэрола (Правдина) и т. п., пронизанные подлинным культом Чингис-хана и «золотого века» монгольского оружяя». Его поддержал и О. Латтимор. В предисловии к кинге Х. Д. Мартина «Возвышение Чингис-хана и покорение им Северного Китая» он писал: «Многие сочинения на эти темы действительно более похожи

на легенды и субъективиые умозрительные интерпретации, чем на Сам по себе основной источник о Чнигис-хане - «Тайная история монголов», известями в русском переводе как «Сокровенное сказание». — памятник высоколителатурный — побуждает мвогих (исследователей и неисследователей), в том числе и автора данного

аналитическое и осмысленное изложение истории».

сочинския, писать «бедлегристически». В этом иет инчего предосудительного. Важно отсутствие межажения фактов, непользоване основных достижений науки, наконец, собственный вагляд на события, сони выводы. К созваления, может быть, за исключением помойного французокого ученого Поли Пелью, наука не знада и не знает искледеть всем куругом гервоисточников на монгольском, кита-бком, перендском, арабском, русском, арминском и других языках, в которых содержателе сведения о Илинго-казе не сто эпоке Вемяй в большей мере зависят от доступных лично ему источников, а оставыщие должен использовать в имеющихся переводах И это обстоятельство не удерживает от стермаемы ин кследователей, ин инсателей, а то о Чинге-каме, романы и ставить фольмы,

В том же 1973 г., когда вышло в свет первое вздание этой кини, по Франин в популярной серив «Что заваю с.» вышла книга французского вкадемика Луи Гамбиса «Чниги»-сан» (Париж. 1973). 13 западноевропейских коссирований последних эт необходимо увомянуть книгу неменкого монголоведа и синолога российского проикождения Паула Рачивеского «Чниги»-сан», каданиую в ФРТ Высбалем, 1983 г.). Труд П. Рачивеского наиболее полно учитывает вос польствие налучивье разработия проблемы, планачется трудиодоступной подваляющему большинству западноевропейских исследователей политоги использования источников и литературы и руссом языке. В Китае в 1987 г. на монгольском языке опубликована в двух томах жинга монгольского история Сейшала «Сакавние о Чини»-сане-

(Хух-Хот, 1987 г.).

Среди советских трудов, неучтенных в первом издании, поми в вторног мадении коллективного труда «Татаро-монголы в Азин и Европе» следует упоминуть капитальное исследование и публикашию текста «Мыягда бэй», зу «Полное описание монголо-татар») (М: Наука, 1975), безаремению скомчавшимся доктором историче-

ских наук Н. Ц. Мункуевым.

Для изучения завоевательных войн Чингис-кана в Средией АЗин, северном Ирапе и вы Авкавае большое завачение мнеет квига 3. м. Буниятова «Государство Хорезм-шахов Алуштегеляедов (1207—1231) (М.: Наука, 1986 г.). Оценка, личности и деляний Чингис-кана дана в в стате М. С. Капины «Еще раз о роли Чингис-кана в историн (1986 г.).

Многочисленные статьи о Чингис-хане публиковались в самых различных журналах Китайской Народной Республики. Наиболее систематизированное изложение достижений китайской науки по этому вопросу дано в двухтомной «Истории династии Юань»

(Пекин, 1986).

Кроме широко известного романа В. Г. Яна «Чингис-хан» советская литература за эти годы пополиилась романами И. Калаш-

никова «Жестокий век», В. Чивилихина «Память».

Советский читатель не имел и до сих пор не имеет возможности получить достоверную шиформацию о Чините-хане. Цаванияя в 1922 г. в Берлине на русском языке великолення, но несколько имеленизород в поменолько и поменоловеда В. Д. Владания и мириом давню стала библиографической редкостью. Продолжания мириом давно стала библиографической редкостью. Продолжания перемоды на радиницые выким нира. Следует с года то, то и первое надавине книги имело довольно незначительный тираж. Издание инпосименностью стало библиографической редкостью, о

чем свидетельствуют миогочисленные письма читателей с просьбой

«прислать», «достать» кингу.

Настоящая кинга посвящена описанию жизии Темучжина-Чицгис-хана на основании сохранившихся до наших дией первоисточников монгольских, китайских, мусульманских авторов и сведений первых европейских путешественников, проникших в глубины Азни. Книга является научной, поскольку она базируется на исторических источниках, и популярной, поскольку, это представленное в доступной и, насколько это нозволял материал и оказалось в силах автора, увлекательной форме описание жизни Чингис-хана, характеристика его личности и той среды, в которой он жил. Автор намеренно пространно цитирует и первоисточники, и литературу, стремясь показать читателю как воспринимали личность Чингис-хана в ту эпоху его современинки или жившие в сравинтельно иедалекое от времени его жизин люди в разных уголках мира — в Монголии и Китае, Средией Азни и на Ближием Востоке, на Кавказе и в Европе, Оценки Чингис-хана и его эпохи современными исследователями автор так же стремился дать не в пересказе, а в том виде, как они из-дожены, Здесь надо отметить, что личность Чингис-хана — постояиный объект явной и тайной идеологической борьбы, столкновения эмоний и прямых спекуляций. Автор может обещать одно -- он постарается быть объективным,

Имеются четыре основных исторических памятника, повествую-

щих о Чиигис-хане.

стайная история» (в русском переводе якал. С. А. Комина «Сольовенное сказавие») — опическое поистоящие о Члинга-слайе и его роде, написанное вскоре после смерти Члингисхава. Наиболее распространено мнение, тот двилый памятиих был составляе в 1240 г., пределение применение п

•Тайная всторияз займенательна в тем, что не вдеализирует образа Нигисхван. еВообще, образ Чнигися у авторов скокровенного сказания»,— писам советский вссиедователь история монгольской тивьость авторов «Сокровенного сказания»,— порадожают од — прикомится сособо подчеркивать, нбо последующие летописцы в этом отношения часто сустраля спомы предцественниям. Божественность образа Чнигися была для них аксноматичной, в его дечтовноственность образа тем монямых сторовах жизначи Чнигися, они умалинають.

гих мрачных сторонах жизии чнигиса, они умалчивают». «Тайная история» не сохранилась в записи на монгольском язы-

«Тайияя история» не сохранилась в записи из моигольском языке. Техст памятинка, тот, который дошел до наших дией и, кстати, был найлен нашим соотечественником, выдающимся русским китоведом XIX в. Палладаем Кафаровым, был записам из монопълском языке в китайской транскрипции, пероглифами. Реконструкция техста, передомение его на монгольскую транскрипцию — работа, которой наука заявта окодо ста лет. От восстановления еподлинного минтольского техста в известной мере зависит и перевод памятиция я другие замых. Имесле сокращенный перевод на китайский замых, который в 1866 голу был переведен Палалариям Кафаровым на русский. В настоящее время существуют переводы памятника на урсский, леменцый, французский, вренгерский, современный монгольский, китайский, японский замии. Из последних переводов на антилыский эки — перевод Игора де Разевивыми обубликований частями в ваучном австранийском журнале, отдельной книгой он будет издан в обумающей оторы. Русский перевод был огрупкование С. Компина оснай монголовед и китаенед Б. И. Панкратов, однако его труд остадский монголовед и китаенед Б. И. Панкратов, однако его труд остад-

Не меньшего внимания заслуживает и «Сборник аетописей» (1310—1311 гг.) Рашия-дал-диня, являющийся по оценке проф. И. П. Петрушевского середи исторических трудов данного вернода впередклюм звыке саниственным в своем роде по замможу и выполнению». Труд этот в своих основных разделах, касающихся истории монголов, опиралея на следующие сочивения предцественников: «История завосвателя мира» Джувэйня (120 г.) и «Золотая инжев» «История завосвателя мира» Джувэйня (120 г.) и «Золотая инжев» («История завосвателя мира» Джувэйня (120 г.) и «Золотая инжев» («Постои») разделы, посъщенные история измеся от деляющие преднеденный протоку разделы, посъщенные история измеся от тощество, какой мы печайнем из в каком другом из источников по двиной проблеме, пе исключая и монгольских, и китайских (И. П. Петочиевский).

Третыму важным источником звяляется официальная история правниний в Кита монгольской династин Ювань «Юван-ин». Указ о составлении этого коллективного труда был отдан в 1366 г., сразу после нативняму монголов из Китая. Считается, что работа была выполнена очень быстро, за 331 день, столь же быстро книга была потнематана способом кеклогороми в петрыене опубликована в 1370 г. Первую книгу (цізовнь) этого труда занимает жизнеописание Чинга-яви. Имеются жизнеописания чинте-зана. Имеются жизнеописания монтих взе от сторонников ж

сподвижников.

Четвертам основами источником сведений о Чингис-хане является труд «Шам у нинь мум ду» — «Опнасание личных военных походов Ангустейшего и вониственного (императора)», т. е. Чингис-хана. Считается, что текст относится ко второй полованя «КII века и тогда же переведен на китайский явык Французские вереводчики потада же переведен на китайский явык Французские вереводчики этот труд, как в «Сборник леговисей» Рашид-ад-лина к оригинальному монгольскому сочиненного «Алган лебетру», не дописшему до наших двей, а часть «Ован ше», относящемуся к Чингис-хану, про-зводомо г «Палы у цино учал, лу».

Несколько лет изава, в КНР вышел на вкраны фальм о Чинтисхане (Имогок спесения о том, от постановка фальма о Чинтис-хане готовится в МНР, кинечатографисты Киргизии совместно с амерыканцами готовится поставить телефилы. Чинтис-хан, колпошенный на экране, въление нашего времени и ето кинематографический образ также станет предъмгом споров и дексускай, это невобежно

В первои издании книги мы обращали внимание чятателей на оценки личности Чингие-хана выдающимися отечественными востоковедами академиками Б. Я. Владимирновым и В. В. Бартольдом. По меению ряда историков, Б. Я. Владимирнов дал идеализированную оценку личности Чингие-хана и ест политики. В. В. Бартольд был и чужа даелизации уже не столько личности Чингискава, сколько его минерии и последствий завоеваний. По мнению И. П. Петрушенского, В. В. Бартольд явно недооценивал сразмеров разруки, якономического и культурного упадка в результате звлоеваний Чингискана и чингисидовь Было бы невервым сказать, что решены визуоб в сейчас, после выступлений в печати таких авторитетим советских историков, как икадемики И. М. Майский и С. Л. гильшений, после двух илалий кольстивного турка сТатаромонголы в Азин и Европе». Откуда вяздась столь могущественная силь, оказащиваем способной звлюенать почти всю (кроме Кионии) цивильзованную Босточную Азию, Центральную Азию, значительную согла въединовать спосо мощь. У Каковы могот быт от пета стоту выстольной всеготы согота въединовать спосо мощь. У Каковы могот быть опеча всеготы-

ности Темучжина-Чингис-хана.

Во втором издании кинги автор значительно больше уделает внимания ответам на эти вопросы. Поскольку автор сам занимается изучением ряда проблем истории Центральной Азии и Китая, наличне его собственной точки зрения на ряд проблем истории монголов и оценку Чингис-хана нензбежно. Книга не только содержит сведения из отдалениого прошлого с целью показать, как зарождаются н к чему приводят захватнические войны. Автор задумывается над ценой некоторых событий, понимаемых в определенных кругах как прогресс. Если заслуга Чингис-хана состоит в том, что он соединил Дальний Восток и Центральную Азию с Ближним Востоком и Евроной, как лумают многие историки, то стоит ли эта «заслуга» (может быть, и без кавычек?) той цены, которую заплатило за нее человечество? Цена иных сфер прогресса, личные судьбы сотен тысяч и миллионов людей в поступательном движении истории - это не праздный вопрос прошлого человечества и его настоящего. История, как и само время, необратима. Что было, то было. Но историк, кроме беспристрастного, тщательного, объективного описания событий, всегда имеет право поставить (и ставит) вопрос о причинах и последствиях о том, чем и как человечество поплатилось за то, что произошло. И, наконец, историк обязан поставить вопрос о том, могло ли быть ниаче? История сделала свой выбор, но был ли этот выбор единственно допустимым?

Автор данной кинги также счел себя вправе в той или иной степенн коснуться данных вопросов при описании жизни Темучжина-Чингис-хана, при характеристике его эпохи. Историки, как никто, знают, что человечество не извлекает уроков из истории и, тем не менее, всегда надеются на то, что такое время придет. Люди помнят, и помнят по-разному, великих завоевателей. Однако каждое поколение учится прежде всего на своем личном опыте, хорошем и печальном. А люди не должны, не смеют забывать опыта всего человечества. Необходимо использовать историческое знание не просто для подкрепления или иллюстрации действий сегодиящиих, а учиться по-настоящему извлекать уроки из истории. Новое мышление, которое в наши дни начинает пробивать себе дорогу, нуждается в подкреплении уроками истории. Одна из задач историков - в популярных, доступных массовому читателю изданиях доносить добытый опыт прошлого до сознання широких масс. Только в этом случае он, может быть, начнет обретать действенную силу и в повседневной нашей жизин, той жизии, в которой и продолжает твориться, про-

должает свой путь в неведомое История.

«НАРОД БЕЗВЕСТНЫЙ И ЧУЖОЙ»

Кто такне монголы и откуда они появились? Вопрос непраздный, если науке достаточно хорошо известно, что на той территории, где расположена нынешняя Монгольская Народная Республика и где будут разворачиваться действия и события нашего повествования, на рубеже нашей эры жили гунны, этинческая принадлежность которых (тюрки? монголы? самодийцы?) достоверно невыяснена, здесь господствовали жуаньжуани (авары, или обры по русским источникам) н сяньбийцы, а затем с VI по Х вв. н. э. сменяли друг друга каганаты тюрков, уйгуров, кыргызов. В «Истории Монгольской Народной Республикн» говорится, что «само слово «монгол» до сих пор в исторической науке не имеет единого толкования», «наиболее вероятно предположение о том, что термин «монгол», обозначавший вначале одно из племен, затем стал собирательным, подразумевавшим всю монгольскую народность, вместе взятую». Рашид-ад-дин полагал, что слово «монгол» значило или «слабый», «бессильный», или «прямодушный», «чистосердечный». Я. Шмидт считал, что слово «монгол» значнло «смелый», «отважный», «неустрашимый». П. Рачневский допускает и уничижительные толкования — «монггоо» — глупый», например, в наименовании предка Чингис-хана Бодончар-мунгкак — «Бодончар-простак», «Бодончар-дурачок».

Существует одна заманчивая гипотеза, которую также приводит П. Рачневский. Хорошо навестно, что династия киданей Ляо, воцарившаяся в Центральной Азин и Северном Китае в самом начале Х в., именовалась «Железной». Очень возможно, что, создав свое государство Хамаг монгол улус в середине XI в., монголы называли его «мунту»— «серебряное», а утвердившиеся в центральной Манчажурни, верентувшие власть киданей в унитожившие государство Ляо чжурчжэми назвали свое государство Цзинь «Золотым». В этой гипотезе есть своя логика. Сказанное выше не должно обижать. Хорошо известио, что современные наименования ряда народов, например, русских ие имеют сколько-инбудь удовлетво

Свидетельства китайских источников позволяют проследить нсторию моиголов в глубь веков до племен сяньби. Прямое родство моиголов (протомоиголов) с туниами, о котором виогда пишут, можно скорее рассматрывать как желательное, чем мисющее в рвастоящее время

строгие научные доказательства.

Монголы под именем мэнъу или мэнва упоминаются в старой и новой историях китайской династии Тан (618-908 гг.), среди племен шивэй. В тексте старой истории династии Тан «Цзю Тан шу» сказано: «Шивэй -особый род киданей. Живут по северным (берегам) реки Яоюехэ. Их государство находится на северо-востоке от столицы на расстоянии свыше семи тысяч ли. На востоке (оно) простирается до хэйшуй мохэ, на западе до тюрок (туцюе), на юге сопредельно с киданями, а на севере доходит до моря. В этом государстве иет государя и старших начальников, а есть семнадцать главных правителей, которые зовутся мохэфу и наследственно правят ими, хотя и зависят от тюрков. В качестве боевого оружия они имеют роговые луки и стрелы из дерева «ху» (тальинк? - Е. К.) и являются превосходными стрелками из лука (напомним, что более поздние источники указывают, что монголы изготовляли древки стрел из ивы, а армянские авторы именовали монголов «прекрасными стрелками» - Е. К.). Временами собираются на охоту с легкими метательными копьями*, а когда дело закончится, расходятся. Эти люди обрабатывают землю, но не платят поземельного налога. В вотчинах (своих) строят небольшие дома, которые покрывают сверху шкурами, Объединяются в группы и живут, иногда числом до нескольких десятков или сотен семей, Заостряют деревья и делают сохи, не насаживая на них металлических сошинков (лезвий). Соху тянет человек, и производится посев. Не разрешается использовать (для пахоты) быков, Летом там много туманов и дождей, зимой много инея и снега. В качестве домашних животных там годятся со-

Рашид-ад-дин указывает, что колье оставалось одним из главимх видов вооружения монголов и в середине XII в. — Здесь и дадее прим. автора.

баки и свиньи. Их откармливают и поедают, а шкуры используют для изготовления выделанных кож. И мужчины, и жеишины (из этих кож) шьют олежды. Волосы (у них) растрепаны, одежды застегивают на левую сторону. Богатые семьи выделяют себя тем, что делают украшення из разнообразного пятицветного жемчуга. Законы, регулирующие вступление в брак (таковы): жених прежде входит в дом невесты и работает (там) три года. По этой причине он может лично близко общаться с этой женщиной. Когда срок отработки кончится, то семья невесты выделяет им их долю имущества, муж и жена садятся на одну телегу и нагружают ее. С барабанным боем и плясками они вместе возвращаются (в дом мужа) [...] Говорят, что при нашей (династии) Тан есть девять племен шивэй. Это так называемые Лииси шивэй (шивэй, живущие западнее горного хребта), Шаньбэй шивэй (шивэй, живущие к северу от гор), Хуантоу шивэй (желтоголовые шивэй), Дажучжэ шивэй (шивэй, похожие на больших людей, рослые шивэй), Сяожучжэ шивэй, (шивэй, похожие на маленьких людей, малорослые шивэй), Пово шивэй (наименование не переводится - Е. К.), Нобэй шивэй (шивэй, живущие к северу от реки Но) и Лото шнвэй (шивэй — верблюды). При этом все они живут к северо-востоку от области Лючэнцзюнь (г. Чаояи, пров. Лаодун, самые близкие — на расстоянии 3500 ли, самые дальние —6200 ли. Ныие самыми западными шивэй, теми, которые имеют общую границу с уйгурами (в VIII в., в то время, к которому относится описаине шивэй, в Центральной Азни существовало государство уйгуров — Уйгурский каганат) являются племена усугу, размещающиеся к юго-западу от озера Цзюйлуньбо (озеро Кёлён, оно же Хулунь, оно же Далай-Нор). К востоку от инх есть племя нсайлю, а еще восточиее - племя сайхэчжи. Эти племена имеют отличных лошадей, число людей в них тоже велико. Живут они на реке Чохэ, иначе эту реку называют Яньчжихэ. Далее тоже имеются племена хэцзе, еще далее к востоку племена улоху. Кроме того, есть племя нали, а еще далее к северо-востоку живут Шаньбэй шивэй.

...Севернее Больших гор есть племя больших шивэй. Это племя живет около реки Вавщзяихэ. Истоки этой реки на северо-восточных границах владений торков, у озера Цзюйлунь. Отсюда, извиваясь, она течет на восток и протекает через границы западных шивэй, далеома течет снова на восток, через границы больших шивэй. еще далее на востоке она протекает к северу от мэнъу шивэй (шивэй-моиголов) и к югу от ловзу шивэй. Затем она течет еще далее на восток, де не сливается с реками Нахэ и Хуханьхэ, еще далее на восток она течет к северу от южных хэйшуй мохэ и к югу от севериых хэйшуй мохэ и к югу от севериых хэйшуй мохэ и, котрогская далее на восток, впадает в море»,

В текстах новой истории династии Тан «Синь Тан шу» имеются некоторые разночтения и дополнения. Здесь шивэй, помимо того, что они являются особым родом киданей, названы потомками диилинов. Местом их жительства, опорным пунктом, кроме реки Яоюехэ, назван Хуалиу, район к северу от современных городов Шэньяна (Мукдена) и Кайюаня (в центре Маньчжурии), охватывавший всю территорию Гирина, на востоке до границ Виутренией Монголии. Правители шивэй названы не мохэфу, а мохэдо. Добавлено, что младшие из них имеют в своем ведении около тысячи семей, более сильные - по нескольку тысяч семей, «Живут, рассеявшись, по речным долинам, ищут траву и воду и селятся». Не подчиняются друг другу. «Хотя они дерзки, отважны и любят воевать, но войска у них недостаточно для того, чтобы создать сильное государство». Повторены сведения «Цзю Тан шу» об обработке земли и особо подчеркиуто, что получаемые урожан очень малы. О семейных отношениях добавлено, что если муж умирал, то жена вторично не выходила замуж. Имеются дополнения о похоронных обрядах. Каждая группа шивэй строила большие навесы, на которые сверху клались трупы умерших. По умершим носили трехлетиий траур. Если умирал правитель, то преемником и наследником становился его сыи, лишь в случае отсутствия у правителя сына, на место умершего ставили сильного и решительного человека. Ездили шивэй на телегах, запряженных быками. Жилища строили из плетенок и покрывали шкурами. Или сгибали деревья, а крышу покрывали плетенками. Для переправ через реки делали плоты и кожаные лодки. Лошадей пускали пастись спутанными. О домашиих животных добавлено, что у них нет овец и мало лошадей. Одежды, которые шили шивэй из шкур и кож. они называли мохэ. Сказано, что было 20 с лишним племен шивэй (вместо 9, упомянутых в «Цзю Тан шу» --Е. К.). Перечень племен не имеет существенных различий. Интересующий нас текст о древних монголах изложен так: «На севере есть Большие горы. За горами живут большие шивэй, которые расселены по берегам реки Типляньхэ (верховья Амура, название сохранилось в наименовании реки Шилка). Река вытекает из озера Цлойлуны т ечет и в восток. К югу от этой реки есть племи мянва, к северу от нее — племя лотань. Река течет из восток и сливается с реками Нах» и Хуханкъст

И в том и в другом источнике шивый названы сособым родом киданей». От наименования этого народа, между прочим, происходит и слово «Китай». О соотнесенности киданей и шивай хорошо сказано в более раннем источнике «Суй шу»: «Шивый одного рода с кидаными. Тех, кто образует южиную часть этих племен, изамвают киданями, а тех, кто северную, шивый». Если следовать сохранившейся китайской историографической традиции, то кидане были одного рода с кумоси, а кумоси, в свою очеледь восхопили к восточным сяньби, к ро-

ду юйвэнь.

В слове шивэй ряд исследователей и, возможно, не без основания видят первое упоминание столь хорошо нам знакомого слова Сибирь. Авторы последних китайских исследований («Юань чао ши») полагают всех шивэй татарами, в эпоху Ляо, т. е. в X — первой четверти XI в. татары-шивэй в китайских источниках именовались цзубу. Племена шивэй, к которым, как мы вилим, принадлежали и моиголы, были родственны киданям, по некоторым сведениям, были просто их северной частью. Поскольку принадлежность языка киданьского к языкам моигольским иынешней изукой не оспаривается, допускается лишь известное влияние тунгусо-маньчжурских языков, то и шивэй мы вправе считать группой племен. хотя бы в массе своей говорившей на монгольских языках. Остается вопрос о локализации древних монголов на основании тех материалов, которые мы имеем и которые были процитированы выше,

В даниом случае решающую роль играет отождествление наименований древних рек и гор с современными. Пожалуй, детальнее всех эту проблему исследовал япоиский проф. Коман Есиаки. По его заключению, озеро Цзюйлуиры это озеро Хулуньы. Хулуны-Нор (пли Далай-Нор) — озеро в восточной Монголин (современная сверная уасть ватономного района Витугренией Монголин КНР), в которое впадает река Керулен. Река Чоху (она же Яньчжихэ) — река Нонин. Река Ванцзии (или Шицзян) — река Амур в верхнем и среднем течении. Река Нахэ — это Сунгари, река Хухань — Хурха (Мухань — Хурха (Мухань) — река можный приток Сунгари). Река Яококэ — ре-

ка Танванх», северный приток Сунгари. Проф. Комая. Еснаки пришел к выводу, что та часть ламене шнявй, которая именовалась монголами, жила по южному беректур реки Амур, западнее соединения Амура и Сунгари и несточиес хребта Малый Хинган. Другой япоиский ученый, проф. Тамура Дэнцизао, также отождествляет озеро Цзойлумь с Далай-Нор. Ванцзян он считает рекой другим и делает вывод, что «монголы в это время жили коченой жизныю в степных районах к югу от реки Аргунь».

Проф. Л. Гамбис на основании этих же материалов пришел к выводу, что «наиболее древние тексты помещают монголов к западу от верхнего течения Нонны, возможно, в северной часты области, расположенной между рекой и озером Кёлён, откуда вытекает Аргунь, составляющая главную часть верхнего Амура, и к югу от этой реки». Таким образом, по миению специальнегов, аревние монголы-жили к югу от среднего течения Амура, между Мальм Хинганом в нижими течением Сунгари, или по южному берегу нижиего течения Аргуни и верхнего течения Амура. Рашида-алдин называет прародниу древних монголов Эргунэ-Кун. Как, когда и почему монголы покнули ее н стали переселяться на запад, на территорию современной Монгольской Народной Респустику

Вероятнее всего причиной были войны, войны внутрение и нападения осседей. Китайские авторы связывают переселение прежде всего с разгромом кыргызами уйгурского каганата. Кстати, они полагают, что именно через уйгуров тюркское название шивэй — «татары» понало в китайский язык. После падения власти уйгурс (середина IX века) и переселения самых уйгуров на запад и на юг, пользуясь тем, что кыргызы не создали прочно политической власти в центре Азии, шивэй (татары) начали засслять «освободившееся место». Известно, что шивэй бизами заткованы киргизами в 847 г. и киданиям между 885 в 887 гг. Если в тюркских текстах (надпись в честь Киоль-тегина) татары упоминаются впервые в 731—732 гг., то в китайских текстах — в годы, близкие к переселенно, в 847 г.

Прежде чем приступить к основному рассказу, мы поведаем о составе монгольских и сопредельных с ними племен, их расселении во второй половине XII века, о быте, обычаях, иравах древних монголов. Итак...

РАССЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ МОНГОЛОВ, БЫТ, ОБЫЧАИ. НРАВЫ

«Когда мы вступили в среду этих варваров, мне, как я выше сказал, показалось, что я вступаю в другой мир»

Г. Рибрик

За рекой Керулен расселение монгольских племен пронсходило в разных направлениях. Тут нам на помощь приходит Рашид-ад-дин со своим поистине бессмертным трудом. Хамаг монголы, род Чингиса и его многочисленные сородичи жили в долинах Онона, Керулена и Толы. Урянхаты*, претендовавшие на участие в расплавлении горы**, заселили северо-восточные области Монголин и Забайкалье. Впоследствин они составили тысячу, охранявшую прах Чингис-хана в Бурхан-Халдуне. Кунгираты, первыми покинувшие Эргуне-Кун без всякого расплавлення горы, поправшие при этом очаги соплеменников и расплатившиеся за это наследственной болезнью ног, были брачными партнерами рода Чингиса. Они имели свою легенду о происхождении, предки их, «трое сыновей появились на свет из золотого сосуда», а «большинство из них брали девушек из рода Чингис-хана, а в его род давалн свонх». Из кунгираток была мать Чингиса Оэлун, первая жена Чингиса Борте также была из кунгиратского племени. Жили кунгираты в восточной Монголни, на границах с киданьским государством. Коман Есиакн предполагал, что в Х в. кунгираты упомянуты в китайских источниках как юйцюелюй. «Это люди высокого роста, с косматыми головами. Старейшины, если волосы у них сильно разрастутся, укладывают их в фнолетовые мешочки. Земля там трудная и холодная, в реках водится крупная рыба, которую очень любят есть кидане. Еще много черных, белых, желтых собольнх шкурок, их хватает на то, чтобы удовлетворить потребности всех государств севера. Это люди очень отважные, и соседние государства не осмеливаются нападать на них»

Монголы-урянхаты, а не полднейшне урянхаты, предки тувинцев, смещение, допущениее В. Чивилихиным, который, узива, что Субетай-баятур был урянхатом, решил, что тот был не монголом, а тувинцем.
 О расплавлении горы читай в главе «Предки Чингис-хана»,

Из племени уряут происходили сподвижники Есугая и самого Чингнса во главе с уже известным нам Мулликом. Сын Мунлика Кокочу, знаменнтый шаман Теб-Тенгий, Виушал Чингиеу нарен мирового господства и дал, ему титул. «Он всегда приходил к Чингнс-хану и говорил: «Вог повелел, чтобы ты был государем мира!» И чингнаханово прозвание ему дал он, сказав при этом: «Повелением бога имя твое таково должно быть»

По реке Селенге и ее притоку Джиде, в пределах Забайкалья жили баяуты, а по реке Онону - тайчнуты, чингисова родня, очевидно, одно из сильнейших монгольских племен. По берегам Керулена жили джаланры числом до 70 тыс. кибиток, «Часть их становищ была в местности Онои». Здесь они в свое время потерпели сильнейшее поражение не то от киданей, не то от чжурчжэней, «в древние времена хитайские войска устронли такую бойню этой части джаланров, что лишь немногне могли убежать». Хитаи перебили все те столь многочисленные племена джаланров вплоть до детей ростом с плеть, а их скарб и скот разграбили»*. Джаланры упоминаются в «Истории династии Ляо» («Ляо ши») как «цзубу-чжала бу», «племя чжала среди цзубу». По оценке авторов «Юань чао ши», они жили к югу от Онона до среднего и верхнего течения Керулена. Эти же авторы считают, что жестокий набег на джаланров совершили кидани где-то между 983-1012 гг.

^{*} Вспоминм этот факт, когда станем говорить о жестокостях Чингиса.

-монгольских племен татары «с глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части (монгольских) племен и областей, выделяясь своим величием и могуществом и полным почетом (от других)». В XII в. первое общее наименование татаро-монгольских племен было татары «из-за их чрезвычайного величия и почетного положения», - писал Рашпд-ад-дин. Он считал (Рашид-ад-дии) все татаро-монгольские племена «племенами тюркскими, которые в настоящее время называются монголами». Итак, при всем различии разрядов и названий все племена назывались татарами. Различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что относили себя к ним и сталн известны под их именем. Вследствие же благоденствия Чингиз-хана и его рода разные тюркские племена (джаланры, татары, онгуты, керенты, найманы, тангуты и пр.) из-за самовосхваления стали называть себя монголами. В древности же они не признавали этого имени. Их теперешине потомки воображают, что они уже издревле относятся к имени монголов, но это не так, нбо в древиости монголы были лишь одиим племенем из всей совокупности тюркских степных племен. Имя татары осталось позднее за теми только тюркскими племенами, которые «вследствие силы и могущества татар» сохранили BWH OTE

Сильным монгольским племенем были меркиты, «часть монгольского племени», «племя... многочисленное», которое имело «чрезвычайно воинственное и сильное войско». Рашид-ад-дин пишет, что меркиты представляли собой «род монголов». Меркиты в форме «мэйлицзи» не раз упоминаются в «Ляо ши». В 1093-1096 гг. киданьский полководец Вотэла ходил в поход на меркитов и разгромил их. Весной 1094 г. меркитский правитель Хулуба просил вернуть ему отнятые киданями земли и преподнес дары. Меркиты жили в инжием течении рек Орхона и Селенги, а также у Бурхан-Халдуна, Авторы «Юань чао ши» считают меркитов одиими из ранних пришельцев и полагают, что этот народ был «с примесью уйгуров». П. Рачневский считает, что часть меркитов после гибели Ляо ушла с Елюй Даши на запад, ибо они были в числе 18 племен, оказавших помощь этому борцу за восстановление власти киданьской линастии.

Самым сильным, по миению авторов «Юань чао ши» среди монгольских племен XI—XII вв. были керенты. Они жили к югу от реки Керулен. Их владения простирались на востоке до Хангайских гор, на западе до нижнего течения рек Толы и Орхона, и до пустыни Гоби на юге. Летние стоянки кереитского хана Тоорила были в Далан-Даба у истоков Орхона и у озера Гусе-Нур, к югу от реки Толы. Зимние по реке Онггии-Гол, в районе г. Арбай-Хэрэ (МНР). Керенты первые из шивэй раньше всех ушли на запад. Несколько столетий они жили с тюрками, поэтому подверглись их влиянию. В 1092, 1100 гг. в «Ляо шн» упоминается восставший против киданей правитель керентов Могусы (Маркус). Улус меркитов имел развитый государственный аппарат, кереиты приняли христианство несторианского толка. П. Рачневский считал, что кереиты особенио усилились после распада монгольского Хамаг монгол улуса во второй половине XII в. Изначально керенты были не монголами, а тюрками (племя кирей в среде киргизов). До изгнания с Иртыша н Алтая они жили среди найманов и киргизов. Керенты отступили на восток под натиском найманов и, вступив в контакт с монголами, быстро монголизировались. Керенты были в давней вражде с найманами и татарами, часть монголов также входила в состав их улуса. Л. Гамбис подчеркивал, что вражду татар против керентов постоянно подогревали чжурчжэни.

Западные области Монголин заселяли найманы. Рашид-ад-дни очень осторожно высказывается об их этнической принадлежности: «их обычаи и привычки были подобны монгольским». Найманы были известны в государствах Ляо и Цзинь под именами иниьбаго и няньбасы. При династии Цзинь они подчниялись Западному Ляо - государству кара-китаев. Центром расселения найманов являлся Алтай. На западе их кочевья располагались до Иртыша, Алая и верховьев Оби, на севере найманы граничили с киргизами (покойный китайский историк Хаи Жулинь считал найманов вообще частью кнргизских племеи), на востоке соседями найманов были керенты, на юге их границы простирались до Черного Иртыша. Авторы «Юань чао ши» полагают, что наймаиы — возможио «часть киргизов, переселнвшихся на юг после династии Таи». П. Рачневский высказывается за то, что «найман» это монгольское наименование тюрков «сэкиз огуз», «восьми огузов». На Алтае они поселились после разгрома Уйгурского каганата киргизами в 840 г. Найманы вытеснили керентов с Иртыша и Алтая на восток и потесиили киргизов на Енисее. Найманы испытали сильное культурное влияние уйгуров. Они, как полагают

специалисты, имели самую развитую государственность среди прочих жителей Алтая и Халхи. Правитель найма-

нов Тукуса упоминается в «Ляо ши» под 1097 г.

Современный монгольский ученый Далай-Чууны отпшет: «К концу XII в. найманы, обитавшие по соседству
с уйгурами и другими тюрками и находившиеся под
влиянием ик культуры, по-видимому, уже давно пользовалиянсь уйгуро-монгольским алфавитом. Однако, на наш
взгляд, пока еще нет оснований соглашаться с выводами
тех исследователей, которые считают, что найманы «быти уйгуро-торокскоги происхождения» или «были монгольским племенем, говорящим на тюркском языке», и
что алфавит, которым они пользовались, был счисто уйтурской письменностью». Найманы, как и керенты, были

христианами-несторианцами.

В Восьмиречье (Секизмурэи) жили ойраты, «ойарат» — «люди лесов». В период юности и возмужания Чингиса они жили между Ангарой и Енисеем. Авторы «Юань чао ши» считают, что четыре главиых ойратских племени еще с глубокой превиости жили в верхием течении реки Енисея, в верховьях современной реки Улуг-Кэм. Любопытно, что если в юаньскую эпоху древние киргизы (сягасы) именуются цзили-цзисы, то местность. в которой проживали ойраты, именовалась шисы пзисы. Эти самые общие сведения о народах Хадхи и Алтая в годы, предшествовавшие объединению Монголии, хотелось бы завершить питатой из «Юань чао ши»: «Таким образом, на Монгольском плато с X по XIII век на восток от хребта Хангай до Большого Хингана образовалась территория, заселенная моиголоязычными племенами. Однако переселившиеся на запад монголоязычные племена, несомненио, в той или иной степени включили в свой состав оставшиеся на данной территории тюркоязычные племена, что сильно повлияло на собственно монгольский язык, обычаи, хозяйство и произвело у монголов большие изменения».

Такого рода выводы получили признание в науке за последние пятнаддать-даядцать лет. Однако они не приняты, кажется, еще наукой МНР. Из разиоплеменности наесления первого монгольского государства делаются крайние заключения. Так В. Чивилихии в споем романезесе писал: «И нашествия на Русь в XIII веке собственно монголов или собственно татар не было, и наши предик скрестили мечи с разиошесствим войском, полобияй ми скрестили мечи с разиошествим войском, полобияй этинческий состав коего пикто и никогда в точности не установит». Войско действительно было разношерствым, но его руководителями, цементирующим его составом были монголы, если угодно монголо-татары, монголо-язычный иарод, о прошлом которого в X—XII в. мы только что пытались рассказать.

Описание монголов в эпоху Ляо мы находим в источнике от 1180 г. «Шилань го чжи» Е. Луили. «Прямо на севере земли киданей доходят до владения Мэнгули. В этом владении нет правителя, который бы управлял народом. Население не занимается земледелием, основным занятнем является охота. Люди не живут постоянно на одном месте, а кочуют в каждый из четырех сезонов года в понсках хорошей травы и воды. Пищей служат только мясо н кумыс. С киданями не воюют, а лишь торгуют с инми изделиями из шкур и шерсти крупного рогатого скота, овец, верблюдов и лошадей». Быстрое развитне и успехи монголов в XII в. китайские авторы не прочь были приписать себе. В данном случае характерен следующий текст: «С годов правления Тянь-изюань (1138-1140 г.) монголы началн возмущаться. Главнокомандующий войсками Цзуи Би несколько раз полоял высылал против них войска, но эти войска не смогли их покорить. Тогда он разделил войска, которые заняли и стали удерживать стратегически наиболее важные пункты. С другой стороны, нм были сделаны щедрые подкупы. Их государство (государь) также назывался изуюань хуандн — «император — основоположинк династии». Иногда онн устраивалн на граннцах беспорядки, И если им дарили юношей и девушек, яшму и парчу, то враги, вспомнив о своих домашинх делах, возвращали войска обратно. Монгол назвался нмператором. И поскольку они нападали на государство Цзинь, они захватывали китайских и кнданьских детей и женщии и делали этих (женщин) своими женами и наложницами. С этих пор родившнеся (от таких браков и связей) дети уже совершенно не походили на монгол. Итак, (монголы), постепенно стали есть вареную пищу, а когда прибывали ко двору, то именовали свое государство Да Мэнгу го — Государство Великих Монгол». В данном случае в достаточно раннем изложенин мы сталкиваемся с китайской идеей о роди смешанных браков в акультурации и ассимиляции иноплеменников.

Сведения о жизин монголов в XII в. и ранее очень ограничены. Но если нам не удается заглянуть по-настояшему в XII век, лавайте посмотрим на жизнь монголов первой половины XIII в. глазами их современников: даосского монаха Чан Чуня, у которого Чингис пытался заручиться рецептом бессмертия; сунских дипломатов Чжао Хуна, Пэн Дая, Сюй Тина и Чжан Дэ-хоя; посланца папы Иннокентия IV францискианского монаха, итальянца Плано Карпини; другого монаха минорита, фламандца Гильома Рубрука, посланного к монголам французским королем Людовнком IX; перса Ата-Малика Джувэйни, приехавшего в столицу монголов со своим отцом на выборы нового хана; наконец, знаменитого венецнанца Марко Поло. Все эти люди, посетившие Монголню,— Чан Чунь в 1220—1224 гг., Чжао Хун в 1221 г., Пэн Дая в 1233 г., Сюй Тин в 1235—1236 гг., Плано Карпини в 1246—1247 гг., Чжан Дэхой— в 1248 г., Ги-льом Рубрук в 1253—1255 гг., Ата-Малик Джувэйни с 1251 г. и Марко Поло с 1274 г. — описали Монголню в период ее могущества и расцвета, и тем не менее только они н те их современники, которые описывали монголов с чужих слов или увидели их как завоевателей, о некоторых из них мы тоже упомянем, увидели и ее обитателей во многом и такой, какой она была в юные годы Темучжина. Для всех них, китайского даоса и китайских дипломатов, европейских монахов и венецианского купца, сына персидского царедворца из Хорасана, это был новый мир. «народ безвестный и чужой». Они стремились поведать о нем своему миру, каждый по своему, но одинаково убеждая «верить тому, что мы пишем для вашей пользы и предосторожности, вы должны верить тем безопаснее, что мы или сами видели все своими глазами, странствуя одинаково у них и вместе с ними... или пробыв в их среде» (Плано Карпини).

Монголін поражала воображенне приехавших в страну чужеземцев. «Куда бы взор ни достигал,— писал Чан Чунь,— не видно конца горам и рекам; ветер и туман беспрерывны, и реки вечно текут. Для чего Творец, образув вселенную, в этих странах повелел людям пасти

коней и коров?»

«Домом татар и местом их происхождения и рождеп-писал Джувэйни,— является гигантская долгна, размеры которой составляют семь или восемь месяцев пути как в длину, так и в ширину. На востоке она граничит с землей Китая, на западе — со страной уйгуров, на севере — с кыргызами и рекой Селенгой и на юге — с

тангутами и тибетцами».

Соседи разделяли монголов на лесных и степных. Севериые районы распространения монгольских племеи: Восточные Саяны, хребет Таниу-Ола и Южный Алтай заселяли так называемые лесные племена. Занимались они охотой и рыболовством, жили в легких шалашах из коры березы и других деревьев, приручали диких животных, в особенности марала-изюбря и косулю, мясом и молоком которых питались. На марал-изюбрей вьючили они и свой нехитрый скарб, когда, блуждая по лесам, перебирались с места на место. Использовали они также и лошадей. Зимой охотились и передвигались по лесу на лыжах. Олежды шили из шкур животных. Особенно много били они соболей и белок, мехом которых славились их края. «Лесиыми» по образу жизии и способу ведения хозяйства были и многие монголы северных районов Монголии, пока не перешли на кочевое хозяйство. В юные годы Темучжина верховья Онона, Керулена и Толы представляли собой еще лесистую гориую местность. Но уже в это время лесные племена жили в далеких северных районах и не играли сколько-нибудь существенной роли в бурных событиях второй половины XII века. Эти события назревали и развивались в общирных степях, где жили степные племена, основная масса татаро-монгольских племен, занимавшихся кочевым скотоводческим хозяйством.

Китайцы делили татаро-монголов на белых, черных и диких. Белые татары (онгуты) кочевали вдоль Великой китайской степены, они были белыми потому, что в наибольшей степены восприняли достижения китайской цивилизации. Черные татаро-монголы жили в глубинных районах Монголии. Чжаю Хун писал: «Так называемые дикие татары весьма бедивы, да еще примитивным, не обладают инкакими способиостями. Они только и знают, что скакать на лошадях вслед за всеми другимы», «Ны-нешний император Чингис, а также все его полководцы, министры и сановники являются черными татарами».

Путешественников, особенно европейцев, поражал выешини болик монголов, «Внешиний вид лиц.,—писал Плано Карпини,— отличается от всех других людей. Именно между глазами и между пцеками они шире, чеу других людей, цеки же очень выдаются от скул, нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие, и ресинци приподияты до бровей. В поясе они, в общем тонки, за

исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почтн вырастает маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на подбородке есть небольшие волосы, которые они отнюдь не стригут... Из... волос они составляют две косы и завязывают нх каждую за ухом. Ноги у них тоже небольшие». Альберик (умер 1241 г.) сообщал: «...голова у них большая, шея короткая, весьма широкая грудь, большие руки, маленькие ноги, и сила у них удивительная. У них нет веры, они ничего не боятся, ни во что не верят, ничему не поклоняются, а король нх называется королем всех королей». Армянский автор сообщал: «Онн были широкоплечне, с мускулнстыми руками, большеголовые, с гладкими и взъерошенными волосами, узкоглазые, широколобые, плосконосые и редкобородые. Их отношение к людям было беспощаднее, чем у зверей, а нх настоящее нмя было хара-татар».

«Татары,— писал Чжао Хун,— в большинстве случаев не очень высоки ростом. Самые высокие не превышают пяти чи и двух-грех цунев. Среды них нет таких полных и толстых. Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая. Внешность довольно некрасная». Рост монглов, таким образом,

Чжао Хун определнл примерно в 162-165 см.

Стонт отдельно сказать о мужской прическе древних монголов. «Бреют голову, оставляя трн чуба... когда передний немного отрастает, его подстригают, а два боковых связывают в маленькие пучки и спускают на плечи» (Чжао Хун). Чань Чунь писал: «Мужчины связывают волосы и свешивают до ушей». Другой китайский источник сообщал: «Сбривают круг на самой макушке. Остающнеся спереди волосы коротко подстрижены и свисают в беспорядке, но волосы по обе стороны (головы) отделяют и связывают в два узла. (Они) свисают до одежды слева и справа... Некоторые соединяют и заплетают (волосы) в одну косу и она прямо свисает сзадн поверх одежды». В «Корё са» (История корейского государства Корё) прическа монголов описана так: «У монголов обычай сбривать макушку до лба. Вид их волос как оставленные (клочья) волос. Средний из инх называется цечоуэр», Н. Ц. Мункуев, сообщая, что волосы, свисающие на лоб, назывались кегюль, а пучки с двух сторон головы шибильгер, полагает, что такой тип прически, которую носили древние монголы-мужчины, идет от «обнтателей древней Сибири». Между тем, это не совсем так. Может быть, какие-иибудь народы Сибири и носили такую прическу, особенно в послекиданьское время, но монголы свою прическу получили явно от киданей. Хорошо известио, что именно эту прическу, именовавшуюся по-китайски «туфа» — бритая верхняя часть головы и затылок, оставленные челка и две косицы по бокам, часто с висков, носили кидани. Имеется немало изображений кнланей с такой прической, особенно из гробинц киданьских императоров, т. е. изображений из первых рук, выполненных, кстати, в цвете. Этот же тип прически был заимствоваи от киданей таигутами Си Ся и ввелен в 1036 г. тангутским императором Юань-хао как тип прически государственный. Мы можем уверенно сказать, что и монголы заимствовали прическу от киданей. Ее модификации с косой это уже чжурчжэньское влияние, ибо косу носили мужчины чжурчжэни, позже их потомки маньчжуры, а уже по приказу маньчжуров при династии Цин и все китайцы. Единообразие прически имело государственное значение, ее ношение означало подчинение и лояльность властям, если монголы не носили туфа до объединения Монголии, то можио почти уверенио считать, что туфа была введена Чингис-ханом как акт унификации, акт подчинения и объединения страны.

Чань Чунь, одним из первых посетивший Монголию, изложил свои впечатления от знакомства с ней и в путевом дневнике: «Обитателей весьма много; все они [...] живут в черных телегах и белых юртах. Обычное занятие их - скотоводство и звероловство. Одеваются в кожаное и меховое платье, питаются мясом и молоком. Жители переходят с места на место, смотря по тому, где есть вода и трава для пастбища». «Вообще монголы, - писал несколько поздиее Чжан Хуи Дэхой, - с иаступлением лета кочуют по высоким и прохладным местам, а к зиме перекочевывают в места более теплые, открытые в полдень, где легко можно доставать топливо и воду. По прошествии этих периодов они переходят с одного места на другое; сегодня идут, завтра стоят, останавливаясь там, где есть трава и вода. Таковы потребности и обычаи страны», «Земли изобилуют водой и травой и благоприятиы для овец и лошалей. Это является их средством к существованию» (Чжао Хун). Дальность перекочевок определялась условиями местности и величиной стал. Сена на зиму монголы, как правило, не запасали, а старались жить в местах не очень заснеженных, где скот мог добывать себе корм — сухую

траву на корию.

Жилищем монголам служили юрты, разборные или установленные на телегах. Плано Карпини так описывает монгольскую юрту: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же, в середине ставки, имеется круглое окно, оттуда падает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны тоже из войлока». По сведениям Чан Чуня, деревянный каркас юрты нзготовлялся обычно из ивы. «Дома на колесах» — юрты, поставленные на телеги, хорошо описаны Г. Рубруком: «Дом, в котором они спят, они ставят на колесах нз плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящнеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее онн покрывают белым войлоком, чаще пропитывают войлок также известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а нногда также они берут черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вещают войлок разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину [...] Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величнной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков». Марко Поло сообщает, что такне юрты на телегах хорошо укрывали монголов от непогоды: «Телеги у них покрыты черным войлоком, да так хорошо, что хоть бы целый день шел дождь, вода ничего не подмочит в телеге; впрягают в них волов и верблюдов н перевозят жен и детей». Разбирать н снова ставить юрты, не укрепленные постоянно на телегах, было обязанностью женщин. Каждый раз на новом месте юрты устанавливали так, что вход их всегда был обращен на юг. При перекочевках повозки передвигались по пять в одном ряду. Древние монгольские юрты несколько отличались от современных, а колесные телеги с юртами в наши дни монголы не используют совсем. Старый тип юрты с шейкой в современной Монголин не сохранился, но им пользуются моиголы Афганистана — хазарейцы. Юрта сшейкой была и в Ордосе, в Эджен-Хоро на месте смерти Чингис-хана, где были сооружены его войлочные портовые усыпальницы. Л. Л. Викторова видит отличие тюрккой юрты от монгольской в том, что кровля тюркской формы, к полособразива, а у монгольской — конической формы, и в том, что тюрки ставили юрты входом на восток, а монголы — на юг. Последнее отличие не может быть признано абсолютным, нбо древне монголы имели два вида ориентации — на восток и на юг. Соответственно правая рука у них могла означать и юг и запад, а левя — и север и восток и

На стоянках монголы располагались куренями (кольцом). В центре кольца находилась юрта главы данного кочевого сообщества. Курсиь обеспечивал надежную защиту от внезапных нападений врага. Однако владельцам больших стад часто было выгодно пасти свои стада и кочевать отдельно, на лучших пастбищах. Поэтому имел место и такой способ перекочевок и выпаса скота, когда состоятельный владелен стада жил и кочевал вместе с куренем, с членами которого он был связан зачастую отношеннями подлинного или мнимого, так называемого «вторичного» родства, но свой скот пас отдельно, своей семьей, андом. По мнению акад. Б. Я. Владимирцова «соединение курениого хозяйства с анлыным представлялось, по-видимому, монголам XI—XIII вв. самым идеальным». Выделение анла знаменовало собой разложение куреия. Позднее с образованием единого монгольского государства куренной способ кочевания исчезает. По тангутским законам, современным эпохе юности Чингисхана, кочевник не имел права самовольно покилать тот коллектив и то хозяйство, к которому он был приписан, если он покинул свой коллектив и, став в одиночку беззащитным, был ограблен, то нес за это уголовную ответственность. Курень надолго оставался у монголов как способ размещения войск на стоянках и ночлегах, кольпо телег создавало надежную зашиту от виезапного нападення врага.

Летние и знимие пастбища каждого из монгольских влемен, а внутри племени, рода, куреня, были точно определены. Если скот был собственностью анила (семьи), то пастбища находились в коллективном пользовании. Право собственности коллективн ан пастбища выражалось в существовании всем известных границ пастбищ в праве регулнрования правителями племения и куреней порядка перекочевок аилов, связанных или несвя-

занных кровным родством.

Монголы разводили коней, коров и быков, овец, коз, в меньшем числе верблюдов. Кажущееся или действительное обилие скота у кочевников поражало современников, «Они очень богаты скотом; верблюдами, быками, овцами, коровами и лошадъми, писал Плано Карпини. - Вьючного скота у них такое огромное количество. какого, по нашему мнению, нет в целом мире», «Тот, кто имеет одну лошадь, -- сообщал Чжао Хун, -- обязательно имеет шесть-семь баранов, так что тот, у кого сто лошадей, обязательно имеет отару в шестьсот-семьсот овец». «Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины. иногда женщины» (Г. Рубрук). «Всякий старшина, дополняет эти сведения Марко Поло, — или у кого много скота, метит своим знаком жеребцов и кобыл, верблюдов, быков н коров и всякий крупный скот; с меткой пускает их пастись без всякой стражи в равинны и в горы; если скотина смешается, отдают ее тому, чья метка; овец, баранов, козлов пасут людн. Скот у них крупный, жирный, славный». Клеймо (тамга), поставленное на животном, являлось знаком, свидетельством права собственности на него.

Современников особенно восхищали своей вынослидаем монгольские лошади. «Лошадей.— писал Чжао Хун.— "на первом или втором голуживние монгольские лошади. «Затем растят в течение трех лет и после этого снова объезжают вх.». Кони не ржут, не убетают. «В течение дня их и кормят сеном. Только на почь отпускают их на пастбище [...] На рассвете седлают их н едут [...] Всякий раз, когда татары выступают в поход, каждый человек имеет несколько лошадей. Он едет на них поочередно, сменяя их каждый день. Поэтому лошади не изирувнотся». Как говорнаи древнее монголы, «если не постветать на лука, то больше нечем и развлечься». Для верховой езды монголы чаще всего использовати моцно.

Вторым по важности после скоговодства занятнем монголов была скога. Монгол древней эпохи был, по меткому определенню Б. Я. Владимириова, «кочевникомокотником». Окота была н одним из средств существа вания и корошей школої воннского мастерства, «Татары родятся и вырастают в седле. Сами собой они выучивают-яс сражаться. С весны до зимы они наждый день гонят-

ся н охотятся. Это и есть их средство к существованию. Поэтому у них нет пеших солдат, н все - конные вониы». Помимо обычной индивидуальной охоты часто устранвались охоты облавные, в которых принимали участие многне анлы и куренн. «Их обычай — стрельба из лука н охота. Когда их правитель устранвает облавную охоту, всегда непременно собираются большие массы людей. Они выкапывают ямы и втыкают в инх колья. Последние соединяются между собой волосьными веревками, а к веревкам привязываются лоскуты войлока и птичьи перья [...] Веревки тянутся кругом на 100-200 ли (50-100 км). Так как на ветру колышутся перья н лоскутки войлока, то перепуганные звери не осмеливаются перебегать. После этого люди окружают огромный участок: постепенно прижимая зверей к середине круга, ловят и бьют их» (Пэн Дая, Сюй Тин).

Хорошо известию, что чистого коченичества практически не существовало. Монголам в ограниченной мере было знякомо и земледелие. «В их государстве также в ляух-трек местах родится клейкое черное просо. Они варят из него кашицу». Китайские комментаторы этого пассажа из сочинения Чжао Хуна приводили сведения других источников о родственных монголам народах, которые «варят кашицу из проса в котлах с плоским лиом и пьют, разбавляя ее холодной водоб». Скот и охотинчых побыча подил, коомыли, обували и одевали древнего

монгола, «кочевника и охотника».

В монтольской семье «мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздечки и делают седла,
строят дома в повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, т. е. кобылье молоко, делают
мешки, в которых его сохраняют охраняют также верблюдов и выочат их», а «обязанности женщин состоят в
том, чтобы править повозками, ставить на них жилища
и синмать их, доить коров, делать масло и гурт (сухое
молоко), приготовлять шкуры и сшивать их, а сшивают
их они ниткой из жил» (Т. Рубрук) (Т. Рубрук)

«В поход отправляются, взяїв с собой жен и детей. Онн сами говорят, что женщины нужны, чтобы заботиться о таки делах, как поклажа, платъе, денъти н веци. У или мсключительно женщины натягнвают и устанавливают войлючные палатки, принимают и разтружают верховых лошадей, повозки, выоки и другие вещи. Они очень способны к верховой езде» (Чжаю Хуи).

Все исследователи древнемонгольского общества под-

черкивают высокое и самостоятельное положение моигольских женшин.

Из шкур животных монголы шили себе олежду: рубашки, кожаные штаны, шубы. По словам Г. Рубрука, «богатые... подшивают себе платье шелковыми охлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Белные подшивают платье полотном, хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более грубой». Но данные сведення, по-видимому, отражают уже более поздние времена, когда у монголов после завоевательных походов появилось немало тканей. Ближе всего к древней, очевидно, была зимияя одежда монголов. «Зимою они,— сообщает Г. Рубрук,— всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, а другую, волос которой находится наружу к ветру и снегам. Эти шубы сшиты по большей части из шкур волчьих и лисьих... Бедные приготовляют верхние шубы из шкур собачьих и козьих». Древние монголы не стирали одежду, -- «так как бог тогда гневается и что будет гром если их (одежды — Е. К.) повесить сушить» (Г. Рубрук). Накидки и шапки против дождя монголы делали из войлока. По реконструкции специалистов-этнографов, основной одеждой древних монголов был халат без плечевого шва, с запахом на правую сторону. Древине народы Центральной Азии различались на монголов и тунгусо-маньчжурские народы, с правосторонним запахом и тюркские народы с левосторонним запахом верхней одежды. Халат перепоясывался мягким поясом. Пэн Дая в 1233 году так описывал одежду монголов: «У них верхнего платья пола запахивается направо, а борт квадратный. Раньше опо шилось из грубого сукна и кожи, а теперь из полотна, шелка. Цвет выбирается красный, фиолетовый, пурпурный и зеленый. Рисунки на тканях - изображения солица, луны, дракона н феннкса». «Кроме того, татары скручивают полоску красного и фиолетового шелка и перевязывают платье поперек по талин. Эту полоску шелка называют поясом».

К числу богатых женских одежд относился халат с большими рукавами и длинными полами, одежда скорее парадная, чем обычная. По сведениям Чжао Хуна, «у женщин еще бывает халат с большими рукавами, как китайская шуба на птичьем пуху, широкий и длинный волочится полами по земле. Когда женщина идет, то две рабыни подпеживают шлейф».

Мужчины и женщины носыли одинакового покроя сапоги, отличавшиеся лишь размером и украшением. Монгольский сапог был приспособлен к верховой езде. Голенище сапога было одинаковым по размеру в верхней и инжией части, кроилось из двух кусков, из двух кусков кроились и союзки, которые наглухо пришивались к голеницу. Все это крепилось на тольстую подошву с войлочной прокладкой, жесткий носок сапога был загнут вверх.

Меньше ясности с головным убором. Замужние женщины носили специальный головной убор богтаг. Высокий каркас шапки изготовлялся из проволоки. Его «украшали темнокоричневыми узорчатыми вышивками или жемчугом и золотом. Сверху на ней (шапке богтаг — Е. К.) еще имеется торчащая вертикально палочка. Ее украшают темно-коричневым сукном» (Чжао Хун). «Замужние женщины, — сообщал Чан Чунь, — надевают на голову бересту фута в две вышины и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой, а богатые женщины - красной сырцовой тафтой; хвосты этих шапок похожи видом на гуся или утку, а называются гугу (богтаг — Е. К.); они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входят в юрты или выходят из них, нагнувшись вниз и задом», Л. Л. Викторова, исследуя в Халхин-гол сумуне изваяния из серого гранита, которые она датирует XIII-XIV веками, полагает, что парадная мужская шапка представляла собой «шляпу с небольшими полями, чуть опущенными книзу, и круглой тульей. Сзади к макушке на шляпе прикреплялись полоски шелка, которые свисали на спину».

Пителись древние монголы в основном мясом и куммсом. «Мясо они жарят на огне в девяти случаях из десяти, а в двух-рех случаях из десяти, а в двух-рех случаях из десяти варят его в чане о трех вогах» (Пэн Дая, Сюй Тян). «Кобылье молоко, если оно у них есть, оно верблюжье молоко. [...] Зимою у них есть, оно верблюжье молоко. [...] Зимою у них ета даже и кобыльего молока, если они не богаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашку или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и опыот мясяую похлебух. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока «обычко молока от одной кобылы достаточно кобыльего молока «обычко молока от одной кобылы достаточно кобыльего молока «обычко молока от одной кобылы достаточно для насъщения трех человек» (Чжао Хуя),

они редко едят мясо, если им случайно не подарят его или они не поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу» (Плано Карпини), «И они также довольно выносливы: голодая день или два и вовсе инчего не вкушая. они не выражают какого-либо нетерпения» (Плано Карпини), «Когда при выездах в карательный поход в Срединное государство татары съедают в пути всех овец, то они стреляют зайцев, оленей и ликих кабанов для пропитания» (Чжао Хун), а «случается надобность, так скачут, скажу вам, дней десять без пиши, не разводя огня, и питаются кровью своих коней; проткиет жилу коня да и пьет кровь» (Марко Поло). Разделить трапезу с путником считалось у монголов делом естественным, «Встретив обед, они (т. е. проезжие монголы — Е. К.) без церемоний салятся вместе с хозяевами». — пишет Чан UVHb*

Возможно, уже в глубокой древности сложилась цветовая символика классификации пиши. Существовала пиша белая — молоко и молочные продукты, желтая -масло, красная — мясо и пролукты из мяса, зеленая ликорастушие коренья и травы (лук. ревень и т. п.). черная — мясной бульон, вола, позже чай без молока,

Кровь животного считалась обиталишем его души, При забое скота старались не проливать кровь. Для этого делали разрез под грудиной животного, например, барана, затем, просунув в разрез руку, обрывали согнутым указательным пальцем сонную артерню. Если кровь животного не была пролнта, то предполагалось, что животное спит. «А раз животное спит, оно временно перешло в тот, невидимый, но вполне реальный мир, а потом может снова возродиться в своих потомках и убыли в стаде не

произойдет» (Л. Л. Викторова).

Из молока делали водку. Пьянство не считалось пороком, наоборот, пьяный гость только радовал хозяина, «По обычаю татар на пиру хозяни держит в руках блюдо и чарку и уговаривает гостя пить и есть. Если гость, который пьет, оставит хоть каплю, то хозяни ин в коем случае не берет обратно чарку. Когда видят, что человек выпил внио до конца, то бывают рады», «Всякий раз, когда они пьют вино, они прежде всего совершают возлияние», «Всякий раз, когда татары видят, что чужеземный гость, напившись, шумит, нарушает этикет, либо его рвет или он усиул, они бывают очень довольны

^{*} Обычай, который стоил жизни отцу Темучжина Есугаю.

и говорят: «Раз гость напился, то значит он с нами душа в душу». Чжао Хун, выдержки из сочинения которого мы привели выше, сам был жертвой монгольского гостепринмства — Мухали оштрафовал его щестью чарками вина за неявку на нгру в конное поло — «к коицу дня ваш посол неизбежно сильно пьянел и тем кончил». В ходу было и взаимное потчевание — пирующие обменива-лись чарками. По сведениям Рашил-ал-лина. Чингис-хан был озабочен ограничением пьянства у своих подданных, он постановил, что «если уже нет средств против питья, то человеку нужно напиться три раза в месяц. Как только он перейдет за три раза — совершит наказуемый проступок. Если же в течение месяца он напьется только дважды - это лучше, если один раз - еще похвальнее, если же он совсем не будет пить, что может быть лучше этого? Но где же найти такого человека, который совсем бы не пил?». Общепризнанно, что сын Чингиса и его прееминк на престоле Угэдей был алкоголнком.

Европейцам некоторые способы прнема пищи монголами казались негигненичными, «Никогда не моют они блюд, — пнсал Г. Рубрук, — мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел». Совершенио необычными для них были и некоторые виды пищи, например, кумыс. Тот же Г. Рубрук ие только подробно описал способ приготовления кумыса, но и те чувства, которые он испытал, впервые отведав его: «В тот вечер служитель, который провожал нас, дал нам выпить кумысу; при первом глотке я весь облился потом вследствне страха и новизны, потому что никогда не пил его. Однако он показался мне очень вкусным, как это и есть на самом деле». Г. Рубрук, очень обстоятельный информатор, -- отметил, что на пирах соблюдался определенный порядок угощення: «Прежде чем поставить мясо барана гостям, господин сам берет, что ему нравится, а также если он даст кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежнт унести с собою или отдать своему служителю».

В знак приветствия при встрече монголы обнимали друг друга. Чжао Хун считал иравы монголов простыми. Монголы «презирают дряхлость и любят сняу», «в их обычае нет взаимых драк и ссор», «они находят радость в питье и пиршестве», «по обычаю татары в большинстве случаев не моют рук, и они хватают рыбу или мясо

грязными руками. Когда на руках появляется жир, они вытирают их об одежду. Они не снимают и не стирают одежду до тех пор, пока не износителя (Чжао Хун). По заметкам тех же современников, древние монголы были акаленными, сильными, честными людьми, которые, «давши слово, не изменяли ему» (Чан Чуны), и которые, чен подымут на дороге угерянных чужих вещей» (Пэи Дая, Сюй Тин). Счет времени они вели, сообразуясьс явлениями окружающей природы: «Когда зазеленеет грава, то считалось, что прошел целый год, а когда впервые появляется новый месяц, то считалось, что прошел месяця (Пэн Пая, Сой Тин).

Если монгола спрашивали, сколько ему лет, он отвечал, что столько, сколько в его жизни было весен, сколь-

ко раз заново молодой травой зеленела степь.

Чжао Хун рассказывал: «Отсчитывают один год, когда зеленеют травы», «когда у них люди спрашивают возраст, то онн говорят: «Столько-то трав». Я, Хун, так же часто спрашивал у них дни и месяцы их рождения. Они смеялись и отвечали мне: «Мы никогла не знали этого». Они даже не могли вспоминть, было это весной нли осенью. Каждый раз, когда онн видят, что луна округлилась, они отсчитывают один месяц. Только когда они замечают, что появление зеленой травы залерживается, они понимают, что в этом году имеется добавочный (тринадцатый) месяц». Месяц древине монголы делили на три декады: новолуние, полнолуние и старость месяца. В летоисчислении они пользовались традиционным для Центральной Азин двенадцатилетним циклом, в котором каждый год звался именем животного: мыши, быка, тигра, зайца, дракона, змен, коня, овиы, обезьяны, курицы, собаки и свиньи.

Древние монголы не знали письменности. По свидетельству Чан Чуня, и в годы его посещения Монголин они «договариваются только на словах и заключают контракты вырезыванием меток на дереве». «Суд творит вот так: «Кго украдет хотя бы и немного — тому за это семь палочных ударов, или семнадцать, или двадцать семи двит гридцать семы, или срою семь и так доходят до трехсот семи, увеличивая до десяти, смотря по тому, как украдено. От этих ударов многие помирают. Кто украдет коня или что-либо другое — тому за это смерть; мечом разрубят его, а кто может дать выкуп, заплатять против украденного в десять раз, того не убивают» (Марко Поло). «О свадьбах их знайте, что никто не имеет там жень, если не купит ее» (Г. Рубрук). «А женятся они вот как: всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотию, койи сможет их содержать». «Приданое отдают матери жены, а жена муж инчего не приносит. Первую жену они, знайте, почитают за старшую и самую милую» (Марко Поло). Богатые скотоводы устраивали плиниме свадьбы. Такую свадьбу видел Чан Чунь: «Старшимы окрестимых осечвьев, в окружности на 500 ли (т. с. 250 км) приехали с кобыльим молоком для вспоможения. Черные телеги не войлочные юрты столягь рядами в числе нескольких тысяч». Женщины украшали себя, смазывая лоб желтыми белидами».

«Ни одна вдова не выходит у них замуж на том основании, что они веруют, что все, что служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что всегда вернется после смерти к первому мужу. От этого среди них встречается обычай, именно, что сыи берет иногда всех жен своего отца за исключением матери. Именно двор отца и матери достается всегда маждшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским двором, и тогда при желании он пользуется ями как женами, так как он не признает, что ему причиняется обида, если жена по смерти вернется к отцу» (Г. Рубрук), «С чужой женой и из а что не ляут и сучитают это

за дело нехорошее и подлое» (Марко Поло).

Как мы видели на примере Темучжина, брачные контракты заключались родителями часто тогда, когда будущие супруги были еще малолетними детьми. Безбрачие, по-видимому, считалось недопустимым и позорным. Во всяком случае, один описанный Марко Поло обычай свидетельствует о том, что родители стремились добиться заключения брачных контрактов даже для умерших детей: «Если у двух людей помрут, у одного сыи лет четырех или около того, а у другого дочь, они их женят; мертвую девку дают в жены мертвому парню, потом пишут уговор и сжигают его, а когда дым поднимается в воздух, говорят, что уговор поиесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену. Играют свадьбу, разбрасывают еду там и сям и говорят, что это детям на тот свет [...] а кончат все это, почитают себя за родных и родство блюдут так же, как бы их дети были живыми». Весной монголы поминали усопших, забивали лошадь,

Decide monitorial nominating feetiming, such basin stolle

мясо делили между членами семьи, рода в зависимости от близости родства, икуру лошади вешали на шест возле места погребения предков. При жертвоприношении старейший в роде в белых одеждах и на белой лошади исполнял чвеликое песнопение», гими предкам и обращение к инм. Родовые кладбища были в уединениых местак, часто под горой, скалой. Когда скоичался в военачальник Хуиллар, Чингис-хан повелел похоронить его в местности Халха под нависшей скалой.

«В их обычае больше всего чтить Небо и Землю, По каждому делу они непременно упоминают Небо» (Чжао Хуи). Кроме «Вечного синего Неба» — Тэнгри и богини земли Этуген, почитался также дух Огня - Ут. Изображения божков-онгонов имелись в каждой юрте. Описание их сохранилось в труде Марко Поло: «А вера у них вот какая: есть у них бог, зовут они его Начигай и говорят, что то бог земной; бережет он их сынов и их скот да хлеб. Почитают его и молятся ему много: у каждого он в доме. Выделывают его из войлока и сукна и держат по своим домам; делают они еще жену того бога и сынов. Жену ставят по его левую сторону, а сынов перед ним; и им тоже молятся. Во время еды возьмут да номажут жириым куском рот богу, жене и сынам, а сок выливают потом за домовою дверью и говорят, проделав это, что бог со своими поел, и начинают сами есть и пить».

По мнению одного из комментаторов «Книги Марко Поло Б. Пола название божеств «начигай» имест аналогию в бурятском «нугайт», «ногот», слове, обозначающем, как «опгот» у тунгусов инзшие божества, Из сонма этих божеств монголы еще выдаляли особо «заягчи», хранителя судьбы и божество, приносящее счастье, и эметелджи», охранителя стад, изображение которого делагось из шкуры барана и ставилось у дверей юрты. Огромное значение имел воинский культ знамени, намени приносили жертвы, в эпоху Чингис-хана, возможно,— и

человеческие жертвы.

С верованиями в духов были связаны многие поверья и гадания драевих монголов. Гадали на бараныей допат-ке. Ее жгли на огне, потом били железным молотком. На допатке образовавались трещины, разглядывая эти трещины и гадали. «Что касается их гадания, то они обжитают бараныю лопатку и определяют счастье или несчастье, смотря по тому, проходят ли трещины по ней по направлению туда или обратно. Этим гаданием решается всес—откажет ли Небо в желаемом или даст его» (Пэв

Дая, Сой Тин). Известно, что Чингис-хви лично галал, сжигля баравью бедреную кость. «Когда кто-инбудьзанедужит,— сообщал Г. Рубрук,— он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный и
чтобы никто не входил... Именно они опасаются, чтобы
е входящим не явился лой дук или ветер». Наверное,
это было и так, но главное, особый знак у юрты больнюст должен был предотвращать распространенне болезни. Старое монгольское общество практиковало целый
ряд запретов, связанных с верой в духов: запрещалось
купаться в реке, черпать воду золотой и серебряной посудой, резать скот, перерезая ему горло, ступать ногой
на порог жилища, нзавлекать мясо из котла ножом, бить
лошадь узодой, осквервиять отоны и т.д, и т. п.

Определенную трудность представляет собой определение уровня социального развития монгольских племен XII в. В решении этого вопроса пока нет единства, но постепенно возобладает представление о том, что это общество не было первобытно-общинным, родоплеменным, обществом «военной демократии» и т. д. Современные монгольские историки из КНР Иличжэнь и Намуюнь считают монгольское общество середины века (времен Хабул-хана) — обществом классовым. В последнем издании истории МНР написано, что «кочевое скотоводческое общество монгольских племен в конце XII в. вступило в стадию развития феодального способа производства», «Обок» уже не рассматривается как род, а трактуется как «фамилия» («синши»), под господством которой находились несколько родственных семей (Намуюнь). Это не простая группа родственников по линии отца, а «нерархическое образование, состоявшее из нескольких социальных групп» (Сяо Циции). Действительно, «Тайная история» начинает свою повесть с эпохи Алан-Гоа. Это явный период распада первобытнообщинного строя, время «взаимных пререканий и ссор» из-за пользования звероловными угодьями, развала старых родоплеменных форм и отпочкования новых обок*, Татарское общество той эпохи знает уже социальное неравенство, продажу людей в кабалу, в услужение. Распад ста-

Родители Алан-Гоа перекочевля к Вурдан-Халдуну им местности Арма-Усун в Хори-Гуматские возали по 106 спрачице, то на родине, в Хори-Гуматской земле, шля взаимиме прережания и сооры из-за пользования земроловими угольмии. Отся Дале-Гоа Хорилартай-Мерген и решил поэтому «выделиться в отдельный родобок, под извазинем Хомилар.

рых обок вызывал недоверие людей друг к другу*. В монгольском обществе XII в. имелись богатые (баяя) и бедные (даягу хувчу). Класс лично несвободных людей — рабов, противостоял лично свободным людям. Рабы деявлись по полу на рабов-мужчин («богол») и женщин-рабынь («видже»).

Обок XIII в. это не кровное родство, а объединение, в котором были бедные и богатые, господа и подчиненные и рабы. Родия от одного предка составляла урук, члены урука не могли вступать в брак между собой, и заключали брачные союзы только с неродным уруком,

лжатом.

Зависимые монголы именовались утэгу-боголы, «Значение (наименование) утэгу-богол,-- сообщает Рашидад-дин, -- то, что они (дарлекины) являются рабами и потомками рабов Чингис-хана». Уже в X в. отношения социального равенства вызывали удивление и презирались. Бодончар говорит своему старшему брату Бугухадаги: «Давешние-то люди, что стоят на речке Тунгелик, живут - все равны, нет у них ни мужиков, ни господ, ни головы, ни копыта, ничтожный народ. Давайте-ка мы их захватим! [...] Тогда братья впятером полонили тех людей и стали те у них слугами-холопами при табуне и кухне». Китайский историк Гао Вэньдэ приводит сведения о том, что рабы были практически у всех предков Чингис-хана, начиная с предка в двенадцатом поколении. Рабство было наследственным, существовало понятие «джалау» - потомственные рабы. Источниками рабства являлись война, плен и купля-продажа. Рабов покупали и из-за рубежа. В 1130 г., наводя порядок в северных провинциях страны, чжурчжэни ловили беглых людей и обращали их в казенных рабов. Часть этих казенных рабов они пригоняли на границу и меняли v монголов на лошалей. Для воспроизволства рабов монголы заставляли их вступать в брак, в одном китайском сочинении говорится: «Монголы объединяли в пары захваченных мужчин и женщин и заставляли их становиться мужем и женой. Родившиеся дети навечно становились рабами», по терминологии «Тайной истории» это

^{*} Когда пятеро сынопей Алан-Гов поделяня между собой имущество и разолился, соссие сеповерием отнесние к откочевавшему в одниочку младшему сыпу Алан-Гов, предку Темучжина Болочвару, не получвищем однувару, е получвищем однувару, е получвищем однувару с по долучвищем однувару с по однужного так, что у Болочвар не спрацивали, откуда с мля между собою так, что у Болочвар не спрацивали, откуда от н кто од, а тот взязимо и не пятался узать, что оми за люди».

были рабы, «доставшиеся от предков». В этой же историн упоминаются «рабы у порога». Они открывали хозяину двери юрты (гэра), готовили для него седло, делалн разную домашнюю работу. Отдавая сто семей чжуркинцев семье Хунлдара, Чингис повелел, чтобы рабы «отдавалн семье Хуилдара свою физическую силу», т. е. работали на нее, а женщины рабыни стали служанками. «прислуживающими слева и справа». Рабы ремеслениики знатных и ханских семей именовались «гэр-ин кёбегюд», «сыновья юрты». Рабы не только прислуживали хозянну и занимались ремеслом, они делали и основную работу в монгольском хозяйстве - ухаживали за скотом. Вспомним Бодончара, который заставил плененных им людей пасти своих коней. Ван-хан кереитский, о котором мы далее будем много говорить, отправил пленных «пасти верблюдов и овец». Рабы стригли овец, сбивали кумыс. Как и во многих обществах мира, рабы у монголов приравнивались к скоту. Имеется мнение (Гао Вэньдэ). что в богатых хозяйствах монголов XII-XIII вв. рабы являлись не вспомогательной, а основной рабочей силой. Раб был частной собственностью хозянна, от него требовалось беспрекословное послушание. Чингис говорил: «Если раб не предан хозянну, убить его». По мнению Гао Вэньдэ «еще до объединения Чингис-ханом всех монгольских племен, монгольское общество уже стало обществом рабовладельческим». Этот вывод не общепринят, в последнем издании «Истории МНР» мы читаем: «Рабовладение в Монголии не занимало столь значительного места, чтобы стать основой рабовладельческой общественно-экономической формации, но оно существовало как уклад в феодальном обществе в Монголии на раннем этапе его развития».

Лично свободные люди делились на людей благородных, сайк хурчи, и простолодинов, карачу. Среди благородных выделялись «золотие роды», «природные ханы», таков был «золотой род» Чингиса, «золотае роды» имелись и у других объединений монголов, например, у хунтиратов, икиесов. Прочие господа именовались обобщенно пояны. Со времен Лию монгольские каганы и нояны имели китайские или смешанные «китайско-алтайские» титулы, которые получали от киданей и чжурчжэней. Таковыми выялись сенгон (кит. цзянцзюнь, генерал), лингум (кит. лингун, глава государственного секретариата, чжушилина), тайши (кит. тайцзы, наследцик престола), сянвунь (кит. сянун, министр), гуян ник престола), сянвунь (кит. сянун, министр), гуян (кит. го ван, князь), таяи (кит. тай ваи, великий киязь). Титулы вана имели керентский Тоорил-кагаи, хаи иайманов Иианч имел титул да ваиа — великого вана, хан белых татар Байбосы имел титул ваиа. Чиитис во время

войн с татарами имел титул чаутхури, сотника.

Таков вкратце был образ жизци древних моиголов, уровень их социального развития, зафиксированный источниками и современниками. Таков был тот иврод, сыном которого являлся Темучжин, та среда, в которой ему предстояло превратиться в могучего Чинтис-хана. Нет более грубой ошибки, чем утверждение о примитивности и первобытной дикости монгольского общества до Чинтис-хана, его изолированности от внешиего мира. Думать так, заначи не понимать тех условий, той среды, которая породила силу, способиую завоевать в определенных условиях значительную часть центрально-средие-азиатского и дальневосточного мира, а также Ближиего Востома и Восточной Бевопы.

ПРЕДКИ ТЕМУЧЖИНА

«Предком Чиигис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволенню Высшего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились онн, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Оион-реки, на Бурхаи-Халдуне, а потомком нх был Бата-Чнган». («Сокровенное сказание»). Позднейшне моигольские источники, подчнияясь уже буддийской историографической традиции, выводили предка Чингис-хана Борте-Чино из Тибета, из той страны, откуда к монголам пришла их иовая буддийская вера. По версии «Алтан Тобчи» сын тибетского царя Лубсаи Данзана прибыл нз Тибета на север, там женился на девушке Гоа-Марал (Прекрасиая лань»). Вместе они «переправившись через Тэигис-Далай, поселились около Бургаи-Балдуна». По другой версии с тем же названием Борте-Чнио был сыном Неба, «одиим из перерожденцев Маньчжушри». Он тоже прибыл из Тибета в страну моиголов. От его брака с Марал-Хатуи родился сыи Батачихан. Этот источиик приводит даже точную дату рождеиня Батачи — 786 г. Любопытио, что эта дата близка тому, что сообщает Рашид-ад-дии, который полагал, что к моменту рождення Чингнс-хана его роду было «примерно около 400 лет», т. е. он начался с середины VIII в. Причину переселения Рашил-ал-лии видел в «распре с другими... племенами». Возможно, что первое движение монголов на запал началось гле-то в середине VIII в. и. может быть, часть моиголов в это время уже «переплыла море» (озеро Далай-Нор), Новым мощным толчком к переселению могли стать войны с киланями. «Над монголами, - писал Рашид-ад-дии, - одержали верх другие племена и учинили такое избиение среди них, что в живых осталось не более двух мужчии и двух женщии. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в трудподоступные места, окруженные горами и лесами и к которым ни с одной стороны не было дороги, кроме одной узкой и опасной тропы, по которой можно было пройти с большим затрудиением. Среди тех гор была обильная травой и здоровая (по климату) степь. Эти места назывались Эргүнэ-Күн»*. А имена тех двух людей были Нукуз и Киян. Они и их потомки долгие годы оставались в этом месте и размножились»,

Возможно, это было еще по напаления киланей. Спасшиеся от врага монголы поселились в Эргуне-Кун, у Большого Хингана и реки Аргуии. В Эргунэ-Кун монголы размиожились и стали мастерами выплавки железа и кузнечного дела. По дегенде именио искусство плавления железа помогло им выбраться из гориых теснии на простор нынешних монгольских степей, к голубому Керулену, золотому Онону. «И вот они нашли одно место, бывшее месторожлением железной рулы. где постоянно плавили железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали из них кузиечные мехи. Затем заложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать (огонь) до тех пор, пока тот горный склон не расплавился. В результате оттуда было добыто безмерное количество железа и вместе с тем открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи». Борте-Чино, предок Чингис-хана, был как раз среди тех, кто вышел из теснин Эргуиэ-Куи.

Монгольский ученый Г. Сухбаатыр показал, что существовала многовековая традиция разработки сюжета о расплавленной горе. Его мотивы встречаются уже в 1V—

Значение слова «кун» — косогор, а «эргунэ» — крутой, иначе говоря, «крутой косогор».

VI вь. у сяньбийшев. Ясио, что гору, которую можно расплавить, можно и обойти. Так и поступили кунгираты и некоторые другие монгольские племена. Уже во времена Чингис-хана буквальное понимание смысла легенды—расплавление горы,—ставилось под сомнение. «Труппа монголов, живущая в настоящее время здесь и видевшая ругунз-Кун,— сообщает Рашид-ад-дин,— утверждает, что хотя это место для жизни тяжелое, но не до такой степени, как говорят, целью же расплавления ими горы быто лишь открытие иного пути для своей славы. В любом случае легенда подчеркивает, что род Чингиса про-

Связь древнемонгольских легенд и легенд сяньбийских прослежнвается и в следующем мотиве: всякий прут легко передомить отдельно, а пучок прутьев передомить

невозможно.

У предка Чингис-хана Добун-Мергана была супруга Алан-Гоа, «красивая, очень знатного рода», «Войдя в дом Добун-Мергана, Алан-Гоа родила двух сыновей. То были Бугунотай и Бельгунотай». «Долго ли, коротко ли - Добун-Мерган скончался». После смерти Добун-Мергана Алан-Гоа, будучи безмужней, родила еще тронх сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодопчар-простак. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, стали втихомолку поговаривать: «Вот наша мать родила трех сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа*. Единственный мужчина в доме это Маалих, Баяудец, От него-то, должно быть, и эти три сына». Алан-Гоа узнала об этих пересудах. Однажды весной сварила она дожелта провяденного впрок барана, посадила рядом всех своих сыповей и дала им по одной хворостинке, чтоб они переломили. Выполнить просьбу не составило труда. Тогда она дала им уже по пять хворостинок, связанных вместе. Как ни старались сыновья, а сломать пучок все же не смогли. Тогда мать их. Алан-Гоа, произнесла: «Вы. двое сыновей моих Бельгунотай и Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: «Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?» Подозрения-то ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит бывало ко мне светлорусый человек: он поглаживает мне

^{*} У древних монголов существовал обычай левирата и брат мог, а то был и обязан, взять в жены жену умершего брата.

чрево и свет его проникает мне внутрь. А уходит он час, когда солнце с лумой еходитех, процаралываясь, уходит, словно желтый пес. Что же болтаете всякий вздор? Всдь если уразуметь все это, то и выходит, что эти сыновы отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них, как о таких, которые под стать простым смертный? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые людие.

И сказала Алан-Гоа: «Все вы пятеро роднянсь из единого чрева моего и подобны вы давешним пять хворостинкам. Если будете поступать и действовать каждый сам по себе, то легко можете быть сломлены всяким, подобно тем пяти хворостинкам. Если же будете согласны и единодушны, как связанные в пучок хворостинки, то как можете стать чей-либо легкой добычей?»

По Рашид-ад-дину Алан-Гоа в первый раз забеременела от луча света, «через (дымовое) отверстне шатра проник луч света и погрузился в ее чрево. Она поразилась этому обстоятельству и перепугалась и никому ие пошла рассказать о случвшемся. Спустя некоторое время она поняла, что забеременела». Родичам, выразиввим удивление ее беременностью, она объясилал: «Да, я каждую почь вижу во спе, что какой-то рыжеволосый и спнеокий человек медленно-медленно приближается ко мие и потихоньку возвращается назад. Я вижу (его собственными) глазамив.⁸

Род Чингиса вел свое происхождение от младшего сына Алан-Гоа, Бодончара, Монголы делажись на нирунов и борджигинов (дарлежинов). Потомки от первых друх сыновей Алан-Гоа и Добун-Мергана считались нирунами (чистыми), они были предками сальджинутов и хатакинов. Потомки Водончара борджигины отланались пырыжими водосами и светлыми (голубыми, сгиними) глазами. Этими признаками отличался и Чингис-като

В 840 г. в Центральной Азни могущество уйгурского

^{*} Легенды о чудесвом рождении сами по себе не редкость, нередки они были и в том регюзе. Мы знаем о них у ряда народов, например, у кладней. Однажды нонью нал тем местом, где спал Абарды, основатель кладнеской династии Ляо, еповыжа свет, что ксчутаю и удивною всех окружающих. Косла жена Абарды Шуменутаю и удивною песк окружающих косла жена Абарды Шуменутаю оргу, сверха удественный примератиров облагом закрыю оргу, сверха удественный сами слашный и при закрыю оргу, сверха усменный сами слашный свет удары грома». «Как-то, когла Тай-шум, согромождая Тай-шум, прибыл в Сілоу, над ним появились красный свет и багровые облака, что изумалю воех окружающих разменения при то изумалю воех окружающих разменения свет и багровые облака, что изумалю воех окружающих разменения при то изумалю воех окружающих разменения то изумалю воех окружающих разменения то изумалю воех окружающих то изумалю воех то изумальной то изума

каганата было сломлено кыргызами. Среди них попададось немало светловолосых и светлоглазых. Еще русский ученый Березин высказал предположение, что трех своих младших сыновей прародительница Чингис-хана Аласи-Гоа родила от кыргыза. В наши дии эту версию поддерживает П. Рачневский, который полагает Маалиха-Баяудда тюрком и истиниям отцом предка Чингиса Бодончара. Следует напомнить читателю и о «желтоголовых» шинэй. Они тоже полжимы были отличаться «желтым».

«рыжнм» цветом волос.

Рассказ о чулесных предках монголов Волке и Оленихе (Борте-Чино и Гоа-Марал) обнаруживает прямую связь с древнетюркскими дегендами. широко использованными в творчестве известного писателя Чингиза Айтматова. Средн предков Чингис-хана есть циклоп Лува-Сохор, а Болончар, младший сын Алан-Гоа, это древнемонгольский Иванушка-дурачок, который на деле оказывается самым умным и находит способ сделать свое время могущественным, а своих братьев - родоначальниками монгольских племен. Злесь в монгольском дании мы сталкиваемся с весьма распространенным сюжетом об умном млалшем брате, которого старшие братья считали глупым и после смерти матери (родителей) на этом основании обледили наследством, «По смертн матери пятеро братьев стали делить между собою имущество. При этом вышло так, что четыре брата... забради себе все, а Болоичару совсем не дали его доли, считая его глупым и неотесанным и не признавая даже за родственника. Бедствовал Бодончар, покинув братьев, «питался и волчынии объедками», а потом надоумил братьев пленить «бесхозных» людей, и стали те люди «у инх слугами-холопами при табуне и кухие». Сыновья Бодончара стали основателями многих монгольских племен.

Эпоха Алаи-Гоа вероятиее всего отиосится к концу X— началу XI века. Рашид-ад-дни отмечал, что Алаи-Гоа жила за 300 лет до того, как он писал свой труд. По даниым «Алтан Тобчи» XVIII века сын Алан-Гоа Бодои-

чар, прямой предок Чингиса, родился в 970 г.

Переселение имело два важных последствия. Монголы вступили в прямой и более тесный контакт с тюрками и полностью перешли к кочевому скотоводству. Проф. Л. Р. Кызласов указывает, что у монголов нмеются свои термины только для обозначения собаки, лошади и свинын, т. е. как раз тех животных, которые были известны у шивэй. Весь скотоводческий лексикон и названия для овец, быков, верблюдов, мулов монголы заниствовали у тюрков. В свою очередь монголы принесли с собой из Маньчжурии тип оседлого жилища - квадратные. без фундаментов дома с каркасными стенами и П-образными канами для отопления. Очевидно, в X-XI веках происходил процесс ассимиляции оставшегося в Халхе

тюркского населения монголами.

Кидани взяли население Халхи под свой контроль. В 1004 г. было учреждено пограничное управление Сибэйлу чжаотаосы. Центром был его город, который по китайски назывался Чжэньчжоу, по тюркски Кэдунь (Хатуи), он размещался к югу от нижнего течення реки Халхи. При дниастии Цзниь Сибэйлу чжаотаосы находились не на территории расселения татаро-монголов. Пограничные племена управлялись своими собственными предводителями. Если таковые признавали верховенство Цзинь и пригоняли скот, то считалось, что они состоят на

службе Цзинь и охраняют границы империи.

К середине XII в, относится существование первого монгольского государства Хамаг монгол улуса. Еще при династии Ляо часть монгольской знати получила от киданей должности и титулы знатности, такие как линвэнь илн сяовэнь, военачальников пограннчных войск. В целом татаро-монголы были лояльны к Ляо, династии, этиически родственной, хотя некоторые монгольские племена, например, джаджираты и меркиты вели с киданями нанурительные войны и к 1094 г. были сильно обескровлены. После гибели Ляо монголы поддержали Елюй Даши, представителя утратившей свое господство династии и выставили для него более чем десятитысячиую армию. Поддержка монголами Елюй Даши, который хотя и не смог вернуть власть дому Елюй, но представлял для чжурчжэней постоянную угрозу, привела к конфликту между монголами и чжурчжэнями. С 1135 по 1147 г. монголы ведут войну с Цзинь. Поводом для войны послужила попытка чжурчжэней убить правителя монголов Хабул-хана.

Рашил-ал-лин сообщает, что сам Хабул-хан и все его дети «были весьма храбры и талантливы». Желая наладить отношения с монголами, «проторить широкую дорогу единения и дружбы», император Цзинь пригласил Хабул-хана в свою ставку. Во время угощения Хабул-хан «возымел опасение и вообразил, что они ему подсыпают в пишу отраву», «Он поминутно выходил наружу... так как погода стояла жаркая, то якобы для того, чтобы освежиться, он погружался в воду». Хабул-хан ранее треиировался длитсльное время находиться под водой. И вот Хабул-хан постоянно выбегал на волю, окунался в воду, сблювывал все съеденное и выпитое и снова возвращался к столу. Чжурчжэни дивялисы: «Всевышний господь создал ето счастливым и крепким, пбо он в состоянии не объедаться пищей, не пьянеть от вниа и не блевать». Но как ин старался Хабул-хан ие пьянеть, виис сделало свое дело. Все кончалось тем, что подощел он к Алтан-хану (императору Цзянь), хлопая в ладоши и приплясывая, скватил его за бороду и оскорбил его».

Стража схватила Хабул-хана, у которого от страха прощел весь хмель, Хабул-хан, в предчувствии иеминуемой расправы принес свои извинения императору. Олнако тот счел возможным ие ссориться с монголами из-за такого «пустяка» и, «подавив нев, простил гег». Щедро

одарив обидчика, он отпустил его.

Позже к Хабул-хану прибыли одно за другим два посольства Цзинь, требуя его приезда ко двору Цзинь. Хабул-хан перебил представителей второго посольства, что и привело, помимо прочих причин, к войне монголов с Цзинь. Война была успешной для монголов. В 1147 г. между Цзинь и монголами был заключен мир. Цзиньские власти уступили монголам 17 укреплений к северу от реки Сининхэ, которая стала пограничной. К этому времени относится сообщение китаеязычного источника о том, что монгольский хан Аоло боцзиле (Олунь бэйле) был признан чжурчжэнями государем государства Мэифу (Мэнфу го чжу). Одиако Аоло, как это бывало нередко, в пределах своих владений не довольствовался титулом государя, и принял титул изуюзнь хузиди - императора-основателя династии. Он объявил свой девиз царствования Тянь-син (Расцвет, дарованный Небом), На предложение цзиньского двора довольствоваться титулом «го ван» (киязь государства). Аоло ответил отказом. Большинство исследователей (например, Тамура Дзицудзо, Илиньчжэнь) отождествляют Аоло боцзиле с Хабул-ханом, хотя Г. Франке была высказана мысль о том, что Аоло боцзиле — это Есугай. Вряд ли это возможно, поскольку Есугай был только баатуром и инкогда не имел при жизии ханского титула.

^{*} Если верить источнику, то он мог держаться под водой «то количество времени, в которое съедают штуку барана».

В «Тайной истории» сказано: «Всеми монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана... стал ведать Амбагай-хаган». Амбагай-хаган имел титул «всенародного кагана и государя улуса». Монгольское «улус-ун эджен» — «государь улуса», если и не соответствовало китайскому «хуанди» (император), то уж наверняка могло иметь своим эквивалентом титул «го чжу» (государь государства). Рашид-ад-дин именует Хабул-хана «монгольским ханом», «государем и правителем своих племен и подчиненных». Заметим следующее: древние монгольские правители носили сяньбийско-жуаньжуаньский-тюркский титул каган (хаган). Титул хан, значный титулу каган, появился позже.

Хабул-хан был сыном Хайду. У Хайду был второй сын Бай-Шинкор Докшин. Линия Бай-Шинкор Докшина - линия Чингис-хана, От Бай-Шинкор Докшина вел свое происхождение род Кият, в котором родился Чин-Был у Хайду и третий сын Чаракай-линку, от него происходили тайчичты. Поскольку, как писал Л. Гамбис, «реальным основателем первого монгольского царства» — Хамаг монгол улуса был Хабул-хан, то предки Чингиса принадлежали хотя и непосредственно к ханской, но боковой линии. «История Монгольской Народной Республики... признает Хамаг-монгол улус «государственным объединением первоначального типа».

С установлением мирных отношений с Цзинь, по некоторым данным Хамаг-монгол улус поставлял в государство чжурчжэней ежегодно 50 тыс. голов скота, в свою очередь чжурчжэни отправляли монголам 50 тыс. доу зерновых (рис. горох и т. п.) и 300 тысяч кусков тон-

кого и 300 тыс, кусков грубого шелка.

Хамаг монгол улус просуществовал недолго и распался около 1160 г. Причиной распада явилась вражда и война с татарами, искусно подогреваемые чжурчжэнями. Поводом к войне послужило следующее. Глава хунгиратов Сайн-Тегин, шурин Хабул-хана, заболел. Для лечения больного пригласили татарина-шамана. Лечение оказалось безуспешным. Сайн-Тегин умер, а его родичи убили шамана. В ходе боевых действий татары взяли в плен старшего сына Хабул-хана Окинбаркака, передали его императору Цзинь, тот казнил высокородного пленника на «деревянном осле». Речь, очевидно, идет о жестокой казни «диньчи», которая появилась в Северном Китае во времена киданьской династии Ляо и заключалась в том, что привязанного к столбу (в данном случае

«деревянному ослу») оставляли умирать. Перед этим палач длительное время, иногда несколько дней резал на куски несчастного, постепенно отрезая мягкие части тела и конечности по суставам.

Родословная Темучжина — Чингис-хана может быть представлена таким образом:

Алан-Гоа и ее чудесный божественный супруг Бодомиар-простак Хайду (правнук Бодомчара) Бай-Шинкор Докшин Тумбикай-сечен (прапрадед Чингис-хана) Хабум-хан (пранед Чингис-хана) Бартан-блатур (дед Чингис-хана) Есугай-бартур (дед Чингис-хана) Есугай-бартур (дед Чингис-хана)

В Хамаг-монгол улусе после смерти Хабул-хана власть перешла не к его сыновьям, а к Амбагай-хагану, внуку Хайду и двоюродному брату прапрадела Темучжина — Тумбинай-сечена, «После Хабул-хагана, имевшего семерых сыновей, всеми монголами стал ведать, по слову Хабул-хагана, сын Сенгун-Бильгея (и виук Чарахай-динху — Е. К.) Амбагай-хаган, хотя Хабул-хаган имел собственных семь сыновей» (Сокровенное сказание). Рашил-ал-лии сообщает, что Амбагай-хаган был лишь «государем племени тайджнут». Есугай-баатур являлся двоюродным братом отца Амбагай-хагана, «Тайная история» полагает Амбагай-хагана «всенаролным каганом и государем народа». Но если он и правил Хамаг монгол улусом, то правил нелолго, «Однажды Амбагай-хаган отправился провожать свою дочь, которую выдавал замуж к татарам из племенн Айрнуд-Буйрууд (что на реке Уршиун между озерамн Буор-наур н Колен-наур). Но его схватили татары Чжунинского племени и повезли к Алтан-хагану Китайскому. Тогда он через посланника своего Балагачи (человека из Бесудского рода), велел передать среднему из сыновей Хабул-хагана Хутуле, с тем, чтобы весть эта разнеслась среди всех родичей: «Отомстите за меня, всенародного кагана и государя народа. Мстите неустанно и воздавайте должное не только до тех пор, пока потеряете с пятн пальцев все ногти, но и до тех пор, пока всех десяти пальцев не станет» (Сокровенное сказание).

По версни Рашид-ад-дниа Амбагай-хаган «поехал, чтобы выбрать себе в жены одну из девушек». Татары пленнли его и отправили императору Цзинь, который, «согласио имевшемуся у хитаев обычаю» приказал «при-

гвоздить его к деревянному ослу». Перед смертью всенародный каган велел передать императору Цзинь, что убивая его, тот навлечет на себя ненависть «племен и улуса монгольских». «Нет сомиения, что они подымутся для отплаты и мшения тебе за мою кровь, а потому убивать меня неблагоразумно!». Весть о страшной смерти Амбагай-хагана принес монголам Балагачи, посланный для этого самим императором Цзинь. Еще раз обращаем внимание читателя на то, что Рашил-ал-лии не сообщает о том, что Амбагай-хаган был государем всех монголов, он был только правителем тайчиутов. Остальными монголами из бывшего Хамаг моигол улуса, видимо, правил Хутула, Кажется все-таки, что после смерти Хабул-хагана Хамаг монгол улус должен был разделиться хотя бы на два владения. Рашил-ад-лии противоречит себе, ибо далее он пишет, что Хутула был «возвелен в хаиское достоинство» уже после гибели Амбагай-хагана. Хутулахаган отличался необыкновенной физической силой, «голос его был подобен голосу, достигающему до небосвода. а длань его подобна лапе трехлетнего медведя». Хутула возглавил поход мести на Цзинь. Участвовал ли в этом походе на Цзинь отец Темучжина Есугай-баатур иеясио

Есутай по-монгольски значит «девять». Может быть, Есутай был девятом ребенком Бархтан-баатура, но сыиом его он был третым. «Третий сын был Есутай-бахадур — отец Чингис-хана. Племя кият-бурджигий происходит из его потомства. Рашинд-агдин указывает, что Есутай-баатур был «государем большинства монгольских племен», но, очевидно, это преувеличение. Он имел свой улус, «был причастен к отваге и храбрости», «много воевал и сражался», в особенности с татарами. Улус Есугая в значительной части состоял из тайчиутов. Есутай не был ханом*». Он был андой (побратимом) правителя керентов и, вероятно, его вассалом.

« «Бурджигин» означает «синеокий», и как это ин странно, те потомки, которые до иастоящего времени произошли от Есугай-бакалура, его детей и его уруга, по большей части синеоки и рыжи.
В 1266 г. император династии Юань Хубилай посмертно дал Есугаю титул Ле цзу шэнь юзиь кудан —Прославденный предок,

божественный император.

РОЖЛЕНИЕ ТЕМУЧЖИНА

Говорят, Есугай-баатур, отец Темучжина, будущего по нак, одлун, мать Темучжина, он силой отбял у меркитского Экс-Чилецу, Вот как это было. «В ту поружом тур поветречал меркитского Экс-Чилецу. Вот как это было. «В ту поружом тур повстречал меркитского Экс-Чилецу, который е кал поспешно вернулся домой и привел с собой братъев Некун-тайчжи и Доритай-Отчигина. Испугался Чилецу, по под ним был скакун Хурун-хуба. Хапешт он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те втроем неогступно преследуют его. Когда Чилецу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун говорит ему:

— Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лидам их видно, что дело идет о твоей жизны. Но был бы ты жив-здоров, а девушки в каждом возке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а жены в каждой кибитке найдутся. Придется, видно, тебе моим инснем Оэлун назвать другую девушку. Спасайся, поцелуй меня и езжай!

С этими словами она сняла свою рубаху, он, не слезая с коня, потянулся и принял дар, когда из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорив своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, спасаясь от преследования, вверх по

реке Онону.

Трое бросились в погоню, и, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугай-баатур повел за поводья лошадь Оэлун, старший его брат, Некун-гайчжи, ехал впереди, а младший, Доритай-Отчигин, ехал вплотную рядом с ней. Едуг онн так, а Оэлун приговаривает:

 Батюшка мой, Чиледу! Кудрей твоих встречный встер никогда не развевал. В пустынной земле никогда

ты не голодал. Каково-то теперь?

И, закидывая обе косы свой то на спину, то на грудь, то вперед, то назад, она причитала «Каково-то теперь уезжаешь?», так громко, что

> Онон-река волновалась В перелесье эхо отдавалось.

Уже близко к дому стал унимать ее плач Доритай-Отчигин: Лобызаемый твой много перевалов перевалил, Оплакиваемый твой много вол перебролил. Сколько ни голоси - а он не бросится взглянуть

Сколько ни ини - его и след простыд. Замодчи уже!

Так унимал он ее. Тут же Есугай и взял Оэлун в дом свой. Вот так произошло умыканне Есугаем Оэлун-учжины»

В те далекие годы монгольские девушки не выбирали себе мужей. Отцы или слепой случай решали их судьбы. Монгольский пол был экзогамным, монгол не мог взять в жены девушку из своего рода. Роды жили на общей пастбишной территории, но когда тот род, из которого, как правило, члены данного рода брали себе жен, кочевал подалеку, то за женой приходилось ездить в дальние края. Это чаше всего касалось знати, которая особенно строго придерживалась отношений традиционного брачного партнерства. Но случалось, что когда за женами ездили в дальние края, их умыкали. Чиледу принадлежал к меркитской знати. Оэлун нравился ее жених Чиледу. Иначе не подарила бы она в прощальный час возлюбленному свою рубашку, не оплакивала бы его и свою судьбу так, что

Оном-река волновалась В перелесье эхо отдавалось.

И когда ее, плачущую, везли в стойбище Есугай-баатура, еще не знала она, что в тот момент, когда Есугай случайно заглянул в ее возок, а позже, отбив ее от любезного ее сердцу Чиледу, твердой хозяйской рукой взял за повод ее коня, ей уже было суждено стать матерью сына, одно нмя которого повергало в ужас целые народы на гнгантской территории от Тихого окезна до окезна Атлантического...

Темучжин родился в тот момент, когда его отец возвратился из очередного похода на татар, «Когда Хутула стал хаганом, Хадаан-тайчжи пошел на обонх татар. Тринадцать раз он бился у обоих, у Котон-Бараха и у Чжилн-Буха, но не мог все же за Амбагай-хагана отмщением отомстить, воздаянием воздать. Тогда-то Есугай-Баатур воротился домой, захватив в плен татарских Темучжина-Уге, Хрн-Буха и других. В то время ходила на сносях Оэлун-учжин, и родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшнися стусток крови, величиною с альчик. Рождение его совпало с приводом татарского Темучжин-Уге, вот его и нарекли Темучжином».

У этого имени есть сокровенный смысл. Мальчик родылся, держа в руке стусток крови, это было знаком высокого предназначения мальниа, его будущач судьба—
судьба завоеватсяя, погому назвали его именем пленного врага. Некоторые ученые предполагают, что выя
Темучжин в переволе с древнемонгольского означало
темучжин в переволе с древнемонгольского означало
веке монголы считали, что наковальня Чнигиса, сделанная из металла бурын, имеющего свойства меди и железа, хранится на горе Дархан. Выше села Новоселенгинска, на левом берегу реки Чикой есть безлесая гора с
плоской вершиной, говорят, что это изаковальня Чнигисхана, здесь богатырь кузнец ковал железо, стоя одной
погой на правом, а другой — на левом берегу реки.

По некоторым версиям, урочище Делюн-болдак, где родился Чингис-хан — это современный Делюн-булдак на правом берегу реки Онон, примерно в 250 км от Нерчинска, устья реки Бальджи, П. Пельо и Л. Гамбис полагали, что этот холм** располагался по соседству с Ехеаралом — Большим остовом. Находилось ли это на территории современной Читинской области или в районе Бурхан-Халдуна определенно сказать трудно. Столь же трудно, как назвать точную дату рождения Темучжина-Чингис-хана. По данным Рашид-ад-дина и Чжао Хуна Темучжин родился в 1155 г. Официальная «История династии Юань» указывает в качестве даты его рождения 1162 г. Эта же дата дается в «Шэн-у цинь чжэн лу». Ряд иных китайских источников косвенно указывают на 1167 г. Последнюю дату принял Поль Пельо, считая, что она лучше всего согласуется с биографией Чингиса. Между тем, автору этих строк представляется, что, учитывая долгий и трудный путь Темучжина к объединению Монголии и престолу всемонгольского хана, наиболее вероятной датой его рождения представляется все же 1155 г. Кэ Шаоминь, автор позднего сочинения «Синь Юань ши» (Новая история династии Юань) писал: «Тайцзу родился, держа в правой руке запекшуюся кровь, похожую на крепкий камень. Лицо светилось. Этот год был и-хай, 3-ий год Чжень-юань цзиньского владетеля

Мальчик, родившийся со сгустком крови в руке — фольклорный сюжет, известный в будлийской Индии и в Иране. Такое рождение предвешало появление безжалостного завоевателя.
 Делюн болдак — букв. «холи, похожий на селезенку».

Ляна», другими словами это был 1155 г. Рашид-ад-дин также вычислил датой рождения Чингис-хана 1155 год. «1155 год,- писал Н. П. Мункуев,- по-видимому, является вероятной датой рождения монгольского хана, При этом надо учесть, что Чжао Хун побывал у монголов, от которых он черпал свои сведения еще при жизни Чингис-хана, в 1221 г., когда воины последнего, очевидно, были осведомлены в своем предводителе, в частности, о его возрасте». Известна точная дата смерти Чингис-хана — 18 августа 1227 г. Разные источники называют разный возраст хана в момент его смерти. Чингисхан, по данным «Юань ши» скончался в возрасте 65-66 лет, монголы, как и китайцы считали возраст не с момента рождения, а с момента зачатия, высчитывали годом рождения Чингис-хана 1162 г. По расчетам Рашидад-дина Чингис-хан скончался на 73-м году жизии. По одним источникам отец Темучжина Есугай умер, когда сыну было девять лет. Следовательно, если Чингис родился в 1155 году, то Есугай покинул этот мир в 1163-м. Если же считать, что мальчик родился в 1162, то отец умер в 1170-м, а если в 1167 — то кончина Есугая пришлась на 1176-й год. Но по расчетам Рашид-ад-дина смерть Есугая пришлась на тридцатилетие сына, и это вносит коррективы и в наши подсчеты, вель все даты соответственно сдвигаются на три года, и есть основание предположить, что трагическое событие случилось в 1166. 1174 или 1178 годах... Но так ли это важно для нашего исследования? Мнения исследователей расходятся. Но продолжим...

П. Пельо смущало, что Темучжин стал отном в п. Пельо смущало, что Темучжин стал отном в та рождения Чжочи соминтельна, подчиныл народы Центральной Азии лишь в 50 лет и лишь в 60 лет совершил походы в соселине страны, а в 72 года — поход на танкутов, поэтому он «омолодия» Темучжина и признал датой его рождения тот же год 12 летнего жумотиото цикла, только на 12 лет позже 1155 года — 1167 г. Этот вопрос остается открытым, как и вся датировка событий жизни Чингис-хана до начала XIII века. Добавим, что, по мнению П. Рачневского, сам Чингис не знал точной даты своего рождения.

По поздним версиям монгольских источников, уже подверженных влиянию буддизма, Темучжин родился, держа в руке не сгусток крови, а государственную пе-

чать.

Мы уже говорили о том, что Есугай-базтур был главой улуса, объединившего часть монгольских племен, в том числе тайчнутов. Жизнь его проходила в боях и походах, «из страха перед его отвятой и натиском большинство друзей и врагов покорились ему ради спасения своей жизни, поэтому положение и дела его были в полном порядке и блестящем состоянить (Рашид-ад-дии). За ширкокой спиной отид детство Темучжина было обеспеченым и безоблачным. Когда мальчику исполнилось девять лет, Есугай по старинному монгольскому обычаю решил сосватать ему невесту из племен матери Темучжина Озлуч. Взяв его с соби, он отправился в путь. В дороге им повстречался Дай-сечен из племен кунгират.

Куда держищь путь, сват Есугай?

Я еду сватать невесту вот этому своему сыну.

Дай-сечен посмотрел на Темучжина:

— У твоего сына вягляд что оговь, а лицо что заря, снился мне, сват Есутай, этой ночью сон, будто слетел ко мне на руку белый сокол, зажавший в коттях солние и луну. Что-то он предвещает? — подумал я, как ввжу, подъезжаещьть ты, сват Есутай, со своим сыном. Кунгыратское племя с давних пор славится красотою наших внучек, и прелестью дочерей. Зайди ко мне, сват Есутай, сверочка моя малютка, да свату надо посмотреты!

Взглянуя Есугай на Борге, десятилетнюю дочь Дайсечена, а лицо у нес — заря, очн — огонь. Переночевали гости ночь, а на утро началось сватовство. Столько, сколько требовало того прилниче, гортовался Дай-сечен, заманивший знатного жениха, желавший породинться с Есугаем. Поторговался н сказал:

 Не женская доля — состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего

сынка в зятьях-женихах.

На том и поладили. Подарил Есугай Дай-сечену своего коня, попросил присмотреть за сыном:

Страсть бонтся собак мой мальчик. Ты уж, сват,

побереги мальчика от собак!

С тем и уехал Есугай, оставив девятилетнего Темучжина у юной невесты по старинному монгольскому обычаю в зятьях у Дай-сечена из племени Кунгират.

На обратном пути повстречались Есугаю пирующие татары. Томимый жаждой, думая, что никто не узнает его в лицо, задержался Есугай иа празднике, немного передохнуть. Но кто-то опознал Есугая. Не рискнув открыто убить его, татары подмешвали Есугаю в питье отраву. В дороге почувствовал Есугай неладиое, а через трое суток, добравшись домой, заболел и слег. Перед смертью он позвал своего приближенного Мунаика:

— Дитя мое, Мундик! Ведь у меня малые ребята, Извели меня тайно татары. Дурно мне. Прими же на свое попечение всех монх: и малюток, и осиротевших младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привезя поскорее моего Темучжина! — С этими

словами он скончался.

Мунлик был верным соратником Есугая и выполиил его иаказ. Боясь за Темучжина, он не сразу объявил о смерти Есугая. А Дай-сечену сказал:

 — Есугай баатур, мой старший брат, очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Я приехал за ним.

— Раз сват так горюет о своем мальчике, пусть Темучжин съездит, повидается, да и скорехонько назад.

Так и привез Мунлик Темучжина обратио, в опустевшую отцовскую юрту, в тот трудный час, когда бывшие под рукой Есугая-баатура монголы покидали его семью, уходя каждый своим путем. Рушилась жизнь, а ведь казалось, все предвещало великое будущее. При рождении он «держал в ладони правой руки небольшой сгусток запекшейся крови, похожий на кусок ссохшейся печени. На скрижали его чела были явными знаки завоевания вселенной и миродержавия, а от его лика исходили лучи счастливой судьбы и могущества». Но минуло беспечное детство и, как подсчитал Рашид-ад-дии, последующие двадцать семь лет своей жизни, будущий завоеватель мира «находился в расстроенном состоянии», «у него случались сражения и битвы», враги «его несколько раз полоняли и заключали в оковы», и вообще наступало смутное время, обстоятельства его жизни в тот период «не известиы в подробностях и погодио», и потому, заключает великий историк, «они пишутся сокращенно».

«КЛЮЧЕВЫЕ ВОДЫ ПРОПАЛИ, БЕЛ-КАМЕНЬ ТРЕСНУЛ»

«Нет у нас друзей, кроме собственной тени; Нет у нас плети, кроме конского хвоста»

Сокровенное сказание

Миогое, видно, держалось голько на личном авторитете Есугая в его улусе. Не стало его, и резко изменилось отпошение окружающих к его семье, все меньше и меньше и меньше ечитались он и с Оэлун. В ту весир вдовы когдато замученного чжурчжэнями Амбагай-хагана поемали на чземлю предховов, совершать жертвоприношения на ородовом кладбище. Не по своей вине припоздинатель Оэлун, а уже никто и не ждал ее, жену покойного батура. Жертвоприношение было окоичено, жертвенное мясо роздано и съедено, жертвенное вино выпито. Дрог и уло сердие Оэлун. Отказываются от них сородичи, не желают напоминать о ней и о детях предкам. И страшная догалка мелькиула — того и гляди, брокат одну в степи с детьми, откочуют без нее. С гневом обратилась она к Орбай и Сохатай, додова Амбагай-хагана.

— Почему вы заставили меня пропустить и жертвоприношение предхам и трияну с мисом и вниом³ Не потому ли, что Есугай-бавтур умер, а дети его и вырасти не емогут Да, видию, вы можете есть на глазах у людей, не поделившись с ними, можете и откочевать, не сказавниек»

Их надменный ответ подтвердил то, во что боялась поверить: решнии бросить их сородичи мужа, чтобы не выросли дети, чтобы не было новых побегов кория есугаева:

— Видио, из-за того, что умер Амбатай-хаган, нас может отворить даже Озлун. Ты и заслуживаетив того, чтобы поманив, тебе ничего не дали, тебе и следует есть то, что попадется. Сказать по правде, лучше покинуть эту мать с детьми в кочевье и не позволять ей идти с нами!

Стало ясно Оэлун, что все кончено. Входившие в есугаев улус тайчиуты и раньше завидовали власти Есугая. Теперь именно они раныше других решяли, что настал их час. Прочне родичи и нукеры, служившие прежде Есугаю, отказались повиноваться вдове и приняли сторону тайнутов, ведь это сразу превращало тайчитских вождей в таких же самостоятельных правителей улуса, богатырей-баятуров, каким был и Есугай, Предоодительствуемые Таргутай-Кирилтухом и Тодоен-Гиртаем, зависевшие от Есугая тайчирты бросили Оэзуи с детьми и на другом же день тронулись виня по реке Онону. Лишь старик Чарха-Боуген пытался усовестить уходящих. Да не тут-то было. Его не послушали. Да еще Тодоен-Тиртай, чтобы не мутил Чарха народ, не взывал к нечистой совести, тякнул для острастик старика копьем в синку:

Ключевые воды пропали Бел-камень треснул.

Распался на глазах Оэлун улус, созданный Есугай-баатуром.

Когда Темучжин зашел проведать раиеного Чарху-Ебугена, тот сказал:

 Я подвергся такой напасти, уговарнвая людей, когда те откочевали, захватив с собой весь наш улус,

улус, собранный твоим благородным родителем.

Темучжин покинул его в слезах. Он был еще слишком мал и бессилен, чтобы наследовать дело отца. Лишь мужественная Оэлун боролась до конца. Она собрала немногих оставшихся с ней людей и погналась за уходящими. После стычки многих ей удалось ворогить, но они вервулись лишь для виду и вскоре снова откочевали, оставив в широкой степи Оэлун и вторую жену Есугая с их детьми. Несколько жещиин-прислужииц — вот и все, кто остался при женах и детях некогда славного базгура! Для того, чтобы понять, что произошно, следует крат-

ко охарактеризовать татаро-монгольский улус середины XII в. Улус, в широком значении «народ», в зависимости от его силы и значимости мог означать как «улус-владенне», так и улус-государство. «У древних монголов, - писал Б. Я. Владимирцов, - всякое объединение родов, поколений племен [...] называлось улус, «улус-народ», «народ-удел», «народ, объединенный в таком-то улусе» или «образующий улус-владение», «народ, образующий государство-владение», «государство». Монголов, как истых кочевников, в поиятии этом больше интересуют люди, а не территория». Во главе улуса стоял предводитель из числа знати, нойонов, носивший какой-либо самобытный монгольский титул: баатура — богатыря, сечена — мудрого, мергена - меткого стрелка, бильге - мудрого, буке — силача и т. п. Или он иосил одиу из китайских должностей или китайский титул, о которых мы уже упоминали выше. Такой улус-владение и был у отца Темучжина — Есугая, носившего титул багатура — богатыря, Он-то и распался после ухода некогда подвластных Есугаю людей. Именно людей, ибо улусом, как подчеркивал в своем определении акад. Б. Я. Владимирцов, был прежде всего «народ», объединенный в таком-то улусе, а не только некая по величине территория. Улус в силу кочевого быта был полвижен, но всегла имел свой «нунтук», свою территорию кочевья-нунтуки основных татаро-монгольских племен, территории их улусов в целом в XII в. были относительно стабильными и хорошо известными. Смена нунтука не вела к гибели улуса, но уход, потеря людей, означали его развал, Поэтому улусы рассеивали, или же улусы собирали, объединяли людей в улус. Не объединенный в улус народ именуется в «Тайной истории» уже не улусом, а иркен, просто «людьми». Мы увидим ниже, что Ван-хан, получив от Темучжина доху, обещает ему: «В благодарность за черную соболью доху объединю твой разрозненный улус. В благодарность за соболью доху соберу твой рассеянный улус!». Намуюнь также особо полчеркивает значение понятия «собирать народ» (шоуцзи байсин) для сформирования улуса.

Основой улуса был пол его правителя, уруг. В улус входили и чужаки, джад, среди чужаков выделяли родственников по женам уруга, они были сватами, худа, Правящему роду подчинялись завоеванные им ранее племена — отэгу-боголы. Улус был не племенной организацией и не союзом племен. Это видно хорощо из первого состава улуса Темучжина, в нем были представители племен, не племена, а нойоны этих племен со своимн людьми — чжалаир, барулас, манхул, арулад, урянхан, олхонут и других. Клиентела стала важнее племенной принадлежности. Вероятно, улусы внутри строились по десятиричной военноадминистративной системе, тысячам, которые именовались курени, или в которые превратились курени. Рашид-ад-дин так поясняет значение термина курень: «Значение термина курень следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и образуют кольно в степи, то их называют курень. В ту эпоху (имеется в виду XII век - Е. К.) тысячу кибиток, располагавшихся таким образом, считали за один курень». Улусом были не просто люди, это были особым способом организованные люди. Помимо рода правителя, (уруга) в улусе важнейшая роль принадлежала нукерам. Нукеры это дружина хана, его друзья (нукер знаичт друг). Нукеры оставляли гварадно правителя. Нукеры имелись у всех крупных ханов монгольских степей XII в. У тайчиуского Тарутай-Кириатужа была «дисеная стража», турхауты; при Ван-хане в 1203 г. имелась этможа турхаутова». «Монгольский предводитель XI—XII вв.,—писал Б. Я. Владимирцов,—всегда... неразлучен со своими нукерами, они всегда, в том нли другом качестве при нем, они составляют его свиту. Нукер в ставке своего правителя оказывается прислужником, на войне или во время набега он вони, во время болавных охот он помощинк; он заведует всегда чем-нибудь, наблюдает, он состоит в свите; он же является обляжайшим доугом и советинком своего поседодителя».

Как гвардейцы рассматриваются в «Юань ши» и первые нукеры Чингис-хана. «Во времена Тай-цзу Мухуали. Чилаовэнь, Борху и Борчжу составили четыре цесе (кешик) для того, чтобы командовать цеседай (кешиктенами) и поочередно служить в качестве гвардии императора». Эти четверо звались «лэрбен кулюд» («четырьмя героями»), «Тай-цзу приказал им, передавая эту власть по наследству, командовать четырьмя цесе. Цесе означает: гвардия, которая служит поочередно». По справедливому замечанию Сяо Цицина — нукеры, гвардейцы, являлись одинми из самых видных представителей господствующего класса монгольского общества. Нукевы были воннами, стражниками-гвардейцами, алминистраторами, прислугой при хане-правителе. Ранняя монгольская государственность не знала разделения функций охраны ханской ставки, управления двором хана и управлення государством. С нашей точки зрения крупные улусы татаро-монгольских племен, — Хамаг монгол улус, улус татар, меркитов, тайчиутов, улусы керентов и найманов являлись ранними государствами, хотя не все эту точку зрения разделяют. Так, например, авторы «Юань чао ши» пишут: «Монгольские улусы (улус — народ, государство) до создания государства Чингис-ханом еще не являлись «государствами», их ханы еще не были поллинными «императорами». С этим, последним утверждением, что первые монгольские ханы не лотягивали ло императоров Цзинь, Ляо или Сун, Си Ся, может быть и можно согласиться, но то, что первые улусы монголов.

Турхах тюркск. от «тур» — «стоять», «туркак» — ночная стража.

включая и первый улус Чингис-хана до объединения им Монголии не были государственными образованиями, представляется по меньшей мере утверждением спориым.

Улус Есугая возможно был, частью распалавшегося Хамаг монгол улуса. Есугай не был ханом всех монголов. С его гибелью власть в улусе перешла к подвластиым сородичам — тайчнутам. Улус Есугая распался с уходом его нукеров, которым некому было больше служить, не с кем было совершать дерзкие набеги, а также с ухолом тайчичтов и уведенных ими разных людей, некогда входивших в есугаев улус. Мы уже упоминали, что Есугай был киятом, той его ветвью, которую представляли собой потомки сына Тумбинай-сечена — Хабул-хана. К киятам примыкали чжурки, старшие внуки Хабул-хаиа. Есугай, как полагает Хань Жулинь, был главой киятов. Тайчиуты вели свой род от Чаракай-линку, третьего сына Хайду. По китайским данным, Чаракай-линку, его сын Сянкунь-бильге были потомственными ляоскими чиновинками высокого ранга. Тайчиуты оспаривали право на власть у киятов и, как подагает Хань Жудниь, тяготились своей зависимостью и втайне ненавилели киятов. Поэтому тайчнуты не только не отомстили за смерть Есугая татарам, но захватили и увели людей Есугая, бросив практически на произвол судьбы его семью. У малолетиего Темучжина, оставшегося без отца, было три родных младших брата — Хасар, Хачичи, Тэмуге и два сводиых — Бектер и Бельгутай, Была у него и ролная сестренка Тэмулук. Предоставленные самим себе две жены Есугая (на деле возможно и больше) и его дети с горсткой сохранивших им вериость людей легко могли стать добычей любого другого нойона или хана. Защитой им служила лишь былая слава отца и мужа, богатыря Есугая, и знатное происхождение, чтимое хотя бы близкими сородичами,

Оэлун — первая и главиая жена Есугая, по монгольским обычаям после смерти мужа, до тех пор пока не подрастут и не женятся сымовья, стала единовластной правительницей семьи не е мущества. А семью оказалась в крайней нужде. Скота, а значит молока и мяса, не хватало. Оэлун собирала дикие яблоки и черемуху, дикий чеснок, выканывала съедобные коренья. Дети помогали ей, удочками и сетями ловили в Ононе рыбу: «Когда же укочевали Тайчирские братья, покинув в старом кочевье вдову Оэлун-учжин с малыми детьми, вот как поцло:

bo. Kak nomilo

Мудрой женой родилась Оэлун Малых детей своих вот как растила: Буденную шапочку покрепче приладит, Поясом платье повыше подберет, По Онон-реке вверх и вииз побежит По зернышку с черемухи да яблонь - дичков соберет И день и ночь своих деток пестует Смелой родилась наша мать Учжин Чад своих благословенных вот как растила: С лыковым лукошком в степь уйдет. На варево деткам корней накопает. Корией судун да корней кичигина Черемухой да луком вскормленные Доросли до ханского величия. Корнем чжаухасуна вслоенные Праведной матери дети Стали правосудными и мудрыми Голым чесноком у матери вскормлены Подиялись у матери отважными сынами, Вознеслись высокими сайдами, Из всех выдались мужеством и отвагою. А обетом себе поставили - мать кормить. На крутом берегу матушки Онон-реки Вместе усядутся, друг для друга крючья ладят, На крючья рыбешку негожую притравливают, Ленков да хайрюзов выуживают. Невода ли сплетут, плотву неводят. С сыновней любовью матушку напитают.

Как полагает П. Рачневский, «Тайная история» умышленно драматизирует ситуацию, в которой оказалась семья Есугая, прежде всего для того, чтобы подчеркнуть путь Темучжина «из грязи в князи». Рашид-ад-дин приводит некоторые важные детали, которые свидетельствуют о том, что все было не столь обыденно и просто. Отошли тайчиуты, которые Есугаю «завидовали и питали к нему ненависть», другие люди из улуса Есугаева ушли «постепенно», - «благодаря тому, что тайджиуты были главнейшей из ветвей родственных племен, дело постепенно дошло до того, что другие родичи и войска, оказывавшие Есугай-бахадуру повиновение, отошли от его детей и склонились к тайджиутам. Они сплотились вокруг них, благодаря чему у этих племен появилась полная сила и могущество». Оэлун не просто в сопровождении нескольких человек пыталась вернуть ушелших, а это была война, ибо «Оэлун самолично села верхом, подняла бунчу (тук), посадила на коней войска и отправилась в погоню за беглецами, дабы вернуть их назад. Когда они сошлись, с обоих сторон построились ряды в боевом порядке и начали сражение». Судя по Рашид-ад-дину, при сражении присутствовал и Темучжии, что допустимо, если мы примем во винмание хроиологию Рашид-ад-дина, в соответствии с которой на момент смерти Есугая Темучжину было уже триналцать лет. П. Рачневский ставит еще несколько справедливых вопросов: почему клан Есугая был против Оэлун? Почему ее не поддержали братья Есугая? Почему не вступил в силу закои левирата и никто из братьев Есугая не взял ее себе в жены? Если следовать Рашил-ад-дину, выясияется, что дядя Темучжина, младший брат Есугая Даритай-отчигии «вначале, когда племена и войско Чингизхана перешли на стороиу тайджиутов, ...слился с племеием тайджиут». Двоюродный брат Темучжина, сын старшего брата Есугая Некун-тайши Хучар, прославленный стрелок, про которого сложили поговорку - «стрела Kyчара уносится так, что становится невидимой», «в то время, когда Чингиз-хан ребенком лишился отца и племена его склонились на сторону тайджиутов,, со своим войском заключил с Чингис-ханом союз и в течение некоторого времени находился при его особе и похвально служил ему». Очевидно все-таки, что и у Оэлун и Темучжина было, хотя бы первоначально на кого опереться, а что было на самом деле, узиать трудно. Как писал Рашид-ад-дии, из-за смерти Есугай-бахадура, судьба их запуталась, и подробности их жизиениых обстоятельств за тот промежуток времени неизвестны».

Как бы то ин было, братья от разных жен Есугая не поладили между собой. Они часто ссорились, иередко изза пустяков. Оэлун, которую не покидала мысль отомстить тайчиутам за предательство, старалась укрепить семью, сплотить братьев, будущих мстителей за отца. Хорошо зная «древине слова», она рассказывала им об их роде — с мудрой праматери Алан-Гоа, о прадеде Бодончаре, о славиых делах их предков Хабул-хагана и Амбагай-хагана, о богатыре Хутула-хагане и их отце богатыре Есугае. Темучжин по праву первородства был старшим, он должен был наследовать социальный статус и титул отца. Но по всей видимости, и Бектер, старший сын от второй жены, заявлял свои претензии. Как-то Темучжии поймал в Ононе красивую рыбу, а Бектер с Бельгутаем отняли ее у него и его брата Хасара. Побежали братья жаловаться Оэлун. Та почувствовала не-

 Ах, что мне с вами делать? Что это так неладио живете вы со своими братьями. Нам иадо думать о том, как отплатить за обиду тайчиутам, а вы ссоритесь.

доброе, стала упрекать их:

Обида братьев была сильнее разумных слов матери:
— Ведь совсем недавно они точно так же отияли у

нас жаворонка, подстрелянного стрелой, а теперь вот опять. Как же нам быть в согласии?

И, хлопиув дверью, братья вышли, полиые решимо-

сти отомстить за обиду.

Бектер в это время пас на холме коней. Подкрались к нему сыновья Оэлун с луками и стрелами. Темучжин

сзади, Хасар спереди. Испугался Бектер.

Думаете ли вы о том, с чьей помощью можио исполнить непосильную для вас месть за обиды, ианесенные тайчиутами. Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас

ресинца в глазу или заноза в зубах.

И по лицам их ои поиял, что не ждать ему пощады. Со словами «Не разоряйте меого очага, не губите Бельгутая» он покорно присел на корточки перед братьями. В упор, спереди и сазди, произнали Бектера стредами Темучжии и Хасар и ушли, бросив бездыханное тело своего единокровного брата на холме.

Оэлун по лицам своих сыновей сразу все поняла.

— Душегубщ», закричала она. Недаром этот вот яростно из утробы моей появился, сжимая в руке своей запекцийся стусток крови. Вы стубили его, словно дикие псы, прогрызающие материискую утробу. Речь ведь о том, кто вам поможет отомстить тайчиутам. У вас же сейчас нет дружеской сени, кроме собственной тени, нет другого хълиста, кроме хвоста.

Позднее народное предание вложило в уста Оэлун

такие слова:

Убийны! Этот выходил Из тепла моего В руке своей сгусток крови Сжимая, родился. Вы убили его. Как злые собаки свое брюхо кусающие, Как хишиые птипы. На скалы бросающиеся. Как щуки, незаметно заглатывающие. Как верблюды-самцы. связки ног у своих верблюжат кусающие, Как волки. в дождь нападающие. Как турпаны, своих же птенцов поелающие. своих же птенцов не в силах за собой увести. Как шакалы, свое логово, когда оно потревожено, защищающие, Как барсы, без промедления хватающие, Как псы сторожевые, без пазбому блогающиеся!

И долго с великим гневом порицала она сыновей своих

за необузданную жестокость.

Бельгутай, родной брат Бектера прожил 110 лет и умер в 1255 г. Опираясь на этот факт и, имея в виду и претеизии Бектера на старшинство, П. Рачневский допускает мысль, что Бельгутай был старше Темучжина. а Бектер, соответственно еще старше, значит, и Оэлун была не первой женой Есугая. Однако большинство исследователей полагают, что все-таки Темучжии был старшим сыном от старшей жены. Об убийстве Темучжином брата сообщает только «Тайная история». Оно не упоминается ин в «Юань шк», ни у Рашил-ал-дина. ни в «Шэн у цинь чжэн лу». Не упоминает его в своей монографии «Чингис-хан» и Хань Жудинь. Авторы послединх западных монографий о Чингис-хане не сомневаются в факте убийства Темучжином брата. П. Рачневский пишет, что «мы не имеем никаких оснований сомиеваться в исторической подлинности убийства». Л. Гамбис замечает, что «Темучжин не проявил никакого волнения от слов его матери и не испытал ни малейших угрызений совести от поступка, который казался ему справедливым. Он не мог допустить того, чтобы лишить себя чего-то, на обладание чем, как он полагал, он имеет неоспоримое право». Эта черта характера освещает всю его жизнь, потому что он никогда не воспринимал взгляд на его власть и на его волю, как на оспоримые. Он до самой своей смерти применял этот принцип, никогда не идя ня на какую сделку, и применял его в его крайних проявлениях, хотя в действительности он не был ии жесток, ни кровожаден». И в соответствии с этим Л. Гамбис считает братоубийство, совершенное Темучжином за «проявление инстинкта госполства и власти, которым он обладал». Мы еще поговорим ниже о разных «реставрациях» характера Чингис-хана, сейчас же только отметим, что убийство брата Бектера, в котором участвовал старший по возрасту Темучжин - факт, с нашей точки зрения, свидетельствующий о метительности и жестокости характера будушего Чингиса. Даже в те годы, когда наезды, грабежи, убийства были довольно обычными в монгольской степи, убийство брата было событием из ряда вон выходящим. Дело, конечно, было не только в пойманной рыбе — Темучжин видел в Бектере соперника. Он устраили эго с помощью физически сильного, но не очень умного брата Хасара, Через несколько лет после распада
есугаева улуса, братъв возмужали, и кто-то одни должен был наследовать дело отца. Бектер тоже понимал,
что рыба — только повод, который он непредусмотрительно дал в руки Темучжина, и, умирая, просил об одном, чтобы не убивали дети Озлун его младшего брата Бельгутая, не разоряли его очага. А Темучжин добился своего. Именно после убийства Бектера произобило признание Темучжина в качестве главы семын.

Весть об убийстве быстро распространилась по степи. Возможно, что одними из первых узнали это тайчиуты. Тайчиуты не могли не знать, что Оэлун живет думами о мести, что эти чувства она воспитывает в своих сыновьях. Тайчнуты побаивались подросшего Темучжина. Теперь они получнли оправдание для того, чтобы, если не уничтожить Темучжина (видимо, по этике родства это было сделать не просто), то как-то взять под более надежный контроль наследника Есугая. Таргутай Кирилтух со своими нукерами явился к стану Озлун и потребовал выдачи Темучжина, главного виновника убийства. Однако Темучжии предусмотрительно бежал и укрылся в глухой чаще на вершине горы. Тайчиуты обложили лес и стали ждать. Через пятнадцать суток, не выдержав мук голода, Темучжин вышел из лесу, и был схвачен тайчиутами. Таргутай привез его в свой улус и подверг «законному наказанию»: Темучжину надели на шею кангу - тяжелую деревянную шейную колодку, к нему приставили стражу, а так как, естественно, в улусе тюрьмы не было, на ночлег Темучжина переводили из юрты в юрту. Казалось, тайчиуты надежно охраняли своего будущего врага. А Темучжин отныне жил одной мыслыю о побеге.

Плен (или плены) юного Темучжина в принципе тоже не очень ясное место в истории ранних лет жизвин Чингис-хана. В «Тайной истории» в § 79—81 рассказывается о пленении Темучжина Таргутай Кирилухом и стремлении подвергнуть его «законному наказанию», а в § 149 сам Таргутай Кирилтух, плененный своими подданиями, убеждает их отпустить его, так как Темучжин все равно не убьет его; «Ведь Темучжин не может, не должен меня убить! Когда он был малышом, я прнвознл его к себе, зная, что он остался сиротой, без отца, и что у иего

Во взгляде — огонь, А лицо — как заря.

Полагая, что он в состоянии выучиться, если его учить я и учил-наставлял его, иаподобие того, как обучают породистых жеребят. Убьет ли он меня? Нет, он не может, не должен убить меня... Таким образом, получается, что и отношения правителя Тайчиутов с Темучжином лично и с семьей покойного Есугая были не столь однозначию враждебимым, как это подчеркивают другие тексты. П. Рачневский ставит под сомнение прямую связь между увозом Темучжина к тайчитуми убийством им брата Бектера, ссылаясь на то, что Темучживом им брата Бектера, ссылаясь на то, что Темучжив в возможию, ие раз был в плену в ноности и не только у тайчиутов, но тем не менее, нам кажется, что весь имеющийся матернал подчеркивает наличие такой связи, если учесть, что это был не просто плен, а наказание за убийство бликого родственника.

У Рашид-ад-дина плененне Темучжина приписано меркитам, некоторые обстоятельства самой истории пленения Темучжина тайчнутами и меркитами при этом

совпадают.

«Тайная история». После того, как был убит Бектер, «тогда является во главе своей охранной (турхаут) стражн Таргутай — Кирилтух. Он сообразил теперь

Видно, овечки-то, кургашки, облиняли, Слюни свои подобрали.

Тут матери с детьми и все братья в ужасе бросились прятаться в тайгу. Вельгутай построил укрепление из поваленных деревьев, а Хасар перестреливался с иеприятелем. Хачиуна, Темугея и Темулуну спрятали в ущелье, а сами вступили в бой (кстати, это лиший раз подтверждает, что при семье Оэлун были вонны и прислуга — Е. К.). Тогда тайчиудым стали громко кричать им: «Выдайте нам своего старшего брата Темучжина Другого нам инчего не надо!» Этим они и побудили Темучжина обратиться в бегство. Заметив, что Темучжин пустиси в лес, тайчиудцы бросились за инм в потоно, но он услепа пробраться в тустую чащу на вершине Тергуне. Не умея туда проникнуть, тайчиудцы окружили бор и стали его сторожить».

«§ 80. Проночевал Темучжии трое суток в тайге и ре-

шил, наконец, выходить. Взял свою лошадь под уздцы и пошел. Вдруг — неожиданная задержка: с лошади сползло седло. Стал он рассматривать — и видит: седло сползло при туго подтяпутой подпруге и нагруднике. Вот так причина задержки. Тогда стал он раздумывать: «Подпруга еще туда-сюда, но как могла сползти также и подгрудиая шлея? Не иначе, что само небо меня удерживает». И он вернулся назад и провел в лесу еще трое суток. Решил было опять выходить, как смотрит: у самого выхода из тайги лежит белый валун-камень, величиной с походную юрту, и вплотную закрывает выход. «Не ясно лн, -- подумал он, -- не ясно ли, что само небо меня удерживает». Провел он в лесу еще девять суток, без всякой пищи и думает: «Ужели довести себя до бесславной смерти? Выйду теперы!» И принялся срезать стволы ножом для очистки стрел, срезать деревья, которые не давали прохода, окружая тот белый валун, величиной с юрту, что свалился откуда-то и заслоинл проход? Кое-как провел он свою спотыкавшуюся лошадь и уже стал было выходить на прогалину. А тайчиудцы тут как тут, сторожат. Схватили его н повели с собой».

Мы не станем разбирать имеющие здесь место фольклориые мотивы - лес укрывает героя, небо, чудесные силы предупреждают его: «не выходи», но он выиуждеи нарушить его волю, выходит и попадает в руки преследователей. Просто обратимся к тому, что пишет Рашид-ад-дин. Он, как мы помиим, ни словом не упоминает об убийстве Бектера. В повествовании о меркитах говорится: «Как-то раз во время юности Чингиз-хана они одержали над иим победу и его внезапио захватили в плен. В те дии не существовало обычая быстро убивать плениых, так как, возможно, что-ннбудь за них возьмут и тогда их освободят. Это дело произошло так, Однажды Чингиз-хан ехал по некоему важному делу; он достиг высокого ходма и направился на его вершину; седло вместе с ним отделилось от спины лошади без того, чтобы распустилась подпруга и развязались нагрудные ремин; Чингиз-хан упал. Сильио удивившись этому обстоятельству, он сам себе сказал: «Может быть, всевышняя истина не желает, чтобы я ехал по этой дороге и затрудняет мое дело». Он подумал о возвращении, ио сатана снова одержал над ним верх и Чингисхан отправился по влечению сердца. Неожиданно некоторое количество людей из племени меркит напали на него, захватили, увели и стерегли до тех пор, пока, по прошествии некоторого времени, не прислали им кое-что из дому Чингиз-хана и не взяли его обратно».

Обстоительства пленения Темучжина тайчиутами и мириктами, как мы видим, совпадают. Но Рашил-ад-дин упомивает в о тайчиутском плене Темучжина: «В то время, когда между Чингис-ханом и тайчиутами была вражда и распря, эти последине, найля олижды удобиьй случай, внезапио схватили Чингиз-хана». «Однажды Чингис-хан попал к ими, врагам, в руки. Его освободил... Соряза-Пира из племени сулдус».

Совпадает в основных деталях и рассказ о побеге Темучжина из тайчиутского заточения в «Тайной истории» и у Рашид-ал-дипа. Оба рассказа красочны, и то, что я позволю себе привести их здесь полностью, ду-

маю, не затруднит читателя.

Итак. «Тайная история»: «16-го числа Первого летнего месяца по случаю праздинчного дня полнолуния, тайчиулны праздновали веселым пиршеством на кругом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солине. На это празднество Темучжина привед какой-то сдабосильный парень. Выждав время, когда все праздиовавшие разошлись, Темучжии бежал от этого слабосильного парня, вырвавшись у иего из рук и всего раз ударив его по голове шейной своей колодкой. Он прилег было в Ононской дубраве, но, опасаясь, как бы его не заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку свою пустил винз плыть по течению. Между тем, упустивший его человек громко вопил: «Упустил колодника!» На его крики со всех сторон стали собираться тайчиудцы. Они тотчас же принялись обыскивать рошу Оноискую; светил месяц и было светло, как дием. Сулдусский Соргаи- Шира прохолил как раз мимо того места, где Темучжии лежал в заводи. Он заметил его и говорит: «Вот это лело! За то. видно, ты и не мил своим братцам, что так хитер; что

Во взгляде — огонь А лицо — что заря

Но не робей, так и лежи, я не выдам!» и поехал дальше. Когда стали утовариваться о дальиейших поисках, Сорган-Шира посоветовал; «Давайте снова хорошенью объщем каждый совй участок обратным путем». Все согласились в пошли каждый обратно том же своим путем, снова тшательно его обыскивая. Вторично проезжая мимо него, говорит Сорган-Шира: «Лежи себе. Неподалеку тут твом братцы точат на тебя зубы и языки, Но не робей»,— и поскал дальше. И опять уговариваются они о иолых поисках и опять советует Сорган-Ширез: «Сынки Тайчиудцы! Среди белого дня вы потеряли целого человека, как же можем мы найти его темною иочью? Давайте напоследок хорошенько посмотрим, из обратиом пути, каждый свою долю, да и по домам, а завтра утром опять сойдемся из попски. Куда может уйти этот человек с колодкой на шесе?» Все согласивись и пошли сиова повториым поиском. Опять подъехал к иему Сорган-Шира и говорит: «Уговорились кончать поиски, утром будем искать. Теперь ты выжди, когда мы разобдемся, да и бети домой, Если же тебя кто увядит, смотри, не проговорись, что я тебя видел». И с этими словами укал.

Выждав, пока они разошлись, Темучжии пошел вниз по Онону разыскивать юрту Сорган-Шира, Он размышлял так: «Еще позавчера, когда мне пришла очередь иочевать тут, ночую я в юрте Сорган-Шира, Сыновья его Чимбай с Чилауном жалеют меня. Ночью, видя мои мучения, ослабляют колодку и дают возможность прилечь, А теперь вот Сорган-Шира хотя и заметил меня, а проехал мимо. Не донес, Не спасут ли они меня также и в настоящем положении?» Юрта Сорган-Шира была приметиая: все время переливали молоко и всю иочь до самого рассвета пахтали кумыс, Примета - на слух. Идя по этому на стук мутовки, он и добрался до юрты. Только он вошел, как Сорган-Шира говорит: «Разве я ие велел тебе убраться восвояси? Чего ты пришел?» Тогда оба его сына Чимбай и Чилауи стали говорить: «Когда хищиик загонит малую птичку в чащу, то ведь и чаща сама ее спасает. Как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который к нам пришел?» Не одобряя слов своего отца, они сияли с него колодку и сожгли ее на огие, а самого поместили в телегу, нагруженную овечьей шерстью и стоявшую за юртой. Они поручили его заботам своей младшей сестры, по имени Хадаан, строго наказав ей не проговориться об этом деле ии одиой живой душе,

На трегий день, полозревая, что его скрывает ктоинбудь из споих же, стали всех объекивать. У Сорган-Шира обыскивать и повозках и всюду вплотьдо сидений, Забрались потом и в телегу, загруженную овечьей шерстью, позади юрты. Разобрали шерсть свержу и стали уже добираться до дия, как Сорган-Шира говорит: «В такую-то жару как можно усидеть под шерстью?» Тогда люди, производявшие обыск, следли и ушли. Когда обыск окончился, Сорган-Шира говорит Темучжину: «Чуть было ты не развеля меня прахом. Ступай-ка теперь и разыскивый свою мать и братьсей ого дал Темучжину беломордую рыжую эловую кобылу, сварил двухгодовалого берана, снаблия его бурдлоком и бочонком, по и едля ин селля, ин отинав. Дал только тупа шлу два пру стрел. С таким снаряжением он его отпустия. Шо и вшшех своих в урочешие Хормуху Карлику и

Кимурхииского мыса Бедер». Рашид-ад-дии. «Случилось так, что Таргудай-Кирилтук, государь племени тайджиут, который был его врагом, настиг и захватил его. Он следал для него погатку и берег его: в то время еще не было в обычае быстро убивать пленинков. Была одна старуха из племени Тайджу-Эгэчи. Ее называли Тайджу... эта старуха все время расчесывала волосы Чингиз-хана и прислуживала ему. Поскольку все время шея у него была до крови натерта рогаткой, она подкладывала Чингизу пол шею немного войлока и вообще постоянно проявляла к нему милосердие. Спустя некоторое время Чингиз-хан в одни из дией нашел удобный момент и бежал вместе с рогаткой. В тех пределах было большое озеро. Он залез в него и вместе с собой погрузил в воду и рогатку, так что из всего его теля из волы высовывался лишь один нос. Отряд тайджиутов пустился его преследовать; его искали, Соркан-Ширэ из племени сулдус... был среди того племени и кибитка его тоже была поблизости. Внезапио его взор упал на благословенный нос Чингиз-хана. Он догадался, что это ен. Тайком он подал знак, чтобы тот погрузил поглубже голову и сказал тем людям (тайджиутам): «Вы продолжайте обыскивать другие окрестности и стороны, чтобы мие здесь быть иа стороже!» - и этим он их рассеял по разным сторонам. Когда настала ночь, он вытащил из воды Чингиз-хана. сиял с его шен рогатку, отвез его в свой дом и спрятал на телеге под большой кучей шерсти. После этого сборище ищущих Чингиза проследило его следы до той местности. Они возымели подозрение, что он может быть в кибитке Соркан-Ширэ, учинили там тщательный розыск вплоть до того, что несколько раз протыкали ту шерсть вертелами, но он не появился оттуда. Так как всевышняя истина возжелала его счастья, то ин разу не было причинено вреда и боли его благословениому телу: его не нашли и ушли. После того Соркан-Ширэ дал ему рыжую кобылиц, немного мяса и вертел для кебаба, а также дал ему кое-что из вещей, которые иужив в путеществии, как то: стреды, дук и прочее, а кое-чего не дал; говорят, что он также не дал ему огнива и от-

Далее Рашил-ад-дии повествует о том, что малолетий четвертый сын Чинга-схана Тулуй чудсемым образом предсказывает возвращение отца вз плена: «Вот подъезжает мой отсц верхом на рыжей кобылние с двумя тарбаганчиками в тороках1» и через час прибыл домой Темучкии на рыжей кобыле и с двуми тарбаганами, тут «все пришли в величайшее удивление от слов Тулу».

Таким образом, за исключением деталей, рассказы о «Тайной история» и у Рашил-ал-дина совпадают. Был ли Темучжин и тем рего побеге и в кайной история» и у Рашил-ал-дина совпадают. Был ли Темучжин и в меркитском плену? Это остается иемсим. П. Рачивский утверждает, что «очевидно, Темучжин более, чем раз, попадал в плен». Он исходит из того, что такое явление в то время было нередким, Тоорил был 7 лет в плену у меркитов и 13 лет — у татар, его брат Джака-Гамбу жил в плену у тангутов, а аньда темучжина Чжамуха побывал в плену у меркитов.

О пребывании Темучжина в юмости в плену зиал Чао Хуп: «Чингие в малолетстве был захвачен в плен цзиньцами, обращен в рабство и только через десять с лишим лег бежал». Версию о чжурчжэньском, китайком плене Темучжина отвертал В. В Бартольд; «Китайские современники Чингис-хана по всеглашиему обыкповенно китайшев, старались объяснить услежи монгольского завоевателя китайским влиянием и с этой целью придумывали факты; такой характер имеет известие, что Темучжин в молодости был взят в плен цзинскими войсками и более десяти лет провел в Китае; свая ля возможию, чтобы монгольское предание не сохрандло ни единого намека на период в жизни Чингиса, продолжавшийся целька десять лет».

Джузджани в «Табакат-н-Насири» датирует тайчиутский плен Темучжина 584 г. хиджры—1187—88 гг. Если принять во внимание разные даты рождения Темучжина, 1155, 1162 лил 1167 гг., то в любом случае, следуя дате, приводимой у Джузджани (источник XIII вска) Темучжину было соответственно 32, 25 или 21 г., в любом случае он был уже не только не мальчик, но и не юноша. По Рашид-ал-дину, когда умер Есугай, Темучжину было 13 лет (т. е. это произошло в 1167 г.). Темучжин жил с матерью до тайчиутского плена 20 лет, имел уже четырех сыповей. Разумеется, эта хронология не может ститаться верной и безупречной. П. Рачневский полагает, что когда умер Есугай, Темучжину было 8—9 лет, в 14—15 лет он убил Бектера и после этого попал к тайчиутам.

Следуя источнику, после бегства из тайчиутского плена, Темучжин жил со своей семьей, кормясь ловлей тарбаганов и горпой крысы кучугур, Как замечает Б. Я. Владимирцов, «В таких занятиях проходили юные годы человека, перед которым впоследствии трепетали могуществениые царства, который, казалось, нигде не мог встретить препятствия для достижения своих желаний». Здесь в уединении семья Оэлун постепенно окрепал. Выросли дети. Темучжин превратился в крепкого молодого мужчину. Но от своих сверстников он отличался не телесным здоровьем — младший брат Хасар был сильнее его, — а умом и хигростью. Постепенно именю Темучжин становится главой аила. Появляются у Темучжина и первы тукеры.

* * #

Как-то люди из чужого племени угнали из аида Озлув восемь меринов. Вилимо, недругам была известна беззащитность Озлув, и поэтому это было сделано нагло, на глазах у всех. И видела Озлув со союмми близкими, что грабят их, а инчего не могла поделать. Не было в стане лишией лошади, осталась лишь та, на которой объектутай усхал на охогу за тарбаганами. Как только он возвратился, заспоряли братья, кому ехать в пого-

— Я еду в погоню. А Хасар говорит:

Ты ие справишься, в погоню отправлюсь я.

— Вам не справиться, в шогомо спиравлюсь я.

— Вам не справиться, решил Темучжин как старший, Потонось-ка я сам! Сел на коня и поехал по слади, оставленному утнаниями мерныями. После третьей
ночевки встретил он табун и молодого пария, которыя
в это время доня кобылу. Тот сказал ему, что виделкак рано утром, перед восходом солнца, какие-то люди
прогнали мимо восемь мернию. В заменял он Темучжинг
уставшего коня на другого из своего табуна и сказал:

— Друг, ты ведь сильно намаяялся в пути, а у доб-

рых молодцев горе общее. Поеду-ка я с тобой в товарищах. Мой отец зовется Наху-Баяном. Я его единствен-

ный сын, имя мое Боорчу.

Они отправились вместе в погоню. Вдюем они отбили угнанных меринов. На обратном пути, когда новые друзья прибыли к стану Боорчу, Темучжин предложил ему плату за помощь, но Боорчу наотрез отказался. Более того, Наху-Баян снарядил Темучжина в дорогу: зарезал для него ягиенка и дал полиый бурдюк питья. На прощание Наху-Баян сказал:

Вы оба молодые ребята. Любите же друг друга

и никогда не бросайте друг друга.

Так, по преданию, Темучжий приобрел свосго первого друга-иукера Боорчу, который всю жизиь был одним из лучших полководцев и сподвижинков Темучжина.

Предание в опоэтизированной форме (этот эпизод красочно расписан в «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана) повествует об усилении Темучжина, возвращении к нему былой власти и привлечении на службу нукеров, причем, Боорчу необязательно мог быть самым первым из них, Боорчу принадлежал к племени арулатов, арулаты были и ранее в хороших отношениях с Есугаем. По «Юань ши», когда Боорчу начал служить Темучжину, ему было 13 лет. По характеристике этого источника, он отличался глубиной замыслов, храбростью, знал военное дело и любил сраженья. «Как брат (как единомышлениик, туици) он участвовал в походах на все четыре стороны и не было похода, в котором бы он не сопровождал (Темучжина)». «Когда все племена не были еще усмирены, Боорчу каждый раз клялся, что ночью император будет почивать обязательно спокойно, клал подушку и располагался прямо виутри (помещения, где ночевал Темучжии). Они говорили о самом важиом. ниогда до рассвста. Союз государя и его слуги был подобеи единству рыбы и воды».

Рассказывается эпизол, что одиажды, когда в бою Темучжином был даи приказ ие отступать ни на шаг, Боорчу привязал себя к лошади у поясинцы и коленей, и не отступил ни на вершко т первовачального места, Рашид-ад-дич со слов самого Темужина приводит следующий эпизод, «Я ехал с Богорчи, на горе находились в засаде против нас двенадцать человек. Богорчи ехал сзади. Я не стал его ждать, а напал на них. Они все двенадцать разом выпустили в меня стрелы, их стрелы детали вокруг меня, а я нападал. Вдруг мне в рот попала стрела. Я упал и от жестокости полученной мною раны лишился чувств. Меж тем подоспел Богорчи и увидел меня ерзающим по земле ногами и катающимся, словно шар, словно человек, находящийся при последнем издыхании. Тотчас он нагрел и принес воды, и я полоскал рот и выплюнул кровь, свернувшуюся в горле. Покинувшая меня душа вновь вернулась в тело, появилась способность чувствовать и двигаться. Я встал и вновь кинулся на них. Они устрашились моей крепости, скатились с той горы и отдали душу. Причина тарханства Богорчи-нойона и его уруга та, что в тот момент он проявил столь похвальное усердие». Этот эпизод имеет и такую версию: Боорчи «с детства... неотлучно находился при Чингиз-хане, никогда не выступал против него и оказывал похвальные услуги... Говорят, что в то время, когда Чингиз-хан был в юношеском возрасте, он отправился на войну с некоторыми тайджиутами и там, будучи ранен стрелою в рот и в горло, повернул назад и обессилел; с ним вместе был Богорчин-нойон и Борагул-нойон. В пути они его сняли с лошади. Шел сильный снег. Борагул-нойон попридержал его лошадь и видя Чингиза в таком состоянии здоровья, накалил камень и поливал его водой, пока не поднялся пар. Он держал рот Чингиза над этим паром, пока застывшая кровь не вышла сгустком из горла и ему стало немного легче дышать. Так как шел сильный снег, то Богорчии-нойон держал двумя руками над головою Чингиз-хана свою доху, чтобы снег не падал на него. Он так простоял до Утра и снег засыпал его по пояс, он же не слвинулся с места. Утром он посадил Чингиз-хана на коня и доставил в свои стойбища». Мы еще вернемся к эпизоду ранения Темучжина в шею, пока заметим лишь то, что по «Тайной истории» во время ранения ему помог Чжельме. а не Боорчу.

Мім уже упомінали о том, что хронологическая последовагольность основімых событий коних лет и возмужання Темучжина запутана. Эшізод с Боорчу и возвращеннем угнанных мерннов мог быть и до тайчитусткої плена, если мы прімем во вніманіе, что по некоторым источникам, во время тайчиутского плена Темучжин уже был отцом четырех сыновей. Так это или не так, но «Тайная история» связывает со временем появлення Воору в нукерах у Темучжина женитьбу последнего. Настала пора Темучжину жениться. Вместе с Бельгутаем поежа до к Дай-сечену и взял себе в жены Борте, девочку, теперь девушку, нареченную ему еще в детстве. Цотан, мать Борте, проводила дочь прямо в семью мужа, в аил Оэлун, на речку Сунгур, в урочище Гулельгу. Только теперь, женившись, по обычаю Темучжин стал по-настоящему главой анла вместо своей вловой матери Оэлун. Провожать домой тещу Темучжина поехал Бельгутай и нукер Темучжина Боорчу. Боорчу вошел в число «четырех кулюков», «четырех богатырей», четырьмя кулюками Темучжина были Борохул, Боорчу, Мухали и Чилаун. Собственно, в какой-то мере нукерами Темучжина являлись его братья Бельгутай и Хасар. Недаром Темучжин говаривал: «С мечом Бельгутая н луком Хасара мы возьмем всю Поднебесную» («Юань ши»). Бельгутай «в детстве сопровождал Тай-цзу», «водил заводную лошадь. По обычаю государства (при хане) постоянно был преданный, верный человек. Если (хан) терпел поражение, то взнуздывали заводную лошадь». Бельгутай постоянно сражался в авангарде. Он сам, его семья и люди всегда занимали место к югу от ставки Темучжина, Хасар (Джочн-Касар) был «человеком весьма сильным и стремительным», «говорят, что его плечи и грудь были так широки, а талия так тонка, что когда он лежал на боку, собака проходила под его боком; сила же его была такова, что он брал человека двумя руками и складывал его пополам, как деревянную стрелу, так что его хребет переламывался. Большую часть он находился в союзе и был единодушным со своим братом Чингиз-ханом» (Рашид-ад-дин).

Отец Мухали «считал себя родственником и соседом и потому находился в подчинении Тай-цзу». Раз он спас жизнь Темучжина, отдав ему свою лошадь, когда их преследовали враги, хотя заплатил за это своей жизнью. Когда родился Мухали, белый воздух заполнил юрту и шаман объявил, что родился необычный ребенок. Мухали отличался пытливым умом, ловкостью, был отличным стрелком из лука. Это был человек, преданный Темучжину. В «Юань ши» рассказывается, что однажды, когда Темучжин терпел одну неудачу за другой, он со своими людьми попал в снежный буран. Они не могли найти юрты и заночевали в болоте. Мухали и Боорчу расстелили шубы и войлок, сверху поставили щиты из войлока и укрыли Темучжина от снега. Сами они до рассвета продержали защищавшие Темучжина от снега войлоки, и при этом даже ни разу не пошевелились. Раз. когда на Темучжина н его людей напали

разбойники, Мухали успешно отстреливался, а потом сиял с коня седло и украл им Темучжина от стрел нападавших. Про Борохула известно, что он служил Темучжину, был первым его тисячником и пал от руки врага. Чилауи был сыном Сорган-Пшра, человека, который помог Темучжину бежать из тайчиутского пледелений, что по размым причинам каждый из них перешел на службу к нему, стал его нукером, но столь же очевидно и то, что они чтили Темучжина за его высокое происхождение и за его личные качества. Эти лоди, как и многие другие, поставяли на Темучжина в той междоусобной борьбе, которая развернулась в моитольской степи и нео пиблись.

В изложении источников получается, что женившись, Темучжин одновременно стал проявлять активность каполитический деятель. Прежде всего он стал думать о том, как для будчшх битв с врагами найти себе союзников. Приля в дом мужа, Борте подарила своей свекрови Оэлун доху черного соболя. И решил Темучжин отвезти эту доху в подарок правителю кереитов Тоорил-кагану, рассудив так: «Ведь когда-то Тоорил-хан кереитский побраталея, стал андой с батюшкой Есугайханом. А тог, кто доводится андой моему батюшке, все

равно что отец мне».

Темучжин был молод, да смышлен. Он знал цену титулам и потому уже не впервой величал своего покойного отца ханом. А кем же мог стать ханский сын?

Только ханом.

Когда-то Есугай-баатур и керентский Тоорил-каган действительно были побратимами, анда. Есугай неоднократно оказывал помощь Тоорил-кагану и вызволял его из разных бед. Путь Тоорил-кагана к власти, как и у многих татаро-монгольских ханов, был устлан не розами, а головами. Дед Тоорил-кагана Маркуз (Марк) был пленен татарами и выдан ими чжурчжэням. Тоорил-хан начал свою «карьеру» с того, что убил двух своих братьев Тай-Тимур-тайши и Юла-Жагусу. Воспользовавшись этим, дядя Тоорил-кагана Гур-хан напал на него и лишил его улуса. «Гурхан заставил бежать Онхана (Тоорила — Е. К.), разграбив его. Он-хан, бежав с сотней людей, уходил от преследователей. Есугэйкаан принял его сторону и взял его. После того Есугэй сказал: «Нам нужно вести дружбу с этим человеком», -побратался с ним. В этом положении Кутула-каан сказал (Есугэю): «Дружба с ним — недоброе дело, посколь-

ку мы его хорошо узнали. Лучше стать андою с Гурханом, так как у него мягкий и хороший характер, а этот человек убил своих братьев и кровью их запачкал знамя чести» [...] Есугай-бахадур не согласился с этим и стал с ним (Он-ханом) другом и побратимом. Он напал на Гурхана и обратил его в бегство, а улус его отдал Он-хану» (Рашид-ад-дин). Гур-хан бежал на территорию тангутского государства Си Ся. Брат Тоорила Эрке-Хара до этого бежал к найманам. Найманы через какое-то время напали на Тоорила, разгромили его и отдали его улус Эрке-Хара, «Отец Чингиз-хана вторично оказал помощь Он-хану и изгнав Эрке-Кара и опять взяв место (занимавшееся) Он-ханом, отдал ему», Можно с уверенностью сказать, что Темучжин, живя в захолустьи и испытав муки плена, тем не менее был хорощо осведомлен о ситуации в огромной монгольской степи. Выбор его не случайно пал на керентов.

Керенты были сильным племенем, «В то время и в тех пределах они имели больше силы и могущества, чем другие племена. До них дошел призыв Инсуса мир ему! — и они вступнли в его веру» (Рашид-да-дин). Таким образом, керенты были християнами несторианкого толка. Покровительство и дружба одного из сильнейших ханов монгольских степей обещали Темучжину защиту и поддержку в сокрушении врагов и восстанов-

лении отцовского улуса.

Темучжин прибыл на реку Толу, где была орда, ханская ставка Тоорил-хана.

— Когда-то вы с родителем монм побратались и, стало быть вместо отна мне.— сказал он и подарил Тоо-

стало быть, вместо отца мне, — сказал он и подарил Тоорил-хану соболью шубу матери. Тоорил-хан также, по-видимому, хорошо осведомленный о делах сына бывшего своего побратима Есугая,

наслышанный о способностях Темучжина, а главное, о его целях, сказал в ответ именио то, чего тот желал:

— В благодарность за соболью шубу я соберу твой

рассеянный улус.

По возвращении от Тоорил-хана один старик монгол, помнивший славу семьи Есугая и подаривший некогда ва рождение Темучжина его ролителям соболью пеленку, отдал в услужение Темучжину своего сына Чжелме:

Вели ему коней седлать, Вели ему дверь открывать.

Так Темучжин приобрел себе второго нукера. С такими

же присказками отдавали своих сыновей в нукеры Темучжину и другие, Гун-ва, передавая Темучжину Мухали и его брата Бугу, якобы сказал:

> Пусть станут слутами У твоего порога. Если от твоего порога Ублут. Связки ног им перережь. Связки ног им перережь. Твоего полога. Если твой полог Покиму. Почетов Полога. Почетов Полога. Почетов Помера.

Им вырежь!

То же самое говорит Чилаун Хайчи, передавая Темучжину в нукеры сыновей Тунге и Хаши.

Я отдаю, чтобы они
Постояния пребывани у твоего золотого порога.

Если от твоего золотого порога
Отделятся, ужи
Жизия ик прерзи.
Я отдаю, чтобы они
Широкий полог твой подимиали.
Если от твоего широкого полога
Проть уйдут,
Вимян ик сераце!

Ясно, что вступление в нукерство сопровождалось обрядом, во время которого произвосились известные, стандартные слова, символизирующие акт передачи сына в вечную службу хану, службу преданную, за измену полагалась смерть. Чжелме был урянхат. Рашид-аддин дает его полное имя Джэмэ-Ухэ. «Значение сухэ»— дерэкий человек, разбойник и богатырь. Так как он обладал этими качествами, то был прозван этим именемь.

Очевидно, не всем повравилнсь переговоры Темучина с Тоорил-каганом, видимое усиление его. И вот меркиты задумали отомстить Темучжину за старые дела Есугая, за то, что отнял он у их соплеженинка Чилас ду певесту Озлун. Лихие разбойные набети в Монголии середины XII в. были обычным делом. Украсть тайком ечиталось делом недостойным, а отбить салой — подвигом мужества. Джувэйни так писал о жизни татаро-мон-гольских племен до возвышения Чингиса: «Они не были объединены друг с другом и постоянно дрались и враждовали между собой. Некоторые из них рассматривали разбой и насилие, безираетвенность и пьянство как подвити мужества и превосхолства».

Почти врасплох застали триста меркитских воннов, предводительствуемых старшим братом Чиледу, Тохлос беки, аил Озлун и Темучжиниа. Кто вскочил на коия, только тот и успел ускакать. Жена Темучжина Борте и вторая жена Есутая, мать Бельгутая, были склачены и уведены меркитами в плен. Чиледу уже не было в живых, иначе женщины достались бы ему. Поэтому жент бых, иначе женщины достались бы ему. Поэтому жент темучжина Борте в отместку за умыканпе Есутаем Озлун отдали в наложницы младшему брату Чилсау Чильчиру. Как предполагают, в то время она была уже бечиру. Как предполагают, в то время она была уже бечиру. Как предполагают, в то время она была уже бе

ременной и ждала первого сына Чжочи.

Но меркитам нужен был Темучжин. Долго гонялись они за ним. «метались туда сюда, шлн по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не прополэти. Однако изловить его все же не смогли». Темучжин знал - если поймают его меркиты - убьют. «Великий ужас я испытал», - сказал он после ухода меркитов, когда следовавшие по пятам меркитов Бельгутай, Боорчу и Чжелме убедились в том, что меркиты действительно возвратились в свой улус и не оставили засады. В знак избавления от беды Темучжин совершил жертвоприношение солнцу. Он сиял пояс и повесил его себе на шею, снял шапку и ею бил себя в грудь, совершил девять коленопреклонений, а также возлияние кумыса. «Так монголы чествовали в ту пору свои святыни, выражая синманием пояса и шапки свое полное подчинение высшей воле, потому что пояс и шапка, надетые как следует, были у монголов как бы показателем личной свободы их владельца» (Б. Я. Владимирцов). По версии Рашид-ад-дина, меркиты не оставили Борте у себя, а отдали ее Тоорил-хану, Тоорил-хан принял ее дружественно и «содержал ее на положенни молодой снохи». Когда ему предложили взять ее в жены, он ответил:

Она моя невестка, не следует смотреть на нее

оком предательства.

Темучжин послал за Борге своих люлей. По дороге родился Чжочи, «Так как дорога была опасил, то они не имели возможности остановиться и устроить колимествы, Сапа на некогорого количествы мужи сделал мятюсе тесто, завернул в него младенца, тесто с младенцем положил в свой подол и понес бережно, чтобы члены его не пострадали. И ребенка назвали Джочи по той причине, что он неожиданно появился на светь. Такова версия Рашил-аледина. Олнако есть основания больше

доверять «Тайной истории», авторы которой позволяли себе писать то, чего Рашил-ад-дии написать уже не мос. Не могла жена основоположника династии быть чьейто наложницей и возвратиться к мужу с сыном, отцом которого он мог и быть и не быть!

«Я НАШЕЛ, ЧТО ИСКАЛ»

Кровную месть мы свою совершим, Меркит-Удунт и Увас истребим, Милую сердцу Борте возвратим

Нападение меркитов неожиданию обернулось пользой для Темучкния. Жена была в меркитском плену, своих сил для ее выручки ие было, и поэтому появился законный повод просить керентского Тоорил-кагана перейти от обсщаний к делу. Вскоре братья Темучжина, Хасар и Бельтутай, отправылись на берет Толы, а Темный бор, в орду Тоорил-кагана. Тоорил согласился выетунить в похот на мемкитов:

 — За черную соболью доху, предав огию всех без исключения меркитов, доставим мы тебе твою Борте.

Он обещал выставить две тымы (20 тыс.) войска и гламов попросил, чтобы вместе с инми в поход был приглашен Чжамуха, дальний сородич Темучжина, еще при жизин Есутая деливший с Темучжином его детские игры и забавы. Чжамуха из племени чжачжират был родственииком Темучжина и его андой. В его подчинении было иемало лодей, которые должны были бы принадлежать Темучжину. Рашил-ад-дии характеризует Чжамуху как человека «крайне умиого и хитрого», за что его прозвали «сечен». «Чингиз-хан изамвал его анда. Однаю тот постоянию чинля по отношению к иему козни, вероломство и обман и стремился к тому, чтобы забрать в свои руки государство». Чжамуха по предложению Тоорил-хана должси был определить место и время встречи отрядов монголов и керентов.

Приглашение Чжамухи для участия в походе было ве случайным. Видимо, Тоорил-хан знал кое-что о сотоянии дел у монголов. А Чжамуха в это врем поддерживало большинство. Чжамуха и Темучжии, по всей вероятности, уже тогда рассматривались окружающими как два возможных претендента на власть над, монголами, и Тоорил-хан, будучи даже обязанным отцу Темучжина, ие желал своим дружеским союзиичеством уже ие на словах, а на деле выделить кого-то одного

из этих двух молодых батыров.

Да и Темучжин видел в Чжамуже своего соперника. Это полтверждается хотя бы тем, что, охраняя свое достоннство, сам Темучжин не поехал к Чжамуже, а, как и к Тоорил-хану, постал к нему своих братьев, наказав им передать Чжамуже сто слова:

— Ложе мое обращено в пустой воздух. Разве мы

чужне с тобой? Как же мы отомстим за обиду?

Темучжии просил передать также слова кереитского хана: «Памятуя, что в сое время и был облаголетельствован отцом Есугай-ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двумя тьмами я выступлю правым крылом. Пошли переговорить с младшим братом Чжамухой, не подимется ли он и со своими двумя тьмами? Место же и время встречи пусть извичит сам брат Чжамуха». Именю Чжамуха, а не Темучжии должси был определять время и место встречи, всть реальная сила монголов — две тьмы войска, была в его руках, а не в руках Темучжиия.

Выслушав послание Темучжина, Чжамуха ответил:

— Видное надали знамя свое с длинным древком окропил я. В свой густоголосый барабан, обтянутый воловьей кожей, ударил я. Черноспинного скакума своего оседнал я, прошитый ремиями свой панцирь одел, с рукоятью меч свой поднял я, свои стрелы с захубриками приладил я и готов смертным боем биться с удунт-мер-

хитами. Так и передайты

Что подвигло Чжамуху в поход на меркитов: жажда обычи, желание помочь Темучжину, поставить соперника под свой контроль, возможная зависимость от Тоорил-хана, которого в рамках дипломатии тех лет он полагал своим старшим братом, а себя —младшим? Трудно ответить достоверно. Возможно, и то, и другое и третье. Чжамуха, как и было условнено, разработал план внезапиото изпадения союзимх войск, назначим место их встречи в верховьях Онона. Хасар и Бельтутай, послы, обязаниме слово в слово запомнить и вопросы и ответы и послания, оповестили о решении Чжамух м Темучжива и Тоорил-хана.

Между союзными предводителями, которым предстояло сыграть столь важную роль в жизни монгольских степей конца XII в., с самого начала существовала атмосфера взаимного недоверия. Тоорил-хаи и Чжамуха, имея по двадцать тысяч войска, воспользовались случаем разграбить меркитов. Характерно, что до этого ни тот, ни другой и не думали помогать Темучжину в эльключениях его юных лет. Темучжин надеялся спасти честь, вернуть жену, а с получением своей доли добычи и имея сильных покровителей, расчитывая поправить и имея сильных покровителей, расчитывая поправить

Каждый думал перехитрить другого и все действовали с опаской. Темучжин, ставка которого располагалась как раз на пути войск Тоорил-хана, откочевал в сторону. Только пропустив войска кереитов и убедившись. что ему не угрожает их внезапное нападение, он присоединился к Тоорил-хану, Тоорил-хан же намеренно или случайно опоздал к месту встречи на три дня. Чжамуха, ожидавший союзников, при их приближении выстроил свои войска в боевой порядок, это же сделали и кереиты. Лишь после взаимных пререканий по поводу опоздания союзники выступили в поход. Случилось это в год змен (573 г. хиджры - мусульманского календаря), т. е. в 1177-1178 гг., когда по Рашил-ад-дину Темучжину было двадцать два — двадцать три года. По другим подсчетам - в 1184 г. (исходя из даты рождения Угэдея), монгольский ученый Сандагу указывает 1188 г. Соответственно, в зависимости от принимаемой даты рождения Темучжину могло быть 29 (33), 22 (26)

или 17 (21) год.

дела и возродить свой улус.

Главным в замысле Чжамухи было внезапное нападение на меркитов, «Обрушившись на него (меркитского Тохтоа-беки) прямо через дымовое отверстие юрты на самое почетное у него налетим и в прах сокрушим. Женщин и детей в полон всех заберем; самое святое у него ногами потопчем, весь народ до конца истребим». Замыслы были серьезные и зловещие и план этот почти удался. Войска Тоорил-хана и Чжамухи-сечена «вторгшись через дымник» как снег на голову внезапно атаковали меркитов, «весь улус его (Тохтоа-беки) дочиста полонили». Но сам Тохтоа-беки, получив предупреждение о нападении от слуг, занимавшихся рыбной ловлей и охотой недалеко от орды, с горсткой своих людей бежал вниз по Селенге к Байкалу, «в страну Баргучжинскую». И весь улус Тохтоа-беки, гонимый превосходящими силами противников, тоже бежал вниз по Селенге. Победители «гнали, губили и забирали в плен беглецов». Лишь Темучжин был занят другим - поисками своей Борте. «Забегая навстречу бежавшим, он все время громко окликал: «Борте, Борте!». Услышав крик Темучжина, Борте соскочила с возка, ухватилась за поводья Темучкинова коня. Узвали они друг друга и обиялись. А вскоре послал Темучжин своих людей сказать Тоорил-хану и Чжамухе:

Я нашел что искал, Прекратим же иочное пресле-

дование и остановимся здесь.

Б. Я. Владимирцов полагал, что Темучжин «имел основание не желать их (меркитов) полного разгрома». Тем временем Бельгутай не мог отыскать своей матери, второй жены Есугая, и меркитам пригрозили полным истреблением, если они не вернут ес. Меркитские воины, напавшие на ставку Темучжина и пленившие Борте и мать Бельгутая, были казанены Их жен, «миложидных и подходящих», забрали в наложинцы, а «годных стоять при дверях» поставили приелугой, т. е. попросту обратили в рабство.

Победители закончили свой поход у слияния рек Онона и Селенги. Тоорил-хан отбыл в свою орду, а Темучжин и Чжамуха остались жить вместе в одной орде Хорхонах-Чжутур. Соединила их стращиня сила, дружба, при которой друг боится и на час оставить доу-

га, чтобы не пасть его жертвой.

Хотя Темучжин был против массового истребления меркитов в момент первого нападения, желая, по всей видимости, сохранить их как самостоятельную силу в борьбе за власть в Монголии, однако он никогда в сущности ие простил им их нападения и позорного пленения его жены. По сведениям Рашид-ад-дина, он челостаювил, чтобы инкого из меркитов ие оставляли в живых, а всех убивали, так как племя меркит было мятежное и волиственноет и не раз воевало с инмъ-

Возможная этимология имени старшего сына Темучжина Чжочи — «гость». Вилимо, Темучжива инкогда не покидала тайная мысль, что Чжочи мог быть наполовину меркитом. Наконец, мы имеем также скоре поэтический, чем достоверно нсторический рассказ о меркитком походе. Есть все основания полагать, что в поход Темучжин пошел «гол, как сокол», т. е. с горсткой своих людей, сороличей и нукеров, Это постояние полереживалось «Тайной нсторией» — был одинок, тоним, но его дарования и способиссти необычного, небесного происхождения, были замечены и он вдруг почти сразу стал жаном. Как не без оснований полагател Л. Гамбис, у Темучжина в меркитском походе если и не было своих две тьмы, то все же была достаточно многочисленная армилами образом перед походом на меркитов Темучжин собрал армию, достойно противостоящую 2 тумянам Тоорила и 2 тумянам Чжамухий»

П. Рачневский справедливо подчеркивает, что к этом у времени Темучжин уже вписался в систему взаимоотношений между правитслями части монгольской степи, оформленных в терминах кровного родства, как это в току зпоху было принято в Центральной Азии и в Китае;

Поскольку важна была разинца между поколениями и в пределах одного поколения, то положение Чжамухи как младшего брата Тоория-кагана было выше, чем положение Темучжина — сына, правителя «младшего по поколению».

Очевидно, что наиболее полно и правдиво события. связанные с меркитским походом, хотя и в форме эпической, описаны в «Тайной истории», «Юань ши» и «Шэн у цинь чжен лу», источники императорской эпохи о походе и меркитском плене Борте, жены основоположника династии, умалчивают вообще. Рашил-ал-дин о походе и плене сообщает, но находит ход, который как бы выводит Борте из игры: пленив ее, меркиты тут же отдают ее Тоорил-кагану (от которого, вполне вероятно, они тоже «зависели», т. е. признавали его старшинство в рамках бытующей системы кровного родства), а тот тут же возвращает ее Темучжину. Если бы Темучжин получил от Тоорил-кагана Борте, возможно, меркитский поход был бы и не нужен, да и как мог бы, не потеряв лица, участвовать в нем Тоорил? Кстати, если верить более поздней версии «Алтан Тобчи», то в наложницы была отдана и вторая жена Есугая: «Бэлхутэй отправился спасать свою мать. Когда он вошел через правую дверь в ее юрту, его мать в изорванной овчинной одежде вышла через левую дверь и сказала какому-то человеку: «Мие говорили, что мои сыновья стали ханами, Здесь я была соединена с плохим человеком, как я посмотрю в лицо сыновьям?»

В этом же источнике Чильгер, брат Чиледу кастся

в том, что посмел взять в наложинцы Борте:

Черный порои
По обячаю поджен послать остатки кожи,
А од, говорят, пожелая есть гуссё и журавлей,
Ах в скверный грубяви Чилтэр!
Покусылся я на Борта-уджин!
Стал я бедствем для всех меркитов,
Простолодии я, скверный я Чилтэр!
Не ответить бы мие за то своей меном годовой...

Не ответить бы мне за то своей черной головой... Скверная птица-мышеловка, Которой судьба назначила есть мышей да сусликов.

Пожелала, говорят, вкушать лебедей да журавлей. Скудный, скверный я Чилгэр Агустейшую священную уджин

Страстно ножелал, Стал я бедствием для всех меркитов!

Реально Чильгер, который положил в свою постель Борте в отместку за позор своего брата Чиледу, конечно, и не мог подозревать, что имеет дело ие с обычной плеиницей, а будущей государыней-императрицей.

свой улус

А вот я вижу комольні рябой вол. Везет он главную корту на колесах, идет позади Темучжин, идет по проторенной дороге, а бык ревет-ревет приговаривает: сНебо с Землей стоворились, нарежли Темучжина царем царства. Пусть, гоморят, возьмет в управление парство».

Сокровенное сказание

Закончился победой меркитский поход. «Темучжин почтительно поклонился и сказал Тоорил-хагану и Джамухе: «Хаган, отец мой, и побратим Дамуха, с вами обонии сдружившись, получив от Неба и Земли силу и мощь.

По преднисанию всемогущего Неба, При помощи матери Земли У меркитов, звавшихся мужами, Мы сумели опустошить грудь И рассечь их печень
Их ложе мы сделали пустым,
Их род и людей мы уничтожили,
Тех. кто остался, мы взяли в плен

Народ мэркитов, дотла разорнв, удалимся» («Алтан

Тобчн» Лубсан Данзана).

Чжамуха из рода Чжачжират, родственник и друг детеким лет Темучжина, братался с инм дважды в детстве и темучжина, братался с инм дважды в детстве и теперь после победы над меркитами они заключили союз побратимства в третий раз, обменявшись золотыми поясами и конями. Они сказали друг другу, остывнать мы некогда сказаниме слова старижов о побратимстве: «У побратимов одна общая жизи», не оставляйте друг друг, в жизии будьте охраной друг другу, Таков закон взанимого братства». Нане мы также провзнееся клятву побратимства с Фудем жить милно».

Темучжин опоясал Джамуху золотым поясом, отобранным у мэркитского Тогтага; подарил Джамухе светлую с черным хвостом и гривой яловую кобылицу, взятую у Тогтага. Джамуха в ответ на это опоясал Темучжина золотым поясом, отобранным у унаг-мэркитского Данр-Усуна, посадил Темучжина на белого коня с шишкой на лбу, также принадлежащего когда-то Данр-Усуну. На южной стороне крутого откоса Хулдагар в Хорхог-Джибуре, под ветвистым деревом, они назвались побратимами и, услаждая друг друга, пировали и праздновали, и спали вместе пол одини покровом». Встает вопрос, где же раньше был анда Чжамуха, почему не помогал Темучжниу. Мы не находим на пего ответа. Судя по всему, до похода на меркитов Чжамуха или не мог, или, скорее всего, не хотел поддерживать Темучжина. Толчком к признанию послужил, вероятно, установленный Темучжином контакт с Тоорил-каганом. Каждый из ранее побратавшихся дважды помиил о том, что один на деле не поддержал другого в трудный час, н поэтому было решено подтвердить побратимство, побрататься в третий раз.

Так, как повествует «Тайная история», жили опи одим становищем полтора года (по Лубсан Данзану один год «и часть следующего года») неизвестно, почему внезавито покняули его в один день. Видимо, и у того и у другого уже имелись к тому основания. Умен и хитер был Темучкии, но умен и хитер был так же и Чжамуха, не случайно его звали Чжамуха-сечен «наза того. Что ов быд коайне уминый и хиторый» (Рашид-ад-дин). Они тронулись в путь. И хотя побратимы ехали рядом, впереди своих людей, последующие события показали, что едут — в разные стороны. По преданию, поводом для внезапного расставания послужили загадочные слова Чжамухи, сказанные им Темучжину:

 Покочуем-ка возле гор — для табунщиков наших шалаш готов, покочуем-ка возле реки — для наших

пастухов овен еда готова!

Воянан горы сойдем с коней, Тогда наши пастум коней Найдут себе огонь в вскры! Не верно из то? Воянан реки сойдем с комей, Там пастухи овец, ягият Найдут себе слу для горла! На это ведь запрета иет? («Алап Тоби» Лубовла Данзана)

Никто не знает, что имел в виду Чжамуха: может быть, намекал на то, что нет такого кочевья, где всем было бы одинаково хорошо.

Темучжин, не поняв смысла слов Чжамухи, испугался. Поотстал немного, подъехал посоветоваться к своим: матери и жене. Жена его Борте истолковала слова

Чжамухи так:

— Недаром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается. Ясно, что давешние слова Чжамухи— намек на нас. Теперь ему стало скучно с нами. Раз так, нечего останавливаться. Поедем поскорее, уйдем от него и будем ежать всю ночь. Так-

то будет лучше!

Побратимы, видимо, давно опостылели друг другу. Такое истолкование слов Чжамухи Борте было подготовлено всей жизнью побратимов и их людей в последние месяцы — уж слишком быстро согласился Темучжин с мнением жены, столь превратно истолковавшей слова его побратима, не возражали, видимо и его нукеры и сородичи. Более того, как мы вскоре убедимся, и межлу людьми Чжамухи, полтора гола прожившими под властью побратимов, начались колебания, к кому из них примычуть? Может быть, действителью, Чжамуха своими словами намекал: «Давай разойдемся, всем станет улобнее», как это толкует Даожунь Тибу, составитель нового краткого перевода «Тайной истории» (под маз ванием «Тайная история» монголову) на китайскай язык.

Люди Темучжина покинули Чжамуху и ехали всю почь И оказалось, что не эря эти полтора года Темучжин провел с андой. Многие нойоны и нукеры присосдинались к Темучжину, Ушли и некоторые сородичи Чжамухи.

Один из них, Хорчи, заявил:

 Мы с Чжамухой происходим от жены, которую имел наш священный предок Бодоньчар. Стало быть, у нас, как говорится:

Чрево одно И сорочка одна

Мне никак не надо было отделяться от Чжамухи. Но явилось мне явное откровение. Вот вижу: светлорыжая корова все ходит вокруг Чжамухи. Рогами раскидала у него юрты на колесах. Хотела забодать и самого Чжамуху, да один рог у нее сломался. Роет и мечет она землю на него и мичит-мичит и приговаривает: «Отдай мой рогь. И вижу я комолый рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжии, идет по проторенной дороге, а бых ревет-ревет, приговаривает: «Небо с Землей сговорились, нарежли Темучжива царем царства. Пусть, говорят, возьмет в управление царство». Вот какое откровение прасстаю глазам мони!

Видел ли подобный сон Хорчи, навеянный полутора годами трудов Темучжина в улусе Чжамухи, или удачно придумала его (нли позднее придумали его те, кто в «Тайной истории» писал о ранипх годах Темучжина и его приходе к власти) не столь важно. Важно то, что по тому же предавию, стал Хорчи тут же бесстыдно

торговаться:

 Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа?

Всем было ясно, что не может быть у двух коров по одному рогу, какая-то из них обязательно потребует

оба рога себе.

Те, кто решили, что верх возьмет Темучжии, присовдинились к нему. Как этого достиг Темучжии всего за полтора года, никому не ясно, но отделнася он от Чжамухи уже не гонимым сыном, у которого только и были, что слава отпа да претензии па его былую мощь, а обладателем своего улуса, способимм отныне почти на равных говорить со всеми ханами, сеченами, бавтурами и прочими многочисленными прапителями татаро-монгольских длежем;

Это был сговор - сговор Темучжина и группы нойонов из окружения Чжамухи, увидевших в Темучжине лолгожданного вождя. Темучжин чем-то привлек их на свою сторону (щедростью ли, как полагает Л. Гамбис или обещаниями добычи, возвеличения правящего урука. наконец, личными качествами), но они по своей воле избрали вместо Чжамухи или кого-то другого именио Темучжина. Они решили провозгласить его своим ханом, заключив с ним специальный договор, определявший обязательства и хана, и нойонов, Темучжии, возможно, и раньше привлекал взоры части монгольского нойонства. Иные из иих помнили еще о недавием величии предков Есугая и Темучжина, «природных ханов», одним из отпрысков которых являлся Темучжин. Когда Темучжин пировал с Чжамухой под развесистым деревом после разгрома меркитов, один из нойонов, Мухали, намекал ему, что именно под этим деревом плясал и веселился Хутула-хан, храбрый правитель монголов. Ныие племя монголов потеряло свое значение, но это временно. Вечное синее Небо, которое уже не раз способствовало ему, Темучжину, не может покниуть и лишить милостей свое излюблениое племя. Будет из племени монголов новый каган, который соберет в один улус всех монголов. Молва уже идет об этом, так говорят старые люди. И не Темучжии ли этот будущий хаи?

Выбор пал на Темучжина из-за происхождения и, бесспорно, из-за личных достоинств, хитрости и ума, видимых его современинками, нойонами и аратами, желавшими объединения племени монголов в одном улусе

под сильной властью.

Условия взаимного сговора сторои были простыми и бескитростыми. Хам был иужен мойовам, мукерам, племени монголов, чтобы скологить их силы в единый кулак, такой же прочный, как у керенгов, татар, найманов и других племен Монголин в такой, каким был Хамаг Монгол улус. Богатура добычу и слазу мог принести му разумный, смелый и талантливый в сражениях хан. Хан был нужен и аратам. Оп, — его нукеры, его сила могли защичить их от набегов соседей. На примере первых двух с половиной — трех десятков лет живии Тервых двух с половиной — трех десятков лет живии Тервых двух с половиной то грабем, наезды, реазия были постояниой угрозой слабому, тому, кто не мог ответить на силу слюй.

Избрание Темучжина ханом было оформлено в урочнще Хара-Чжуркену, на речке Сангур, близ озера Коко-Нура.* По преданию, представители нойонства Алтан и Хучар из рода Борджигин,** и Сача-беки по рода Чжурки, родственного Темучжину,—все люди, сами из кланов «природных ханов», явились к Темучжину, который разумеется, знал об их приходе и ждал,

его, и заявили ему:

— Мы решьли поставить тебя ханом. Когда же Темучжин станет ханом, в битвах с многочисленными врагами мы будем перевыми, и если пологним прекрасных девиц, жен, да добрых коней, то будем отдавать их тебе. В областях мы будем выступать рашьше других и половину пойманных нами зверей будем отдавать тебе. Если мы в ратных делах преступит ввои приказы или в мирное время повредим делам твоим, то ты отними у нажен и имущество и покливь нас в безлюдных пустынях.

Таким образом нойоны, нукеры («мы решили») посдоказать, почему выбор пал именно па Темучжина (онто в известной мере, полагал, что его выбрало прежде всего само Бечное синее Небо!), но это был действительно выбор. Он был не самым знатным по проистельно выбор. Он был не самым знатным по происствительно, монгольское нойоиство, точнее их часть, набрало его на ханство, учитывая прежде всего личные

достоннства Темучжина.

По расчетам III. Сандага н Хань Жулиня избрание Темучжина ханом произошло в 1189 г., Л. Гамбие указывал 1190 г. Соответственно, еслн неходить из хропологин, принятой Рашил-ад-дином, то избрание Темучжина ханом могло иметь место в 1180 г., а если принять за дату меркитского похода 1184 г. — то в 1186 г.

«Как только онн приняли это решение (избрать Темужния каном — Е. К.), то поклядиесь и принесли жертву верховному вечному Небу, водрузили и воздвигли девятиножное белое знамя. Еще до того, как родился Темучжин, хаган мудрых луусов (духов земли и воды— Е. К.) вытолкнул из камия печать Хассбу, черноватая гица, сидя на даминике, прощебетала: «Чингие, чингис». Поэтому Темучжину дали ням Чингие, когда сделали его хаганом. В возрасте сорока пяти лет в год бниг тигра в нетоках рекн Ойон он водрузил свое девятиножное белое знами и воссел хаганом на великий престол».

[•] Не смешивать с озером Куку-Нор в Северо-Восточном Тибете. • Из того же рода, из которого происходил Темучжии.

Темучжина дважды избирали ханом. Второй раз — в 1206 году. В предлагаемой легенде явно произошло смещение этих двух событий. Существуют сомнения относительно того, в какой из этих разов — Темучжина нарекли Чингис-ханом. Для славы Темучжина вообще-то было безразлично, стал ли он Чингис-ханом, когда был ханом только своего монгольского улуса, в который вошла лишь часть монголов, или ханом объединенной Монголии. В те времена все знатные ханы имели титулы не просто хагана (хана), а с добавками — Онг (ван) хан, Даян-хан и т. п. Провозглашая Темучжина ханом, ему должны были дать какой-то титул. Если бы это был какой-то иной титул, не Чингис-хан, мы бы также знали об этом из «Тайной истории». Можно утверждать, что впервые став ханом, Темучжин сразу же и получил титул Чингис-хана. Впредь в нашем повествовании мы станем именовать Темучжина не по имени, а по его более широко известному титулу - Чингис-ханом или просто Чингисом, Титул «чингис» до настоящего времени еще не имеет удовлетворительного объяснения. Объяснений имеется немало, но ни одно из них не является научно строго обоснованным.

Рашид-ад-дин объясиял этот титул так: значение «чин» — сильный и крепкий, а «чингис» — множественное от него число, по смыслу одинаковое с наименованием гур-хан, которое было прозванием великих государей Кара-Китая, иначе говоря. «государь сильный и великий». Второй раз Рашид-ад-дин объясняет титул «чингис» как равный титулу «шаханшах», «царь царей»: «По-монгольски же «чин» — значит «крепкий»... а Чингиз - множественное от него. Причина была та, что в то время у великих государей кара-хитаев титулом был гур-хан, а значение слова «гур» также «крепкий», и до тех пор, пока государь не бывал предельно велик, его не называли гур-ханом. На монгольском языке прозвание Чингиз имеет тот же смысл, но с более преувеличенным значением, так как оно есть множественное число, и обобщить это слово можно, например, с персидским «шаханшах» («царь царей»)». Рашид-ад-дин также сообщает, что этот титул придумал шаман Теб-Тенгрий: «Он всегда приходил к Чингиз-хану и говорил; «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!» И Чингиз-ханово прозвание ему дал он, сказав при этом: «Повелением бога имя твое таково должно быты». Это. конечно, обобщенные толкования, сделанные после того, как Темучжин уже явил миру свое «величие». Все ученые-монголоведы хором утверждают, что «чинго» как множественное число от «чин» невозможно. Видимо, рациональным в сообщении Рашина-ал-дина является то, что он допускает получение титула от шамана, из шаманского, возможно, тайного лексикона, который и должен был быть не поиятен простому смертиому, ибо шаман явлая заык зверей в птиц, имена духов и т. п.

П. Банзаров еще в прошлом веке полагал, что ечингис» это наименование одного из древних татагро-монгольских духов — тэнгриев. Он отмечал, что встречал в одной из монгольских рукописей поминание о существовании духа хаджир-чингис-тэнгри. Акад. Б. Я. Владамирцов также допускал именно такое истолкование тигула ечингис»: «Очень трудно определить значение слова ечингис»; сделавшегося титулом Темучжина, — писал оп. — Можно догадываться только, что титул этот Темучжин получил от имени светлого духа, которому пожение это имеет под собой и то основание, что многие смотрели из Темучжина как на предопределенного небом, да и сам Темучжина, по-вадимому, много думал об этом вмештательстве Есеного Неба в сте сузъбух.

этом вмешательстве Вечного Неба в его судьбу»... Рубрук в своем сочинсиии называет Чингиса Демугин-Хингей, Темучжин — Чингис, сливая воедино и имя

и титул. Чжао Xvи указывал, что Темучжин это «детское имя» Чингиса. Титул «чингис-хан» ему придумали бежавшие к татаро-монголам чжурчжэньские чиновиики. «Поэтому (татарский владетель) стал называться Чэн-цзи-сы хуан-ди в переводе (его титула на китайский язык). Некоторые говорят, что Чэн-цзи-сы есть не что иное, как перевод двух китайских слов: «тянь цы». Китайское словосочетание «тянь-цы» значит «пожалованный небом». Кстати, Чжао Хун воспользовался таким словом в объяснении титула «чингис» - «и юй», «передает», что это позволяло акад, В. П. Васильеву считать, что китайское «тяньцы» есть основа, с которой было транскрибировано слово «чингис», т. е. «чэн-цзи-сы» --это фонетическая транскрипция «тяньцы», а П. Пельо утверждает, что «чэн-цзн-сы» это перевод китайского «тяньны».

Предметом спора в науке было и то, является ли слово «чингис» собственно титулом или лишь определением, эпитетом к слову «хан». Еще в середине прошлого века иемецкий историк Ф. Эрдман писал, что если бы

слово «чинте» само являлось титулом, то к нему не надо было бы прибавлять слово «хан». Ему резоино возражали, указывая на миогие примеры: «масла масляпо» — Онг-хан, Буйрук-хан, Таяи-хан и т. п. Н. Ц. Мункуев считал, что «титулом является все сочетание, в котором первый элемент представляет собой эпитет». Н. Ц. Мункуев, следуя поздней монгольской градиции, склоиялся к шаманским корням титула чингис-хана. По этой традиции, зафиксированиой в частности, в «Эрдяни-йни тобчи» Саган-озчэна, «в 1189 г. в день избрания Тэмуджина хаганом «на четвероугольном камые, перед юргой сидела пятицветная птица, похожая на жаворонка, и пропсла «чинтес», «чингис».

Немецкий переводчик «Тайной истории» Э. Хэниш предположил, что слово «чингис» — производное от китайского «чжэи» — «правильный», «справедливый». Но

эта гипотеза не получила широкой поддержки.

Ныме наиболее принятой является версия, предложенняя знаменнтым французским ученым П. Пельо: слово «чинтис» — монгольская форма тюркского «тэнгис» — монгольская быте ученитисханы значит «хан-океаи», «хан — общирый и могучий, беспредельный, как океаи», что в переносном смысле означало «владыка вселенной». Тентия (Денгиз) — мия одного из сыновей предков тюрков Огуз-хана — «у Огуза было шесть сыновей, а имена их следуют в таком разделении и порядке: Кун, Ай, Юлдуз, Кок, Так, Денгиз». В переводе на русский язык эти имена значат слодине, луна, звезда, исбо, гора, море. Тюркское имя Тенгиз достаточно распространено и до наших дней.

Таким образом, можно выделить две версии: местиую и китайскую. Китайская версия выводит происхождение титула из Китая через чжурчжэней и в полном
сответствии не только се монгольской, но и имеющей к
тому времени двухтысячелетнюю традицию пожалования власти государю Небом как верховным божеством,
истолковывает титул «чинтис» через китайское «тянь
цы» — пожалованный Небом», получивший власть волею Неба, верховного божества. Местиая версия связывает титул с шаманскими верованиями, где небо также верховное божество, Небо явило свою волю через
итику, процебетавшую титул нового хагана «чингис»,
«чингис»,
«чингис»,

Есть еще одно, немонгольское или, во всяком слу-

чае, непонятное самим монголам объяснение слова «чингис». Это — имя одного из духов, или тюркское слово «тенгиз», «море». Такое заимствование вполне допустимо.

Ни одна из перечислениых версий ие дает указаний, имел ли Темучжин титул Чингис-хана до 1206 года, или нет.

Итак, Темучжии, став Чингис-ханом, по тралиции водрузил свой туг - знамя, символизирующее духа-защитника напола и войска и приступил к устройству своего улуса. Если мы обратимся к последним авторитетным исследованиям, то по мнению Л. Гамбиса, Чингис проводит мероприятия, которые «должны были стать эмбрионом администрации монгольского государства». П. Рачиевский полагает, что монголы до этого не имели систематизированной организации и правил регулярного несения службы. Темучжин «организовал» своих последователей, «создал службы», что означало «введение нового порядка» в степи. Хань Жулинь указывал. что первый улус Темучжина являлся союзом монгольской знати из киятов, что каждый представитель знати получил свое, независимое место, основанное на Клятвениом союзе. Темучжии ввел около 10 должностей, но все люди, назначенные на должности, кроме младшего брата, были выходцами или из рабов, или из людей зависимых, не связанных со старой родовой знатью. Это была опора власти Темучжина, ядро которой составлял отрял нукеров.

Улус Чингис-хана, хотя и включал в свой состав пока меньшую часть монголов, требовал создання аппарата управления, и по тогдашним объчаям, назначения и должности и ключевые посты всех сподвижников и родственников нового хана, пришедшего к власти. Особо следовало отметить и тех, кто покниуч Чжамуху ра-

ли Темучжина и его нового улуса.

— Благоволением Неба и Земли, — заявил вновь избранный хан, — умножающих мою силу, душою стремясь ко мис, вы отошли от анды Чжамухи и вступнли в мон дружины. И разве не назначено судьбой быть вам старой счастливой дружиной моей? Поэтому я поставил кажлого из вае на свое место!

Создаваемый аппарат управления был в первую очередь органом управления ханской ставкой (ордой) и дружиной. Старшими были поставлены два первых ну-

кера Темучжина - Боорчу и Чжелме:

— Да пребудете вы в сердце моем,— заявия Чингие при их назвачении,— ибо когда у меня не было иных друзей, кроме собственной тени, вы оба стали тенью моей и успоконаи мою душу. Да пребудете вы на лоне моем, ибо когда у меня не было нной плети, кроме конского хвоста, хюстаю меня и пребывали со много прежераце. Вы пришли ком мне и пребывали со много прежера сесх. Не вам ли подобает быть старшими над всеми здесь находящимиех.

Своих верных и испытанных нукеров поставил Чингис даже выше братьев.

Руководство собственно вооруженной силой, охраной орды было поручено трем «дучинкам» — лицам, обязанимы в качестве знаков власти носить лук и стрелы
(впоследствии должность хорчи — стрелки), в том чиспо Отолай черби (черби, слово, остающееся неясным,
полагают в широком смысле оно значило «челядь»,
«прислужники»), младишему брату Воорчу и трем «меченосцам» (букв. «посители сабель») во главе с младшим братом Чинтиса Хасаром. Четыре пукера были назначены разведчиками-гонцами, исполнявшими личные
поручения хана, пренмущественно в качестве послов с
вестовыми стрелами:

Дальними стрелами — хоорцах, Ближними стрелами — одора.

Командный пост в дружине Чингис-хана получил и его будущий знаменитый полководец Субетай-баатур, Возможно, именно ему было поручено командование авангардом еще немногочисленных в то время военных сил в орде Чингис-хана. Свои обязанности Субетай, по преданию, образно характеризовал так: «Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи. Обернувшись войлоком, намбе. попоной, попробую вместе с тобой укрываться, обернувшись юртовым войлоком, герисге, попробую вместе с тобой им укрыться!» Приумножать улус хана и беречь его, укрывать, как теплым войлоком, обещал Чингису его нукер Субетай. По сведениям «Юань ши», Субетай был «монгол урянхат», «его предки из поколения в поколение охотились в верховьях реки Онон». Субетай был храбр, являлся отличным наездником и стрелком из лука. Из текста «Юань ши» неясно, когда Субетай попал к Чингис-хану. Рассказывается лишь, что некогда, когда Темучжин находился па реке Баньчжуна, отец Субстая Хабань был захвачен разбойниками. Орудуя шиками, Субстай не го старший брат Хулухань отбили отца. Хулухань стал сотником у Чингиса; а Субстай впачале был отдан ему в заложники, а затем тоже стал сотником.

Бали навиачены люди для управления хозяйством улуса — старшие над стадами овец, над конскими табунами и над кочевыми телетами с кортами. Третъя группа лиц ведала различными службами непосредственно ханской одды — это были гри кравчих, ведавших ханским столом, их девизом являлось: «Утреннего питья ие заставим ждать, об обеденном питье не позабудем»; ханские конюшие, в их числе брат Чингиса по отцу Бельгутай; и черби — управляющий слугами и домашними людьми.

Чинтис учредил привилетированное сословие дарханов. Пархавы освобождались от всяких и валогов и поборов, они могли не делиться своей военной добычей и добытым на сокте с другими, не наказывались за ряд преступлений и имели постоянный и свободный доступ к хану.

Таким образом, мы четко можем выделить в улусе Чингис-хана три группы должностей. Первая — управление ордой, ханской ставкой, как непосредственно личными нуждами хана, его семьи, его урука, так, вероятно, и шире рядом «ведомств: администрации улуса, например, сбором налогов, натуральных поборов прежде всего, казной хана - равно финансами улуса и т. п. Управление охраной личности хана и его орды. Вторая группа должностей — управление хозяйством улуса в широком смысле слова — дифференцированное управление улусным скотом, регулирование перекочевок, а значит и пользования пастбищами в границах улуса. Третья группа должностей — управление войсками, дружиной. По-видимому, так или примерио так, управлялись в те годы все улусы татаро-монгольских племен: Чжамухи, Тоорил-хагана, найманов, татар, меркитов. Улусом правил «природный хан», получивший власть, так или иначе дарованную небом. При нем имелся совет из родственников и знати. При хане были нукеры и его гвардия, турхауты, гвардейцы турхауты упоминаются при особах Таргутай-Кирилтуха, Ван-хана. Улус делился на аймаки. Аймак, очевидно, объединял группы людей, хозяйственно-административно-военные единицы, способные выставить сто, тысячу воннов. Орда хана возможно, до первой трети XII в. именовалась аурух. Улус располагал своей территорией, имел границы, которые охранялись, хотя бы эпизодически, напомним, что Ван-хан-Тоорил-хан кереитский погибнет в стычке с караулом, охранявшим найманский улус. Вышеозначенный штат чинов управлял важнейшими для любого средневекового государства отраслями - ханским имуществом и армией хана. Непосредственно служилые люди. возможно, образовывали сословие черби. Все это были органы управления, отличные от старых родовых институтов, установленные волей хана и его нукеров, аппарат управления, поставленный над простыми аратами для того, чтобы управлять народом. Аппарат этот отражал интересы нойонства и нукерства, которые представляли собой господствующий класс монгольского общества середины XII в. Трудно допустить, что это были только «зачатки», «эмбрионы» власти государственной, ибо за их спиной было полторы тысячи лет центральноазиатской государственности.

ПОБРАТИМЫ-ВРАГИ

Враги! Давио ли друг от друга Их жажда крови отвела.

А. С. Пушкин

Свой первый улус Темучжин получил и создал в 1189 г. Улус его размещался в верховьях реки Керулен. Как полчеривает Хань Жулинь, это был «маленький улус». Понятие это представляется относительным. По нектоторым ланным, Чингис имел 18 хуреней (крыльев) и три тьмы войска, т. е. армию в 30 тыс. чел. Первое крыло составляли люди и родия Озлуп, его матери, яторое — родия и люди самого Темучжина, с третьего по десятое — люди и войска различных представителей знати из китов, и двенадцатое — тринадцатое крылья люди и войска знати из нирунов. Не такая уж маленькая сила.

Тоорил, узнав о возведении Темучжина в ханское достоинство, ответил послам Чингиса:

 Справедливо, что посадили на ханство сына моего Темучжина. Как можно монголам быть без хана? Не разрушайте же своего согласия, не развязывайте того узла единодушия, который вы завязали, не обрезайте своего собственного ворота!

Очевидно, он не усматривал в Чингнсе соперника н, возможно, даже надеялся получить для себя немалые выгоды от его быстрого возвышения. Вскоре так и

вышло.

Чингису пришлось оказать Тоорилу большую помощь, он фактически расплатился с ним за все прежние милости. Случилось так, что, поссорившись со своим младшим братом Эрке-Хара, Тоорил хотел казнить его, но Эрке-Хара бежал к найманскому Инанч-хану. Тогда Инанч-хан напал на Тоорила-хана, разбил его и вынудил бежать в Семиречье, в государство кара-китаев. Не ужившись там, Тоорил-хан двинулся на восток, прошел через земли уйгуров и тангутов, жил «в полном оскудении», «всю дорогу питался тем, что кое-как держал у себя пять коз для подоя да точил на еду кровь верблюда». Чингис-хан поспешил принять своего былого покровителя, находившегося в столь бедственном положении. Он встретил его у истоков Керулена, собрал для него имущество, взял в свой курень и какое-то время солержал его. Из-за междоусобиц жизнь Тоорила с детства была полна тягот - семи лет он попал в плен к меркитам, триналцати — к татарам, затем постоянная борьба за власть, борьба не на жизнь, а на смерть. Много повидавший на своем веку Тоорил-хан при поддержке Чингис-хана снова вернулся к власти над большинством керентов.

Но, естественно, совсем иной была реакция на прибытие послов от Чингиса у Чжамухи. Оказавшись бессильным помещать отделению Темучжина и превращению его в Чингиса, потеряв многих своих нукеров, Чжамуха не решился порицать самого Чингиса за коварство. Он обвинил его послов в том, что они разлучили его с андой. Судя по тексту «Тайной истории», сам Чжамуха, по-видимому, даже не принял послов Чингиса - Алтана и Хучара, людей знатных, двух из трех виднейших нойонов, которые возвели Чингиса на ханство. Алтан, как мы упоминали выше, был сыном Хутулы, а Хучар, сын Некуна-тайчжи, по отцу являлся дядей Темучжина. Алтан и Хучар поставили на Темучжина, П. Рачневский полагает, что именно разделение Темучжина и Чжамухи, распределение между ними потомков «природных» ханов означало начало борьбы за единого монгольского хана, за воссоздание Хамаг-монгол улуса.

Итак, Чжамуха даже не принял Алтана и Хучара, он только сказал:

 Передайте от меня Алтану и Хучару: «Зачем, вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с андой, вмешиваясь в наши дела,

> Одного в живот бодая, А другого - под ребро

И почему вы не возвели в ханы моего анду Темучжина в ту пору, когда мы с ним были неразлучны? И с каким умыслом поставили его на ханство теперь? Блюдите же теперь, Алтан и Хучар, блюдите данное вами слово покрепче! Да получше служите другу моему анде!».

Чжамуха подчеркивает, что именно знатные родовичи поставили Темучжина ханом по своей воле. А последние слова Чжамухи были обращены не столько к послам, сколько к самому Чингису. Дескать, помни, анда: те, кто плохо служили мне, вряд ли станут и твоими преданными слугами. Они возвели тебя ханом, они же могут и лишить тебя ханской власти. Чжамуха явно надеялся посеять в душе Чингиса семя недоверия к тем людям, которые сделали его ханом, учинить смуту в

чингисовом улусе.

Надо сказать, что в начке достаточно прочно утвердилась следующая точка эрения: Чжамуха был ретроград и сторонник «племенной знати», а Темучжин представлял новые веяния свободы от родовых оков, был человеком, который поощрял индивидуализм и личные качества. Жак Легран обращает внимание на то, что в момент разрыва Темучжина и Чжамухи, «после ночи езды, пока неизвестно, кто с кем пошел автор («Тайной истории» - Е. К.) нас очень подробно извещает о том, что за Темучжином утром идут не столько целые потоки, сколько отдельные их группы, не в силу родовой дисциплины, а на основании самостоятельных политических решений», В. В. Бартольд и Б. Я. Владимирцов видели в Темучжине носителя «демократических» тенденций, а в Чжамухе — представителя «степной аристократии». Был ли Чжамуха, как полагает П. Рачневский, консерватор, борец за «племенное состояние», за «солидарность племенных вождей», а Темужчин лицом, «оспаривавшим племенную нерархию и племенной порядок», «сторонником людей, покинувших свой род или племя и ушедших на службу к своему господину, за лучшую жизнь»? Был ли один демократом, а другой представителем власти авторитарной? Думается, что это все-таки надуманные постановки вопроса. Нет конкретных примеров того, что это было так. В последней четверти XII в. монголы давно не жили родоплеменным строем, социальные силы, стоявшие на стороне Чжамухи и Темучжина были одного порядка, просто кто-то должен был стать ханом объединенных монголов и вступить, если получится, в борьбу за власть над Халхой. Ведь если за Темучжином пошла часть какого-либо монгольского отока или племени, то другая или осталась с Чжамухой, или была с тайчиутами, или стояла в стороне от междоусобной борьбы. Но эти люди, поставившие, по словам Жака Леграна, свои личные интересы выше интересов свосго отока или племени, были везде, у всех участников борьбы, они ставили на человека, а не на идею и это очевидно.

Чжамуха жаждал повода для открытой ссоры. Не стучайно именно он и нашел его первым. По одной из версий, Тайчар, младший брат Чжамухи, угнал табун коней у одного из сторонников Чингиса. Нападение было столь провожационным, что бывшие при этом люди, кроме владельца табуна Чжочи-Дармала (а по некоторым сведениям, табун принадлежал не ему, а лично Чингису), не решились преследовать Тайчара. Лично Чжочи-Дармала бросляся в погоно, настит глубокой ночью Тайчара и убил наповал, простредив ему спину, По версии Рашида-далиа, Чжочи-Дармала даже не по-вюзил Тайчару угнать табун. Он спрятался в серслине табуна, в когда Тайчар приблизился, поразил его стрелой. Отбив свой табун, он вернулся победителем, но «привез на хостах свойну коней».

Теперь у Чжамухи появляся долгожданный и такой прекрасный повод напасть на Чингиса, он должен был отомстить за смерть своего младшего брата. Чжамуха напала на Чингиса, Тот был предурмежден и жала наготове. Сражение произошло у гор Тулегу, между истожим реки Сентур и верхини течением реки Опои. И с той и с другой стороны участвовало по три тымь (30 тис. час.)

«Затем к Чингис-хану на урочище Гулегу пришло такое известие от Мулке-Тотаха и Боролдая из пложно-Икирее: «За убивство своего младшего брата Тайчара Чжамуха решил воевать с Чингис-ханом. Чжадаранцы, во главе с Чжамухою, объединили вокруг себя тринадцать племен и составили тои тьмы войкся, которое переправляется через перевал Алаут-турхаут и собирается напасть на Чингис-хана». При получении этого навестря Чингис составил три тъмы войска и пощел наветречу Чжамухе. Сражение пронзошло при Далан-балчжутах, причем Чжамуха опрокниул и потесния Чинтес-хана, который укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе. «Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзеренеі»— сказал Чжамуха, и прежде, чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти коглах кияжнией из рода Чоноо, а Неулайскому Чахава-Ува отрубля голо-

ву н уволок ее, привязав к конскому хвосту».

По Рашид-ад-дину вместе с Чжамухой против Чингиса выступили и тайчнуты. «Согласно этому, со стороны Чингиз-хана собралось тринадцать куреней войска. Войска тайджиутов, выступна в поход и пройдя через холмы Алауут-Тураут, пришли в местность Талан-Таоджнус и стали против Чингиз-хана, С обенх сторон дали сражение. Всевышняя истина даровала Чингизхану свое воспомоществование, н он перебил этими тринадцатью куренями тридцать тысяч вражеских всадников. От сияния солнца счастья Чингиз-хана враги рассеялись, словно пылинки в воздушном пространстве [...] В той местности, на берегу реки, был огромный лес. Чингиз-хан расположился там и приказал поставить на огонь 70 котлов; в них сварили заживо врагов-смутьянов, которых он захватил». Некую третью версию исхода сраження дает «Шан у цинь чжэн лу». «Армия (Темучжина) была сформирована и большое сражение произошло в степи Далань-Баньчжусы, Чжамуха был разбит и бежал. Его армия вначале перевалила через две горы, на полпути она для пропитания в семидесяти котлах сварила волков».

Таким образом, получается, что по «Тайной исторны» поражение потерпел Чингис-хаи, а по Рашид-ад-дныу и «Шэн у цинь чжэн лу» — Чжамуха. По «Тайной исторны» Чжамуха сварил пленных нз племени чомос (чинос — племени волков), по Рашид-ад-дныу пленных сварил заживо Чингис-хаи, а по «Шэн у цинь чжэн лу» отступающие отряды Чжамухи просто с голодухи сварили и съели сварених в семидесяти котлах волков.

Все неследователя склоявотся к тому, что нетвиным ввляется свидетельство «Тайной нетории» и Чингис-хан свое первое большое сражение проиграл, как писали П. Пельо и Л. Гамбис, «Чингис-хан был побежден и это определенно истина». По этому поводу Л. Гамбис

заметил, что Рашид-ад-дин и автор «Шэи у цинь чжэн луэ «уже не могли написать, что Чингис-хаи потерпел поражение». П. Рачневский полагает, что Рашид-ад-дии знал о поражения Чингис-хана, но как официальной знал о поражения Чингис-хана, но как официальной знал о поражения чингис-хана. Но как официальной знал о поражения чингис-хана но как официальной знал о поражения чингис-хана не как объекты в знал о поражения чингисти.

историк, не мог написать истины.

Как всегда, особую трудность представляет хронология событий. Рашид-ад-дин считает, что поражение при Лалан-Бальчжуте имело место не позднее, чем в 1187 г. П. Рачневский указывает, что между поражением Чингис-хана от Чжамухи и достоверно датированном походе на татар в 1196 г. лежит промежуток в дссять лет, о котором мало что известно. На трудности этих лет жизни намекает Рашид-ад-дин: «Чингиз-хан в те годы испытал различного рода бедствия от племени тайджиут и других старших и младших родичей, равно н от племени джурьят, меркит, татар и прочих. Разные племсна его неоднократно захватывалн в плен, а он освобождался от их рук разными способами и средствами. Так как его счастье и благоденствие были предопредслены, то постепснно положение его крепло ... ». «Очевидно. — отмечает П. Рачневский. — нечто в жизни Темучжина стало умалчиваться, и это нечто было табу как для современников, так и для позднейших потомков. хотя бы по той причинс, что это наносило ущерб репутации повелителя мира». Он полагаст, что, вероятно, ряд лет, с согласия цзиньских властей, Темучжин провел на тепритории чжурчжэньского государства. В это время в результате пораження Чингис-хана оказался в изгнаини и Тоорил-хан, о чем мы писали выше. Цзиньские власти были заинтересованы в возвращении и воцарении Тоорила. Они приютили Темучжина как сго потеициального союзника и помогли ему окрепнуть и возвратиться в Монголию, где-то около 1195 г. Отсюда, поясняет П. Рачневский, и версня Чжао Хуна о том, что Чингис-хан десять лет провел в цзиньском плену. Сам П. Рачневский допускает, что его гипотеза нуждается в дальнейшем исследовании. В ней, возможно, есть рациональное зерно. Против - одно, почему об этом не сообщает «Тайная история», единственный правдивый и беспристрастный источник? Более того, если следовать его «духу», Темучжин не должен был пойти к чжурчжэням, так как вражда к ним красной интью проведска в этом источнике. Мы уже видели, сколько противоречивого и взаимонсключающего в ранней бнографин Темучжина, трудно даже надеяться на то, что истина когда-либо станет известной. Можно сказать одно, что поражение было такой силы, что на какое-то время Чингис действительно был выбит из «победной» колеи и должен был собираться с силами, чтобы продолжать борьбу.

За эти голы к Темучжину присоединились ряд влиягельных людей: Мунлик со своим сыном, известным шаманом Кокочу, который заявил, что он, как глашатай Вечного Неба, евсе находящееся на поверхности земли отдал Темучжину и его сыновьяму. В это время перешел к нему и бумущий знаменитый полководец Чжэбе. Постепенно Темучжин становился Чингис-ханом.

Итак, несмотря на поражение, к Чингис-хану постепенно продолжали присоединяться новые сторонники, Приход одной из таких групп вызвал ликование в его стане. По этому случаю был устроен пир, во время которого всплыли на поверхность разногласия среди чингисовой родни. Из-за порядка раздачи молока произошла ссора между ханшами, на пиру побили кравчего, а затем вспыхнула драка между Бельгутаем и Бури, ведавшим конями Сача-беки*, пировавшего вместе с Чингис-ханом. Бури рассек Бельгутаю мечом плечо, и как ни уговаривал Бельгутай Чингиса: «Пустяки! Сущие пустяки! Опасного со мною ничего нет, и я сохраняю хладнокровие и дружелюбие. Одного только боюсь, как бы из-за меня не перессорились младшие и старшие братья, которые только что примирились и соединились. Братец, подожди же, оставь, удержись!». Чингис не утерпел, схватил громадный сук и сам ввязался в драку. Дерущнеся не пускали в ход оружие, но усердно молотили друг друга сучьями, мутовками для взбивания кумыса, бурдюками и всем, чем попало. Возмущенные и обиженные чжурки и их люди покинули его орду и улус. Правда, через некоторое время родственники помирились, тем более, что представился случай совместно воздать татарам за старые обиды.

В усилении Чингис-хана большую роль сыграло и то, что в коалиции Чжамуха — тайчиуты не было единства и, несмотря на одержанную победу, она постепенно

стала разваливаться.

^{*} Глава ветви чжурки чингисова рода Кият,

НАБЕГ НА ТАТАР

Говорят, что при ловкости большого пальца На крутом берегу реки Можно сразу прострелить двух уток Либсан Ланзана

Говорят, что еще в годы царствования Да-дин (1161-1189) император Цзинь сказал: «Татары непременно явятся бедствием для нашего государства!». С этого момента войска Цзинь фактически начали войну на истребление татар. Осуществлялась так называемая политика «сокращения совершеннолетних». Суть ее состояла в том, что через каждые три года в Восточные районы Монголии, туда, где проживали татары, отправляли экспедиционный корпус для истребления татар. Как повествует Чжао Хун, «в Шаньдуне и Хэбэе, в чьем бы доме ни были татарские дети, купленные и превращенные в маленьких рабов - все они были захвачены и приведены войсками». Татаро-монгольские племена сильно страдали от набегов Цзинь. Нападения кочевников на границы и карательные похолы в глубь застенных для Китая степей и гор чередовались с определенными промежутками в течение тысячелетий.

Последние пятилетня XII в. мы становимся па почву более или менее достоверной хронологии, особенно если речь идет о событиях, связанных с чжурчжэньским го-

сударством Цзинь.

Итак, по сведениям китайских источников, в 1195 г. ряд племен Моптолии, точнее, сборная орда из представителей ряда племен и улусов, разорыла в очередной раз пограничные районы Цзинь. Цзиньский экспедицонный корпус вторгся в пределы Монголии. Чжурчжэньские войска дошли до реки Халхи и озера Хучжыньские войска дошли до обратно, их атаковали татары и отбили у инх добичу. Командующий экспедиионным корпусом Цзинь генерал Сяту Панчэнь приказал татарам немедленно вериуть вес, что они захватили. Но татары отказались подчиниться приказу и по понятиям тех дет «вабуптовались».

В 1196 г. император Цзинь отправил в карательный поход против татар войска под командованием Ваньянь

Сяна, который у реки Керулен разбил татар. Часть татар бежала на реку Ульдза и преследовать их было поручено отряду под командованием Ваньянь Аньго.

Л. Гамбис так излагает эти события: от изиньского двора последовало предложение Тоорил-хану, а Тоорил-хан, исдавно вновь обретший свой улус, в свою очередь, потребовал от Чинтис-хана, чтобы тот тоже участвовал в походе. Узнав о предложении, Чингис-хан, не забывший долга крови и гибели отца своего и сородича Амбаший долга крови и гибели отца своего и сородича Амба-

гай-хагана от рук татар, заявил:

— Татары — наши старые враги. Они — губители наших делов и отцов. Поэтому мы не можем не принять участия в этом кровопролитии. И он послал Тоорил-хану оповещение: «По имеющимся сведениям, Алтан-ханов Вапги-чинсян гонит перед собою вверх по Ульчже Мегучжина-Сеульту и прочих татар. Давай присоединимся к нему и мы против татар, этих убийц наших дов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил!»

Твоя правда, сын мой. Соединимся! — ответил

Тоорил-хан кереитский.

В поход были приглашены и обиженные татарами чжурки, с которыми не столь давно произошла драка на пиру. Прождали их шесть дней напрасно. Чжурки в поход не явились. Объединенные войска Тоорил-хана и Чингис-хана, примкнув к войскам Цзинь, двинулись вниз по реке Ульчже (современная река Улдза в МНР, впадающая в озеро Торей на границе МНР и СССР). Зажатые в клещи, татары закрепились в двух урочищах, но были выбиты оттуда монголами и керентами. Менгучжин-Сеульту погиб. Победители разграбили стада и имущество татар, среди прочего нашли серебряную колыбель и одеяло, расшитое жемчугом. «Так как,писал позднее Рашид-ад-дин, -- среди монголов такого рода предметов было мало, это событие сочли важным и оно приобрело известность». Разгром татар на реке Улдзе Л. Гамбис датирует маем-июнем 1196 г. Среди пленных, доставшихся Чингис-хану, был мальчик, будущий Шиги-Хутукту, главный судья государства Чингиса.

Ваньянь Сян пожаловал Чингис-хану чин джаутхури*. На европейский лад чин Чингис-хана «джаутхури» обычно трактуют как чин сотника. Одновременно

По современному толкованию — «чжаотао» — пограничный чиновник-военачальник, призванный привлекать местное население на

Чнигис-хан стал командующим группы войск «цзю», Войска «цзю» были у киданей и чжурчжэней, они пабирались в пограничной зоне из местного разноп-леменного населения и в основном несли сторожевую и погранячную службоу.

Современные китайские авторы придают большое значение получению Чингис-ханом изиньского чина «Используя статус чиновника, оперирующего приказами двора», Чингис, по их мнению, мог командовать монголами и знатью других племен («Юань чао пии»). Лействительно, получение чина от государя соседней могущественной страны было по тем временам почетным актом, часто практиковавшимся китайнами по отношению к иноземным соседям. Этот хорошо известный акт придавал почти всегда в глазах современников авторитет правителю, получившему титул. По госполствовавшим В ТО время взглядам, это «верховное признание» часто делало законными в глазах соплеменников притязания лица, получившего титул, на власть. Чин был весьма кстати Чингису для укрепления его положения, упрочения его власти и поддержки уже очевидных притязаний на полное подчинение ему его знатных сородичей. Мы знаем, что в тот момент Чингису полчинялись еще далеко не все монголы. Значительная часть их была с Чжамухой, да и иные из тех, кто уже жили в улусе Чингис-хана, все еще смотрели в лес. В их числе оказался Сача-беки и его чжурки.

Стрела, пущенияя умелой рукой, поразвла первую шель — татар и принесла Чингис-халу чжурувачьский чин. Она же поразла и чжурки. Ибо не выступив в пожод на татар вместе с Чингис-хамо, Сача-беки дал посъеднему законный повод к расправе над чжурки. А это был важный шаг к устранению одного из «природных ханов», вероятного действенного и опасного соперника. Драка с чжурки на пиру, в которую вмешался лично Темучжин, имела слишком глубокие корин. По легенае, чингис хотел показать свою силу не только чжурки, по и своим братьям. Бельгутай по время драки подсадил темучжина на коня легой рукой. Целать для кого-либо левой рукой, например, полать что-то левой рукой, у Монголов считалось порявлением немажения. И хоть монголов считалось порявлением немажения. И хоть монголов считалось порявлением немажения. И хоть

службу династни, в данном случае цзиньской («чжао»). Чжаотао наделялись полномочиями в случае неповиновтния и беспорядков на границе карать виновымых и непокорных («тао»),

дело было во время драки, в обстановке экстремальной, Бельтутай был взят под арест. Бельтутай и Хасар кичились перед братом своей склой и ловкостью. По преданию, чтобы поставить их на место, Чингис-хан объявил: «Я подавлю их гордость! Он принял облик простого старика и, держа длинный желтый лук, подошел к ним и сказал: «Продаю этот лук». Тогда Хасар и Бельтутай спросыли:

Что ты за человек, откуда пришел? Этакого мы

и не видывали.

Я бедный человек, живу тем, что продаю луки.
 Хотел бы я знать, не будет ли он плох, если его на-

тянуть?

Бельгутай и Хасар — оба не смогли натяпуть лук, «Тоила тот старик обернулся селым человеком, сляч, щим верхом на сером муле с белым пятном на лбу. Он приложил к длинному желтому луку свою золотую стралу и выстрелил так, что строла раскололась. «Разве вы оба не младшие братья августейшего владыки, которых называют ловкий стрелок Хасар и силач Бельгутай? Ведь говорят, что

вместо большого хвастовства лучше прикусить язык

С этими словами он ушел. Только тогда оба брата устрашились и сказали друг другу: «Это был гений владыки, Так-то!» И оба впредь «прикусили языки».

Пришла очередь чжуркинцев. Это была кровная родня. Основателем колена чжурки был Сорхату-Чжурки. сын Окин-Бархаха, старшего сына Хабула, т. е. двоюродный брат Есугея. Сорхату в свое время были выделены самые искусные люди. Потомки их, с которыми теперь столкнулся Чингис, «были все люди действительно неукротимые, мужественные и предпринмчивые». Они требовали себе почета. Это их ханши побили на пиру кравчего Чингиса, а их человек ранил Бельгутая. Поначалу был найден путь к примирению и не раз звучали призывы: «Давайте будем жить в согласии». Но чжурки не согласились участвовать в походе Чингиса против татар. Их понапрасну ждали шесть дней, Более того, по версии «Тайной истории», в то время, когда Чингис был занят татарским походом, они напали на его ставку-аурук, десятерых убили, а пятьдесят человек обобрали донага. Мыслимо ли простить чжуркинцам их дела? — в

1 21

гиеве заявил Чингис. — Ведь никто иной, как оии, из ширу в опоиской дубраве набили кравчего Шикиура. Они же рассекли плечо Бельгутаю. Потом, после их извинения, мы любомудро вернули им обеих ханш, Хорин жин-хатун и Хуурчин. Когда же мы предложили им участвовать в походе на татар, этих исконных врагов и убийц наших отцов и дедов, то они ие явились, и мы прождали их шесть дией. Ныне же на глазах у врагов они сами стали нашими врагами.

Судьба чжурки была предрешена. В одиночку им было не выстоять прогив Чингиеа, а союзники покинули их. Чжамуха, обиженный на них за прошлую неверность, помогать не хотел. Поэтому Чингие жестоко расправылся со своими мятеживыми сородичами, сунитожил самое племя и род их», а оставщихся в живых жил самое племя и род их», а оставщихся в живых

«сделал своими наследственными рабами».

Согласно Тайной истории» Чингис ходил специальным походом на чжурки, вожди чжурки Сача-бени Тайчу бежали, но были поймави и доставлены Чингису, который приказал казинть их. Иная трактовка событий у Рашид-ад-дина. Чингис вообще не гневался на чжурки и даже вез для них часть татарской добичи. В шути отряд людей Чингиса был атаковаи чжурки, это послужало причиной похода, во время которого чжурки были разгромлены, но Сача-беки и Тайчу удалось бежать.

Возможно, справедливо предположение П. Рачиевского, что в § 139 «Тайной истории» содержится завуалированное осуждение уничтожения Чингисом своей близкой родии. «Каких-то знаменитых людей сокрушил

Чингис-хан и уничтожил самое имя и род их».

В «Юань ши» сказано, что люди Чинтиса вообще били ограблены не чжуркинцами, а найманами. Позже, в упреках Тоорил-хану (по сведениям Рашид-ад-дшиа), Чинтие утверждал, что убил Сача-беки и Тайчу ради тоорил-хана «Для тебя я убил своего старшего брата и погубил младшего. Если меня спросят, кто они, они счу-Курн, который был мони старшим братом, и Тайчу-Курн, который был мони младшим братом». Все это, разумется, сплющиео лицемерне. Сача-беки был реальным соперником Чинтиса, к тому же живущим в его собственном улусе. Был найден предлог устранить его и был устранен. Все исследователи биографии Чингисхана сходятся на том, что «это был важный шат на пути возвышения Темучания» («Одыв ши»), ябо он уничтожил самую могущественную ветвь знати среди своей родни. П. Рачневский полагает, что убийство ижуркинских преаводителей было «политическим мероприятием», которое «утихомирило старую злобу». И в дальнейшем Чингис старается постоянно визвести старую монгольскую знать до положения обычных ичкеров,

К концу XII в. в Монголии существовало все еще несколько крупных сил. Кроме Чингис-хана, это был Ванхан керентский (по заключению Л. Гамбиса, керенты стали силой номер один в Восточной Монголии). Чжамуха с той частью собственно монголов, которая не признавала Темучжина-Чингис-хана, найманские ханы, татары, а также тайчиуты и меркиты. По крайней мере. трое из ханов Центральной Монголии - Чингис-хан, Ван-хан и Чжамуха реально претендовали на лидерство. По характеристике Л. Гамбиса. «Тоорил был энергичным государем, характер имел переменчивый и нерешительный, он одновременно был хитер и жесток», «он не имел данных стать главой кочевой империи». Это последнее мы знаем сейчас, а тогда после 1196 г. это было еще неизвестно. Тем более, что Чингис-хан ходил в вассалах Ван-хана и по оценке правительства Цзинь. Ванхан был наиболее могущественным из правителей Вос-

точной Монголии.

Гле-то в 1197-1198 гг. Ван-хан без Чингис-хана совершил поход против меркитов, разграбил их и ничего не уделил своему «сыну» и вассалу Чингису. Это, возможно, положило начало новому охлаждению. В 1198 г. цзиньские армии совершили новый поход в Восточную Монголию против кунгиратов и других монгольских племен. Местное население было разорено и ослаблено этим походом. Но после 1198 г. и власть Цзинь в этих районах стала довольно быстро ослабевать. Это помогло Чингис-хану овладеть восточными районами Монголии. На западе Монголии также происходили важные события, в перспективе способствовавшие победе Чингис-хана. После смерти Инанч-хана найманское государство распалось на два улуса: Буйрук-хан стал править гористой частью страны на Алтае, а Таян-хан - степными областями на Черном Иртыше, В 1198-1199 г. Ванхан, Чингис-хан и Чжамуха общими силами обрушились на Буйрук-хана. П. Рачневский полагает, что это было сделано не без молчаливого одобрения Таян-хана. Буйрук был разбит объединенными силами кереитов и монголов и бежал в верховья Енисея (на Кэм).

И может быть, именно Тоорил-хаи впервые решил отделаться от Чингиеа. Победители возращались домой, когда один ви изманаиских отрядов загородил им путь. Чингие-хан и Ван-хаи построили свои войска в боевой порядок. Опускалась мочь, и оии решили переночевать, не ломяя строя, а с утра пораньше измать боб. В эту ночь побратимы предали Чингиеа. Не потушив огней, Ван-хан и Чжамуха тайно покинули позиции, оставив Чингиеа один на один с сильным противником. Они очень наделянсь, что измямать противником. Они очень наделянсь, что измямать инм. Только утром Чингис повял хитрый умысел своях сюзовником.

 Оказывается, они задумали вовлечь нас в бедупожарище! — И, спешно покинув боевой лагерь, отсту-

пил, не принимая боя с найманами.

Пока союзники уходили прочь, Чжамуха наговаривал Ван-хану на Чингиса:

 Ясное дело, мой анда Темучжин издавна обменивается послами с найманами. Вот почему он не подтянулся к нам теперь. Хан, хан! Я-то вот оказался постоянной чайкой, а мой анда — перелетной пташкой жаворонком!

Наутро найманы стали преследовать не Чингис-хана, а Ван-хана. Внезапным ударом они разорили его кочевья, захватили в плен семью сына Ван-хана Сангума*,

угиали много людей и скота.

Пользуясь смутой, от Ван-хана ушли сыновья меркитского Тохтао-беки, которых он в качестве заложинков принудил кочевать с собой после успешного похода

на меркитов в прошлом году.

Керенты вступили в трудную борьбу с найманами, Нужны были союзинки. Ван-хан спешно направил гонща к Чинги-хаву с вестью: «Найманы половили у меня жен и детей. Поэтому и посылаю просить у тебя, сына вовего, твоих богатырей. Да спасут они мой народ!». Вовремя подоспели нукеры Чингиса. Одолевали найманы керентов. Был ранен ковы Сангума, и сам он чуть не попал в плен. Но удариль монголы, разгромили вместе с керентами найманов, вернули Ван-хану (в который раз!) его людей и имущество. В битве особенно отличились четыре верных нукера Чингиса — Боорчу, Мухали, Борхул и Чалаузвыь. Чинги сказал Тоорил-хану.

Сапгум, собственно, не имя, а чин, от китайского «сянгун»,
 «министр», «первый министр», «везпръ».

«Я послал четырех полководцев, они вернули твой на-

род, снова утвердили твое государство!»

Совесть ли заговорила у Ван-хана, или он задумал новую хитрость, только решил после своей смерти завещать и свой улус, и управление керентами Чингисхану:

— Итак, один раз мой потерянный удус вернул мие мой анда Есугай-баатур, а в другой раз погибший удус спас мие сын Темучжин. Отец с сыном, возвращая мие утраченный удус, для кого же трудились они, собирали потдавали? Ведь я уже стар. Я до того одряжлел, что пора мне восходить на вершины. Когда же в преклонных годах возблу на горы, на скавы, кто примет в управление весь мой улус? Младшие братья моп — никчемные люди. Сыновей у меня все равно что иет: один единственный Сангум. Седелать бы мие сына моего Темучжина старшим братом Сангума! Вот тогда бы и стало у меня два сына, а потом — на покой!

Чингис согласился на усыновление. На берегах Толы был совершен положенный обряд. Поклялись они

друг другу:

На врага ли поспешио ударить как один общей силой ударим. Или дикого зверя облавить — Как один общей давой облавим.

Будем уповать лишь друг на друга, а потому:

Змен ли зубастые Нам клеветою шипят — Мы клевете ие поверим. С другом увидимся, Другу мы веру дадим. Змен ль клыкастые Злобу виушат ими — Злобу отбросим мы, Друга послушаем, Другу лишь веру дадим.

Но Чингис-кан давно уже не верил словам. Он предложил скрепить ивый союз брачными узави — женить своего старшего сына Чжочи на младшей сестре Сангума Чаур-беки, а Тусаху — сына Сангума — женить на своей дочери Хочжин-беки. Кереитам, в особенности новоявленному братцу Чингис Сангуму, это не поправилось: они не желали, даже ради каких-то тайных планов Ван-хана, близко родниться с Чингисом, а потому стали возражать. Чингис, и до этого полностью не доверявший даже Ван-хану, поняд: что его усыновление керентским ханом — пустое дело, и внешне не высказав обиды, вытуренне охладел к Ван-хану и Нилха-Сангуму». Возможно, эти события случились чуть позже. «По Юань чао ши» замысел «породниться с 120я городниться с темучкином и убить» относится к 1203 г.

Здесь мы по прежнему сталкнваемся с несоответствнями в хронологии, столь обычными для всей ран-

ней бнографии Темучжина-Чингис-хана.

Разгром чжурки Рашид-ад-дин относит к 1196— 1197г., а «Тайная нстория»— к 1201 г. Поход Ван-хана против меркитов по Рашид-ад-дину имел место в 1198 г., а по «Тайной нстории»— в 1202 г. Совместный поход против найманского Буйрук-хана Рашид-ад-дин относит к 1199 г., а «Тайная нстория» также к 1202 г.

1201 г. — год, когда Чжамуха стал гур-ханом едниственная дата, которая совпадает как у Рашнаад-дниа, так и в «Тайной нсторин», Рашна-ад-дни излагает совместный поход Чингис-хана и Ван-хана протна тайнутов до набрання Чжамухи гур-ханом в 1200 г. Согласно «Тайной историн» это случилось вссиой 1202 г. Современные китайские историки датируют этот поход согласно версин Рашна-ад-дна

Итак, возможно в 1200 г., Ван-хан и Чингис-хан выетильна в совместный поход протви тайчнутов. Тайчиутам пришли на помощь меркиты. Сражение произошло на Ононе, судя по всему, с тайчиутами бился один Чингис-хан, Ван-хан в это время был на Аргуни преследовал союзников Чжамухи, Чингис двинул свои силы на тайчиутов, а те знали: добра от Чингиса не жди, и приготовились к бою. В упорном сражении ин одна из сторон не смогла одолеть противника до наступления темноты, и бойцы заночевали на месте боя,

Битва с тайчнутами, возможно, единственное сражене, в котором Чингис активно участвовал лично, так велико было его желание отомстить тайчнутам за обиды, нанесенные ему в юности, в тайчнутском плену, В бою Чингнеа ранили в шейную эргерию, но но потерял сознание. Близким Чингиса никак не удавалось остановить текциу не зраны кровь. Ужельме отсасывал запекшуюся кровь и сидел подле раненого хана с окровавленным ртом, инкому не давая сменить себя, После полуночи Чингис пришел в себя и запросил пить, Не найля ничего под рукой, Чжельме в Одном исподнем тайком пробрался в стан тайчнугов и с трудом отмекал там кислого молока. Чингие стал было упрекать Чжельме за наплеванную кровь, за то, что оставие его одного, ушел Чжельме в стан тайчнутов, где его могли схватить и узнать о тяжелом состоянии Чингиеа. Но преданный Чжельме пояснял: он для того и шел в исподнем, чтобы при случае сказаться «перебежчиком»:

 — Я уверен, они поверили бы мне, дали бы одежду и приияли к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на

первой попавшейся верховой лошади?

Угром воины Чингиса обнаружили, что тайчнуты отступили, бросив в лагере миогих людей. Среди них оказался престарелый Сорган-Шира, спасший когда-то юного Чингиса, и меткий стрелок Чжебе, на которого пало подозрение, что он ранил Чингиса. Чжебе признался, что с горы, с той стороны, откуда был ранен Чингис, стрелял действительно он. Чингис ценил откровенность и простил Чжебе.

 Заклятый враг всегда тант про себя свое душегубство и свою враждебность. Он держит свой язык за зубами. Что же сказать об этом? Он не только не запирается в своем душегубстве и вражде своей, но еще и сам себя выдает с головой. Он достоин быть товаи сам себя выдает с головой.

рищем!

Так в стане Чингиса появился еще один из буду-

щих его прославленных полководцев.

Вслед бежавшим тайнчугам была организована погоня. Те, кто не успел уйти, кого догнали нукерм Чингиса, жестоко поплатилнсь за юношеские обиды хана. «Перебил и пеллом развелл» он тайччутов, вплоть даже до детей н внуков из», а тех, кого пошадил, забрал себе, в свой улус. Таргутай-Кирилтуха схватили его же люди и чуть не выдали Чингису. Лишь опасения, что выдав хана и совершив предательство, в будшем опи вызовут сомнения у Чингиса в их преданчости, побудили их отпустить Таргутай-Кирилтуха и сдаться без него.

— Захватили мы и везли сюда Таргутай-Кирилтуха. Но, памятуя, что он наш природный государь, и не решаясь предать его на смерть и погубить, мы отпустили его и пришли отдать свои силы Чингис-хану.

 Правильно вы поступили, что не предали своето хана, сказал Чингис. – Ибо я должен был бы вас казинть со всем родом вашим как холопов, поднявших руки на своето природного хана. Так Чингис нанес первое поражение тайчиутам, но

еще не одолел их.

В 1201 г. произошло важное событие. Монгольские и немонгольские силы решили объединиться в борьбе против Чингис-хана. По данным «Тайной истории» «в год Курицы в урочище Алхуйбулах собрались (на сейм) следующие племена: Хадагинцы и Сальчжиуты совместно; Баху-Чороги Хадагинский со своими; Хадагин-Сальчжиутский Чиргидай-Баатур со своими; договорившись с Добен-Татарами, Добенский Хачжиулбеки со своими; Татарин Алчи и Татарин Чжалик-Буха со своими; Икиреский Туге-Маха со своими; Унгиратский Дергек Эмел-Адхуй со своими; Горлосский Чоёх-Чахаан со своими; из Наймана-Гучуут: Найманский Буйрух-хан; Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки; Худуха-беки Ойратский; Таргутай-Кирилтух Тайчиудский, Ходун-Орчан, Аучу-Баатур, и прочие Тайчиудцы. Уговорившись, возвели Чжачжирадайского Чжамуху в ханы, они приняли присягу, рассекая при этом с разбега жеребца и кобылу. Оттуда все они покочевали вниз по реке Эргуне и совершили обряд возведения Чжамухи в Гур-ханы на вершине поросшей лесом горы при впадении в Эргуне реки Кан-мурен. По окончании обряда они уговорились выступить в поход против Чингис-хана и Ван-хана. Чингис-хан находился в Гурельгу в то время, когда Горлосский Хоридай принес ему эти вести. Чингис-хан связался с Ван-ханом, тот немедля поднял войско и прибыл к Чингис-хану».

В «Юань ши» мы читаем: «В это время хунцзила выразили желание подчиниться (Чингие хану), Хасар, не эная об их намерении, ограбил их. Тогда хунцзила полчинились Чжамухе, и с долубань, ициласы, хадацын, холуласы, татарами, саньяжиу собрали съезд на реке Цзяньхэ и сообща возвели на трои Чжамуху, дав му титул цзойэрхань. «Шэн у цинь чжэн лу» описывает это событие так: «Затем хатацзинь саньяжиу, долоубань, татары, хунцзила собрали съезд у истоков реки Алей. В знак клятвы они разрубили по пояснице белую лощары и выразили желание атаковать нашу армию и Ван-хана». Об нэбрании Чжамухи гур-ханом элесь не сообщается.

Рашил-ал-дин сообщает о создании коалиции не один раз: «В то время, когда большинство племени тайджирт по вышеупомянутой причине были перебиты, а часть бежала, эти племена катакин и саллжичт соб-

рались вместе. С ними заключали союз племена дурбан, татар и кунгират. Они поклялись друг другу клятвой, крепче которой нет среди монгол. Клятва эта заключается в следующем; они вместе зарубают мечом жеребца, быка и кобеля и при этом говорят: «О господь неба и земли, слушай, какую клятву мы приносим! Эти самцы - корень и мужское начало этих животных. Если мы не сдержим своего слова и нарушим договор, пусть мы станем такими же, как эти животные». Так они поклялись в том, что заключили союз друг с другом и будут воевать с Чингис-ханом и Он-ханом». И далее: «В году такику, который является годом курицы, начинающимся с месяца джумада 1597 г. х. (февраль 1201 г.), когда племя кунгират подвергалось нападению и, потеряв голову, ушло к Джамукэ-сэчэну, посовещавшись совместно с племенами икирас, куралас, дурбан, катакин и салджиут, они устроили собрание и в местности на реке Гам и возвели Джамукэ на гурханство. Значение слова гур-хан — государь султанов и царей. Когда он стал гур-ханом, они задумали выступить на войну против Чингиз-хана».

Итак, в 1201 г. (здесь в первый раз совпадают даты «Тайной истории», Рашид-ад-дина) произошло размежевание сил в Монголии. С одной стороны это были улусы Чингис-хана и Ван-хана керентского, та часть монголов, которая шла за Чингисом. Выжидательную позицию занимал Таян-хан найманский, довольный тем, что керенты и Чингис-хан нанесли урон его брату Буюруку. С другой стороны объединились все прочие силы Монголии, которые были против Ван-хана и Чингис-хана. Это были те монголы, которые шли за Чжамухой, включая побитых тайчиутов, ослабленных Ван-ханом меркитов, неразумно ограбленных Хасаром хунгиратов и др. В союз против Ван-хана и Чингис-хана вошли татары, они помиили тот урон, который нанесли им кереиты и Чингис-хан совместно с войсками Цзинь. Дурбэнами («четырьмя») П. Пельо и Л. Гамбис считали или потомков «четырех» сыновей Дува-Сохора, или «четырех» ойратов, впрочем, в последнем они очень сомневались. Но и так ясно, что на реке Ган — притоке Аргуни собрались мощные силы. давшие клятву остановить усиление Ван-хана и Чингис-хана. Вряд ли стоит сомневаться в том, что союз был направлен в первую очередь против Ван-хана, сюзерена, «отца» и побратима Чингис-хана. Монголия

ждала решающих битв. Сколько их было и кто одерживал верх? Трудно ответить достоверио на этот

вопрос.

Остановимся пока на достаточно ясном и точно датированном событии — походе Чиптис-хана на татар осенью 1202 г. и разгроме им чаган-татар и аньчи-татар. Хотя Рашид-ад-дин, излагая это событие после избрания Чжамуик Гру-ханом, почему-то датирует его даже 1182 г. Это явная негочность, хотя П. Рачневский считает, что наиболее достоверный порядок событий после 1201 г. именно у Рашид-ад-дина.

месть за отпа

И гибнут люди целыми народами (Восхваление Нила, Перевод А. Ахматовой)

Среди монголов была жива память о жестоких войнах с татарами в прошлом. Рашид-ад-дин писал: «Их имя издревле известно в мире. От них отделились многие ветви. Все это племя состояло из семидесяти тысяч домов». Татары были воинственным племенем: «Это племя прославилось поножовщиной, которую оно устраивало промеж себя по причине малой сговорчивости и по невежеству, бесцеремонно пуская в ход ножи и сабли. ...Если бы при наличии их многочисленности они имели друг с другом единодушие, а не вражду, то другие народы из китайцев и прочих и вообще ни одна тварь не были бы в состоянии противостоять им. И тем не менее при всей вражде, кои царили в их среде, они уже в глубокой древности большую часть времени были покорителями и владыками большей части племен и областей. выдаваясь своим могуществом, величием и полным почетом от других».

«Из-за их чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при всем различии их разрядов и названий, стали известны под их именем, и все назывались татарами. И те различине роды полатали свое величие и достоинство в том, что себя огносили к инм и стали известны под их именем» (Рашидад-дии).

Как мы помиим, вражда монголов и татар началась еще во времена хана Хабула, когда татарский шаман не смог выдечить брата жены Хабул-хана, за что был убит. После этого «с обеих сторон во всякое время, как находили удобный случай, они убивали друг друга и грабили» (Рашид-ад-дии). Есть сведения о том, что помимо Амбагай-хагана татары выдали чжубчжэ-

ням и предка чжурки — Окин-Бархаха,

К копцу XII в. татары были ослаблены войнами с журчжэнями, особенно поражением, которое они понесли от совместного похода против них чжурчжэней, монголов Чингис-хана и керентов в 1196 г. Дела их, повидимому, обстояли певажно, так как в 1202 г. «на осень в год собаки Чингис-хан положил воевать с татарамим. Впервые в одиночку Чингие решился напасть на одно из древнейших и сильных татаро-монгольских племеи. Видимо, с этого похода он вадумал начать решающий тур борьбы за власть в Монголии, использовав в качестве предлога для войны обычай кровной мести.

Итак. по «Юань ши» в 1202 г. «император отправил войска к реке Улухуэйшиляньчжэнь и атаковал аньчитатар и чагань-татар, Перед боем войска поклялись: «Если разобьем врага и станем преследовать разбитое войско противника, то ни под каким видом не собирать брошенное имущество, лишь когда закончится сражение, разделим ero!». Сражение тогда закончилось победой, сородичи (императора) Аньдань, Хочар, Далитай, три человека, нарушили договор, «Император разгневался, отобрал все, что они захватили, и распределил среди войска». Рашид-ад-дин излагает события почти так же, сообщая только их последствия для ослушавшихся приказа знатных сородичей: «Чингиз-хан с берегов реки, имя которой Улкуй-Силуджолджит, выступил против племен алчи-татар и чаган-татар. Он издал указ (йасак), чтобы никто не смел заниматься захватом лобычи, а чтобы забрали добычу только после того, как будет покончено с войною и враг будет уничтожен, только тогда все бы полностью мирно разделили между собою. Все согласились на этом. Алтан, сын Кутулкаана, Кучар, сын Нэкун-тайши, и Доритай-отчигин, дядя Чингиз-хана, не сдержав своего слова, занялись захватом добычи до окончания ратного дела. Чингиз-хан этого не одобрил, послал к ним Кубилая и Джэбэ и отобрал у них добычу. Вследствие этого они обиделись на него и, изменив ему, тайно склонились на сторону Он-хана. Впоследствии они стали частью причин, которые привели к разладу между Чингиз-ханом и Ои-ханом. Они совместно с ним (Он-ханом) сражались против Чингизхана и в конце коицов все были перебиты. И все!».

Однако, это было далеко еще не все. Осенью побурела степь, пожелства и заалела листва дерев, потемнели ели, светлые воды рек и ручьев утратили свою былую весениямо бурличность, текли масляю, сыто, лениво, как сыты и тучны были стала, отъевшиеся за лето, сыты, обдры и всесам радовавшиеся обыльной мясной пише люди. Стремительно, как табуи коней, напутанный какой-то пасностью, взалымая тучи пыли, под скрип телег с юртами, рев животных и волиственные крики пукеров, лигальства в действа на татача.

двигалось войско Чингиса на татар. Ночью, пакануне решающей битвы, в юрте Чингисхана собрался совет. Еще раз объяснил Чингис своим нукерам и родичам — это не поход за добычей, не молодецкий наскок для угона татарских табунов и стад, увоза в плен татарских крассвии, поисков в тайниках татарских юрт диковниных вещей, полученных татарами от Алтан-ханов из Китая. Это битва не из жизнь, а на

смерть, битва с «губителями наших дедов и отцов» помните, как завещал Амбагай-хаган:

> Мстите за меня, пока с пяти нальщев своих ногти ие сотрете, пока иоття с десяти пальщев своих не сотрете, пока десять пальщев своих не потеряете, Как львы, не в силах унять свою радость, Как манусы, стремящиеся живым поглотить, Как менеты, на тень свою напалающия

Это битва, призванияя определить судьбу великого дела, судьбу татар. С общего согласия Чингие установил такое правило для предстоящего сражения: «Если мы поттемен меприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома исприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае от стступления все мы обязаны немедлению возврещаться в строй и занимать свое прежнее место, голову с пла долой тому, кто не вериется в строй и не займет своего первоиачального места1». Тайный был замысет— на победу, но не на захват добычи, а на уничтожение татар.

Жестоким сражением началось утро следующего дня в местности Далан-Намургене, недалеко от озера Буир-Нора. Стойко бились татары, но монголам удалось потеснить их, а затем и выпудить к отступлению. Оттесняя татаю со веск стоюць, монголы достигия нентла их улуса, урочища Улхуй-Шилугельчжит, и тех, кто не пал

на поле брани, вынудили сдаться.

Первыми из полоненных казнили вождей татарских племен чаган-татар, алчи-татар, дутаут-татар и алухайтатар. Остальные пленники со страхом ждали своей

участи.

И спова в своей уединенной юрге созвал Чингис-хан совет, на этот раз веникий есмейный совет, совет тех, чыкх дедов и отцов погубили татары. Они должиы были решить судьбу всего татарского народа. Приговор роченей Чингиса, зватных монголов, был жесток: «Татарское племя — это исконные губители отцов и дедов намих. Истребим же их полностью, равляя ростом их тележной чеке, в отмщение и воздаяние за дедов и отцов. Дотла истребии их, а остающихся (малых детей ростом ниже тележной чеки — Е. К.) обратим в рабство и раздарии по разным местаму («Тайная история»).

Пленные татары зналн: не жди добра от монголов. Когда закончился совет, татарин Еке-Церен спросил

у Бельгутая:

— На чем порешил совет?

То ли болтлив был Бельгутай, то ли самому ему страшным представлялся приговор совета, тяжко было на душе, он проговорился:

Решено всех вас предать мечу, равняя к концу

тележной оси!

Спешно оповестил Еке-Церен своих о принятом монголами решении. И тогда татары уговорились: тем оружием, которое еще осталось и чем попадя биться до последнего. А кто останется в живых, когда станут монголы приравнивать их по росту к концу тележной оси, пусть спрячут в рукавах ножи и режут монгольских воинов, чтобы спать им, татарам, вечным сном не на голой земле, а на подушках из вражеских тел. Так и поступили. Сделал Чингис-хан татар «кормом своего меча» (Рашид-ад-дин), но при этом неожиданно очень большие потери понесли и монголы. Однако страшное свершилось. Примерили-таки монголы татар к концам тележных осей и фактически истребили их. «Повелел Чингис, -- рассказывает Рашид-ад-дин об этой жуткой победе монгольского хана, - произвести всеобщее избиение татар и ни одного не оставлять в живых до того предела, который определен [...] чтобы женщин и малых детей также перебить, а беременным рассечь утробы, дабы совершенно их уничтожить [...] Ни одному творению не было возможности оказать покровительство тому плаемени или скрыть кого-небудь на ник, нан даже нескольким из них, кон уцелелн от истребления, обнаружиться нан объявиться». Лишь немногие уцелелн дети н близкие татарок — жен знатных монголов, да еще те, кто убежал или был обращен в рабство. Брат Чинниса Хасар из любви к жене своей татарке на данной ему на истребление тысячи убил только питьсот человек, Чингие впоследствии припомиил ему этот «проступок». В фильме «Чингис-хан», выпущенном в КНР, Чингис-хан плачет, осуществляя истребление татар, жалко мол, да иначе не могу. Но это крокодиловы слезы. Татары были истреблены хлаликоковию и расчетдиво.

с намереннем запугать и других.

Так погибло племя татар еще до возвышения монголов, давшее свое имя в качестве нарицательного всем татаро-монгольским племенам. И когла в далеких аудах и селениях на запале через двалцать-трилцать лет после той резии раздавались тревожные крики: «Татары!». мало было среди палвигающихся завоевателей настояших татар, остались лишь грозное имя их, а сами они давно лежали в земле родного улуса, порубленные монгольскими мечами. Знали это и те европейские современники, которые сравнительно неплохо были осведомлены о Монголин и ее прошлом. Рубрук писал: «Чингис повсюду посылал вперед татар, и отсюда распространилось их имя, так как они везде кричали: «Вот ндут татары!». Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты». И хотя Рубрук путал события -татары были истреблены ранее в междоусобных войнах татаро-монголов, - он писал правду: истинных татар в монгольском войске, нахлынувшем в Восточную Европу, было очень немного.

По тому, как приняли смерть татары, Чингис-хан понял, что кто-то проговорился о принятом решенин. Когда было выяснено, что тайну разгласил Бельгутай, его надолго лишили права участвовать в заседания× совета:

— Из-за того, что Бельгутай рассказал о решении Великого совета нашего рода, погибло много наших воннов. С этого времени пусть Бельгутай не входит в Великий совет! Пусть он охраняет снаружи, до тех пор пока не окончится совет! Пусть он судит тех, кто совершает дела воровские и лжи! Когда совет окончится и питье будет выпито, голько после этого Бельгутай и все остальные могут войти! Тогда же произошла и следующая история. Чингис взял себе в наложницы татарскую красавицу Есуганхатун. Есуган правилась ему и была у него в милости. Как-то Есуган сказала Чингису.

 Хаган может почтить и меня своим попечением и сделать настоящей ханшей, если будет на то его хаганская милость. Но ведь более меня достойна быть ханшей моя старшая сестра по имени Есуй. Она только что просватана. Куда ей деваться теперь, при настоящей-то суматохе?

 Если уж твоя сестра еще краше, чем ты, то я велю ее сыскать. Но уступишь ли ты ей место, когда

она явится?

С хаганского дозволения, я тотчас же уступлю

сестре, как только ее увижу.

Приказал Чингис разыскать Есуй. Ее поймали вместе женихом и в то время, когда они пытались укрыться в лесу. Есуган, как только увидела старшую сестру, сразу же встала и посадила ее на свое место. Есуй действительно понравилась Чингису, и он сделал ее своей женой. Жених Есуй сумел скрыться.

Как-то раз уже после похода на татар Чингис сидел у своей юрты, пил кумыс. Тут же рядом сидели ханши. Вдруг Есуй глубоко и скорбно вздохнула. Чингис заподозрил неладное, смекнул, не любимого ли увидела

Есуй, и приказал:

 Расставьте-ка по семьям и местам работы всех собравшихся здесь аратов. Людей посторонних выделяйте особо.

Расставили людей. И остался в стороне только один юноша. Волосы у него были заплетены в косу, как у

человека благородного.

— Кто ты такой? — спросил Чингис.

Он ответил:

 Я нареченный зять дочери татарского Еке-Церена, по имени Есуй. Враги громили нас, и я в страхе бежал.
 Сейчас как будто все успоконлось и я пришел. Я думал, меня не опознают среди столь большого числа подей.

Чингис сказал приближенным:

 Что ему здесь шпионить, этому непримиримому врагу и бродяге? Таких как он мы уже примеряли к тележной оси! Что тут судить да рядить! Уберите его с глаз долой!

И молодому татарину тут же срубили голову с плеч. Любовь привела его к порогу чингисовой юрты, любовь его выдала, а ненависть погубида. Не могла заступитса за него Есуй. Только ночами нногда, лежа на мягком войлоке в ханской юрте, верно, горько плакала она украдкой да вспоминала суженого, молодого татарина, его открытое юное лицо, черпые как смоль косы. Татаро-монгольские девушки привыкли, что мужья покупали их или брали силой. Есуган, искрение веря: счастье сестры не сидеть в лесу с молодым татарином, а быть дасеь, на ханском ложе, просила разыксать ее. Она уступила ей свое место. Поияла ли Есуган свою ошибку!? Кто теперь знает об этом?

Кстати, позднее именно Есуган добилась от Чилгиса под властью двух татарских побонов — Кули-побона и менге-Уху, которых Чингис мальчинизми подарил своим сестрам и воспитал в своей орде. К тому времени

сама Есуган тоже стала женой Чингиса.

Итак, первое же самостоятельное предприятие Чингиса завершилось его победой и небывалым кровопролитием. Было сокрушено одно из некогда самых сильных и культурных татаро-монгольских племен. Как писал Л. Гамбис, «истребление татар было осуществлено систематически, и в живых остались только женщины и дети». Кровавое избиение татар хотя и было в духе той среды и тех лет, не могло не напугать своей жестокостью современников. Сбывалось мрачное пророчество Чингисова рождения со стустком запекшейся крови в руке. Монголия, которая, как по крайней мере полагает современная наука, жаждала объединения, могла впервые воочню увидеть ту цену, которую она за это заплатит. В междоусобных войнах племен рождался тот их истребительный характер (вспомним семьдесят княжичей, сваренных заживо Чжамухой!), который потом заставит содрогнуться весь мир.

Уничтожение татар привело к установлению господства Чингиса в Восточної Монголин, Ван-хан поначалу обрадовался победе. По словам Л. Гамбиса, он яне сразу понял, что балане сил стал в пользу Темучжина, а значит, не в пользу Ван-хана». Победа Чингис-хана побудила коалицию, возглавляемую Чжамухой, к более

решительным действиям.

КТО ЖЕ СТАНЕТ ВЛАДЫКОЙ СТЕПЕЙ?

Если верить «Шэн у цинь чжэн лу», то после создания коалищи во главае с Чжамухой, ее войска сразу же двинулись на Чингис-хана и Ван-хана. По Рапида-дину в 1201 г. Чингис-хана премупредил Дай-сечен из племени хунгират. Войска коалиции Чжамухи и Ван-хана, Чингис-хана последу, и враги были разбиты. И всеl» П. Рачиевский полагает, что это быль «первая» война, о которой «Тайная история» не упоминает. Таким образом, допустимо, что коалиция Чжамухи действиться по пожение от Ван-хана и Чингис-хана. Оба победителя раздельно совершают походы проглы мерктов и татар, убедительная победа Чингис-хана над татарами реяко усилила его, что неизбежно ведет к разриму и войне с Ван-ханох.

Узнав о злочастной судьбе татар, гур-хан Чжамуха смекнул, что и ему нечего ждать добра. Сломить Чингиса можно было лишь стравив его с Ван-ханом. И вот Чжамуха со своими сторонниками уже у Нилха-Сангума (сына Ван-хана), уговаривает керентов зажлючить

союз против Чингис-хана:

 Мой анда Темучжин явно и постоянно обменивается послами с найманским Таян-ханом,— запугивал он керентов.

— С языка у него не сходят слова «отец» и «сын», но в душе у него совсем другое. Он хорош только на словах. Неужели вы доверяете ему? Если же вы пойдете на анду Темучжина, то я присоединось к вам и

ударю ему во фланг!

По словам Рашил-ал-дина, «жарким дыхвикем он дложил эту мысль в сердие Сангума». И чингисовы побратимы порешили: «Пойдем лучше и захватим у Темучжина его улус. Что ему делать, когда улус его будет отобран и останстся он без улуса?»

Над Чингнсом стали собираться тяжелые тучи. Вот уже к Чжамухе и Сангуму примкиули Алтан и Хучар, посаднвшие некогда его на ханство, а теперь обидевшиеся за несправедливый, как они думали, дележ та-

тарской добычи.

Оставалось самое трудное — склонить самого Ванхапа на войну с Темучжином-Чингис-ханом. Не сразу согласился на это Ван-хан: он понимал нензбежность столкновения с Чингисом, но не доверял и Чжамухе: Чжамуха ведь — перелетный болтун. Правду лн,

небылицы ли плетет он - не разобрать!

Долго с глазу на глаз говорили отец с сыном. Обиженный несговорчивостью отца, выскочил Сангум из юрты, сильно хлопнул дверью. Испугался Ван-хан: а пу как столкнется Сангум с Чжамухой, лишит его власти. Велел догнать сына, сказать:

 Ваше дело, делайте только то, что вам под силу. Чжамуха и Сангум, не решаясь взять Чингиса силой, надумали прибегнуть к хитрости; «Согласимся на брак Чжочи и Чаур-беки. Ее просил Темучжин для сына, когда хотел закрепить свое усыновление Ван-ханом брачными узами. Устроим сговор, заманим сюда, да здесь

и схватим его».

Ставка Чингис-хана располагалась около озера Бальчжуна, в северо-восточной Монголии. Его сила росла. Именно здесь его посетили купцы-мусульмане. К нему присоединяются ирикесы во главе с Боту, потерпевшие до этого поражение от хоруласов. От купцов-мусульман Чингис-хан узнал о ситуации в Восточном Туркестане и Мавераниагре. К сведениям о Китае добавились новые, как полагал Л. Гамбис, «эти три человека дали ему ценные сведения об их странах и Темучжин начал считаться с политической ситуацией в Азии»

Чингис согласился на брак, может быть, желая оттянуть столкновение с Ваи-ханом и надеясь в дальнейшем на более благоприятное для него размежевание сил в Монголии. Не подозревая о заговоре, он поехал на сговор лишь с десятком своих людей («Тайная история»). По дороге они заночевали у Мунлика, того самого Мунлика, который по завещанию умирающего Есугая привез малолетнего Темучжина от унгиратского Дайсечена. За чашкой кумыса вспомнили далекие годы, поговорили о нынешних делах. Усомнился Мунлик в искренности керентов:

- Сами же они только что нас унижали и отказывались выдать Чаур-беки. Как это могло случиться, что теперь, наоборот, они сами приглашают нас на сговорный пир? Как это может быть, чтобы люди, которые только что так чванились, теперь вдруг согласились на брак, да сами еще и приглашают? Чистое ли тут дело? Вникиув в чем дело, неужели ты, сын, поедещь? Давайка лучше пошлем извинение в таком роде, что, мол, кони отощали, надо подкормить коней.

Испугался Чингис, сам на сговор не поехал, прямо из лома Мунлика повернул назад, домой. Однако на

сговор послал двух своих людей.

Увидев провал своего плана, Сангум, Чжамуха и их сторонники решили не медлить, напасть на ставку Чипгис-хана и пленить его. Хоть и мало кто знал обмоно но среди них оказался болтун. Пришел домой, стал собираться в поход, все рассказал жене, да еще и досввил:

 Воображаю, чего бы только не дал Темужчин тому человеку, который бы принес ему эту весть?

Подслушайн их разговор слуги, Двое из них смекили в чем дело, и на приготовленных для завтрашнего похода коояйских коновх ночью ускакали к Чингису и той же ночью, по монгольскому обычаю стоя у задней стены морты, передали ему все, закончив словами:

С соизволения Чингис-хана, тут нечего сомневаться и раздумывать — они порешили вас окружить и схва-

тить!

Это сообщение застало Чингиса врасплох Хоть и еп пристало недавиему победителю татар искать спасения, но Чингис знал правы степей, не раз его жизни угрожала опасность, и потому, оповестив о готовящемся впалаении ссамых надежных и блиямих людей своих», он налегке «сам в эту же ночь ускажал». Ван-хан и его союзники по пятам преследовали уходящего от имх Чин-гиса. На одной из стоянок преследователи чуть не схватіли его. Чингисхан, «срав увидав пыль, поймал жерина, завыочил и уехал. Еще немного и было бы поздно». К его стоянке подъехал Чжамуха, который, как мы замем, со своими людьми шел вместе сармией Ван-хана.

Но всем было вявестно, что Чжамуха и Ван-хан не доверяли друг другу. Сказалось это в тот час, когда разговор зашел о подготовке к решающему сражению. То ли Ван-хан крепко верил в полководческий талант Чжамухи, и, как в давнем походе против меркитов, проскл его принять командование войсками, то ли и вправду с личной охраной хотел оставаться вие поля боя, по Чжамуха расценил его предложение как какой-то умысся, направленный против него, и решил принять то умысся, направленный против него, и решил принять

контрмеры:

Ван-хан просит меня управлять этим своим войском. Я ведь не могу сражаться с андой, а он велит мне управлять этим войском. Как ни прыток был Ванхан в преследовании, а оказался позади меня. Значит, и друг-то он на час. Давай-ка я подам весть анде, пусть анда воспрянет духом.

И незамедлительно он выдал Чингису весь план

предстоящей схватки.

Бой был жестоким. Раненного в щеку Сангума керенты окружили плотным кольцом и увезли с поля боя, Был сбит кольем и ранен манхуаский Хуилдар-сечен, командир передового отряда войск Чинтиса. Солние ссло за горы, а ин один из противников не одержал победы. Под покровом почи Чингис решил отвести свои войска подальше от поля сражания на новое место.

Пока Чингис-хан приволіл в порядок потрепанные в бою отряды и готовился к отраженню новых атак, оказалось, что и Ван-хан, опасаясь за жизнь ранейого сына, отступил. Решение его было предопределею и тем, что приближенные внушили Ван-хану мысль о

бессилии и неминуемом поражении Чингиса.

— Будь же ты милостив к Сангуму. Ведь молитвами твоими он родился на свет. При том же с нами большинство монголов, Чжамуха, Алтан и Хучар, А те, темужиновцы, в леса загнаны нами, а вот каковы они теперь передынгаются они на конях, покровом — плащом служит им лес. Покажись только они нам на глаза, так мы загребем их в полы халатов, словно скотский помет. Мы им покажем!

Все это звучало убедительно.

 Ладно, — сказал Ван-хан, выслушав эти доводы. — Пусть будет так. Усердно ухаживайте за сыном да смотрите, чтобы его не растрясло.

И керепты покинули поле боя.

В самом деле, не только ще все монголы были в удусе Чингис-хана, но большинуство их продолжаля нати за Чжамухой, Ушли от Чингиса Алтан с Хучаром. А тут еще это жестокое сражение с Чжамухой и Вана каном. Все это подоряало силы Чингисова улуса. «Тайная история» не говорит о том, что Чингис-хан в срежении с керентами потернел поражение, впечатление такое, что после жестокого боя стороны просто ночью разошлясь, Рашил-а-дали считает, что поражения Сантума, и Чингис-хану, по словам Рашид-дал-дина, что зала опасность полного урона», «Чингиз-хан не смог устоять (перед керентами — Е. К.) и отступил», «Когда он обратился вспать, обльшая часть вобская покинула

его, он уже ушел в Балджуинэ»*. Войска при нем оставалось всего 2600 чел. (по сведениям Рашид-ад-дина — 4600 человек.)

«Группа лиц, бывших в то время вместе с Чингизханом в Балджиунэ, была немногочисленна. Их называют Балджиунту, т. е. они были с ним в этом месте и не покинули его. Они имеют установленные права и отличны перед другими». В знак верности Чингису и его делу эти люди пили мутную воду озера. Воду верности пил и сам Чингис-хан, «Они выжимали воду из грязи и пили ее». Как сказано в «Юань ши», «в это время Ван-хан был силен, могушественен, а император слаб и не уверен в победе. Отряд был очень испуган. Что касается тех, кто пил с ним воду этой реки, то их называют теми, кто пил мутную воду в Бальджуне, Это значит, что они разделяли тогда трудности». О Бальджуне говорится в биографии Джабар-ходжи. «Джабар-ходжа попал в армию Чингис-хана как раз в войнах с Ван-ханом. Он был храбрый, отличный наездник и стрелок из лука, в бою часто сидел на верблюде, а не на лошади. Ван-хан напал внезаппо. Чингис потерпел поражение и только с 19 человеками бежал. Кончилось продовольствие. Подстрелили дикую лошадь, сварили и ели». Чингис воздел руки к небу и сказал: «Если я окажусь способным завершить великое дело, я всегда разделю с этими люльми и сладкое, и горькое. Если же я нарушу это слово, то пусть стану, как эта вода. Среди присутствующих не было ни одного, кто бы не утирал слез». Позже Чингис-хан объявил: «Тот, кто пил со мной воду из этой реки, из поколения в поколение останутся на моей службе!» В жизнеописании Ачжулу сказано: «Тай-цзу приказал всех пивших с ним воду из реки Баньчжунахэ, зачислить в его свиту». В целом ряде биографий сподвижников Чингисхана встречаются такие фразы: «Вместе с Тай-цзу пил воду из реки Хэшуй» (Ачжулу), «сопровождал Тай-цзу в войне с Ван-ханом, вместе пили воду из реки Баньчжэнь» (Сюэлинзянь-нойон).

⁸ Точное место нахождения Баладжуны, сыгравшей важиную доль в биографии Чингис-капа, незнаестно. Один податают, что это озеро Балазина, на которого вытекает река Тура. Монгольский неследователь Парязо готождестваят Баладжуну с Балаж-Булак, где река Могонт впадает в Халху. Н. Поппе указывал на озеро Балезино в 50 км западаес т. Агинска (Читвиская область).

Американский монголовед Ф. Кливс, опубликований в 1955 г. специальную статью «Историчность концепции Бальчжуна», указывает, что в «Юань шизупомянуты 14 чел., которые участвовали в клятве при Бальчжуна. Любонытно, что это уже целый интернационал. Из монголов здесь были: сам Чингис-хан, его брат Хасар, в это время вернувшийся к нему, и Асжулуг. При Чингис-с оказались три керента, два киданя, один мусульманин, один меркит, представители другилемен: икирес, мангут, чеутай, сульдус. Драматичность ситуации и ее нравственная красота, преданность тех, кто разделля мытагретва Чингиса, вошли поэже в литературу — в юзньскую поэзию и раннюю литературу династии Мин.

П. Рачневский заметил, что «не в первый и не в последний раз в случае поражения Темучжин ищелубежища у границ Китая». Он должен часто перекочевывать с места на место, опасаясь вывалиото нападения своих врагов. Казалось. Вечное синее Небо ли-

шило милостей своего избранника.

Не имея сил сражаться, Чингис начал переговоры с Ван-ханом и Чжамухой. Он требовал объяснения причины вражды. В длинном наказе послам, отправляемым к Ван-хану, он перечислял все услуги, оказаниве им самим и его отном керентскому хану: «Коть я и низок родом, а не занимать мне миоголодства. Коть и низок родом, а не занимать мне благородства. Коть я и низок родом, а не занимать мне благородства. Кота у повозки о двух оглоблях сломается одна оглобля—и волу ее не спезти. Не так ли и я был твоего второй оглоблей? Когда у двухколесной телеги сломается одно колесо — нельзя на ней ехать. Не так ли я был у тебя вторым колесом? [...] За какую вину мою прогневался ты на меня теперь, хан и отец мой? Пошли ко мне посла для объяснения своего неудовольствица!

Обратим внимание на то, что, хотя бы на словах, Чингис-хан готов признать свое младшее партнерство, он величает Ван-хана «ханом и отцом», значит полагает

себя подданым и сыном.

Положение Ван-хана было не на дучших. Он победил, но не уничтожил Темучжина и знал, что тот при случае быстро соберется с силами и отомстит. Кругом были врати — найманы, Чжамуха, недобитые меркиты и тайчнуты, а он остался один, без союзников, ем прекрасиом небе властелии, в прекрасиом небе, но одинь. Поэтому, судя по «Тайной истории», пламенные речи

Чингис-хана, переданные его послами, вызвали у Ванхана прилив раскаяния. Старик воскликнул:

> — О погибнуть мие! Сына ли только забыл я? Правды закон я забыл. Сына ли только отверг я? Долг платежа я отверг,

Если теперь я увижу сына своего, да умыслю против него худое, то пусть из меня вот так вытечет кровь!

И в знак клятвы он уколол ножом мизинец и, «выточив из ранки берестяной бурачок крови, просил передать его своему сыну», которого совсем недавно помыш-

лял лишить улуса.

Послание (также, разумеется, устиое) к Чжамуже анде было более резким и обличительным: «Ты из ненависти разлучил меня с ханом и отцом моим. Бывало тому на нас, кто вставал раньше, полагалось пить из синей чаши отца и хана. Вставая раньше, я и получал право пить из нее. Вот ты и возненавидел меня с тех пор из зависти. Осушайте же теперь отцову ханскую синюю чашу! Не много отнимете у меня!»

Вражда Чингиса с Чжумухой, соперничавших с раниего детства, была более глубокой по сути, но более

мелкой по проявлениям.

Алтану с Хучаром, некогда возведшим Темучжина в ханское достоинство, а теперь покинувшим своего хана Чингиса, он напомнил историю своего избрания, когда не он, а любой из них мог быть избран ханом и не захотел этого, «Открыто ли вы хотите покинуть меня или надумали покинуть коварно и лицемерно? Тебе, Хучар, как сыну Некун-тайчжи, мы предлагали быть ханом, но ты ведь сам отказался. И тебе, Алтан, мы предлагали: «Хутула-хан правил вель всеми нами. Буль же и ты ханом, ведай всеми, как отец твой!» Но ты тоже отказался. Не мог же я повелеть и другим, более высокого происхождения: «Будьте ханами вы. Сача и Тайчу, как сыновья Бартан-баатура». Итак, не имея возможности возвести в ханы вас, я вами же был наречен ханом». Он уверял их, что если бы кто-то из них был ханом, уж он-то, Темучжин, служил бы ему верно и преданно. «Открыто ли вы хотите покинуть меня или надумали покинуть коварно и лицемерно?» - вопрос этот был скорее риторическим, чем по-существу, так как Алтан и Хучар, ныне уже были в стане его врагов. Судя по словам послания еще к одному перебежчику («ведь

моего улуса Алтан с Хучаром, конечное дело, никому ис дадут»), Чингне практически считал Алтана и Хучара реальными претендентами на его ханское место в улусе монголов. В верски Рашил-ад-дина Чингис прямо аявляет Алтану и Хучару: «Вы оба задумали убить и оставить меня брошенимм на темной земле, либо упратать лежать под землю». Становится полятной, ясной суть новой вспышки вражды— это была борьба за то, чтобы лишить Чингиса власти в монгольском улусе, покончить с ним самим, слишком опасен стал Чингис после победы нал татарами.

Дипломатическая акция Чингис-хана несомненно имела значение отвлекающего маневра. На деле он собирал разрозненные силы, сжимая их в единый кулак, ожидая лишь удобного момента, чтобы разделаться со

своими противниками.

Раненому Сангуму Чингис велеп сказать, что он торопится стать ханом еще при жизни отца Ван-хана. Чингис хотел вбить клин между отцом и сыном. Взбешенный Сангум в ответ заявил, что Чингис никогда и не именовал его отца иначе, как старым разбойником, и приказал откармлинать коней, готовиться к новой войне с Чингисом. В «Юань ши» в хронике царствования Тай-цзу-Чингис-хана, в уста Сангума вложены такие слова: «Если мы победим, то поглотим его, если он победит, то поглотит нас. Зачем много говоритъ?» Сложившаяся ситуация охарактеризована Сангумом предельно честко.

Размежевание происходило постоянно. Вот что сообщает Рашил-ад-дни: кбогла Чингиз-хан отправил посла Он-хану, оп подчинил себе важнейшую часть племени кунгират и ушел В Балджиунэ. Племя куралае обратило в бегство Боту из племени икирас. Уходя разгромленным от них, он присосдинился к Чингиз-хану этом месте [...] Они там вмеете жили и пили волу Балджиунэ. В то время Джочи-Касар жил отлельно от Чингиз-хана. Войско Он-хана совершило набег на его жен и детей в местности Караун-Джиун. Он же сам ужодил (к Чингиз-хану). Он настолько обеднел и лишился всяких средств к существованию, что варил падаль и чаруки (род кожаной обуви на мяткой подошве) и ел. От такой еды он изиурился. Нагнал он Чингиз-хана на стоянке в Балджиум».

Поистине, 1203 г. был драматическим и решающим в судьбах Монголии. Все те, кто не был на стороне

Чингис-хана, Ван-хана или Чжамухи, пытались сколотить еще одну коалицию и против Ван-хана и против Чингис-хана. «Даритай-отчигин, который был дялей по отцу Чингиз-хана, Алтан-Джиун, сын Кутула-каана. который был дядей по отцу Чингиз-хана, Кугаре-беки, сын Нэкүн-тайши, а Нэкүн-тайши был дядей по отпу Чингиз-хана, Джамукэ из племени джаджират, племя баарин, Суэга и Тогорил из уруга Ноктэ-буула, Тагай-Кулакай... из племенн мангут и Куту-Тэмур, эмир племени татар - все объединились и договорились о следующем: «Нападем врасплох на Он-хана, станем сами государями и не присоединимся ни к Он-хану, ни к Чингиз-хану и не будем на них обращать внимания», Слова их в «Тайной истории» переданы так: «Нападем врасплох на Ван-хана, станем сами государями и не присоединимся ни к Ван-хану, ни к Чингис-хану и не будем на них обращать внимания».

Как Чингис-хан реагнровал на этот новый вызов, мы не знаем. Может быть, он н не успел что-либо предпринять, так как Ван-хан не медлял, он напал на новых

союзников и «предал их разграблению».

Одержав эту победу, Ван-хан уверился лишний раз в своей силе и беспечно пировал у своего золотого шатра. Люди Чингиса донесли: «Ван-хан в совершенной беспечности пирует и веселится в золотом шатре. Двигаясь без остановки день и ночь, мы сможем накрыть его внезапным налетом». Предложение было заманчивым, шанс упускать не следовало. В этом и состояло отличие Чингис-хана от соперников. Когда надо, он действовал быстро и решительно. От недавнего смирения Чингиса перед «ханом и отном» не осталось и следа. Не делая даже ночных остановок, войска Чингисхана быстро достигли владений керентов и окружили ставку Ван-хана, расположенную к югу от верховьев реки Керулен. Три дня и три ночи длился жестокий бой. Керенты были наголову разбиты. Лишь чудом удалось Ван-хану и Сангуму прорваться сквозь кольцо осады и спастись бегством. «Керентский народ» Чингис приказал «раздать во все концы», «всех вдоволь оделил он кереитскими пленинками», а себе взял Ибаха-беки, старшую дочь Ван-хана. «По таковом истреблении кереитского племени зазимовали в ту зиму на урочище Абчжая-колегери».

Если принять во внимание сообщение Рашид-ад-дина, то Чингис-хан перед нападением на Ван-хана прибег к военной хитрости, послав к иему людей якобы от имени брата своего Хасара, который якобы выражал желание покориться Ван-хаиу. И Ван-хаи поверил послам, попался на провокацию Чингиса, ралуясь мимому

расколу в его рядах.

Судьба Ван-хана оказалась плачевной. Спасаясь от монголов Чингиса, он и его сын Сангум натолкиулись на найманский караул. Сангуму удалось бежать, а Ванхан был убит, несмотря на его мольбы и уверения, что он знатиый человек, хан керентов. Найманский Таянхан приказал отсечь голову Ван-хана от тела и доставить в его ставку. По одним сведениям, он поведел оправить голову Ван-хана в серебро и «некоторое время он держал ее ради величия и почета, положивши из свой трон» (Рашид-ад-дин). По другой версин, найманы положили голову Ваи-хана на белую кошму и стали совершать ей жертвоприношения. Но во время жертвоприношения голова якобы засмеялась, и тогда взбешенный Таян-хан, который принял это за нелоброе предзнаменование (а тут еще не к добру залаяла собака). приказал растоптать ее («Тайная история»).

Недолго прожил и Сангум. Гонимый, он должен был покинуть пределы Монголии и, по сведениям Рашилад-дина, через селение Ишик-балагасуи, в котором комментаторы видят тангутский город Илзина (Хара-Хото) ушел в пределы тангутского государства Си Ся. Некоторое время Сангум, не найдя поддержки у Тангутов, жил грабежом, а затем был выдворен тангутскими властями в Восточный Туркестам (в пределы Хотана и Кашгара) и там убит одним из местных уйгурских правителей Клыч-Кара. Поздиес, когда уйгуры подчины дись Uничесу. Клыч-Кара передал ему жеңу и сына

Сангума.

Итак, осенью 1203 г. Чингис одержал победу над керентами, это была самая большая победа Темучжина, ибо только с уничтожением государства керентов он приобрел «свое собственное независимое ханское положение» И. Л. Гамбис и П. Рачиевский склоняются к тому, что Чингис-хан не уничтожил керентов столь же жестоко, как и татар. «Темучжин не уничтожил керентов, не поступил с ними так, как он поступил с татарами и тайчиутами»,— ппшет П. Рачиевский. «Керенты были расселемы Темучжином,— заключает Л. Гамбис,— вместе с монгольскими племенами, чтобы лишить их политического саниства. которое они сохраняли, по край-

ней мере, в течение трех поколений. Он пощадил их и ие полверт широким репрессиям, и постепенно они смешались с монголамн». Пожалуй, трудию абсолютьо оситаситься лишь с высказанным П. Рачневским положением, что «в борьбе против керентов Темучжин представлял нашиональные интересы монгольских народова. В тот момент, когда керенты потерпели поражение, значительная часть монголов еще не шла за Чингис-ханом и не считала, что именно он представляет их нитересы. Другое дело, что ситуация вновь резко изменилась не вопрос о том, с кем нати — с Чжамухой, Чингис-ханом нли с теми, кто хотел стать представителями третьей силы в монгольской среде — встал еще острее, для многих этот выбор был выбором между жизнью и смертью.

Были еще найманы. Найманы были многочисленным народом, кочевавшим между Хангаем и Алтаем и в верховьях Иртыша, «Этн племена найманов и их госулари были уважаемыми и сильными, они имели больщое и хорошее войско, их обычаи и привычки были подобны монгольским» (Рашид-ад-дии). Неясно: были лн найманы монголоязычным наполом или тюрками, есть версия о том, что это даже были киргизы. К 1204 г., когла назрел нензбежный конфликт между найманами н Чингис-ханом, силы найманов были ослаблены враждой между найманскими ханами — Таян-ханом и его братом Буюрук-ханом и между Таян-ханом и его сыном Кучлуком. Таян-хан носил титул Дай-вана (Великого вана, киязя), полученный им от чжурчжэней, он и вошел в историю под своим титулом, а собственное его имя (судя по сведенням Рашнд-ад-днна), было Байбука.

Найманы были одинм из самых культурных племен, населявших территорию современной Монголин и Алгая. Среди инх, как и среди керентов, было распространено кристианство несторианского толка. Соседствуя с учгурами, они были близко знакомы с их культурой, найманы приспособили уйгурское письмо к своему языку, если полагать их монголоязычными народами, то они были перавыми, кто сделал это. Может быть поэтому найманы свысока относились к монголам. Мать (а по средсениям Рашила-да-дина жена) Таян-хана Гурбосу,

так отзывалась о монголах:

Пожалуй, подальше от них. Пожалуй, что их бабы и девки годятся еще доить у нас коров и овец, если только отобрать из них которых получше да велеть им вы-

мыть руки и ноги!»

Действительно, Гурбосу была и женой и «матерько Таян-хана одновременно. Она была женой Инани-хана, отца Таян-хана, поэтому все же считалась его матерько. После смерти Инани-хана, Таян-хан по монгольскому обычаю взял ее себе в жены и она стала его фактической женой. Этим объясняется и то большое влияние, которое имела Гурбосу на Таян-хана.

После разгрома керентов и гвбели Ван-хана Таянхан видел в Чингисе своего главного соперника в борьбе за власть в монгольских степях, если только он в ней участвовал нли желал участвовать. Найманы хоть и были в сторове, но явлались врагами и явно мещали Чингису, тем более, что с ними якшался Чжамуха. Сам

Таян-хан явно недооценивал своего врага:

— Сказывают, что в северной стороне есть какисто там инчтожные монголишки и что будто бы они напугали велякого государя Ван-хана и своим возмущением довели его до смерти. Уж не вздумал ли он, Монгол, стать ханом? Разве для того существуют солные и луна, чтобы и солные и луна светнли и сияли на небе рядом? Так же и на земле. Как могут быть на земле рядом два хана?

Эти слова, если они достоверны, вряд ли могут быть приняты за свидетельство стремления Таян-хана самому стать «владыкой степей». Они введены в «Тайную историю» для того, чтобы полчеркиуть величие Монгола,

Чингис-хана.

Столкновение Чингис-хана с Таян-хапом было неизбежным, Чжамуха, который по-прежнему хитрил и выжидал, надеясь на гибель Чингиса на этот раз от руки Таян-хана (или Таян-хана от руки Чингиса), примкнул

к найманам.

Говорят, Таян-хан был не на храбрых людей, больше увлекался охотой, чем вонискими упражнениями и лелами своего улуса, и потому он, думая начать войну,
решил заручиться союзниками. Его послы прибыли к
онгутам. Онгуты, тюрки и несторяане, как пишет П. Ранневский, абыли братьми по расе и вере изймановъЖили онгуты на границах с Цзинь. По сводениям Рашил-ал-дима, это «был народ особый и только похож и
монголовъ. Онгуты служали чжурчаянским государям,
монголовъ. Онгуты служали чжурчаяньским государям,

несли охрану границ Цзинь вдоль Великой китайской стены. «Гайная история» передает нам послание Таян-хана к онгутскому правителю Алахуш-Дигитхури, со-ставленное хотя и в гротескиой форме, но иссомиенно, отражающее недоощенку найманским ханом сил Чингиса.

 Сказывают, — говорили послы Таяи-хана онгутам, — что там на севере, есть какие-то ничтожные монголы. Будь же моей правой рукой. Я выступлю отсюда,

и мы соединимся.

Алахуш был свидствлем того, как «ничтожные монголы» Чингиса истребили татар, разгромили керентов. Он не только не хотел ссориться с Чингисом, а, как говворили, даже симпатизировал ему. Тван-хану он ответил, не объесняя причин: «Я не могу быть твоей правой рукой», а к Чингису отправил верных людей с такой вестью: «Найманский Тан-хан... присылал просить меня быть у него правой рукой, но я отказался. Теперь же посылаю тебя предупредить».

Эта весть застала Чингис-хана во время большой объявлей охоты. Немедленно был созван совет. Мненье большинства было выражено в словах Бельгутая: «Найманы хвастают, уповая на то, что улус их велик и мностродоси. Как можно усидеть пои подобных намые-

ных речах их? На коней, не медля!»

Чингиз-хан согласился на немедлениый поход против Таяи-хана. Но он серьезно готовился к войне и перед походом реорганизовал управление войсками и улусом.

Реформы 1204 г. описаны в «Тайной истории»: «Поиравилось это слово Бельгутая Чингис-хану. Остановив охоту, он выступил из Абчжикельтегей-хада, Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев. а именно: Додай-черби, Дохолу-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюйкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя в дежуриую стражу, кешиктенов; 80 человек кебтеулов — ночной охраны, и 70 человек турхаудов, — диевной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния... Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел комаиловать АрхайХасару и в дин бить сражаться перед его очами, а в обычное время состоять при нем турхаул-кешиктенами. Семьюдесятью турхаудами повелено управлять Оголе-чербию, по общему совету с Худус-Халчаном». Таким образом, реформа свелась к следующим мероприятиям:

1. Была реорганизована армия, введена децимальная система десятков, сотен и тысяч. Реформа эта, возможно, косиулась не только армин, но и всего населения улуса, поскольку в источнике сказано: «составил тысячи». Не исключено, что все население улуса одновременно было разделено на десятки, сотин и тысячи, такие группы населения, которые были обязаны выставить соответствующее количество воинов с полным спаряжением. Это была древияя система Центральной Азии, известная еще с гуннов.

 Была введена должность черби. Черби, «состоящие на службе», управляли людьми и хозяйством улуса. Они ведали «кравчими, привратниками, конюшими»

и т. п. и личной гвардией хана.

3. Была отобрана тысяча гвардейцев хана, призванных сражаться «пред его очами» и создана его личная гвардейская охрана из 150 гвардейцев, которые делились на 80 чел, ночной и 70 человек дневной стражи. Люди несли трое суток ночную, а затем трое суток дневную службу. Срок дежурства определялся светлым лнем и временем ночи. В гвардию щли дети и младшие братья нойонов и должностных лиц тысячников и сотников. Трудность представляет то понятие, которое С. А. Козин перевел «люди свободного состояния». П. Рачневский полагает, что речь идет о населении улуса, равной по социальному статусу кнтайским «бай син», «простым людям», не состоящим на официальной службе. В новом кратком переводе «Тайной истории» на китайский язык однако подчеркивается, что монгольский термин делает упор на то, что на службу в гвардию брали сыновей именно лично свободных людей, «не имеющих чина и должности рабовладельцев», чем явно уже допускается перекос в другую сторону. Мероприятия эти, возможно, скорее дополняли то, что было сделано при сформировании первого улуса Чингис-хана, они приводили в порядок улус после того, как он сильно пострадал от удара керентов.

В начале лета 1204 г. войско Чингиса — около 45 тыс. всадников — выступило в поход на найманов. Пе-

ред походом было совершено жертвоприношение знамени, в котором, по поверьям монголов, обитал дух - хряинтель войска сульде. Армия Чингиса двигалась вверх по реке Керулену. Столкиувшись с первыми найманскими караулами, монголы решили перед большим сражением подкормить коней и напугать найманов хитростью - ночь каждому вонну жечь по пять костров в разных местах. Темной, звездной ночью заполыхала степь заревом огней, и найманам со страху почулилось. что армия Чингис-хана заполнила всю степь, ибо в стане монголов «огней было больше, чем звезд на небе», Была применена, суля по «Юянь ши» и такая хитрость — перед сражением монгоды загнали в дагерь Таян-хана тощую лошадь. Таяи-хану показали ее. Излагая войскам план сражения. Таян-хан, в частности сказал: «Монгольские лошади отощали, как эта. Заманим их поглубже, а затем начнем сражение и захватим их».

Таян-хан полжилал Чингиса со своим войском на реке Алтай в Хангае. С ним вместе был Чжамуха и в эти лни еще очень многие. В «Юань ши» названы меркиты, кереиты, ойраты, дэрбэн, хатачниы, татары, Қогда осторожный Таян-хан предложил было в начале не принимать сражения, а отступить за алтайские горы, «заманить Чингиса поглубже», увлекая за собой монго-лов, его сын Кучлук обвинил отца в трусости. Доказывая, что армия у Чингиса невелика, он ссылался на тот очевидный факт, что большинство монголов здесь, с Чжамухой, в лагере Таяи-хана.

 Эта баба Таян разглагольствует так из трусости. Откуда у него (Чингиса) появилось миожество монголов? Вель большинство монголов с Чжамухой вот здесь. v Haci

И хотя Кучлук-хан не совсем ясно представлял себе, сколько монголов идет за Чингисом, а сколько за Чжамухой, но совершенно очевидио, что в эти летние дии 1204 г. немало монголов выступали еще против будущего властелина степей, не осознавая, какая им-то будет польза от объединения Монголии.

Кучлук и приближенные Таян-хана отговорили его от прежнего решения, подсказанного разумной осторож-

ностью:

 Сойтись-то мы сойдемся, а вот легко ли разойдемся? — возражал Таян-хан на наглые слова Кучлука. Но Кучлук и его единомышленинки вынудили Таян-хана принять бой с Чингисом. Найманская армия двинулась вдоль реки Тамир и переправилась через Орхон к
восточным склонам горы Наку. По сведениям Рапидалдина, Чингис «сам лично устанавливал вобско» и
«пошел в передовом отряде» ««Тайная история»). Монголы смяли и погнали найманские передовые караулы.
Особенно храбро бились батиры Хубилай, Чжебе, Чжельком и Субетай. Чжамужа, якодясь в стане Тави-хана, в
хотел разгрома Чингиса, и бояяся его. Еще сильнее желад бы он разгрома найманов, а погом в своей, родной,
монгольской среде устранения Чингис-хана от власти и
захвата е е в свои руки. Поэтому на вопрос Тави-хана
об этих храбрых нужерах Чингиса: «Что это за люди?»—

Мой анда Темучжин собирался откормить человеческим мясом четырех псов и привязать их на железную цепь. Должно быть, это они и подлетают, гоня

перед собой наш караул.

 Ну так подальше, — сказал трусоватый Таянхан, — подальше от этих презренных тварей! — И при-

казал перенести свою ставку повыше в горы,

Судя по «Тайной истории» четырежды так запугивал Чжамуха Таян-хана, пока тот не оказался на самой вершине горы, а потом, видя, что найманы неминуемо потерпят поражение, покинул их. По рассказу Рашил-ал-дина, «как только Чжамуха-сечен издали увидел боевой порядок войск Чингис-хана, он обернулся к своим нукерам и сказал: «Знайте, что приемы и боевой порядок войск моего побратима стали иными! Племя найман не оставит никому другому даже кожу с ног быков, а от них никому не достанется прибыли!» Умел Чжамуха мудрено выражаться, так, что действительно сразу не поймешь, что и сказать он желает. Важно действие. «Закончив эту речь, он отделился от них, выехал вон из рядов и ускакал с поля битвы». Чжамуха не только предательски бросил найманов в разгар битвы, но и сообщил Чингису, что войска найманов расстроены, а Таян-хан напуган и не уверен в исходе сражения.

Рашид-ад-дин характеризует Таян-хана несколько вначе. Таян-хан был человком осторожным, но мужественным. В критический момент он лично стойко бился с монголами, «получял множество тяжких рав» и только после того укрылся со своими нукерами на вершине крутой горы Наху-гун. Найманские воины предпочля смерть поворному поражению, коин спустились с этого косотора и жестоко сражались, пока не были все перебиты». Некоторые иочью пытались прорваться через скалы, но погибли в горах; «срываясь и соскальзывая с изкутунских высот, они стали давить и колоть друг друга насмерть... трешали ломаясь кости, словно сухие сучва». Удалось уйти лишь Кучлуку с небольшим отрядом. Таян-хаи погиб. Разгромленные найманы в состоянии полного расстройства» стали добичей Чингиса и его нукеров. Гурбесу доставлия к Чингису.

— Не ты ли говорила, что от моиголов дурио пахиет? Чего же теперь явилась? — сказал он ей и взял ее себе

в иаложинцы.

Итак, Чингис-хаи, разгромив найманский улус, стал повелителем практически всей Монголии. Были еще враги - Кучлук, бежавший к своему дяде Буюруку на Алтай, меркиты, часть которых не имея возможности возвратиться в родиме земли, утвердилась на западе, ойраты, жившие к западу от Байкала, это были Чжамуха, Алтан и Хучар, Чингис-хан, который полагал, что «для врагов государства нет лучшего места, чем могила» (Рашид-ад-дин), и действовал соответственно. Развивая успех, он той же осенью совершил поход против меркитов и «меркитский народ был покорен», хотя и неокончательно. Сам Тохтоа-беки, правитель меркитов, бежал, соединился с Кучлуком и отсиживался в долинах Иртыша за Алтаем, С меркитами были добиты и остатки тех, кто не хотел установления власти Чингис-хана в Монголии или потерпел от него поражение и искал спасения у меркитов.

Зийу 1204—1205 гг. Чингис провел на южиых склонах Алтая, а веской войска его перевалили черев горы
и в районе реки Бухтармы напали на Тохтов и Кучлука.
Тохтов-беки погиб в бою, а большая часть его войска
и найманов Кучлука, преследуемых монголами, потонули при переправе черев Иртыш. После второго
поражения Кучлук ос своими людьмы и многими недовольными воцарением Чингиса в Монголии через земля
уйгуров ущел к кара-китаям на реку Чу. Сыновья Тохтоа-беки со своими меркитами, захватив с собой отрублениую голову оставленного на поле боя отца, бежали
к кипчакам, в казажские степи. Преследовать их был
послан Субегай. По сведениям Рашил-аледина эти со-

бытия имели место не в 1205, а в 1208 г.

Поражение Таян-хана, Кучлука, Тохтоа-беки пред-

рекли и неминуемую гибель Чжамухи. Чжамуха просчитался. Сразу же после разгрома найманов большинство бывших с ним монголов, а также представителей других племен Монголии приняли сторону сильного и оказались у Чингис-хана. Когда погиб Чжамуха неизвестно. Это случилось или в конце 1205 г. или в 1207 г. По «Тайной истории» это произощло в конце 1205 г. «Тайная история» дает читателю версию, которую П.Рачневский справедливо полагает «романтизированною». Чжамуха лишился своего народа и с пятью товарищами скитался по стране. На горе Танлу они убили дикого барана и зажарили его мясо. Во время еды «Чжамуха и говорит своим сотоварищам: «Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами». Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки и потащили к Чингис-хану. Когда нукеры Чжамухи притащили его к Чингис-хану, Чжамуха якобы заявил последнему:

> Собралася галка Загадала черная Селезня словить. Вздумал простолюдин, Чернокостный раб, На его владыку Руку подымать. Друг мой, государь мой, Чем же наградишь?>

Намек был моментально понят. «Чингис-хан наволиль ответить: «Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?» И тотчас же поведел: «Аратов, поднявших руку на е своето хана, истребить даже до семени их!» И тут же на глазах у Чжаму-хи предал казин посягнующих на него аратов».

Следуя версии «Тайной истории», можно думать, что лагает ему старую дружбу: «Вот и сощлись мы. Так будем друзьями», отмечает его заслуги в разгроме кереитов и найманов («Ты мне Ван-хановы речи сполна передал, сил расстановку раскрыл мне». «Помнищь, как образно ты извещал, наймана словом своим уморил я, насмерть его своим ртом напугал»). В ответ Чжамуха, вепомнива старую дружбу, тем не менее, полагает себя другом недостойным («Я и в дин дружбы не смог все же как должно сдружиться»), как же сдружиться теперь, когла: Ханский престол присудили тебе. Что тебе ныне от дружбы моей — Мир пред тобою склонился!

Вошью я стану на шее твоей, колючкой в подкладке», — говорит Чжамуха, трезво оценивая происходящее, и просит лишь об одном, казвить его «без пролития» крови. Кровь полагалась местом накождения зущи. Если казинть без пролития крови, то дуща останется защитищей, оберетателем рода. Чинги-хаи поломался для виду, что вот «мог бы человек исправиться, да не хочет», потом приказал подыскать причину для казин, казинть Чжамуху без пролития крови, а прах его предать достойному погребению. «Тогла предали смети Чжамуху» и

погребли его прах, «подняли кости его».

Версия Рашил-ал-дина, которую ои сообщает в разделе «О тюркских племенах, прозываемых монголами», в описании племени джурьят. Чжамуха был не с пятью иукерами, а с родией и отрядом нукеров, в котором было не менее 60 человек. Это, кажется, правдивее. Чжамуха, выданный Чингис-хаву, также намекнул на то, что те, кто предал одного своего господина, не будут верно служить и другому и Чингис-хан приказал, чтобы от той группы людей, которые являлись его родственниками и двоюродивым братьями и были в числе шестилсеяти человек, отделили триддать его иукеров, которые скватили его, и всех казиили. Другие же тридцать человек подчинлись и стали послушим ему. Предводитель их Улут-бахадур стал большим и уважаемым человеком и оказал поквалыме услуги.

Так как Чингис-хай изазывал Чжамуху анда (побратимом), то он не пожелал его убить и подарыл его своему двоюродному брату Элджидай-нойому, которого он лобил, с нукерами и со всем его домом и имуществом. Элджидай спустя несколько дней умертвыл его. Утверждают, что Элджидай приказал отделить его члены друг от друга по одному. Чжамуха сказал: «Право приналлежит вам! У меня была мысль, что я обрету помощь иеба и разрублю вас на части. Так как поддержка неба оказалась на ввшей стороне, быстрей разрубите меня на части!» И он их торопил и показывал им свои суставы, говоря: «Режыте здесь!» «И совершению не боялся». Пожалуй, все это больше похоже на правду. Чжамуха был подвергнут жестокой казии, известной еще киданям и меновавшейся линьчя и менострой.

Так завершилось это смутное время, время страшное

для монгольских степей, когда, по словам одного из приближенных Чингиса, Коко-Цаса, который позднее вспоминал эти годы, «звездное небо поворачивалось -была всенародная распря. В постель свою не ложились - все друг друга грабили. Вся поверхность земли солрогалась — всесветная брань шла. Не прилечь под свое одеяло - до того шла общая вражда». Это была борьба ханов и борьба этносов - монгольского, кереитского, найманского, меркитского за преобладание в Монголни. Завершился политический процесс вытеснения из Монголии тюркских этносов и монголизации страны. Отныне Чингис не имел больше могучих соперников на всем пространстве монгольских степей - одни были перебиты, другие загнаны за Алтай, в кипчакскую степь, в просторы современного Казахстана, ушли далеко на север, в глухие таежные леса Сибири. Необъятные просторы - степи, горы, леса - оказались под властью племени монголов и уже убеленного сединами Чингисхана. Отныне эта земля получит имя победителей и станет именоваться Монголией, а населяющие ее народы будут забывать свои племенные названия и именоваться монголами. Объединение следовало оформить и сделать все законным порядком, для этого был призван всемонгольский съезл знати.

ВЕЛИКИЙ КУРИЛТАЙ

Из-за кругов небес незримых Дракон явил свое чело,— И мглою бед неотразимых Грядущий день заволокло

В. С. Соловьев

Весной 1206 г. у истоков реки Онои собрался великий курилатай — съезд данов и нойонов со веск концов объединенной Монголии, старых и новых сторонников Чингис-хана. Над собравшимися реяло белое священное знамя с девятью хвостами, обитель покровителя монгольских коннов духа сулья. Одины из первых своих решений курилтай провозгласия. Темучжина-Чингиса правителем Монголии, «нарекли ханом Чингис-хана», или седелали его императором», как сказано в китайском переводе «Тайной истории». Одновременно курилтай закрепил за Темучжином титуа Чингис-хан. В «Юань ши» рассказывается: «Император собрал на большой съезд всех ванов и сановников. Поставил девятиквостое белое знамя и взошел на императорский престол у нстоков реки Онон. Все ваны и сановники сообща препод-

несли ему титул императора Чингиса.

Текст «Юань шн» очень близок тексту «Тайной истории»; «Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составился сейм, и собрались у истоков реки Онон. Здесь воздвигли девятнбунчужное белое знамя и нареклн ханом Чингис-хана». Рашид-ад-дин как раз упоминает об утверждении титула Чингис-хан, который был у Темучжина уже ранее: «Когда благополучно и счастливо наступня год, являющийся годом барса, начинающийся с раджаба 602 г. х. (февраль-март 1206 г. н. э.) в начале весенией поры Чингис-хан приказал водрузить белый девятиножный бунчук и устроил с (присутствием) собрания (полного) величия курплтай. На этом курилтае за ним утвердили великое звание «Чингиз-хан», и он счастливо воссел на престол. Утверднвшим это звание был Қокэчу, сын Мунлик-беки-эчигэ из племени конкотан, его звали Теб-Тенгри». Между тремя основными источниками есть такне различня: по «Юань ши» и Рашид-адлину курилтай собрал сам Чингис-хан лично. По «Юань шн» титул «Чингис-хан» преподнесли Темучжину «ваны и сановники», по «Тайной истории» - собравшиеся на курилтай: «составился сейм и собрались у истоков реки Онон», «нарекли ханом Чингис-хана». Рашид-ад-дин сообщает, что титул «чингис-хан» «утвердил» за Темучжином-Чингис-ханом шаман Кокчу. По «Юань шп» получается, что титул преподнесли впервые, по Рашид-ад-дину - вторично, кстати, то же самое и по «Тайпой исторни» - «нарекли ханом Чингис-хана», т. е. титул уже был и, возможно, его даже особо не подтверждали. Регалиями власти было белое девятихвостое знамя, «большое совершенно белое знамя» (Чжао Хун). У Мухали, объявленного на курилтае го ваном, князем государства, тоже было белое знамя с девятью хвостами, но на нем, в отличие от знамени Чингис-хана, имелось черное нзображение луны. Чингис имел зонт, не от дождя, а как символ императорской власти, который был или красным или желтым (красный — официальный цвет правившей в то время в Китае династин Сун), Чингис восседал на троне, который был, «как сидение у проповедника буддийского монастыря», трон был «украшен головами драконов, обложенных золотом». Это тоже была китайская симолика высшей силы и власти. Трои Мухали в отличие от троиз Чингис-хана был украшен серебром. Седло и конскую обрую Чингис-хана украшен и золотые фигурки сверкувшихся драконов. Число 9—число хвостов на императорском знамени — почиталось у монголов священым Золото на троие и ритуальном убранстве Чингис-хана, серебро на соответствующих предметах у Мухали, думается, имелись взначально, с 1206 г. Позже иноземные авторы не раз подчеркиваль ся Ліс Синьчуань, «нахватали столько, а не прекращали собирать», уже после того, как монголы ограблия всех своих соседей, монгольская знать из серебра делала ясли ил для лошадей, а из золота — кушиния для виши для лошадей, а из золота — кушиния для вишина для сил для лошадей, а из золота — кушиния для вишина для вишина для вишина для вишина для вишина для сил для лошадей, а из золота — кушиния для вишина для вишина

Наставляемый Вечным Небом, даровавшим ему ханский престол, Чингис на курилтае был занят земными делами - совершенствовал военно-административное устройство улуса монголов, разросшегося теперь до размеров государства татаро-монголов. Господствующий класс средневекового татаро-монгольского общества нойонство, выдвинувшее, поддержавшее и посадившее Чингиса на ханский престол, вместе с родом самого Чингиса должно было первым извлечь все выгоды в новом государстве. Чингис, император, по традиционным представлениям тех областей, «государь, обращенный лицом к югу», т. е. к солнцу, разделил армию и управление страной на три части: два «крыла» - правое барунгар, во главе с Боорчу, темником правой руки, - западное, простиравшееся до Алтая; левое, джунгар, во главе с Мухали, темником левой руки, восточное, простиравшееся до Большого Хингана; и центр, во главе с Наяа, темником центра, В «Юань ши» в бнографии Мухали мы читаем: «Тай-цзу взошел на императорский трон. Перво-наперво он приказал Мухали н Боорчу стать левым н правым темником. Благодушно сказал: «В государстве живет много силы, усмиренной вами. Вы и я, как оглобли одной телеги, как плечи одного тела. Вы непременно должны быть как одно тело, только тогда не загубите первоначальное намерение». Это было традиционное устройство управления государством, известное еще со времен гуннов.

Монголия была поделена на 95 военно-административных районов, которые были обязаны выставлять тысячу войнов (на деле около того или более) зо главе с нойомом тысячником. Тысячники, а также сотники получали от хана «хуби» — вознаграждение за службу. Звание и должность сотника, тысячника, темника были наследственными. Назначая тысячником, Чингис-хан заявил:

 Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать иойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в сози-

дании государства!

Таким образом, опорой новой власти стали люди, которые так или нивие способствовали победе Чингиса, нойоны, социальная верхушка татаро-монгольского общества, сородиян Чингиса, чви интересы он представлял. И действительно, в числе тысячников, перечисленных в «Тайной негории» мы находим Муилика, воорчу, Мухали, Хории, Хублаяд, Чжелме, Борохула, Шиги-Хутухту, Сорхан-Шира, Коко-Цоса, Наяа, Чжебе, Субетая и т. д. В тысячах наименьшей группой военио-административной системы была группа семей (анлов), обязанияя выставлять десять воинов. Полагают, что числениюсть монголов при жизии Чингис-хана составляла I ами, человек

В отдельное управление были выделены области севера, населенные «лесными народами». Управлять ими был поставлен сподвижник Чингиса Хорчи. Все завоеваниые и добровольно покорившиеся племена, распределенные отныне по военно-административному принципу, «по тысячам» были прикреплены к месту своего проживания и лишены свободы передвижения. Упоминание об этом важном факте в «Тайной истории» относится только к «лесиым народам»: «Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов иечего задумываться!» Однако вряд ли этот приказ отиосился только к «лесиым народам». За иими было труднее уследить, возможио поэтому при рассказе о иих и назначении Хорчи это общее для всех правило было упомянуто особо. Оно вошло в «Ясу» (Собрание законов), который, вероятно, первоначально был введен еще во время реформ 1203 г. «Яса» не являлась систематизированным сводом законов, она включала ярлыки (приказы), ясак (законы), билик (поучения), «Яса» не сохранилась до наших дней и известна лишь в пересказах. В одном из параграфов «Ясы», в частности, говорилось: «Кто переменит свой пост, того предавать смерти». В «Істории Монгольской Народной республико отмечается: «Согласно «Ясе» Чингис-хана аратам запрещалось самовольно переходить из одного дсеятка в другой, из одной сотин в другую, что фактически означало прикрепление их к земле нойомов-тысячинков, сот-

ников и т. д.».

Прикрепление непосредственных производителей к к месту и средствам производства составляло в средневековом монгольском обществе основу их эксплуатации. Еще Г. Рубрук отмечал, что Чингис «нздал такое постановление, что ни один человек не свободен от службы пока он не настолько стар, что больше не может никонм образом работать». Распределение населения между тысячниками и сотниками заносилось в особые книгн; «Пусть записывают, - повелел Чингис, - в синюю роспись «Коко-Дебте-Бичик», связывая затем в книги, росписи по развертыванию на части всеязычных подданых». Помимо того, в «синие тетради» записывали также судебные решения». В «Юань ши» сообщается: «В начальный период существования государства еще не было штата чиновников. Во главе (администрации) стоял судья (дуаньшигуань), который звался джаргучи. Он решал все дела государства», в другом месте говорится, что джаргучи «был ответственен за гражданские и уголовные дела». И. де Рахевильц правильно полагает, что это «упрощение». Государство Чингис-хана знало, по крайней мере, 16 служб. Это были службы «экономические» — пастухи овец, пастухи верблюдов, ведавшие табунами коней, ведавшие повозками и перекочевками: службы двора... стольники, виночерпии, музыканты, охранявшие стены и ворота, люди, ведавшие гардеробом хана; военно-полицейская служба: лучникн. сабельники, ловящие воров. Сокольничьи представляли ведомство ханской охоты.

Его секретарнат включал составителей указов и распоряжений, писцов секретарей, переводчиков. Делопроизводство велось на уйгурском письме, приспособлениом для монгольского языка. По имеющимся сведениям, это письмо было введено при содействин уйгура Тататунга, бывшего хранителя печати найманского Та-

ян-хана.

По данным «Юань ши» Тататунга был «уйгур», умный, хорошо владел словом, глубоко познал письменность своего государства. Найманский Таян-хан почитал его, вручил ему свою золотую печать, а также день-

ги и зерно. Тай-цзу выступил в поход на запад. Государство найманов погибло. Тататунга, спрятав печать. бежал. Через некоторое время его поймали. Тай-цзу допрашивал его, спросил: «Люди и земля Таян-хана, все вернулось ко мне. Ты зачем носишь печать?» Ответил: «Я служу. Хотел до смерти сберечь и спасти то, что получил от покойного государя. Разве я осмелюсь иметь другого?» Император сказал: «Верный и почтительный человек!». Спросил: «А как пользоваться этой печатью?» Ответил: «(Печать) используется во всех делах — для удостоверения выдачи денег, зерна, при назначении людей». Император одобрил это. Приказал окружающим (сановникам) после этого начать использовать печать каждый раз, когда издаются указы. И тогла же приказал иметь их (печати). Император сказал: «Ты хорошо знаешь письменность своего государства?» Тататунга выложил все, что скрывал как тайное. После этого приказали ему обучить всех ванов и использовать уйгурское письмо для записи языка государства». Это было в 1204 г.

Тамура Дзицудзо полагает, что письмо могло быть введено ранее, в 1189 г., или в 1204 г. или в 1206 г. Н. Ц. Мункуев принимал дату пленения Тататунги -1204 г. Монгольский исследователь Далай Чууны настанвает на том, что монголы пользовались уйгурским письмом еще до пленения Тататунга. «Согласно «Юань ши», — пишет он, — Чингисхан в 1204 г. узнал от плененного им визиря найманского Таян-хана - Тататунга, несшего ханскую печать, для чего применяется этот предмет с какими-то письменами, и начал употреблять такую же печать для скрепления государственных бумаг, а затем поручил тому же Тататунга обучить его детей и ноянов-родственников уйгурскому письму. Большинство иностранных ученых, опираясь на это неясное сообщение, без достаточных доказательств считают, что монголы переняли уйгурскую письменность в начале XIII в. Однако, вероятнее всего, уйгурский алфавит, который издавна употреблялся в некоторых монгольских племенах, при Чингис-хане получил распространение по всей Монголии и стал официальным письмом единого монгольского государства». Спор. к сожалению, достаточно беспочвенный, пока не найдены тексты на монгольском языке уйгурским письмом, скажем, 80-х -90-х гг. XII в. Конечно, странно, чтобы Чингис-хан не мог знать о печатях и их употреблении, многое противоречит такому представлению, по приходится пока считаться с фактами. Чжао Хун сообшал, что тяри первом возникновении государства имиешимх татар, у них чаях, когда рассылались приказы, отправлялись послы (при этом), вырезались только мегки [...] чтобы этом поминть их. Послы не смели прибавить или убавить хотя бы одно слово... В документах, применяемых ими самими в сношениях с аругими государствами, до сих пор во всех случаях употребляется уйгурская письинях с государством Цзинь (у татар) употребляется китайская письменность, так как чиновинки государства (Цзинь, которые бежали, изменив (своему государства) и сдались татарам, желали быть ваятьми ими на службу, не имея пристаница, и начали обучать их составле-

Факт обучения письму от уйгур подтверждает Джуменности, он (Чингис-хаи) отдал приказ о том, что монгольские дети должны были учиться письму от уйтуровь Акад. В. В. Бартольд отмечал, что сЧингис-хаи отдал предпочтение уйгурской цивилизации, очевидио, потому, что она была ближе всего кочевинкам; средийгуров было много остатков кочевых преданий и степ-

ных обычаев».

Чстыре кулюка Чингиса, четыре его вериых иукера были поставлены командовать гвардней. «Тай-шзу при-казал им, передавая эгу власть по наследству, командовать четырьмя песе (кешик)». Этими четырьмя командовать четырьмя сманарующими гвардией стали борху, боорчу, Мухали и Чилауи. Мы уже отмечали, что гвардия набиралась из числа «сыновей и младиших братьев» тысячников неотинков. Служа при дворе хана, они одновременно становымсь и заложниками, детьми местных правителей при особе хана. Все основные должности в аппарате управления монгольского государства занимали твардейцы кешиктены. Автор полностью разделяет миение проф. Сло Цицина, что кешиктены, гвардия хана были «даром оригимального государственного аппарата монголов».

Местная власть была представлена темниками, тысячинками, сотинками, десятскими. «Не было человека, — сообщал Ата Малнк Джувейни, — который был вие сотин, тысячи или тьмы, к которой он был приписел, или бы некал где-лнбо убежища. Каждая тысяча вмела свои пастбища (нуятут) и источники воды (усун). Произошел процесс перераспредления части земель, если не большинства их, улобных пастбищ по преимуществу, «Суцность феодальной собственности на землю,— пишет Г. А. Федоров-Давыдов,— это в первую очередь власть над людьми, живущими и работающими на ней. Система социального устройства монголов при Чингис-хане была основана на подличении массы кочеников поставленному над ними нойону-военачальниму. Военно-ламинистративное члежение степи, введенное монголами, оформило этот процесс перераспределения земли».

Таким образом, тысячики исполияли административные — управление вверенным населением, хозяйственные — ведение пастбицами, перекочевками, фискальные — сбор налогов, военные — отправка на службу определенного числа вониво, функции. Возможно, они были также и судьями на местах. Проф. Сло Циция сосбо подчеркивает, что по монгольской системе десятки, сотин, тысячи и тымы «являлись не только воинским соединениями, но и гражданскими, административными подразделениями, т. е. десятский, не только комановающих делятами. В со дновременно был мандовал десятыю содатами. В о и одновременно был

администратором, ведавшим их семьями».

Родственникам Чингиса были розданы в управление уделы (хуби). Чингис, выделяя уделы, «дал 10000 юрт матери совместно с Отчигином (дядей по отцу Чингиса — Е. К.), сыновьям: Чжочи — 9000 юрт, Чаадаю — 8000, Огодою - 5000, Тулую - 5000, брату Хасару -4000, Ачидаю — 2000 и Бельгутаю —1500 юрт». Ко всем сородичам были приставлены нойоны, функции которых малоизвестны. Например, нойон Коко-Цос, приставленный к Чагатаю, человеку «крутому и скрытному характером» должен был «вместе с ним обсуждать задуманное». Судя по этому примеру, родственники явно были под наблюдением, если не контролем. Как полагал акад. Б. Я. Владимирцов, «выделение уделов основывалось на том принципе, что государство (улус-ирген) являлось достоянием всего рода того лица, которое создало державу и стало ханом. Так же, как род и его ответвления владеют определенной территорией, на которой совместно кочуют члены его урухи и владеют людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами... совершенно так же род является владельцем народа — государства (улус), проживающего на определеиной территории... Происходит, следовательно, перенесение понятий родовой собственности на более широ-

кую область народа-государства».

Эта теория и сейчас в каких-то своих аспектах заслуживает внимания, хотя и противоречит главной идее власти - избранности не рода, а хана, данного лица Вечным синим Небом и Землей на ханство. Приход Чингис-хана к власти пронизаи этой идеей избранности, в крайних своих проявлениях связанной с представлением о том, что Небо, высшие силы вручили ему не только Монголию, но весь доступный (видимый, известный) мир. Родственники Чингиса получили «хуби» так же, как и заслуженные нукеры Чингиса. И в том и в другом случае выдача куби сопровождалась выдачей документа на право иметь хуби (ярлыком) и символа власти (дщицы) - гереге. Те, кто не только имел с хуби доход, но и осуществлял управление и контроль, получали печати (тамги), «Удел-хуби состоял из двух частей: из определенного количества кочевых семейств (улус) и из достаточного для их содержания пространства пастбищных и охотничьих угодий (нутуг)» (Б. Я. Владимирцов). Руководство распределением уделов было поручено Шиги-Хутухту, подросшему пленно-

му татарскому мальчику.

Сколько-иибудь точных сведений о излогах и повинностях в моигольском обществе XII - начале XIII века нет. Но факт существования налогов, повинностей явствует из наличия института дархатства. Так, за свои заслуги по освобождению Темучжина из тайчиутского плена получил права дархатства в своих кочевьях на Селенге Сорхан-Шира. Если бы к 1206 г. не существовало хорошо всем известного института дархатства, то от каких бы повинностей освободил бы Чингис Сорхан-Шира? Очевидной повинностью тысяч было снаряжение на службу хану кешиктенов: «В том размере, в каком нами установлено, надлежит снабжать на местах по разверстке отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячинков вие всякой зависимости от того, какую кто наследствениую долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из иих приобрел собственным трудом. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат сиабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотинков и лиц свободного состояния, отправляюшиеся на службу в сопровождении трех товарищей»,

Реформы 1206 г. нанесли удар по родоплеменным узам. Представители разных племен оказание в одних тысячах и сотиях, соединенные между собой службой или проживанием в одной ментости, сисшение дологим положив начало единой монгольской народности. «Смещение родов, поколений и племен монгольских при образования ктьсяч», этих основым сдиниц в здании империи Чингис-хана,— писал Б. Я. Владимириов,— имело очень важимые последствия для родового строя... распределение по ятысячаму; распределение улусов знаменовало распыление целого ряда больших гревнемонгольских племен, например, татар, меркит, джаджират, найман, керент, остатки которых в большинстве случаел оказались разбросанными по разным улусам и улусам — тикочям».

По всей Монголии по китайскому образцу, используемому в то время в соседних с Монголией государствах чжурчжэней и тангутов, учреждалась почтовая ямская служба. Для обслуживания каждого яма (от китайского «чжань» — «почтовая станция») было выделено точное число лошадей и людей. Все ямы распределялись между тьмами и каждые две тысячи должны были содержать один ям. Между прочим, и китайские источники, описывающие почтовую службу при киданях, чжурчжэнях, полны свидетельствами большой тяготы ее для окрестного населения и яркими свидетельствами злоупотреблений. Это касалось гонцов с пайцзами, послов, проезжающих по казенной надобности. Тангутские законы подробно регламентировали меры наказаний за такие злоупотребления. О монгольских делах, Рашид-ад-дин сообщает, что проезжающие знатные лица «избивали, вешали и обижали народ», «Со всех мест они брали путевого довольствия во много раз больше, чем требовали дорога и ясак». При знатном проезжающем могло быть 200-300, a то и 500-1000 человек». «Поскольку вес и значение гонцам придавала толпа провожатых, то они старались, чтобы вокруг них собиралось больше нукеров, приглашенных из числа родственников и друзей». На могиле реформатора управления Монголией киданя Елюй Чуцая в надгробной надписи говорится: «Сперва все князья и императорские гонцы по собственному усмотрению могли брать лошадей на почтовых станциях, а послов было множество. Когда кони падали от усталости, то послы силой отбирали лошадей у народа [...] В тех местах, куда послы прибывали, они всюду вызывали тревогу, а когда они прибывали из подворъя, то требовали себе самых различых вещей, и если подача кушаний задерживалась хоть немного, обслуживающие лица избивались пал-ками».

Симолы, знаки власти — пайцая, верительные бирки, изготовленные из металла, золота или серебра, так же были заимствовавы монголами от соселей, а в конечном счете из Китая. Они были разных достоинств, часто укращены изображением головы тигра. Надпись на пайцае определяла права ее держателя. Известны такие надписи: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Специю». «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Слешко». «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Должен вести дела по усмотрению», «Указ. Пусть ведет дела по усмотрению, как бы мы лично ехали». Золотые тигровые пайцаы украшались фитурой лежащего тигра и одной-тремя жемужинами. Монголы принесли ямскую службу в Европу, в России она просуществовала до XIX в включительно.

Скоро важной фигурой в администрации монгольского государства стал даругачи — «подавляющий неповиновение». Он контролировал здминистрацию местных покоренных народов, в качестве символов власти имелощечку гереге и печать тамгу. Нелишиим будет сказать, что и эти символы власти были заимствованы из Китая. В завоеванных западных областях монгольское правление представлял баскак-тамиачи (изместник, восправление представлял баскак-тамиачи (изместник, вос-

вода).

Монгольское государство получило наименование Еке Монгол улус — Великое монгольское государство (кит. Да мэнгу го). По сведениям китайского автора Ли Синьчуаня, государство Чингис-хана стало именоваться Великим монгольским государством с 1211 г. Мы уже упоминали, что тезис акад. Б. Я. Владимирцова о том, что государством владел весь ханский род, требует коррективы. Вериадский считал, что верховная власть была сосредоточена в лице хана, «Ханский титул есть единственный атрибут верховной власти», хотя хан не мог стать ханом без утверждения на курилтае. Все исследователи подчеркивают универсальный характер власти монгольского хана. По заключению Г. Франке легитимация власти Чингис-хана жаловалась Небом и основывалась на подчинении других народов. Подданные подлежали умиротворению, а управлять другими было радостью. Трои хана именовался «седалишем радости». Универсализм власти монгольского хана, по мнению Г. Франке, состоял в том, что не было разинцы между подлииной принадлежиостью к его государству и потенциальной. Тем государствам, которые еще не подчинились, рассылались приказы о том, что следуя повелению Неба и сообразуясь с иим, они должиы подчиниться его представителю на земле. Отсюда отказ призиать власть монгольского хана рассматривался как мятеж. В уже упоминавшейся нами надгробной стеле Елюй Чуцая сказано: «Как только враг, отклонив приказ (о сдаче), выпускал хотя бы одиу стрелу или камень (по осаждающим войскам), в соответствии с (существовавшей) государственной системой все убивались без пощады во всех случаях». Все это практически калька с того, как поинмали власть китайские императоры. Хуаиди-китайский император являлся «правителем всего под Небом». Эта концепция, как показывает Г. Франке, «отчетливо не признавала границ». Хан обладал особой благодатью, харизмой. Т. Д. Скрынинкова выделяет по текстам наличие двух видов благодати у Чингис-хана и его преемников — это «сила», «кючю», и особый вид благодати «су». Это имеет сходство с наличием особой благодати у китайского императора (благая сила «дэ») или у тюркских каганов («кут»). Концепция власти хана была сокровенной тайной. Как иет старого китайского текста, в котором в систематизированиом виде была бы изложена концепция власти китайского императора, так иет такого моигольского текста, В принципе на даниом этапе вряд ли разрешим вопрос о том, сколько в идее о том, что власть хана дана от Неба, повелением Неба, своего монгольского (центральноазнатского), сколько китайского. Но именио при моиголах не только в теории, но и на практике был остро поставлеи вопрос об универсализме, исключительности власти монгольского хана, недопущение наличия других государей, исключительность власти не предусматривала равеиства отношений, чего, кстати, не допускала и китайская концепция власти императора. Может быть, некоторое отличие можно видеть в том, что китайский император воздействовал на окружающий мир прежде всего свосй благой силой «дэ», а не только приказом подчиниться, хотя он тоже обладал «силой вэй» и дарованиым Небом правом карать непокорных. Возможно, просто монгольская концепция и практика была иесколько грубее и иаглее.

Военно-административная система управления, разделение населения на десятеричной основе не было изобретением Чингис-хана, Это была давняя центральноазиатская традиция. Можно вполне согласиться с выводом В. В. Трепавлова, что «монгольская государственность несомненно развивалась на собственной основе и явилась плодом развития общественных отношений в Центральной Азин XII — начала XIII вв. Но ее форма. в отличие от содержания, была традиционной, т. е. существовала в виде институтов, уже «изобретепных» и апробированных в кочевых державах раннего средневековья».

Чингис-хан узаконил хунгиратов в качестве брачных партнеров императорского рода. «Когда в роде хунгират рождаются девочки, они из поколения в поколение становятся императрицами; когда рождаются мальчики. они из поколения в поколение женятся на принцессах. Пусть непрерывно из поколения в поколение объявляют этот жалуемый указ в первую луну четырех времен каждого года». Интересно, что аналогичную по содержанию статью закона, устанавливающую брачные взаимоотношения между царствующим домом Нгвеми и родом Сими, из которого императоры из рода Нгвеми брали себе жен, мы находим в тангутском колексе законов серелины XII в.

Большая роль в новом государстве была отведена Шиги-Хутухту. Он, как говорилось ранее, распределял уделы (хубн). Именно к нему были обращены следую-

щие слова Чингис-хана:

 Когда же с помощью Вечного Неба будем преобразовывать всенародное государство, будь ты и оком смотрения и ухом слушания! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государова: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных, а затем выдели и разверстай по районам население, пользуюшееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!

Последнее являлось прямым запретом менять своего владельца. Далай-Чууны полагает, что исгэй ту, ургатан, «живущие за войлочными стенами», это кочевое население государства, а хабдасун э'удэтэн, «живущие за деревянными стенами» - оседлое, занимавшееся земледелием.

Шиги-Хутухту был назначен главой Верховного су-

да государства н получил наказ:

— Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Виновных в смерти—предавай смерти! Повинных наказанию или штрафу—наказуй!

Правление ханское не должно блуждать в темноте.

Хаи ошибаться не должен!

Поступайте по своему усмотрению —

Будьте твердыми, не склоняйтесь на чью-то сторону. Не пренебрегайте словами своими.

Не горячитесь с почтениыми людьми,

Не кричите на людей громким голосом! Не распускайте слухов.

Не привязывайте звонка к подолу халата.

Не приходите на суд растрепаниыми.

Так, судя по тексту дошедшего до нас стихотворения, которое, как предполагают, восходит к первой четверти XIII в. (Н. П. Шастина), Чингис наставлял своих судей.

Суд, возглавляемый Шиги-Хутухту, в своих решениях должен был руководствоваться «Ясой». Г. В. Верналский, исследователь «Ясы» допускал, что она также была утверждена на курилтае 1206 г. Затем «Яса» пересматривалась в 1218 и 1225 гг. «Яса» включала, по классификации Г. В. Вернадского: международное право, частное право, торговое право, судебное право. Он полагает, что одини из основных положений международного права «Ясы» «была определенная форма объявления войны с гарантией безопасности населению враждебной страны в случае добровольного подчинения». Империя была основана на всеобщем прикреплении населения к государственной службе. Каждый под страхом смерти был обязан возвратить беглого раба законному собственнику. «Основной целью наказания в поиятии «Ясы» является физическое уничтожение преступинков». Г. В. Вернадский расценивал «Ясу» как «создание новых норм права в соответствии с нуждами новой империи». Чингис-хана он считает не только геинальным полководцем, но и «государственным деятелем крупного размаха, творцом нового имперского права».

Однако не для всех «Яса» стала законом, который должен был неукоснительно соблюдаться. Раздавая уделы, должности н награды, Чингие-хан ряду своих нукеров дозволнл «не вменять в вину девять проступков, т. е. не привъекать их к суду и не наказывать за девять совершенных ими преступлений, наказуемых смертной казиью.

Один из сородичей Чингис-хаиа, старец Усуи, получил титул беки. Он должен был восседать на почетным месте (на троие) облаченным в белую шубу и ездить на белом коне. «Должность» Усуна имела культовое значение. Он обязан был изучать связь событий в улусе Чингиса с природой и ее явлениями, был кем-то вроле придворного астролога, наблюдающего за календарем. — Пусть назвачает и освещает иам годы и меся-

цы! - сказал по преданию Чингис-хан.

Пользование своим календарем на Лальнем Востоке было одним из признаков независимого государства. Затем Чингис приказал увеличить численность своей охраниой гвардии — кешиктенов — до левяти тысяч человек. Приказ гласил: «Объявляем во всеобщее сведенне по всем тысячам о инжеследующем: «При составленни для нас корпуса кешиктенов надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов-теминков, тысячинков и сотников, а также сыновьями люлей свободного состояиня, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так по выдающейся физической силе н крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе, как с лесятью товарищами н одинм млалшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одини млалшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников. равно как и сыновей людей свободного состояния, каждого сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди берутся на местах, по разверстке от тысяч и сотен, для той цели, чтобы усилить составленный при нас корпус. В том размере, в каком будет нами определено. наплежит снабжать на местах по разверстке отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников вне всякой зависимости от того, какую кто из иих наследственную долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами, По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им личного имущества подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лица свободного состояния, отправляющиеся на службу также в сопровожденин трех товарищей».

Так была сформнрована тьма кешнитенов, состоявшая из восьмитысячного отряда гвардейцев турхаутов, и в том числе одного полка в тысячу человек, набранного нз отборных богатырей, и отряда ночной стражи в две тысячи кебгечлов. Чингыс-хан повелел:

 Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и главным средним полком.

Мы уже и восманально том, что охранявшая халскую ставку стража менялась каждые трое суток. «Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи, а плечи на отвал всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец». Никто не смел расспращивать караульных о численности стражи и порядке смены караулов. У заподозренных в расспросах или прямо виновных в этом в качестве штрафа отбирали подежду и лошадь вместе с седлом и сбруей. За самовольный уход с поста караульные наказывались палками. Вместе с тем кешиктены пользовались сосбой милостью хана, и их нельзя было предавать суду без его ведома.

 О случаях предання кешиктенов суду, — объявил Чингнс-хан, — надлежит докладывать мне. Мы самн сумеем казинть тех, кого следует предать казин, равно как н разложить н наказать палками тех, кто заслужил палок!

Рядовой гвардеец-кешнктен считался по своему положению выше простого армейского тысячинка.

«Тайная нсторня» сохраннла восторженный гимн гвардин хана:

> Тучами небо ночное закрыто, Ты ж на посту моя верная стража: С дыминком юрту мою стережешь ты, Плотным ее облегаешь ты кругом, Сон навеваешь на вежды мне крепкий, Ты ведь и в сан возвела меня царский.

В наши дин часть кнтайских авторов не без некогорых оснований считают созданное Чингис-ханом объединенное монгольское государство в существе своем рабовла-дельческим. Б. П. Гуревну полагает это «твамеренных умаленем степенн социально-экономического развития Монголин XIII—XIV вв.» Однако вопрос не столь прост, мы не беремоя в данном случае обсуждать его, скажем только, что списывать все «на монгольский кочевой феодализм» в наши дни уже не просто.

Так в начале XIII в., в монгольских степях после длн-

тельного соперничества ханов возникла монолитная и грозная сила. Созданная в сражениях, она традиционно для данных районов Азии, была отныме сплочена в единое государство с единой военно-административной властью, с очевидным перевесом в ней военного пачала. Правление военных, хотя и на нной основе, хорошо известно и в наши дни. Все— от десятника до темника в государстве Чингис-хана, каждый кешиктен в его ставке, если даже он ведал подаворами, были в первую очередь воинами и только потом должностными лицами, решавшими гражданские дела. Это была сила, созданная нойоиством и действовавшая в интересах нобиства.

«Монгольской степной аристократии важен и нужен был порядок внутри ее кочевий но очень выгольн наезды и войны с внешними врагами, от которых можно было забирать добычу». Инершия войны не только ие ослабевала, она нарастала, и все последующее правление Чингис-хана до самой его смерти Монголия не правела ин одного года без войны, без напалений на соседей. Это новое государство, опьянсиное внутренным победами и жаждавшее новой добычи, с момента слоего рождения заявило ссбя как сила, враждебная окружающему миру, и, как образно сказал Б. Я. Владимирцов, еще долго продолжало вести себя по отношению к... культурным народам, как разбойничья шайка».

БОГАТСТВА СТРАНЫ ТАПГУТОВ

Почему он до сих вор не возвращается? Я не мог ответить на это, а лишь молнлся за всех женщин, чтобы в мире никогда больше не было войны. Лао Шэ.

Записки о кошачьем городе

Как полагают современные китайские авторы, подостранения Монголия стало нельзя грабить друг друга и «поэтому богатые соседние страны стали объектом продолжения ими (монголами — Е. К.) грабительских войн», «это жгучее стремление грабить — коренная причина непрерывного проведения правителями монгольского государства внешних войн». Огромному миру, лежавшему к юго-востоку, югу, западу и северо-западу от монгольских степей, новый «драком явия свое чесло» сще за год до великого курилтая на берегах Онона. Возможно, возвращаясь с Алтая после победы над найманами в 1205 г., Чингис-хан решил проверить крепость границ своего соседа, тангутского государства Великое Ся. н приказал своим войскам вторгнуться в его западиме районы — округа Шачжоу и Гуачжоу. В «Юань ши» сообщается: 1205 год, «напал на крепость Сн Ся Балицзилисай, прошел через город Лосы, ограбил народ, забрал верблюдов».

Рашид-ад-дин так рассказывает об этом походе: «Чингис-хан сонзволил привести свое войско в порядок и выступил в поход против области Кашии, которую называют Таигут. Когда они вступили в эту область, то прежде всего они достигли крепости, называемой Лигилн, а место это чрезвычайно укрепленное. Они ее ОКДУЖИЛИ И В КОДОТКОЕ ВДЕМЯ ВЗЯЛН: ОНИ ДАЗДУШИЛИ ВСЕ: и ее стены, и фундамент. Оттуда они пошли на город, название которого Клин-Лоши, а он был очень крупным городом, они его взяли и разграбили. Затем захватили некоторые другие области Тангута и разграбили их, а скот, найденный ими в тех пределах, они весь угнали с собой. Затем с многочислениой военной добычей и бесчисленным количеством верблюдов и скота они повериули назад и явились с выражением рабской покорности к Чингиз-хаиу».

Поход на Си Ся имел место в конце весны — в 3-4 месяца 1205 г. по лунному календарю. Успех был полный, а добыча велика. Государство тангутов существовало уже 200 лет, оно кичилось перед татаро-монголами своей культурой и выражало презрение к северным соседям*, Теперь оно было посрамлено, Тангуты пропустили врага через границы и позволили ему разграбить западные районы страны. Они не могли не знать о событиях в монгольской степи, видели в своих пределах Ван-хана в худшие дни его жизни, сын Ван-хана Сангум искал у них спасения от преследовавших его воинов Чингиса. Они, несомненно, знали о Чингисе. Можно с уверенностью сказать, что разграбление западиых областей Си Ся явилось местью тангутам со стороны Чингиса за то, что они не выдали ему Сангума, Вероятно н то, что успех первого тангутского похода Чингиса. в котором он лично не участвовал, первая проба мон-

^{*} Они включали в свои письменные знаки (правда, по примеру китайцев) передающее слово «татары» элемент «собака».

гольского оружия в войне против оседлого народа, против городов и крепостей ускорила созыв курилтая на берегах Онона, помогла Чингису стать великим ханом всех татаро-монгольских племен. Добыча обогатила Чингиса, так как по монгольскому обычаю, «от высшего до низшего, велика ли, мала ли добыча, каждый оставляет одиу долю в дар Чингису» (Чжао Хун), она обогатила войско, его костяк - нукеров и иойонство, а главное - разожгла их аппетит, их неуемную жажду добычи. Курилтай и последовавшие за ним реформы создалн военно-административный аппарат захватинческого по своим устремленням государства, ибо такая организация государственной власти была нужиа не для ми-

ра, а для войны.

Прошло лишь полтора года после великого курилтая, как осенью 1207 г. монголы снова вторглись в пределы государства тангутов, на этот раз в центральные его районы, закрепились в Алашаньских горах у крепости Валохай (Уйрака) н всю зиму вплоть до наступления лета 1208 г. грабили соседние селенья и кочевья тангутов. Тангуты блокировали занятый монголами район, ио атаковать и разбить монголов не решались, а может быть, и не смогли. Монголы вновь ушли с добычей в свои степи. Рашид-ад-дии сообщает, что во время второго похода (1207-1208 гг.) на тангутов «Чингиз-хан... покорил всю эту область и вернулся назад победителем, победоносным и удовлетворенным». На этот раз Чингис принимал личное участне в походе, но ни о каком полном покорении тангутского государства еще не могло быть и речи. Китайские авторы полагают, что предлогом для второго похода на Си Ся послужил отказ тангутов представлять Чингис-хану дань и признать свою вассальную зависимость от него.

Зимой 1207-1208, когда Чингис воевал в Си Ся, в ответ на посольство от киргизов с верховьев Енисея он

послал двух своих послов («Юань ши»).

К XIII в. Киргизское государство на Енисее распалось на иесколько небольших, неподчинявшихся друг пругу владений. Каждое из них возглавлял правитель, звавшийся инал. Средн них самых сильных было два -Иди-уруи, во главе с правителем Орос (Урус) — иналом. Название второго владения и имя его правителя не сохранились. Киргизы с почтением приняли послов, Илик-Тимура и Аткирака, которые привезли Чингис-хану белого сокола, получили аудиенцию у него. Считается, что

с этого момента киргизы подчинились государству Чин-

гис-хана.

«Тайная история» рассказывает о подчинения киргизов несколько иначе В 1207 г. сми Чингис-капа Чжочи был послан для подчинения «лесных народов». Послан с войсками. В игоге монголам подчинились обраты, буряты и ряд других народов Гожной Сайфри. Поддавлением армии Чжочи подчинились и «тумен-киргикар». «Тогда к Чжочи явились киргивские нойоны Еди, Инал; Алдиер и Олебек-дигин. Они принесли Чжочи белых кречегов, белых коней и белых соболей. Вместе с Чжочи киргизские послы и послы других народов прибыли к Чингис-хану. Обратские правители и ях сыновыя получили в жены монгольских принцесс. Чингис-хан объявия. Чжочи:

 Ты старший из монх сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравни благополучно возвратился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные

народы. Жалую тебе их в подданство.

О том, что подчинение киргиз было добровольно-принудительным, показали события через десять лет. В 1217 г. монгольский отряд выступил для подчинения туматов, живших к западу от Байкала. Туматы нанесли монголам поражение. Тогда уже прочно освоивший тактику «разделяй и властвуй» Чингис приказал вассальным ему киргизам подавить восстание туматов. Но киргизы отказались выполнить этот приказ. Они тоже восстали. Правитель «лесных народов» Чжочи должен был отправиться лично наводить порядок. Перейдя по льду Селенгу, Чжочи прошел через земли ойратов, бурятов, дошел до притока верхнего Енисея реки Усы и, затем, пройдя вниз по течению Енисея, атаковал центральные районы расселения киргизов. Отряды монголов дошли до Оби и возвратились. Чжочи подчинились и проживавшие к западу от киргизов теленгуты.

Походы на тангутов имели своим следствием и подинение Чингис-хану уйгуров. К назчау XIII в уйгуры расселились на всем пространстве от Хами до Куча, на свеере они граничили с наймавами, на юге их владения простирались до озера Лоб-Нор. Если в Монголии завершалась монголизация этого региона, то в Восточном Туркестане его тюркизация. Уже разгром найманов наиутал уйгуров. В сложной системе взаимоподчиненности и вассалитета уйгуры тоже не были самостоятельны, оби приязвали свою зависимость от госудаются каракитаев Западное (Си) Ляо, в столице уйгуров г. Гаочане (летняя резиденция г. Бэйтин, Бешбалык) находился наместник киданей. Уйгуры страдали от киданьских притесиений и усиления монголов, удары, которые они наиесли по тангутам, с которыми их тоже некогда разделяла вражда, поставили их перед выбором — быть ли с врагами Чингис-хана или быть с ним, с новой силой,

так скоро и наглядно заявившей о себе. В 1208 г. монголы решили добить Кучлука. Их отряд перевалил Алтай и Бухтармы разгромил найманов и меркитов. Кучлук переправился через Иртыш и бежал во владения кара-китаев. В 1209 г. уйгуры убили наместинка киданей. Посольство от Чингис-хана прибыло к уйгурам. Правитель уйгуров идикут Барчук вместе с монгольскими послами отправил к Чингис-хану двух своих сановников и заявил о своем подчинении монголам. Он соглашался признавать себя сыном Чингис-хана. По преданию, его послы объявили Чингис-хану:

 С великою радостью слышу я о славе чингисханова имени. Так ликуем мы, когда рассеются тучи и явит себя матерь всего - солице. Так радуемся мы, когда пройдет лед и откроются виовь реки. Не пожалует ли меня государь Чингис-хан? Не найдет ли он хоть шиурка от золотого пояса, хоть лоскутка от своей богряницы? Тогда стану я твоим пятым сыном и тебе отдам свою силу!

Чингис, который милостиво принял послов идикута,

дал им такой ответ:

- Дочь за него отдам и быть ему пятым сыном моим. Пусть идикут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, златотканной парчи. узор-

чатых штофов и шелковых тканей.

Уйгуры незамедлили также проявить свою преданность. Когда сын меркитского Тохтоа-беки Худу прислал к идикуту послов, уйгуры меркитских послов убили, а меркитов, пытавшихся укрыться во владениях уйгуров, вытеснили со своей территории, отказав им в убежише.

Богатый караван из стран уйгуров, который возглавил лично идикут, тронулся в Монголию. Всего набрал со своих полданых уйгуров идикут - золота, серебра, жемчугов, шелковых тканей, как велел Чингис. Чингис возвратился из тангутского похода. По даиным «Юань ши» идикут получил аудиенцию на Керулене в 1211 г. Чингис, который вообще благоволил уйгурам, видя в

них своеобразных просветителей монголов, оказал идикуту теплый прием и выдал за него свою дочь Ал-Атуиу (Ели-хатуи). Барчук был признан «пятым сыном», всем сыновьям Чингис-хана приказали считаться братьями. Этим актом было определено положение уйгуров в монгольском государстве. Как сын Чингиса и основатель династии, Барчук и его потомки идикуты признавались великими ханами, вассалами Чингис-хана и его потомков, императоров династии Юань. Они платили дань, участвовали в походах монголов. Но в своих владениях идикуты сохраняли независимость. Уйгуры оказали монголам помощь и в завоевании тангутского государства Си Ся. Думается, что уйгуры, которые издавна враждовали с соседиими таигутами (часть уйгурских земель в XI в. перешла во владения тангутов), могли видеть в Чингисе мстителя за их давине обиды. Чингис-хану же на первых порах была нужна не столько военная помощь от уйгуров, сколько гарантия того, что не будет тангутско-уйгурского союза против монголов, что найманы и другие недобитки, вроде меркитов, не найдут убежища в Восточном Туркестане и не наберутся там новых сил. Союз с уйгурами занимал важное место в его стратегических замыслах как надежное обеспечение правого и западного флангов для будущей войны с чжурчжэнями,

В том же 1211 г. «прибыл и подчинился из Западного края (Си юй) хай карлуков Арслаи-хан (Юань ши). Карлуки некогда жили западиее Алтая, в бассейне реки Иртыш, позднее они откочевали на юг, ближе к Бэйтину-Бешбалыку, а затем уйгуры оттесиили их юговосточнее озера Балхаш, к рекам Или и Чу. Здесь они оказались в составе государства Караханидов, При государстве Си Ляо их хан принял титул Арслаи-хана.* Кидане отправляли к карлукам своих наместинков. Когда Чингис-хан разгромил найманов, он выслал отряд под командованием Хубилая для подчинения карлуков. Арслан-хан упредил события, он убил наместника кара-китаев и добровольно подчинился монголам. В сопровождении Хубилая карлукский правитель в том же 1211 г. прибыл в ставку Чингис-хана. Перешел на сторону Чингиса и другой карлукский правитель, хан города Алмалыка Вадзар. Он доносил Чингис-хану о

11-43

Этот титул, судя по китайским источникам, имел и правитель уйгуров.

состоянин дел у Кучлука и также имел аудиенцию у Чингиз-хана. В отместку за это Кучлук силл осаду Алмалыка, а Вадзара убил. Ханом Алмалыка стал сын Вадзара, который за преданность отпа монгольскому делу получил в жены дежушку от деора Чингис-хана.

Все эти события происходили одновременно и на фоне нового большого похода монголов на тангутское государство. На этот раз поход должен был стать «окончательным», н был призван уничтожить государство тангутов. В третьем месяце (6 апреля -6 мая) 1209 г. монгольские войска под командованием самого Чингнс-хана в третий раз вторглись в Си Ся. Тангуты выслали навстречу Чингис-хану большую армию во главе с наследником престола. В решительном сраженин она была разбита монголами. Чингис во второй раз занял крепость Валохай. Оттуда монголы началн наступление на столицу Сн Ся г. Чжунсин (современный г. Иньчуань, столнца Нинся-Хуэйского автономного района КНР). В одном из горных проходов в горах Хэланьшань (Алашань) у заставы Имынь нх поджидала пятндесятнтысячная армия тангутов. Тангуты на этот раз смело атаковали монголов и нанесли им поражение. Однако они не приложили никаких усилий, чтобы в летнюю жару, которую всегда не любил Чингис-хан. развить успех. Два месяца обе армии стояли друг протнв друга, не вступая в сражение. А к осени, получив подкрепления и пользуясь благоприятной погодой, Чингис начал новое наступление на столицу Ся. Монгольская конница небольшими силами атаковала лагерь тангутов. Легко отразнв атаку монголов, тангуты поверили в новую победу и всем войском начали преследование бегущего противника. Монголы только этого н ждали - тангуты попали в ловушку. «В битвах с врагом. — писал позднее Марко Поло, — берут верх вот как: «убегать от врага не стыдятся, убегая, поворачнваются и стреляют. Коней своих они приучили, как собак, ворочать во все стороны. Когда их гонят, на бегу дерутся славно да сильно, так же точно, как бы стояли лицом к лицу с врагом; бежит и назад поворачивается, стреляет метко; бьет и вражьня коней и людей; а враг думает, что они расстроены и побеждены, и сам проигрывает оттого, что кони у него перестреляны, да и людей изрядно перебито. Татары как увидят, что перебили и вражьих коней, и людей много, поворачивают назад и быотся славно, храбро, разоряют и побеждают врага». Жертвой этого тактического приема татаро-монголов пела и таштутская армия. Она была полностью разгромлена. Многие тангутские полководцы попали в плен. В октябре первые монгольские всадники появились под стенами столицы Си Ся. Началась длительная осват города. И здесь монголы действовали по своему, создавая собственную тактику взятия городов.

«Всякий раз при наступлении на большие города,писал Чжао Хун. — они сперва напалают на маленькие города, захватывают в плен население, угоняют его и используют (на осадных работах). Тогда они отдают приказ, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек. Когла люлей захвачено достаточно, то каждый человек обязан набрать столько-то травы или дров, земли или камней. Татары гонят их день и ночь: если люди отстают, то их убивают. Когда люди пригнаны, они заваливают крепостные рвы (вокруг городских стен тем, что они принесли), и немедленно заравнивают (рвы); некоторых используют для обслуживания колесниц, напоминающих гусей, куполов для штурма, катапультных установок и других работ. (При этом татары) не шадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей они все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, татары убивают всех, не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пошады. Всякого. кто при приближении противника не подчиняется приказу (о капитуляции), непременно казнят, пусть даже он оказывается знатным».

Во время осады тангутских городов и крепостей, на костях тангутов создавалась эта монгольская тактика взятия городов. Именно в стране тангугов монголам вверыме припылось вести осалную войну, именно здесь они столкнулись с катапультами — камиеметными блидами и другой осадной и защитной техникой дальнейосточного средневековья, которой тангуты владели в полнум деру. Именно здесь они стали осваниять ее и принуждать вражеских военных специалистов к участию в осаде их собственных городов.

В осажденной столице тангутов был созван государственный совет. Последнее слово оставалось за государем Ань-цюанем. Все замолчали.

 Более двухсот лет наша династия правит государством. И вот враг, пришедший с севера, уже в который раз заставляет нас думать о жизни и смерти династии. Теперь он у стеи столицы. Повелеваю всем

подняться на стены. Я сам приду туда!

Один за другим покивали сановники императорский дворец. Ана-цюань вышел во двор. Ему подали коня. Почти все население столицы поднялось на городскую стену. Устанавливали катапульты и большие самострелы. Лучники несли тупсе связик стрел. На стены втаскивали камин. Кипятили в огромных котлах воду и смолу. Выло отбито неколько штурмов. Крепкие стены города казались пеприступными благодаря мужеству его защитников.

Между тем в походной юрте Чингис-хана тоже состоялся совет, решивший: раз не удается город взять

штурмом, его надо затопить.

Наступила глубокая осель, шли пролнвные дожди. Население, согнанное из соседних областей, пленные, монгольские воины возводили плотниу на реке. Потоки воды хлынули в город. Вода заливала квартал за квар-

талом. Рушились здания, тонули люди.

Ань-шоянь срочно отправил посольство в Цзинь, чтобы простъ чжурчженей выслать войска в помощь осажденным. Тангуты знали, что три года назад, после великого курилтая 1206 г. Чингис, получивший чин на чжурчженской службе за поход против татар, перестал официально призвавать стариниство Цзинь, а затем судя по сообщению китайского источника «порвал с Цзинь». Очевидно, что Чингие не просто стремился к войне против своего тангутов, но и активно готовыться к войне против своего тангутов, но и активно готовыться к войне против своего тангутов, но и активно готовыться к объекты отокнись отокстить за гибель Амбатай-катава. Поэтому наиболее благоразумные цзинские чиновники, из тех, кто и раньше выступал за союз с Си Ся против монголов, предлагали немедлению начать войну с Чингис-ханом.

— Если Си Ся погибнет, монголы обязательно нападут на нас,— говорил один из них. — Лучше уж со-

вместно с Ся атаковать их с фронта н тыла.

Это был благоразумный совет. Тангуты и чжургжэни совместно могли бы, если не уничтожніть монгольскую опасность, то хотя бы блокировать монгольские войска, не выпускать их за пределы монгольских степей. Однако выпускать сударь Вэй-шао ван относился к тангутам враждебно. Ответ его тангутским послам был груб и неумен:

Моему государству выгодно, когда его враги на-

падают друг на друга. О чем же беспоконться?

Следуй пекогла воспринятой ими старой китайской тактике «бороться с вариарами руками самих же варваров», чжурчжэнн отказались помочь тангутам, тем самым во многом предопределив и свою собственную судьбу, а также судьбу многих других народов.

Так таптуты остались без союзинка, один на один, лицом к лицу с врагом, а вода все прибывала, угрожая разрушить стены города. Гибель Си Ся казалась неминуемой. Дожда лыл уже вторые сутки. В мутных потоках, затопнаших улицу, эловеше плавали разбужшие групы. Полуживые людь отглись на крышах уцеленших домов, на городской стене, в отчаящий ожидая своего часа. Серый холодный рассвет не суман и ничего хорошего.

В монгольском лагере заметно было какое-то движение. Среди осажденных разнеслась весть: враги готовят штуры, государь приказал всем достойно прияять смерть, Уже рассвело, когда тангуты с удивлением увидели, что вода стала убывать. В лагере же монголов случилось что-то невероятное. Побросав юрты, имущество, монголы вскакивали на коней и мчались в сторону ближайших тор. И когда ветер к полудию разогнал тучи и впервые за много лней проглянуло желтое холодное солице, тантуты поизял, что свершилось чудо. Равним утром прорвалась воздвитнутая монголами плотина, и вода затопиля монгольский лагеро.

Вынужденные отказаться от мысли на этот раз покончить с тангутами, монголы повели переговоры о мире. К Ань-цюаню прибыл посол Чингис-хана Эда. Повидимому, первым условием, которое выставил Чингис. было требование, чтобы тангуты выступили союзниками монголов в их последующих войнах, и прежде всего с Цзинь. Как отсутствие помощи от уйгуров и чжурчжэней, двух соседей Си Ся поставило тангутов почти на грань катастрофы, так обязательство Си Ся не помогать Цзинь лишило чжурчжэней всяких союзников в будущей войне с монголами. Южносунское китайское государство было враждебно Цзинь и могло стать только союзником монголов в их войне с чжурчжэнями, как это потом и произошло. Но тангуты, соглашаясь быть «правой рукой» Чингис-хана, т. е. в какой-то мере признавать его старшинство и помогать ему, упорно отказывались стать участниками его похолов, ссылаясь в переговорах на свою оседлость:

 Кочуем мы недалеко, а городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то

> Быстрый налет учинить ли, В жаркой ли сече рубиться В быстром набеге твоем Явно врага не нагнять нам. В жарких же сечах подавно Нам устоять вевозможно.

Вместо участия в походах Чингис-хана тангуты предлимати ему большой выкуп — верблюдов, сукна, охотиичьки соколов. «Гангутский государь, — сообщает «Гайная
история», — слержал свое слово: собрал со своих тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к
нам». Тангутская принцесса по имени Чахэ стала его
женой. По сведеням Рашид-ал-дина, монголы оставили
в Тангутском государстве своего наместника и гаринзоны, но это неверно, так как победа Чингиса была непоивой, а последовавшие затем события исключают белкую
возможность присутствия монгольских гаринзонов и
Си Ся.

Си Ся. Поход 1209—1210 гг. на тангутов и договор с ними 1210 г. явнлись первой большой военной победой Чинтис-хана за пределами монгольских степей. Государство Си Ся считалось сильным противником и победа над ним возвысила в глазах соседних народов могущество Чингис-хана и поколебала уверенность в себе у многих его будущих противников, у многих, кроме главного врага— чжуружэвьского императора Вэй-шао вана, Когда монголы совершали нападемия на границы Цзинь, спе-

сивые чжурчжэньские чиновники говорили им:

Наше государство подобно морю, а ваше — гор-

сти песка. Разве вы можете покорить нас?

Вступив в 1209 г. на престой, Взй-шао ван послал Чингис-хану указ с извещением о своем приходе к власти. Прибывший в ставку Чингис-хана цзиньский посол требовал, чтобы Чингис лично принял указ, опустившись на колени. Но пришли иные времена. Чингис не только не встал на колени, а более того, демоистратняно плонул в южную сторону, в направлении государства Цзинь, обозвал при всем народе чжурчжэньского императора дураком, вскочил на коня и умчался, высказав полное преисбрежение к своему я и умчался, высказав полное преисбрежение к своему я имимому соверену.

«Юань ши» сообщает: «Первоначально император ежегодно платил дань Цзинь. Государь Цзинь послал Вэй-вана Юнь Цзи принять дань в Цзинчжоу, Император, давая аудиенцию Юнь Цзн, не исполнил предписанный церемониал. Юнь Цзи, возвратившись, выразил желание просить войска и напасть на него. Случилось так, что государь Цзинь скончался. Юнь Цзи наследовал престол. Был издан императорский манифест, доставили его в государство (Чингис-хана) и объявили, что его должно принимать с поклоном. Император спросил цзиньского посла: «Кто новый государь?» Цзиньский посол ответил: «Вэй-ван», Тогда император вдруг повернулся к югу, плюнул и сказал: «Я скажу так: император Центральной равнины — человек, который пребывает на небе. Сделать императором этого слабого, заурядного человека? Как ему кланяться?» Он тотчас сел на коня и ускакал на север. Цзиньский посол вернулся и рассказал об этом. Юнь Цзи страшно разгневался и решил ждать удобного случая, когда император снова представит дань, чтобы, пользуясь этим, тотчас погубить его. Император знал это, Поэтому он подвал с Цзинь и готовил отборные войска».

Это означало полимі разрыв, и обе стороны стали готовиться к войне. Начало войны было задержано только тангутским похолом Чингисхана, затянувшимся против его ожиданий. Надо сказать, что не все разделяли, были и такие, кто сочувствовал тангутам. Есть сведения о том, что во время нападения монголов на Си Ся в 1209 г. из 11зни было отпущено много рабов-тангутов. К 1210 г. Чингис-хан обеспечил себе западный флангуля войны с Цзниь. Уйгуры и карлуки надежно оттородили его от кара-китаев, тангуты были нейтрализованы, Союз тангутов и эжурижэней (о допустимости такого сюза писал и Л. Гамбей) стал отныме невозможен. Чжуружэням в ближайшие месяцы предстояло пожать перыве плоды своеб близорукости.

ШАМАН КОКОЧУ

Кокочу, Тэб-Тенгрн — «Самый Небесный», шаман Чингис-хана, «посредник» между ним и Великим вечным Небом совятивший на великом курнатае сутверждение Темучкина у власти в звании Чингис-хана, вся себя в чингисовой орде все более своевольно. Он внушал многим суеверный страх. По-видимому, это был человек богатырского здоровья. В разгар зимы Кокочу садился голым на лед. который таял от тенла его тела. Клубы пара окутывали Кокочу, и простой иарод верил, что шамаи вознесся на нсбо на белом коне (Рашид-ад-дви).

С одобрения отпа своего Мунлика, некогда служившего Есутаво и малодетнему Темуачину, и при поддержке своих шестерых братьев Кокочу обращался как ему вадумается не только с рядовыми муксрами и нойонами Чингиса, но стал посягать и на членов семьи самого хана. Он многое позволял себе, сС Чингис-ханом он говорил дерако, но так как некоторые его слова действовали умиротоворяюще и служили поддержкой Чингисхану, то последнему он приходился по душе. Впоследствии, когда Тэб-Тенгри стал говорить лишнее, вмешиваться во все и повел себя спесиво и заносчиво, Чинпиз-хан подпотою своего разума и профицательности понял, что он обменщик и фальшивый человек» (Рашиаад-дин).

Хасар, брат Темучжина, физически сильный человек, мел характер незлобивый и простодушиный. Как-то раз подстрежаемые Кокочу сыновья Мунлика избили Хасара, Чингис не только не заступился за брата, а прогнал его с глаз долой:

 Слывешь непобедниым, а вот оказался побежленным!

Со слезами Хасар подиялся и вышел из юрты. Обида душила его. Три дия он не появлялся в чингисовой коте.

Тем временем коварный Кокочу, пользуясь размолвкой братьев, задумал окончательно погубить Хасара. Видимо, не впервой в сладких снах своих видел он себя, а не Чингиса, повелителем монголов, особенно теперь, когда сила восторжествовала и все были покорсиы. Ведь еще в пору междоусобицы в монгольских степях Тэб-Тэнгри воспринимался недругами Чингиса, как его враг в стане самих монголов. Когда Ван-хан задумал напасть на Чингиса, он не случайно пытался привлечь на свою сторону Кокочу: «Будем действовать сообща: я отсюда, ты оттуда!» Но тогда Кокочу не осмеливался выступать открыто против Чингиса. Но постепенно растущая слава и власть Чингиса стали для него, как бельмо на главу. Он рассудил, что, прежде чем занять место Чингиса, он должен избавиться от возможных его прееминков, его братьев, сыновей. Как только Кокочу поиял, что Чингис не намерен заступаться за Хасара, он решил прибегнуть к своей власти шамана и, явившись к Чиигису, сказал:

- Вечный Тэнгри извещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару. Если ты не предупредищь замыслы

Хасара, то за будущее нельзя поручиться.

Верил ли Чингис, что Кокочу действительно связан с Вечным Небом, или просто поддался наговору, но в ту же ночь он велел арестовать Хасара, Связав руки брату, он подверг его допросу, пытаясь увериться в своих подозреннях. Как рассказывается в «Алтан Тобчи», «матушка, узнав об этом, ночью же отправилась в крытой повозке, запряженной белым верблюдом. Всю ночь она провела без сна в пути и прибыла с восходом солица. В это время августейший Чингис-хан допрашивал Хасара, у которого были связаны рукава, сняты шапка и пояс. Тогда-то и прибыла матушка, Августейший Чингис-хан, уличенный, вздрогнул, испугавшись матушки». Освободив Хасара, не зная, как пристыдить Чингиса, Оэлун в гневе присела на корточки и, обнажив груди свои, положив их на колени, сказала:

- Видите? Вот груди, которые вы сосали. Какое же преступление совершил Хасар, что ты губишь родную плоть? Темучжин опорожнял когда-то одну полную грудь, Хачиун с Отчигином вдвоем не могли опорожнить и одной. А Хасар успоканвал меня и ублажал, опорожняя обе груди мон. Вот почему мой Темучжин взял умом, а Хасар меткой стрельбой и силой. Не за то ли вы и возненавидели Хасара, что это он раздавил вра-

гов?

 Страшно и стыдно мне материнского гнева, — сказал Чингис, успокоил мать и отпустив Хасара, уехал сам.

Однако подозрения не оставляли Чингиса, Втайне от матери он отобрал у Хасара более половины выделенных ему людей, оставив ему 1400 юрт из бывших у него ранее 4000. Хасар отныне жил в вечном страхе, и некоторые из близких ему людей, страшась гнева Чингиса, бежали от него. Если верить «Алтан Тобчи», то в этот раз Хасар проявил-таки враждебные намерения против брата. «Хасар потихоньку, так, чтобы матушка не знала, забрал тысячу триста человек и выступил с враждебными намерениями. Матушка узнала об этом и вскоре скончалась». «Тайная история» также подтверждает, что Оэлун скончалась, не перенеся ссору между ее сыновьями.

Кокочу остался безнаказанным. Преследовать отко-

чевавшего Хасара был отправлен Субетай-баатур. Он уговорил Хасара не бунтовать, вернуться и покориться воле брата:

> Если разлучишься с родной семьей, Станешь пищей для чужого челопека. Да! Если разлучишься с материнской родней, Станешь пищей для монгольских людей. Да! Если разлучишься с многосемейными людьим, Станешь пищей для сироты. Да! Если распадется многочисленный изрод, Станешь пищей для сироты. Да! Может, пайдешь себе рабов и слуг, Но родной семым из кайдешьх. Но родной семым из кайдешьх.

Так он сказал, «Хасар был согласен с этими словами и позаритился». Чингис-хан, видимо, побанвался чудо-действенной силы Кокочу. Может быть, какие-то неизвестные нам обстоительства мещали ему вступить с ими даже в тайное противоборство. Кокочу же непрестанно готовился к борьбе с Чингис-ханом за власть. Он сплачивал вокруг себя нукеров, знатных нойнов, людей разных племен и народов Монголии и других подластных Чингис-хану народов. К нему стекались люди «всех девяти языков». Вскоре в ставке шамана людей оказалось естоль же много, как у самого Чингиса», Дело дошло до того, что и «от Чингисхановой коновязи многи подлимывали уйти к Тэб-Тэнгри».

Победитель и великий хан встай перед лицом великой опасности. Дело шло о его жизни или смерти и тибель подстерегала его не на поле битвы, а совсем рядом. Настало то время, когда уже Чингис сам стал искать повода разделаться с Кокочу. Случилось так, что от Отчигина, младшего брата Чингиса, который вместе с покойной Оэлун имел удел в 10 тмс. юрт, поли стали перебетать к Кокочу. Отчигин отправил к Кокочу свосто посланила по имени Сохор и потребовал возвращения беглецов. Однако Кокочу, по-видимму считал, что положение его настолько прочно, что ему не стращен никто из ханского рода. Над Сохором всячески надругались: «этого посланца он (Кокочу) избивал, мучиль, и прогнал прочь, без коня, пешком, навыочив ему на спину седло, со словаму.

Будешь послом под пару Отчигину!
 Разгневанный Отчигин прибыл в ставку Кокочу;

 Я отправил своего посланца Сохора, а ты отослал его обратно пешком, избив и измучив. Теперь я сам пришел, чтобы вериуть своих людей!

Семеро братьев, в ответ на требование Отчигина окружили его плотным кольцом и стали нагло издевать-

ся нал инм:

 Разве правильно было, что ты послал своего посланца Сохора? Понимая, что ему не удастся уйти от шамана живым, Отчигии пошел на хитрость:

- Неправильно я сделал, что отправил послаица... - Если ты сделал неправильно, то стань на колени

и покайся! И братья Кокочу принудили Отчигина встать на колеии позади шамана.

Оскорблениый Отчигии утром следующего дня явился к Чингису, когда тот еще не встал с постели, и поведал ему о своих обидах. Пока Чингис раздумывал о случившемся, за Отчигина вступилась жена Борте, Рассказ Отчигина заставил ее заплакать. По версии «Тайной истории» она сказала:

- Если они еще при твоей жизни губят твоих братьев, величественных как кедры, то после смерти народ

полавно не захочет подчиняться твоим детям! По «Алтан Тобчи» она выразилась конкретиее:

- Эдак они твоих младших братьев повырубят, как

слуг и рабов, и могут тебе повредить.

Очевидно. Борте высказала то, что подспудно уже понимал Чингис: « и тебе могут повредить». Но он не хотел открыто лишить Кокочу власти, лишь только сказал Отчигину:

Когда Тэб-Тэнгри сегодия придет сюда, делай с

ним что хочешь.

Так он обещал Отчигину поддержку, если тот су-

меет быстро покончить с Кокочу своими силами.

Отчигин спрятал у входа в юрту Чингиса, за ее порогом, трех отборных силачей и стал ждать. Вскоре явился Мунлик с семью сыновьями. Кокочу бесцеремонно сел на почетное место. Отчигин полскочил к нему, схватил за ворот и по старому монгольскому обычаю, вызвал обидчика на единоборство.

- Вчера ты заставил меня просить прощения, сегодня я попытаю свою силу с тобой!

Кокочу и Отчигии схватились прямо в ханской юрте Чингиса. Но хаи повелел им выйти из юрты:

 Ступайте меряться силами во дворе! Очевидно, он звал или догадывался о засаде и о

том, какая судьба ждет Кокочу, как только он перестуинт порог юрты. Действительно, не успел Кокочу выйти за дверь, как сидевшие в засаде три силача скватили его и, миновенно переломив ему спинной хребет, бросили Тэб-Твигри у телет на левой стороне двора.

Отчигин же, возвратясь в юрту, сказал Чингис-хану:

— Тэб-Тэнгри не хочет со мной меряться силами и

притворяется лежачим!

Смекнул старый Мунлик, как сплоховал он с сыновями. Нет в живых великого шамман Кокочу, соперничавшего с самим ханом. Шестеро братьев Кокочу, загородив выход, стали с угрозами теснить Чингиса («стали у двери и вокруг очага и засучили соон рукава» «Алтан Тобчи»). Зажатый разъяренными братьями Кокочу, Чингис испуалься и заорал:

Дай дорогу, расступнеь!

Он выскочил из юрты и тут же был окружен гвар-

дейской стражей, сбежавшейся на крик хана.

Могучий и славный шамын Кокочу, Тэб-Тэнгрн валялся перед юртой с передоманным хребтом. И мертвый он внушал страх. Чингис приказал поставить над его телом серую юрту, а сам спешно покинул страшное место. Через некоторое время тело Кокочу таниственно исчезло. Чингис не замедлил объяснить это чудодейственной силой шамана, а самую смерть Кокочу возмездием Неба: «Тэб-Тэнгрн бил моих братьев и несправедливо клеветал на них, за что Небо и возлюбило его, и отняло вместе и жизнь и тело его».

Опасаясь мести покойного шамана, Чингис не решился казнить Мунлика и братьев Кокочу. Он спокойно мог обвинить их в мятеже и покушении на свою жизнь, но пошадил их, сославшись на прежине заслуги Мунлика. Без Кокочу семья Мунлика уже не имела и тени бы-

лого влияния.

Очевидно, что помимо суеверного страха, внушаемого личностью Тэб-Твягри, за его спиной стояли какие-то силы, позволившие ему через четыре года после ведикого курилтая оспаривать власть у великого хана Монголии. Это могли быть нукеры и нойошь, которые еще десять лет назад сражались на стороне соперников Чинтис- за борьбе за власть, или какая-то новая оппозиция, которая воспользовалась неудачной попыткой Чинтис-хана уничтожить тантутское государство. Могучий шаман Кокочу заставил Чинтиса еще раз пережить страх за престол. По-видимому, глубоко прав был Б. Я. Владимирцов, когда писал, что «вместе с шаманом Кокочу сошел с жизненной сцены последний кл пытался в Монголии равняться 'Іннтису и оказывать ему сопротивление или неповиновение. Все теперь прежлоннялься перед железной волей железного императора, прошедшего тяжелый путь от полуголодного существования в заброшенной югрет на берегу Онона до ханской ставки организованной империл.

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАВЕТА АМБАГАЙ-ХАГАНА

Думает господь большие думы, Смотрит вниз — внизу земля вертится, Кубарем вертится черный шарик, Черт его железной цепью клещет.

М. Горький

Итак, нейгрализовав тангутов, приняв под свое верховенство уйгуров и карлуков, Чингис-хаи обезопасил южный и юго-западный фланги и стал готовиться к войне с главным врагом в Восточной Азии — чжуружанским государством Цзииь. До сего времени власть чжур-чжаньских императоров была верховной на материке — их старшинство признавали китайцы, корейцы, тангуты, татаро-монголы и многне другие менее многочисленные и силыные племяна и народы. Теперь же Чингис готовился перенести центр тяжести восточноазиатского щ центовлюдаматского верховенства в свою орду.

Как сообщает Рашид-ад-дин, перед походом на Цзипь он, «опасаясь, как бы несколько из рассеянных племен еще раз не объединились между собой и не восстали бы [...] послал [...] в дозор две тысячи человек под начальством Тукучара [...] для того, чтобы, когда он сам пойдет в страну Хитай, тому быть у него в тылу в целях безопасности от племени монгол, кереит, найман и других, большинство которых он подчинил себе, да чтобы н его орды были также в безопасности». Знаменательно, что Чингис до сих пор опасался не только побитых им керентов и найманов, помнивших былое величие Ван-хана и Таян-хана, но и прежде всего своих собственных монголов. Это еще раз убеждает нас в том, что претензии Кокочу на власть не были просто свидетельством личного влияния верховного жреца — за ним стояла оппозиция Чингис-хану виутри монгольских племен

Нахата Майчжу, ведавший охраной северо-западных границ Цзинь, доложил своему государю Вэй-шао вану, что монголы после войны с тангутами усиленно готовятся к войне с Цзинь: делают щиты, беспрерывно куют стрелы, а коней так берегут, что в укреплениях солдаты сами возят на себе телеги. Цзиньский император счел Майчжу паникером и посадил в тюрьму. А во второй луне 1211 г. (15 февраля — 16 марта) монгольские армии напали на Цзинь и начали продвижение на юги юго-восток.

Китайские авторы делят войну монголов с Цзинь на

1. 1211-1216 гг. В этот период война велась непосредственно под командованием Чингис-хана. 2. 1217-1229 г. - подчинение Северного Китая под ко-

мандованием Мухали, а после его смерти под коман-

дованием его сына Болу. 3. 1230-1234. Преемники Чингис-хана Угэдэй и Тулуй в союзе с Южной Сун добили Цзинь. Как подсчитали те же китайские авторы, монголам на завоевание Си Ся потребовалось 22 года, Цзинь -23, Южной Сун (всего Китая) — 44 года.

В «Юань ши» мы читаем; «2 месяц. Император лично возглавил войска в походе на юг, разгромил цзиньского генерала Дин Се в Ехулин. Захватил уезды Дашуй, Ло, Фэнь и Ли». Пограничная армия Цзинь была большей частью сформирована из разноплеменных войск, из народов, покоренных чжурчжэнями. Это были си, кидани, лишенные сто лет назад чжурчжэнями господства в Северном Китае, население центральных районов Маньчжурии бохайцы, тюрки-онгуты, которые, как мы знаем, и ранее поддерживали контакты с Чингис-ханом. Часть этих народов, -- си и кидани, были этнически близки монголам. Основной корпус монгольских войск вторгся в пределы Цзинь от озера Далай-Нор. Отряд под командованием Чжебе завладел пограничной крепостью Няоюеин, на северо-западных рубежах Цзинь, укрепление Няошабао. Первые поражения привели к перемещениям — командующий войсками Цзинь Дуцзи Сычжун (Цзяньцзяну) был снят с должности, его заменил Ваньянь Чэнюй (Хуша). Основные бои завязываются у г. Фучжоу, оставление Фучжоу привело к утрате чжурчжэнями городов Сюаньпин, Чанчжоу и Хуаньчжоу. Перед новым броском на юг Чингис-хан следал

передышку, чтобы дать отдых коням.

Цзиньские командующие знали об этом, один из них предложил:

 Войско Чингис-хана разграбило город Фучжоу и занято дележом добычи. Монголы пустили коней на подножный корм беспечны и неосведомлены Если мы вне-

запно нападем на них, мы их разобъем!

Но чжурчжэни не реализовали момента внезапиости. Они выслали посла дабы узнать о причинах нападения, но посол Мингань переметнулся к Чингису и рассказал ему о подлиниом состоянии армии Цзинь, Монголы приготовились встретить чжурчжэней. Командующие Цзинь вместо наступления сосредоточнин трехсоттысячную (по другим данным —400 тыс.) армию у хребта Ехулин (Лисьего хребта в соврем, провинции Хэбэй, к северу от говодов Ваньцюань и Шаньфанбао), который прикрывал подступы во внутренине районы Цзинь и к месту пребывання чжурчжэньского императора - Средней столипе Цзинь (г. Чжунду, современный г. Пекин). Эта огромная армия была разбита, «Тайная история» свидетельствует: «пошло такое истребление, что кости трещали словно сухне сучья». Убитых было столько, что «все степн стали издавать эловоние». Рашид-ад-дин: «В этом сражении были уничтожены знаменитые люди Хитая и Джурджэ». Основные силы цзиньской армии были уничтожены у крепости Куайхэбао (к востоку от соврем, г. Хуанань), погибли отборные части, лучшие войска Цзинь. Разбитая цзиньская армия не смогла удержать монгольские войска там, где имела на это шанс - у Великой китайской стены. Огромная древняя стена не сдержала натиска монголов и к осени 1211 г. монголы вышли к заставе Цзюйюнгуань, «Когда Чингис дошел до Цзюйюна, дороги были завалены грудами трупов убитых, как гнилыми деревьями». Командующий войсками крепости бросил Цзюйюнгуань на произвол судьбы и бежал. Чжебэ, видя намерение гаринзона крепости сражаться до последнего, решил выманить его из-за стен. Используя старый монгольский прием, он начал отступление. Чжурчжэни вывели войска на крепости и стали их преследовать. Чжебэ повернул свою конинцу назад и вместе с подоспевшим Чингисом еще раз наиес серьезное поражение войскам Цзниь. Итоги сражения -«трупы на сто ли», «отрублено более 80 тыс. голов». Падение Цзюйюнгуань открыло монголам дорогу на Пекин. В девятом месяце 1211 г. (9 октября — 6 ноября) они появились у стен Средней столицы Цзинь,

Город готовился к осаде. Ни один мужчина не вышел. из столицы — каждый вонн был на счету, каждый мог понадобиться на городских стенах в грозный час осады. Вэй-шао ван хотел покинуть столицу, но войска поклялись стоять до последнего, и он остался, надеясь на перелом в ходе войны. Но пришло еще одно печальное известие: монголы напали на государственные пастбища и угнали лучших чжурчжэньских коней, резерв армии Цзинь. Тогда же против Цзинь восстал пограничный тысячник кидань Елюй Люге (в районе современного Гирина в Маньчжурии) и вступил в контакт с монголами. В жизнеописании Елюй Люге сообщается, что он служил тысячником на северной границе Цзинь. «Тай-цзу поднял войска в Шофан. Люди Цзинь, опасаясь, что оставшиеся люди Ляо имеют другие намерения, приказали каждый двор Ляо стеснить двумя дворами чжурчжэней, живущих рядом, и охранять их».

Люге и его сторонник Елы в 1212 г. заключили союз с монголами, забив на горе Цзинышан белую лошавь, белого быка и сломав стрелу. Сдавшиеся давали клятву на горе, оборотке лицом на север. Чжурчжэни, разпеванные предательством, объявили награду за Люге по весу: за лян костей Люге один лян золота, за лян мося Люге один лян серебра. Предавший Люге мог получить должность тысячника. Предателей не нашлось, окружение Люге рассматриваль сго как нового борца

за национальные интересы киданей.

В 1213 г. 60 тыс. армия Цзинь с большим запозданем выступила в карательный поход против Люге. На помощь пришли монголы, онн-то и разгромили экспедиционный корпус Цзинь. Почувствовав силу и безопасность, Люге решил возродить государство Ляо, он объявил о его создании, принял титул вана Ляо и объявил девизом своего царствования Юань-тун (Начало правления). Это была прямая претензия на независимость и, судя по данным «Юань ши», придоорные убеждали Люге принять титул императора, на что Люге ответил: «Ранее я заключил клятвенный сююз с Львэнь новоном, желало подчиняться Великому монгольскому государству!». Под командованием Люге находилась 100 тыс. армия и он контролировал всю Маньчжурию.

Далее события в Маньчжурии развивались следующим образом. В 1214 г. Люге разгромил новую 40 тыс. карательную армию Цзинь в районе г. Чанту (пров. Ляонин), овладел г. Сяньпии (соврем. г. Кайюань в этой

же пров.) и прилегающими к нему-областями, объявил Сяньпии своей Средней столицей. В конце весны 1215 г. он атаковал Восточную столицу Цзинь (современный г. Ляонии, пров. Ляонин), который Чжебэ не сумел взять в 1212 г. Однако и его войска не имели успеха. Однако к этому времени во владении Люге было более 600 тыс, дворов. Его сподвижники кидане, жаждавшие восстановления былой мощи киданьской империи, были нетерпеливы. Чтобы спровоцировать Люге, они уничтожили отряд монголов в 300 чел. Но Люге не поддался на провокацию и не отложился от Чингис-хана, Тогда двое из его сподвижников Есыбу и Цину восстали. В 1216 г. Есыбу объявил себя императором и сделал своей столицей г. Лэичжоу (г. Хэйчэн, пров. Ляонии). Государство свое он, естественно, назвал Ляо. Есыбу объявил девизом своего царствования Тянь-вэй (Грозная сила, дарованная Небом). Но грозная сила, лишенная поддержки, оказалась недолговечной. Есыбу был убит своими подданными, командующий его армией Цингоу бежал в Цзинь, а его сподвижник Цину был разбит Елюй Люге и бежал в Корею. Новая, третья по счету империя Ляо просуществовала, по данным «Юань ши» всего 70 с лишним дней. Кидане не могли примириться с мыслью о невозможности в этом вихре событий восстановить свою былую славу. Были еще мятежи, но моиголы и Люге стояли на страже; все они оказались подавлены, в 1219 г. Люге подчинил всех, а в 1220 г. умер.

Зиму 1211—1212 гг. Чингис-хан провел за пределами Цзинь, но поблизости от ее северных границ. Вопреки ожиданиям Вэй-шао вана, минголы не стали планомерно осаждать Пекин (неудача с осадой тангутской столицы еще была жива в их памяти, большие и хорошо укрепленные города они еще учились брать).

Весной 1212 г. монгольское наступление возобновилось. Войска двигались тремя колоннами под командолось. Войска двигались тремя колоннами под командованием Чингис-хана и его сыновей — Чжочи, Чагатая и Угэдэя. На этот раз основная тяжесть удара была перенесена на северо-западные и западные владения Цзинь. Здесь проводниками монголам служили онгуты. После овладения рядом городов в районе столицы Внутренней Монголии, монголы осадили Западную столицу Цзинь (соврем. г. Датун, пров. Шаньси). Чжурчажия выслали войска на помощь осажденым, но Чингис заманил их к крепости Мигукой, разгромил наголову, венмянил их к крепости Мигукой, разгромил наголову, веннулся к Западной столице и овладале по. По данным «Юань ши», при первой осаде Западной столицы Цаннь Чингис-хан был ранеи стрелой и именио поэтому мон-

голы виачале сняли осаду.

Зимой, в конце 1212 — пачале 1213 гг., часть монгольской армин под командованнем Чжебе двинулась в Маньижурию, на Восточную столицу Цзинь. Это была родина чжуружизньских племен, их святыня. Не сумев взять город с налета, Чжебэ прибег почти к той же тактике, что и при взятим заставы Цзюйонгуань: «Он повернул обратно и мелленно стал отхолить назал. От приваля к привалу доходили вести, что войско-д повернуло мазад и ушло далеко. После того, как Чжебэ прошет «50 фарсантов, а население города уверялось в том, что войско ушло, он оставил свого обозы и, отобрав резых мерянов, выступнял. Он специю скакал ночью и дием, так что подошел к городу внезапию, нежданно-нетаданию, и зажватия его (Рашил-дален). Монголы разграбили Восточную столицу Цзинь (г. Ляонин), но удерживать его не стали и покинуль. Аомия Чжебо прыссе-

динилась к войскам, осажлавшим Пекии.

1213 г. начался новым большим монгольским наступлением и новым разгромом изиньских армий. В теченне этого года они вновь подчинили себе все районы к северу от Пекина и области Цзинь, лежавшие к северу от рекн Хуанхэ. Осаждался Пекин и несколько других крупных городов. Все области подверглись тотальному разграблению, население несло огромные потери, а жители г. Мнчжоу (соврем. Чжучэн, пров. Шаньдун) по приказу Мухали были вырезаны поголовио. Мухали «вырубил» г. Мичжоу, как перевел это место из «Юань ши» известный русский китаевед первой половины XIX в. Н. Я. Бичурин (отец Иакниф). И при этом он поясиял: «Вырубить город означало: предать острию меча всех жителей города, не разбирая ни возраста, ни пола, ни состояния». Чжурчжэньские власти сгоняли в города окрестных крестьян, чтобы увеличить число осажденных. Монголы при взятни городов также гнали на штурм окрестных жителей. И зачастую стоящий на стене отец узнавал в пядах штурмующих своего сына, а брат сражался невольно протнв брата. Естественно, что ин у защитинков, ни у сгоняемых на штурм людей не было желання сражаться. Монголы яростно атаковали города, они сдавались один за другим. Войска монголов виовь были полелены из три группы. Правая. западная группа под командованнем Чжочи. Чагатая и Угэдэя действовала к югу от хребта Тайхан и вышла на северный берег Хуанхэ в районе современных уездов Цзисянь и Мэньсянь пров. Хэнань. Левая, восточная группа войск под командованнем Хасара действовала в восточных районах современной пров. Хэбэй; Чингис и Тулуй возглавляли Центральную группу войск, они разграбилн южные районы пров. Хэбэй и западные районы Шаньдуна. На огромном пространстве в несколько тысяч километров «почти все жители были перебиты. Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони - все, подобно циновке, свернуто и увезено. Дома и хижины сожжены, городские стены превращены в развалины», — так описаны в китайской истории «Тунцзянь ганму» последствня военных действий монголов в Северном Кнтае в 1213 г. И здесь не обошлось без предательства. На сторону монголов со свонми армиями перешли Ши Тяньэр и Сяо Боди. Оба они стали темниками. В восьмом месяце 1213 г. (18 августа — 9 сентября) в Средней столице Цзинь был совершен государственный переворот. Вэй-шао ван был убит, его место занял Хушаху, который взошел на трон как император Сюаньцзун (его посмертный титул).

В начале 1214 г. Чингис-кан лично появился под степами Пекина. Монгольские полковолцы предлагали ему завершить поход взятием города. По «боль ши», ставка Чингиса раскинулась в северных предместьях Чжунду, «все полководцы просиля, пользуясь победами, разгромить Яви (Пекин — Е. К.), император не согларатромить Яви (Пекин — Е. К.), император не согла-

сился».

Чингне-хан по непонятным причинам, может быть, за-за усталости войска, отяжелевшего к тому же от богатой добычи, отказался от штурма, и объявил императору Цзинь, что покидает территорию его государства и не прочь вступить с ним в перетоворы о мире. «Отправил посла с приказом государю Цзинь: «Все области и уезля твоего Шаньдуна и хэбэя стали момии. Ты обороняешь лишь одни Янь-цэни. Поскольку Небо ослабило тебя, я снова поставил тебя в опасное положение. Что же Небо говорит мне? Сейчас я возвращаю армии, ты же можешь одаривать (мои) войска, чтобы умерить теве моих полководцев!»

Государь Цзинь тотчас послал послов просить мира. Подарил (императору) дочь Вэй-шао вана принцессу Чжию гунчжу, золото, шелк, 500 юношей и девушек, 3 тыс. лошадей» («Юань ши»), Выкуп золотом и шел-

ком был огромен. Ограбив страну, монтолы «так нагрузились шелками и вещами», что даже вьюки перевязывали шелковыми полотнищами («Тайиая история»). Дочь Вэй-шао вана стала четвертой женой Чингис-хана, она звалась «гунчжу-хатуи». Первый министр чжурчжэньского правительства (чэнсян) Ваньянь Фусин лично провожал Чингис-хана от Пекина до Цзюйюнгуань. Чингис, проехав заставу, и оставив за Великой стеной и горами китайскую равнину, приказал собрать несколько сот тысяч пленных молодых мужчин и женшин, тех, что попали в руки монголов в период опустошения ими Северного Китая в 1211-1214 гг. Не имея возможности использовать их как рабов в Монголии, или, может быть, видя в них будущих врагов, или, что вероятиее всего, в целях устрашения населения еще не тронутых монголами областей Цзинь, он приказал уничтожить их всех до единого. Горы трупов оставляла за собой армия Чингис-хана, покидая пределы Цзинь.

В пятом месяце (10 июня - 8 июля) 1214 г. чжурчжэньский император покинул Среднюю столицу и переехал в Южную столицу Цзинь (современный г. Кайфэнь). В пути против Сюань-цзуна восстала часть армии, в основном отряды киданей. Они повериули обратно на север к Пекину, послав одновременно гонцов к Чингису с просьбой принять их в монгольское подданство. Чингис направил к иим войска под командованием предателя Мингаия и в шестом месяце (9 июля -7 августа) отдал приказ об осаде Средней столицы Цзинь. Мир, таким образом, длился всего лишь месяц. Пекии оказался в руках монголов. Город был разграблен, все его ценности вывезены. В Пекине оставлены иаместники Джабар-ходжа и кидань Шимо Мингань. Осада Пекина, длившаяся после киданьского мятежа почти год, была суровой. Город голодал, «тамошиее население от чрезмерного голода ело человеческое мясо и умирало» (Рашид-ад-дин). Когда монголы ворвались в город, они начали избисние тех жителей, которые еще остались живы. Был подожжен дворец чжурчжэньских императоров. Пожар продолжался более месяца. Чингис не присутствовал при этом, он находился на севере: он плохо переносил летнюю жару.

Зимой 1214-1215 гг. Мухали совершил рейд в Ляодун. Он осадил Северную столицу Цзинь (соврем. г. Далинчэн). Правитель города добровольно сдался монголам.

В целом, по данным «Юань ши», на осень 1215 г. монголы заняли 862 обнесенных стенами города Цзинь.

1214 г. обернулся еще одним серьезным бедствием для чжурчжэней. В отместку чжурчжэням за отказ помочь им в трудиую минуту, влекомые легкой добычей тангуты с 1211 г. тревожили пограничные районы нмперии Цзинь. С 1214 г. эти нападения переросли в тангугско-чжурчжэньскую войну 1214-1224 гг. Вместо выступления совместными усилиями против монголов тангуты и чжурчжэни изнуряли свои и без того слабые силы в этой никчемной войне приближавшей гибель обоих государств.

Ограблению и разорению подверглись все районы к северу от Хузихэ, включая и современный Шаньлун так как в 1194 г. река Хуанхэ переменнла русло. В конне 1215 г. монголы предложили чжурчжэням мир на двух условиях: чжурчжэни отказываются от всей территории к северу от Хуанхэ, их император отказывается от императорского титула и, сохранив за собой титул вана (князя), правит оставшимися у него южными областями Цзинь, Чжурчжэни не приняли этих условий.

В 1216 г. Чингис-хан возвратился в свою ставку в Монголию на реку Керулен. Для того, чтобы припугнуть еше раз чжурчжэней, монголы, пройдя через территорию тангутского государства Си Ся. напали на запалные и южные районы империи Цзинь. Они появились у стен Южной столицы Цзинь г. Бянь (г. Қайфэня), Чжурчжэни стянули в Бянь огромную армию, лишив всякой зашиты остальные области страны. Монголы совершенно безнаказанно опустошили их н. иагруженные богатой побычей, ушли на север.

На этом закончился первый период активных войн монголов с чжуржэнями. Монголы в основном грабили н разоряли территорию чжурчжэньского государства. Они не осваивали завоеванную территорию и, как правило, не оставляли своих гарнизонов. Часто после ухода монгольских отрядов на разорениой земле восстанавливалась администрация Цзинь. В этом была одна из причин того, что чжурчжэни не согласились уступить территорию к северу от Хуанхэ. Итогом войны для монголов была военная победа и богатая добыча.

«После того, как Чингиз-хан в течение этих трех-четырех упомянутых лет завоевал и покорил вышеперечисленные города и крепости, принадлежащие к владениям Китая, вышензложенным образом, — сообщает Рашид-ад-дин,— он вернулся обратно из той страны победителем и победоносным. В том же году мыши, счастливый и достигший желаемого, он соизволил распо-

ложиться в своих ордах. И все!»

Отныне, по мнению Чингие-хана, чжурчжэням было воданю за все обиды, причненные его предкам. Месть была ужасной. Мы уже упоминали о горах трупов. Приведем еще два прижера. Тород Баочжоу (соврем. Баодин, пров. Хэбэй) пал. Монголы выгнали из города всех сго жителей. Город разграбили. Затем вначале ублывех стариков, а через два дня выревали все оставшееся население города, и старых и малых, и богатых, и бедных. Было убито враз несколько сот тысяч человек, трупы в буквальном смысле слова громоздились горами. По сообщению «Тайной истори», когда император Цзинь бежал с севера на юг, его армия была в таком состоянии, ти о уцелевшие китайские войска испытывали такой голод, что умирающие с голоду солдаты, убивая друг друга, ели человеческое мясо».

Да, разорение было ужасным, а добыча победителей велика. Они везли драгопенные металлы, шелк, посуду, Монголия переполнилась трофевми и рабами, пленных был избыток и их уничтожали, в том числе и для устрашения тех, кого еще предстояло покорить и ограбить. Монголы получили отромное количество оружия и военной техники, военных инженеров, которые умаси бобашаться с техникой и могли обучить этому других.

Впечагляющим итогом первых пяти лет войны с Паинь явилось и массовое предательство киданей и китайцев, их переход на сторону монголов, Как писал Л. Гамбис, «первая кампания монголов была лишь опустошительным вторжением... однако восстание киданей дало ему в руки средство возобновить завоевание в лучших условиях в последующие годы». Из перешедших на сторону монголов солдат и генералов Цзинь разных напиональностей, они, по полочетам Л. Гамбиса, сформировали 46 воинских соединений. Было отныне кому продолжать завоевание Цзинь, и именно после этого армия Чингис-хана стала превращаться в интернациональное, многоплеменное сборище завоевателей и грабителей. Пля государства Цзинь итогом пяти лет войны были разорение и упадок. Как писал чуть позже Чжао Хун, «татары теснили их до стеи Яньцзина, Когда же эта война кончилась, военные силы, созданные изиньскими разбойниками за столетие, почти полностью были уничтожены и рассеялись. Их государство пришло в упадок».

Второй этап завоевания Цзинь связан с именем Мухали. В 1217 г. Мухали был пожаловаи титулом го ван (князь государства), грамотой на право управлять и вести войну в Северном Китае, золотой печатью, которой закреплялось его право на Северный Китай. Надпись на грамоте гласила: «Сыновья и вички непрерывно из поколения в поколение будут передавать друг другу государство». Из приказа Чингис-хана: «Земли к северу от (гор) Тайхаи, освоил я, Земли к югу от (гор) Тайхан — к иим приложишь (свои) усилия ты», Мухали получил парадный экипаж, девятихвостое знамя, трои из серебра. Всем было объявлено: «Отдавая приказ. Мухали ставит это знамя, а это равносильно тому, что прибыл я сам лично». Мухали впервые учредил полевые походные провнициальные управления (синшэн), приказал составить карты Центральной равинны (Чжунюань), Северного Китая, Он исукосинтельно исполнял приказ Чнигис-хана.

Когда в 1222 г. появилась какая-то необычная звезда, и генералы, ссылаясь на небесное знаменье, предлагали приостановить наступательные походы, Мухали сказал: «Государь приказал мие полчинить Центральную равиниу. Ныне, хотя и покореи Хэбэй (области к северу от Хуанхэ), но Хэнань (области к югу от Хуанхэ) и Циньгу (запалиые районы Цзинь) еще не покорены. Если я не стану идти вперед из-за небесного явления, то когда же я подчиню Поднебесную? Разве нарушив приказ государя, я сохраню верность?».

Мухали широко использовал вониские формирования из населения Цзинь. Китайцы, кидани воевали и с моигольской, и с цзиньской стороны. В этот этап войны монголы не только разоряли и грабили, но и осваивали завоеванные территории. Китайское население Цзинь ненавидело чжурчжэней и часто добровольно переходило на сторону монголов.

Знатное семейство щи создало общество Цин лэ шэ — общину чистой радости, армию Ции лэ цзюнь армию чистой радости, общины и армия активно помогали монголам. Кидань Ван Сюнь создал общество Бао циньцзу — Защитим родию. Он привел на сторону монголов 100 тыс. чел. На стороне монголов действовала китайская Черная армия.

Чингис поощрял тех, кто переходил на его сторону,

давал им высокие титулы и власть. Северный Китай, несмотря на то, что там шла война, постепсино становылся базой для завоеваний монголов на западе. Боенные действия шли в основном на териториях современного Шаньдуна, провенций Шаньей и Шэньей, К 1222 г. монготы взяли Тайноань и Чаньвань (современный г. Сиань). В этом году в возрасте 54 лет от болеени скончался Мухали. Перед смертью он сказал младшему брату Дайсуни»: «Я был помицином создания государства. Вершил великос дело. Носил доспехи и держал в руках оружие 40 лет. Совершал походы на восток, покорял запад. Не о чем сождаеть, кроме одного: не покорял западын. Ты справься с этим.

Последние годы жизин Чингис-хана были отмечены в Северком Китае мощимы землетрясением в Хэбэ, результатом которого было народное восстание против монголого и переход части завоеваниях территорий обратию к Цзинь, а также враждой двух крупнейших китайских воевачальников, перешедших на сторому монголов — Ши Тяньэра и У Сянв. Койчилось это тем, что У Сянь убла Ши Тяньэра и саласт Цзянь. Ши Тяньлая, брат убитого, свлами монгольских войск разгромил У Сяня, гот сежал в Вянь. Постеперно Хэбэй снова был У Сяня, гот сежал в Вянь. Постеперно Хэбэй снова был

подчинен монголами.

В 1227 году - году смерти Чингис-хана, монголы полностью завоевали Шаньдун. Перед смертью Чингисхан завещал добить Цзинь в союзе с китайцами, с Сун, и даже сказал, что войну следует начать с овладения заставой Тунгуань на западе страны. В 1230 г. Угедой, преемник Чингис-хана, лично пошел войной на Цзинь в указанном Чингис-ханом районе, В 1232 г. в битве при Тунгуань войска Цзинь потерпели сокрушительное поражение. Командующий гарнизоном Тунгуаня Е Сяньгуань сдался монголам. Войска под командованием Субетая начали осаду Бянь. Город был переполнен людьми. Начались голод и эпидемии. По некоторым данным умерло около 900 тыс. чел. Город пал. Император Цзинь бежал. В 1232 г. монголы заключили союз с Сун для окончательного завоевания Цзинь. Условием договора со стороны Сун было возвращение Сун всех земель Хэнань. В 1234 г. последний цзиньский император Ай-цзун укрывался в г. Цайчжоу (соврем. Жонань, пров. Хэнань). Монгольские и сунские войска осадили город. Ай-цзун покончил с собой, город пал. Династия Цзинь и государство Цзинь прекратили свое существование,

Все это произошло уже через 7 лет после смерти Чингис-хана. На очереди оказалось государство Сун и весь Китай, но описание его завоевания уже не входит в нашу задачу.

Итак, в 1216 г. Чингис-хан возвратился в Монголию на Керулен и помыслы его отныне были обращены на завоевание запада. Чтобы быть уверенным в своих тылах, Чингис-хан решает еще раз пригутнуть своих се-

верных и южных соселей

В 1216 г. Субетай-баатур и Тукучар-баатур по его приказу совершают похол на север против многократио битых меркитов, ибо Чингие узнал, что меркиты «снова устепья» на север против многократио битых меркитов, ибо Чингие субета, что меркиты «снова устепья» что и меркиты «снова устепья» на севера больше болься своих татаромонголов, чем внешних врагов. Полководиы Чингие сразбили племя меркит и всех переблия, так что инкого из них не осталось в живых». Лишь сын одного из вождей меркитов Кулу, стрелок Мартян был взят живым и доставлен Чжочи. Чжочи просил Чингиеа помиловать Мартяна, по получил отказ: «Я для вас приобрет так много государств и войск, так что зачем оп вам»,— повелел он ответить сыну, «По этой причине,— сообщает Рашил-ал-дии,— его (Мартяна) также прикондиви, и стого племени не осталось и следа. Амины

Зимой 1217-1218 г. монголы еще раз попробовали покончить с тангутским государством. В феврале 1218 г. они во второй раз осадили столицу Си Ся. предварительно захватив и разграбив ряд тангутских городов. Государь тангутов Цзунь-сян, подобно чжурчжэньскому Сюань-цзуну, струсил и отказался лично возглавить оборону столицы, приказав оборонять город наследиику престола Дэ-жэну, Сам Цзунь-сян усхал в Силян (соврем. г. Увэй, пров. Ганьсу) и оттуда выслал к монголам посольство для переговоров. Его страх и стремление уладить дело миром можно объяснить тем, что тангуты были великолепно осведомлены о том, что натводили монголы в Цзинь, Монголы уже готовились к походу на запад. Длительная осада столицы Си Ся - а они уже знали, что взять крупный и хорошо укрепленный город отнюдь не просто - не входила в их расчеты. Тангутское государство, кроме того, находилось в состоянии столь выгодной для монголов войны с Цзинь. Поэтому во время переговоров Чингис-хан потребовал от тангутов одного - их участия в походе на запад. Война с Цзинь показала, что воевать чужими руками удобией. Посол от имеии Чингис-хана передал тангутскому государю: «Ты обещал быть моеко правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на сартаульский народ, который порвал мои золотые бразды!»

Таигуты ответили решительным отказом. Чингисхан, пообещав расправиться с инми после возвращения, приказал отвести монгольские войска с территории

Си Ся.

Что представлял собой Северный Китай после монгольского нашествия, видио из рассказа Беха-ал-дина Руди, главы посольства хорезмишах к Чингису, которого он застал еще в пределах Цзинь: «Везде были видны следы стращного опрустощения; кости убитых составляли целые горы; почва была рыхлой от человеческого жира; гинение трупов вызывало болезинь, от когорых погибли некоторые из спутников Беха-ад-дина. «У ворот Пекина лежала огромная куча костей». Столь страшной была чингисова месть за Амбагай-хагана. Так заявил о себе Чингис-хаи всему миру через десять лет после великого курылгая.

ОТРАРСКАЯ КАТАСТРОФА

И я взглянул, и вот конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть, и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли умершвлять метом и голодом, мором, и зверями песными.

Апокалипсис, ХІ, 8

На западе ближайшими соседями н врагами Чингис-хана были: государство кара-кнтаев Западное Ляо (Си Ляо), государство хорезминахов и киндакская степь.

Самое могущественное государство хореамшахов (1097—1231). В последние десятилетия своего существования оно включало территории Маверанивахра, Хорасана, Мазендарава, Кермана, Персидского Ирака, Азереайджана, Сиджистана и Газны, В ичачае XIII в., когла на мировую арену вышла монгольская держава, хореамшах Ала-ад-дин Мухаммед вел войны с кара-китаями и местимии владетелями Средней Азии. В 1207 г. он овладел Бухарой. В войне с кара-китаями хореамшах по-пал в плеи, и о сумел бежать. Он платил дань кара-ки-

тайскому гур-хану. Но фортуна уже была не с кара-китаями. В 1208 г. хорезмшах взял города Герат и Хорезм.

Сила постепенио уходила от кара-китайского гур-хана и переходила к хорезмшаху. В 1209 г. в столицу прибыл за данью посол гур-хана Туши. Его наглое поведение (он уселся на султанский престол рядом с хорезмшахом) кончилось для него трагически: посол и его свита были изрублены и брошены в Аму-Дарью. Враги сошлись в Иламышской степи и аллах даровал правоверным победу над неверными. Кара-китаи бежали, жители столицы гур-хана г. Баласагун закрыли городские ворота и не пускали своих правителей-поработителей. 15 дней гур-хан осаждал свою собствениую столицу, 47 тыс, знатных горожан поплатились жизнями за непокорство, а все жители города были ограблены. Исламский мир опенил победу корезмшаха как победу ислама над безбожниками и хорезмшаху был дарован титул Второго Александра Македоиского (Искаидер-и Саии) и Двурогого (Зу-л Карнайна)*, К этому времени было добавлено имя сельджукского султана - «султан Саилжар», а на печати для подписи указов и документов хорезмшаху вырезали «скромный» текст — «тень Аллаха на земле». В 1212 г. против власти хорезмшаха произошло восстание последнего из караханидов Усмана в Самарканде, Хорезмшах Самарканд взял, Усмана казиил, а 10 тыс. своих новых поддаиных убил.

В 1211 г. Кучлук, сын найманского Таян-хана взял в плен и лишли власти кара-китайского гур-хана. До этого Кучлук пользовался его довернем и был женат на его дочери Кунику. Дочь гур-хана была женщиной волевой, она заставила Кучлука сменить веру и из хрисгианства перейти в будлизм. Кучлук видел, что миотие в госулдаютев кара-китаев тяготятся властью гур-

хана и решил овладеть его троиом.

Когла Кучлук узнал о поражении гур-хана от меча хорезм-шажа, «он, со всем поспешностью выступив, напал на него (гур-хана — Е. К.) в то время, когда войско того было рассенно, и окружил его. Так как гур-хан не имел другого выхода, он захотел смиренно прежлониться перед ним. Кучлук этого не допустыл и смотрел на него как на отца, внешне оказывая ему почте-

Александр Македонский известен в исламском мире как Искандер Двурогий.

ние, сам же... закватил в свои руки области Туркеста, которыми владел гур-хан, и его царский сан. Гур-хан спустя два года отдал богу душу от горя, а казно-хранилица, вмущество, войска и движимое достояние, которые были собраны и накоплены в течение трексот пяти лет — все это попало в руки Кучлука» (Рашидалдани).

Кучлук повел негвбкую внутреннюю политику. Сам ренетат, сменивший христивнство на буддизм, он особению преследовал мусульман, «раскрыл нал поддавными длайь насилия и вымогательства». Кучлук требовал от мусульман Хотава сменить веру на христивискую пли будлийскую. Он устроил «диспут» с мусульманскими богословами Хотана, который кончился тем, что один из них оскорбил государя, сказав Кучлуку: «Да будет прах тебе в рот, о, враг истипной веры», за что был расити па дверах своего медросс. С тех пор владения Куч-

лука стали для него словно горячие углн.

Это было в то время, когла Субетав-базтур был послан в поход на меркитов. Вель несмотря на сообщение Рашил-ал-дина о том, что все меркиты были поголовно истреблены, на самом деле часть их беждал в Кыпчакские степи (Казахстан). Ближе всех к этим местам оказался Чжочи, правитель «лесных народов». Как сказапо в «Оавы ши», «в их пернод становления государства (Чжочи) являлся великим князем (цинь ваном) к ему был выделен и пожалован сверо-запад. Эти земли крайне отдалены, находятся в нескольких десятках тысяч ли от столицы. При скорой езде на почтовых перекладных лошадки, чтобы доежать туда, требуется болсе 200 дней». Чжочи и было приказано добить меркитов, и, несмотря на расстояние, приказ поступил к нему вовремя.

Итак, монгольский отряд под командованием Чжочи

преследовал меркитов.

В это же время в походе на север против кыпчаков находился и хорезмшах. Когда хорезмшах являся на поле битвы, монголы уже покончили с меркитами. Чжочи не хотел вступать в сражение с хорезмшахом и объявил, что Чинтис-хан послал его только против меркитов. Мухаммед надменно заявил, что он считает своими врагами всех неверных, т. е. не мусульман, и навязал монголам сражение.

По сведенням Ибн аль-Аснра, «длилась битва три дия да столько же ночей, и убито было с обенх сторон столько, что и не сочтешь, но не обратился в бестию ни один из них... Дошло дело у них до того, что вной на них слезал с коня и пеший бился со своим противником. Дрались они на ножах, и кровь текла по земле до такой степени, что лошади стали скользить по ней от множества ее. Наконец, обе стороны истощили свои силы в терпении и в боюз.

С наступленнем темноты сражение прервали. Когда же на следующее утро мусульмане решили продолжать бой, они не обиаружили монголов: монголы отступпли ночью, оставив, как это ледали обычно, зажженные ко-

стры, которые и обманули мусульман.

А надо сказать, что в душе хорезминах давно уже танлась мысль о походе в Монголню и в Китай и о завоевании этих стран. Он постоянно расспращивал купцов о богатствах восточных стран. Успехи хорезмиваха были сельеваны; постепенно на западе вызревал новый

Чнигис-хан. Росла и его алчность.

Джуэлжани сообщает: «Мы, его слуги и придворные, пытались отговорить хорезмшаха от этой навязчивой иден, мотивируя свои соображения дальностью расстоиний, трудностями пути и другими препятствиями, ио резмишах стоял на своем. А когда до него дошли слухи о том, что Чингис-хан завоевал Китай, ои решил узнать, достоверны ли эти слухи и отправил в Китай посольство во главе с благородиным сейндом Баха ад-дином ар Рази».

Чингис-хан принял послов хорезмицаха приветливо, одарнл нх, послал дары хорезмицаху и сказал послу:

— Передай хорезмшаху: «Я — владыка Востока, а владыка Запада. Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире и пусть купцы и караваны обенх сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие наделия и обычные товары, которые есть в мосй земле, перевозятся ими к тебе, а твои в таком же по-

рядке пусть перевозятся ко мне!»

И хоть акал. В. В. Бартольд считал, что: «Едва ли Чинтис-хам мечтал в то время о всемирном владычестве». Но договор, приведенный выше, больше походил на своеобразный «раздел мира», видимого и досятаемого для обоих. Это первое и важное свидетельство того, что Чингис после победы над Цзивь уже не думал отринячить свое государство пределями Монтолин, а мыслил категориями страи света. Он считал себя владыкой Востока, приеванвая на востоке все то, до чего только был способен добраться его воин на выиосливом степном коне.

В ответ на посольство хорезмшаха Чингис отправил к нему свое с богатыми дарами, в числе которых был кусок золота величиной с верблюжий горб — его везли на отдельной телеге: нефрит, мускус, ткани из верблюжьей шерсти. Мухаммед принял послов в Бухаре. Послы передали Мухаммеду, что Чингис-хан слышал о его победах, славе и могуществе, что он предлагает ему мирный договор и готов считать его «наравне с самым дорогим из своих сыновей», т. е. по понятиям дальиевосточной дипломатии заявлял, что признание признанием, а равенства между инми быть не может. Чингис отец, старший, сюзерен. В подтверждение этого Чингис выразил надежду, что и Мухаммеду известно о его победах в Китае. За внешией приветливостью его речей танлась угроза: «Ты для меня как самый дорогой мой сын. Не в тайие и для тебя, что я завладел Китаем и соседними странами тюрок, уже покорились мне их племена».

Что ответил хорезмшах послам Чингис-хана, неизвестно. Но ночью тайно он призвал во дворец главу посольства Чингиса хорезмийца Махмуда. Махмуду было предложено стать соглядатаем при дворе Чингис-хана

и был задан ряд вопросов:

 Правду ли сказал мие Чингис-хан, заявляя, что он владыка Китая и что он захватил город Тамгадж. Так ли это на самом деле?

 Да, он сказал правду. Такое великое дело не может оставаться тайной, и скоро султан сам убедится в этом.

 Ты знаешь каковы мон владения и как они обширыы, знаешь, как многочисленны мои войска. Кто же ои, этот проклятый, чтобы называть меня своим сыном? Какое у него войско?

 Войско Чингис-хана в сравнении с армиями хорезмшаха все равно, что одинокий всадник перед кон-

иицей или дымок против ночного мрака.

Поначалу Мажмуд предостерег хорезмшаха: «Скоро султан сам убедится в этом», но погом он, как говорят мусульманские авторы, «отказался от искренности» и дал хорезмшаху прямую деаниформацию об армин Чинтис-хана. Может быть, купец испутался и решил, что если скажет правду, то не выйлет из дворца хорезмшака живым. Хорезмшах подарил ему драгоценный камень, призывал его быть патриотом, помнить, что он хо-

Договор был заключен, послы возвратились к Чингису, а ночные показания Махмуда, вольные или невольные, имели самые тяжкие последствия для его родины.

И. П. Петрушевский отметил, что судя по допросу Махмула, «хорезмшах не нмел никакого понятия о действительном положении империи Чингис-хана, ин о его военных силах». Чингис же полдерживал тесные связи со среднеазиатскими купцами, в его орде имедись перебежчики из Средней Азии и потому «нельзя представить себе, чтобы Чингис-хан от этих лиц не мог получить необходимой для него информации за гол-два до начала войны». Думается, что и хорезмшах имел коекакую информацию и от посольства Беха ад-дина, и от других своих посольств, от беглых из Китая в Монголин, от уйгуров и карлуков, от Кучлука, наконец. Не мог же он поверить в то, что Чингис с ничтожной авмией завоевал Китай, Хитрый купец угадал тайное желанне хорезмшаха и сообщил, сказал ему то, что было приятно его сердцу. Хорезмшах желал услышать неправду и он ее услышал.

В те голы мусульманские куппы держали в своих уках всю торговлю между Средней Азней и Влижины Востоком, с одной стороны, и Монголней и Китаем — с другов. Чингис-хан отправил во владения хорезмпака огромный горговый караван — 450 мусульманских куппов везли на 500 верблюдах товары Чингися, награблениме в стране тангутов и государстве чжурумскией: волото и серебро, китайские шелка, собольи и иные меха из Южной Сибири и северных областей Цзины. В составе каравана, помимо куппо, были монголы, с караваном прибыли с караваном игрибым прибышие с караваном люди имели задание «отправитсья в земли хорезмпака, заняться там торгольей и приобрети редкие и денные товары того края».

В послании, которое вез Ухуна, говорилосъ: «Купцы являются опорой страны. Это они привозят владыкам диковинки и драгоценности и нег зужды препятствовать им в этом. Я со своей стороны не намерен мешать нашим купцым торговать с вами. Надо, чтобы мым об действовали совместно ради процветания иаших краев. Поэтому мы приказали, чтобы отныме между всеми странами на земле установился мир, чтобы купцы безоязнению направыялись во все края. Богатые и бедные бедные

будут жить в мире и благославлять Аллаха» (З. Буниятов). В послании был один изъян, который не могли не заменть в государстве хорезмишха: Чингис «приказал», чтобы между всеми странами на земле установился мир. В послания Чингис-хан заявлял себя уже

влалыкой мира! Караван Чингиса прибыл на границу владений хорезмшаха в город Отрар (находился на среднем течении реки Сыр-Дарын, развалины его сохранились в 7 км к северо-востоку от железнодорожной станцин Тимур). О дальнейших событиях арабский историк Ибн-аль-Асир рассказывает следующее: «Пришли они (купцы) в один на тюркских городов, называемый Отраром и составлявший крайнее владение хорезмшаха, у которого там был наместник [...] послал к хорезмшаху уведомить его об нх прибытки и сообщить ему об имуществе, которое было при них. Хорезмшах прислал ему приказание убить нх, отобрать имущество, находящееся при них, и прислать его к нему. Он (наместник) убил их и отослал, что при них было, а вещей было много. Когда посланные прибыли к хорезмшаху, то он разделил его между купцами Бухары и Самарканда и взяд с них стоимость его (розданного товара)». Есть и иные в деталях версии этого события. Согласно им Мухаммед только приказал Гейлар-хан Иналу (Иналчику), наместнику Отрара, задержать купцов, а тот убил их уже по собственному почину. предварительно обвинив в шпионаже, Многие исследователи допускают, что сопровождавшие караван монголы могли иметь задачу развелать состояние лел в государстве хорезминаха, «должны были заняться разведкой во владениях хорезмшаха» (3. М. Буниятов). Как бы там ни было, очевидно, что купцы и сопровождавшие караван монголы стали жертвой жадности и полозрительности наместника Отрара и самого хорезмшаха. Так, З. М. Буниятов прямо пишет, что «ответственность за это преступление лежит на главе государства, так как расправа над купцами противоречила общензвестным в то время нормам взаимоотношений между владетельными лицами. Кроме того, были убиты послы, которые нахолились под защитой общепринятых норм обычного права».

Только одному купцу (есть версия — погонщику верблюдов) удалось спастить и принести стращную весть Чингис-хану. Скорее всего, этот человек был оставлен в живых намеренно, Он должен был рассказать Чингису, что стало с его шпионами, соглядатаями, которых при караване, видимо, было немало, «Эти люди, не бывшие купцами, получили, - как писал И. П. Петрушевский, - и другое задание... этим заданием скорее всего могла быть военная разведка». По сведениям некоторых мусульманских авторов, люди Чингис-хана уже начали работать, они запугивали жителей Отрара «грядущим белствием» (Насави), т. е. нашествием монголов, Из сообщения Мухаммеда ибн Кас Рази известно, что до нападения монголов на Хорезм по городам государства хорезмшаха ползли слухи о готовящемся нашествии, эти слухи вызывали панику среди населения. Что было делать хорезмшаху? Допустить беспрепятственно деятельность таких людей? Или пресечь ее. Он был настроен решительно, хотя внутрение и колебался, Хотя в трехсуточном сражении с Чжочи он потерял 20 тыс. воинов, но вель поле битвы осталось за ним? Ан-Насави писал, что после битвы с Чжочи «душой султана овладел страх», так как он убелился лично в храбрости и военном мастерстве монголов. Но не будем забывать о том, что это было написано уже после того, как монгоды завоевали владения хорезмшаха. И только позже стали ясны последствия резни в Отраре.

Джувэйни (тоже пояднее) писал: «За каждую капдю их (купцов Чингиса) крови там потекли целые реки, кажется, что в воздаяние за каждый волос с их голов сотви тысяч голов валялись в пыли на перекрестка дорогь. Наверное, и хорезмидах Мухаммед и Гейдар-хан Инал могли поступить как-то иначе, не давать повода в руки Чингис-хана. Мы не знаем всех обстоятсльств, видимо, ясно одно: они знали об опасности, но думали, что у них достаточно сил, чтобы справиться с нем.

Получив известие о гибели каравана в Отраре, Чинпис-хан послал посольство с запросом во главе с Иби Кафраджени Богра. Основным требованием Чинтис-хана была выдача Гейлар-хана Инала. Сохранилось выверсии члослания» Чинтис-хана хорезмшаку. По одной из них его посол персдал: «Ты даровал подписанное твоей рукой обещание обеспечить безопасность купцов и не нападать ни на кого из них, но поступил вероломи на прицил слово. Вероломство меряко, а со стороны султана ислама еще более. И если ты утверждаещь, что совершенное Иналом сделано не по твоему повелению, то выдай мне Инала, чтобы мы наказали его за преступление и помешали кровопролитию. А в противном случае — война, в которой самме дорогие душп станут дешевы и древи копий переломятся». Судя по тексту послания получается, что был какой-то письменный договор между Хорезмшахом и Чингис-капом — «подписанное твоей рукой обещание». Мы о нем инчего ве знаем. Из этого же текста явствует, что хорезмшах сразу после случившегося в Отраре послал к Чингису людей с уверениями, что происшедшее в Отраре было слелано и сто с оповедению».

Вторая версия (Ac-Cyбки) представляется болеправдополобной. «Сообщи мие, то что произошло случилось ли по твоему желанию? Если это случилось не по твоей воле, тогда ми требуем кровь убитых и твоего наместника в Отраре, которого надобно доставить к нам в самом жалком виде, униженным и обесчещениям. Но если это сделано по твоей воле, тогда ответственность несешь ты, ибо я ие исповедую твою религию и не одобряю этих действий. Ты принадлежищь к религии Гогда как же расценивать этот приказ, которелигия стода как же расценивать этот приказ, которелигия. Тогда как же расценивать этот приказ, кото-

рый ты отдал?»

Странно, что Чингис-хан простил хорезмшаху стычку (войну!) с отрядом Чжочи, где только убитых со стороны султана было 20 тыс., значит, речь шла и о тысячах жизней монгольских воинов, и столь огромное значение придал инциденту в Отраре? Ведь хорезминах прямо заявил Чжочи, что сам Аллах велит ему сражаться с монголами. Говорят, что хорезмшах не мог выдать Инала, так как тот был его двоюродным братом со стороны матери и имел многочисленную знатную и влиятельную родню. Возможно, это и так, но зачем было хорезмшаху выдавать Инала, если он знал, что война неминуема, готовился плохо или хорощо к ней и решился воевать тогда, когда не захотел стать «сыном» Чингис-хана, уже полагавшего себя владыкой вселенной и скрестил с ним оружие в степях Казахстаца. После страшных и кровопролитных войи всегда кажется, что войны можно было избежать. Но... история не повторяется.

Сын хорезмшаха Джелал-ад-дин советовал выдать Инала, Хорезмшах приказал посла Ибн Кафраджа Ботра убить, а двум его сопровождающим отрезать бороды. Позже мусульманские авторы заклеймили этот поступок шаха: «И не было никогда более мерзкого действия, чем это. Каждая капля их (послов) крови была оплачена потоками крови мусульман» (Ас-Субки). Это Тоже оценка по результату, оценка справедливая, но ее не было бы, одержи победу хорезмшах. С оскорбленными послами хорезмшах послал ответ Чингис-ханут — Я илу на тебя, хотя бы ты был на Караю света.

чтобы отомстить и поступить с тобой так, как поступить с тобой так, как поступить с тьоими сторонниками! Шах угрожал хану смертью и

это было объявлением войны.

По рассказу Рашил-ал-дина, «дерзость» хорезмшаха произвела «такое действие на сердие Чингис-хана, что у него не осталось больше сил для стойкости и спокойствия. В этом пламени тнева он подиялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажмл голову и приник лицом к земле. Трое суток он молился и плакал... После этого он почувствовал в себе признаки знамения благовестия и бодрый и радостный спустнику оттуда вину, твердо решившись привести в порядок все необходимое для войны. Три для Чингис обращался в Вечному Синему Небу, и до его синих сводов долетало:

 О господь и создатель вселенной! О творец тазиков и тюрок! Не я был зачинщиком этой смуты! Даруй

же мне силу для отмщения!

Такова мусульманская версия, ее суть: во всех бедствиях, обрушеных мойнолами на исламский мир, виноват хорезмшах. И сейчас еще бытует версия о том, что мойголы завоевали полинра только потому, что люди в других странах убнавли их послов. Это не имеет ничего общего с реальной действительностью тех трудных и стращимых лет.

«Тайная история» объясияет западный поход не только местью Чингиса за убийство послов, но и, самое главное,—отказом повиноваться, попыткой порвать златодветные «поводья» Чингис-хана, которыми он если еще и не внуздал, то уже решил вануздать сартауль-

ский народ.

«Затем, когда сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с чингисхановым послом Ухуна, государь Чингис-хан сказал: «Пойду войною на сартаульский народ и законною местью отомшу за согию своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшеныя моих златопарственных повольев?» На вещение хорезмишах не жать, когда притяза-

13*

ния Чингис-хана станут еще более жесткими и оскорбительными, могло повлиять и то, что он знал о стремленни арабов, халифа багдадского подбить Чингиса на войну с ним, По сообщениям Насави, к Чингис-хану ездило посольство халифа Ал-Насира, которое предлагало монголам начать войну с хорезмшахом, Хорезмшах воевал с ал-Насиром и не признавал его высшей власти, и Насир еще ранее пытался столковаться о союзе против хорезмшаха с Кучлуком, гонителем и притеснителем мусульман. Ибн Васил сообщает, что «когда хорезмшах двинулся на Багдад, халиф написал Чнигис-хану, владыке татар, подстрекая его напасть на страну хорезмшаха». Схожие сведения есть и у Ал-Макризи: «В его (ал-Насира) правление татары опустошили страны Востока... Причиной тому было следующее: он действительно писал им, подстрекая их к иашествию на эти страны, стращаясь султана Ала-ад-дина Мухаммеда, сына хорезмшаха, когда тот вознамерился захватить Баглал».

Послы халифа скорее всего персдали Чингис-хану исиную информацию о состоянии дел у хорезмшаха. И Чингис-хан и хорезмшах были в зените своего могушества и славы. Один из них явию претендовал на исключительное право управлять миром. Их столкновение было неизбежию. Войны хотел Чингис-хан, от нее

не уклонялся хорезмшах.

Проф. И. П. Тегрушевский писал, что «инициатива войны не исходила от хорезмшаха; он не хотел се и был выпужден к ней обстоятельствами. Инициатором войны, по сути дела, был именно Чингис-хан, хотя он так сумел подготовить ее, чтобы иметь возможность формально возложить вину на хорезмшаха, дабы не выставить себя в глазах мусульманского населения врагом ислама». Думается, что хорезмшах действительно нес свою долю ответственности, но именно итоги войны сделали его главным виновинком событий, поставив Чингис-хана в позицию «благородного мстителя» за причиненные обиды.

В государстве хореамшаха разрабатывали планы вобим, точнее, планы обороны. Предлагалось собрать армию в 400 тыс, чел. на берегах Сыр-Дарыя и ианести удар по монголам, ве дав им опоминтыся после длительного пути до владений хореамшаха. Это был план, предусматривающий недопущение монголов вглубь власний хореамшаха. Но был другой план: разбить мон-

голов в глубине герритории государства, пользувсь преимуществами знания местности: или в междуречьм Сыр-Дарын и Аму-Дары, нан замания их в труднодоступные горные проходы. Было принято далеко не луч шее решение: не давать генерального сражения, а укадому городу обороняться самостоятельно. И по принятии такого решения, почти ничего не было сделано для укрепления городов, мобилизации населения и воннов. Более того, хореамшах обобрат своих подланных, собрав с инх тройной налог за 1219—1220 гг., чем только усили ведовольствое своих людей.

Один плохо готовился к войне, другой пылал пра-

ведным гневом.

В 1218 г., прежде чем выступить в поход против хорезмшаха, Чингис отправил Чжебе для покорения Кучлука, правителя Семиречья и Кашгара. Как уже говорилось выше, в своих владениях Кучлук преследовал мусульман, и мусульманское население этих областей восприняло приход монголов как освобождение изпод власти найманского притеснителя. Еще на подступах к Кашгару, тогдашней ставке Кучлука. Чжебе объявил, «чтобы каждый человек придерживался своей веры и хранил бы в религии путь своих предков». Мусульманское население восстало против Кучлука, мстя за недавние гонения. Потеряв опору, гонимый, Кучлук некоторое время спасался бегством от преследовавших его монголов, пока не был схвачен в пределах Бадахшана и не выдан монголам. Есть данные о том, что его пленил правитель Алмалыка. С Бадахшана монголы «получили огромную военную добычу, состоящую из наличных денег и драгоценных камней» (Рашид-ад-дин).

Весь, бассейн Тарима и Семиречье до Таласа отошли к империи монголов. Завоевание государства Кучлука расширило владения Чингиса, оно явилось стопервым шагом на пути, который, по его мысли, должен был привести его к ладычеству над Востоком и За-

падом.

Итак, вопрос о войне был решен. Поход готовился, Оценняя последствия отрарского ницидента и подчеркивая неизбежность нападения Чинтис-хана на Хореам, акад. В. В. Бартольд писал: «Конечно, нашествие конголов на владения хорезмивах совершилось бы, может быть, несколько позже и без этого повода. Когда монголы окончательно утвердили свою власть в степих, граничация с госузаюством хорезмиваха они не могли не заметить внутренней слабости этого государства; при таких условиях нашествие кочевников на более богатые земли культурных народов было неизбежно».

Перед походом на запад Чингис-хану было где-то от 52 до 64-х лет. Он был не молод, Даже за пятьдесят по тем временам для правителя государства было недал. И встал вопрос о насленике престола. Его подняда жена татарка, ханша Есуй, Всякий родившийся не
будет жить вечно. Есуй напирала на то, что «многолюдпое парство» Чингис-ханы держится на его авторитете,
его власти. Если он умрет, не рассыплется ли его царство, как горость коноли, как стая гиц.

Чингис-хан задумался:

 — А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть. Итак, старший мой сын

Чжочи, что скажещь ты? Отвечай!

Произошла неприятная сцена. «Не успел Чжочи открыть рта, как внеред выскочил Чаздай: «Ты повераваешь первому говорять Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому иследнику меркитского плена? При этих словах Чжочи вскочил и, вценившись за воротини Чаздая, воскликнул: «Родины меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение сьой большой палец, если только ты победищь меня деже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты поведины меня, победив в борыбе. Но будет на то воля родителя и государя».

Насплу братьев растащили мать Борте и Мухали, Чинтие моллал. Заговория мудрый коко-10с: с 58евалюе иебо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грябили». Он намежнул великому кизяю Чавдаю, что нехорошо оскорблять мать, которая делила труды вместе с отцом, а отец «черной головы своей не шадил, черную кровь свою шедо лил, черным очам своим митнуть не давал, сплюснутых ушей своих на подушку не клал рукав клал вместо подушки, волу подстивал, слюной своей жажду утолял... со лба его пот лил до самых подошкь»

Коко-Цос между прочим дал понять — раньше мы грабили друг друга, теперь — другие народы.

Чжочи и Чаадай сошлись на компромиссе: надо объявить наследником Огодая, никому из них не будет пока обидно, а они оба булут «папой» служить Огодаю.

Чингис-хан усмехнулся: «К чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше: будем отдельно друг от друга править ниоземными народами».

Монголию уже не хватало на всех. Новые улусы нужно было завоевать. Нареченный преемником Огодай сказал, что он-то «постарается осилить» управление

даи сказал, что он-то «постарается осилить» управли государством, а за своих потомков не ручается.

В 1219 г. Чингис-хан со всеми своими сыновьями и восновными силами в 150—200 тысяч челловек выступил в поход. Лего он провел на берегах Иртыша, а осенью двинулся на Мавераннахр — древние культурные области в бассейне Аму-Дарын С ырг. Дворьв. Он шел не один. Если ему не удалось принудить к походу на запад тантутов, то прочне его вассалы — уйгурский идикут Баурчак, хан тюрок-карлуков Арслан-хан и Сукнак-тегин алмалыкский, которому монголы передали управление владениями Кучлука, выступили вместе с ням.

Армия хорезмшаха, возможно, даже превосходила послушиюй, как у Чингиса. К тому же хорезмшах рассредоточил свои войска по гаринзонам разных городов, а это была не лучшая тактика ведения войны. Сам Мухаммед имел резиденцию в городе Балхе, ему предлагали усхать еще дальше от зоны вторжения монголов, в Ирак, Сын хорезмшаха Джелал-адлян резко суждал

действия отца:

— Лучший выход для нас — это собрать, насколько это будет возможным, наши войска и выступить против них. Если султан на это не решится, пусть он один выпланет свое намерение идти в Ирак, а мне даст войска, с тем, чтобы я пошел к границе государства и одержал победу и выполнил бы то, что осуществлю и возможно, дабы перед очами творца и его творений мы были бы оправланы. Если задуманное пока не удастся, мы все же не станем мишенью для стрелы укора и люди не протянут языка элословия на наш счет и не скажут; до сего времени они выимали с нас налоги, а теперь такое страшное время пренебрегают нами и бросают нас!

Мухаммед в Ирак не поехал, но и сыну своему

войск для встречи Чингиса на границе не дал.

Вступив в пределы государства хорезмшаха, Чингис разделил свои войска: часть их пол командованием Чагатая и Огодоя была оставлена для осады г. Отрара, другая часть войск под командованием Чжочи выступида на Дженл (развадины его нахолятся к югу от г. Кызыл-Орда в районе р. Сыр-Дарьи) и Янгикент (развалины этого города расположены к югу от г. Казалинска в низовьях Сыр-Дарьи), третья группа под командованием Улак нойона и Сюкетю-черби выступила к югу от Отрара на г. Ходжент (соврем. г. Ленинабад) и Бенакент (или Фенакент, его развалины в долине реки Гижиген, на правом берегу р. Сыр-Дарын), Эти три группы армий Чингис-хана таким образом наступали в центре на Отрар и на север от него (войска Чжочи) и к югу от него (войска Улак нойона и Сюкстю-черби). Четвертая группировка войск, которой командовал сам Чингис-хан, а также его полководцы Чжебе и Субетай, двигалась на города Бухару и Самарканд, Захват этих городов считался в ходе кампании главной задачей.

Осада г. Отрара длилась с сентября 1219 по февраль 1220 г. Город был хорошо укреплен, обороной руководил Гейдар-хан (Каяр-хан) и Инал, присланный со вспомогательным войском от хорезмшаха Карача-хан. После пяти мссяцев осалы Карача-хан вышел из крепости со своими людьми и сдался монголам. Все сдавшнеся тут же на месте были изрублены монголами, был казнен и Карача (Караджи-хан) «за измену своему господниу», что в холе завоевательных войн монголов, как правильно замечает 3. М. Буниятов, «было уже нетипично». Через некоторое время после измены Карача-Хана МОНГОЛЫ «ВЗЯЛИ ГОРОД, ВЫГНАЛИ ВОН ИЗ ГОРОДА, как стало овен, всех людей, и все, что имелось налицо, разграбили». Инал-хан с 20 тысячами воннов еще месяц сражался во внутреннем укреплении города -- цитадели. Пол конец он остался в живых почти один, был загнан на крышу, но и оттуда прододжал бросать в монголов кирпичи. Его сташили винз, а затем жестоко казнили. По сведениям Насави. Чингис «велел привести к нему Инал-хана, затем приказал расплавить серебро и влить ему в уши и глаза». Город Отрар был разрушен:монголы «крепостную стену и крепость превратили в прах» (Рашид-ад-дин). Большинство населения города было истреблено, оставленных в живых, преимущественно ремесленников, отправили в полон. В феврале 1220 г. армия Чингис-хана подошла к Бухаре, 7 февраля началась осада Бухары, про который говорили: «купола ислама в восточных странах и город мира этих стран, мать всех городов мусульман». Три дня длился приступ под прикрытием местных жителей и жителей Отрара, пригнанных под стены Бухары. Через три дня гарнизон решил «силой решимости заменить позор поражения». Они вышли из города и в бою временно потеснили монголов, затем они прорвали кольцо осады и стали уходить от города. Однако выход их за стены города оказался роковым. Монголы быстро организовали преследование и уничтожили почти всех, кто покинул Бухару, только немногим удалось переправиться через Аму-Дарью. 10 февраля монголы вступили в Бухару. Цитадель Бухары, которую обороняли всего 400 человек, держалась еще 12 дней. Монголы заставили жителей Бухары засыпать ров цитадели и помогать им

в осале.

«Победили их неверные и ворвались в цитадель. Бывшие в ней мусульмане бились с ними до тех пор, пока не были истреблены все до последнего. Управившись с крепостью, он (Чингис-хан) приказал составить себе список главных лиц города и их старшин, Сделали это, и когда ему представили список, то он приказал привести их к себе. Явились они, и он сказал: «Требую от вас серебро, которое вам продал хорезмшах, ведь оно принадлежит мне, отобрано у моих сторонников и находится у вас». Представил ему всякий сколько у кого было этого серебра. Затем он велел им выйти из города, и они вышли из города, лишившись своего имущества; ни у одного из них не осталось ничего, кроме платья, которое было на нем. Вошли неверные в город, ограбили его и убили, кого нашли в нем. Он (Чингисхан) окружил мусульман и приказал своим сторониикам разделить их между собою. Они (татары) поделили их, и был этот день ужасный вследствие обилия плача мужчин, женщин и детей. Разбрелись они (жители) во все стороны и были растерзаны, как лохмотья; женщин они поделили между собою; наутро Бухара оказалась разрушенною до оснований своих, как будто ее вчера и не было» (Ибн-аль-Асир).

Мужчин погнали для осады Самарканда. По сведениям Рашид-ад-дина, монголы «умертвили больше 30 тысяч мужчин, а женщин и детей увезли с собою рабами». Ведя за собой толпы пленных, «которые шли за ними пешком в самом гнусном виде, всякий, кто уставал илн нзнемогал от ходьбы, был убнваем», монголы в марте подошлн к Самарканду. К армии Чнигиса присоедниились войска Чагатая и Огодоя, перед этим унич-

тожнвшие Отрар.

Если слача Карача-хана была ознаменована его казнью (возможно, нз особо подчеркнаемой монголами инвависти к Отрару), то появившиеся во время взятия Бухары и позже перебежчики на сторону монголов уже были обласканы. Имя стали владетель г. Кундуза Али-

ад-дин и владетель г. Балха эмир Мах Рун.

Монголы, чтобы запутать гаринзоп Самарканда численностью своих войск, выстроили пленных в ряды каждому десятку дали знами. Все видимое пространство было усенно знаменами. Но самаркандны не непутались. Он ипредприняли смелую вылазку, храбро сражались, И пали жертвой уже известной монгольской тактики ведения войны: «Сразились с имия пешие вне города; татары не переставали отступать, а городские жители преследовали их. Но неверные успели устроить им засаду, и, когда те зашли за засаду, выступнли против них и стали между иним и городом, а осталыные татары, которые первые завязали бой, вернулись, так что те очутились с вередине между иним и городские что те очутились в средние между иним и. Пр. их меч со всех сторон, и не уцелел ин один из них, а погибли все до последнего мученниками — да смилуется над имин Аллах; было их, как говорят, 70 тысяч» (Иби-аль-Аснр).

Неудачной оказалась и вторая вылазка, хотя на

этот раз в бой былн введены боевые слоны.

К Чнигис-хану явилась делегация горожан по главе с духовным главой кади города, шейх-ал-исламом, для переговоров о капитуляции. 17 марта 1220 г. город был городской стень и [...] сравияли их с дорогой. Женщии и мужчин сотнями выгоизли в степь в сопровождении моиголов. Через глашатаев объявили: «Да прольется безнаказанно кровь каждого живого существа, которое спрячется!» И монголы, которые были заняты грабежом, перебили множество лодей, которых онн нашли сирятавшиниех по разным норам».

Как и в других городах, циталёль Самарканда держалась еще некоторое время. Под конец, уже не в силах обороняться, тысяча человек заперлась в соборной мечети. Здесь они и были перебиты, а мечеть сожжена. ЗО тысяч торьских воинов, которые сдались Чингису

виачале вместе с жителями города и были якобы приняты им на службу, после падения цитадели тоже были унитожены монголами. Зо тысяч самаркандских ремеслеников были роздавы сыновьям и родственникам чингиса. Оставшиеся в живых жители Самарканда «за свои души» обязаны были выплатить 200 тыс. динаров. Но так как и после монголы не раз уводили оставленных в живых самаркандиев, то «мало кто спасс», вследствие этого та страна совершенно обезлюдела» (Рашидадлян).

Корпус под командованием Чжочи завоевывал области, лежащие вния по течению Сыр-Дарыв. Вызчале монголы подошли к городу Сыгнаку (развалины его нажодятся у Тюмень-ариям, Казаскежа ССР) и направили сыгнакцам посла с предложением сдаться. Сыгнакцы посла убили и сражались с монголаям до последнего, Когда же город был взят, то «заперев врата прощения и синсодительности», монголы убили всех, мстя

за одного человека» (Рашид-ад-дин).

В апреле 1220 г. Чжочи подошел к Дженду, Кутлуган, наместник и правитель города, бросил Дженд и ушел в Хорезм. 21 апреля Дженд был взят монголами без боя. Так как Дженд практически не сопротивлялся, жителям его была дарована пошада— монголы продержали их деяять суток в степи, а сами в это время разграбили город долла. Бенакент обороняли тюрки-канглы. Город сдался после трех дней осады. Часть воинов гариизона монголы убили, жителей выгнали из города, ремесленников и мастеров угнали в плем

Монгольский метол веления войны в Средней Азии (использование местного населения при осаде городов) получил название хашар. При осале Холжента монголов было 20 тыс., а численность хашара составила 50 тыс. человек. Во время защиты города отличился Дамир-Малик. Он укрепился на острове посреди Сыр-Дарьи, остров был недосягаем для монгольских стрел и камней из катапульт. Монголы согнали тысячи люлей и заставили их таскать камни с гор, чтобы запрудить реку. Дамир-Малик обил войлоком, пропитанным уксусом, 12 барж, обмазал войлок глиной, отчего баржи стало невозможно поджечь, и каждую ночь совершал вылазки, разрушая плотину, наведенную за день. Нехватка продовольствия и оружия вынудила Дамир-Малика на 70 лодках двинуться вниз по течению реки. Монголы преследовали его флотилию по обеим берегам реки. В Бенакенте они перегородили Сыр-Дарью железной цепью, но воины Дамир-Малика прорвали цепь. Лишь поставив на лодки и плоты катапульты, монголы вынудили героев выйти на берег. Здесь они почти все были перебиты. Дамир-Малику удалось вырваться из окружения. Его преследовали трое монголов. Он смертелью ранил одного, а двум другим крикнул: «У меня осталось две стрелы. Мие жаль их трогать, но их достаточно для вас обоих. Лучше вам повернуть назад и таким образом спасти ваши мизин». Понял его монголы наи нет, но они отступили. Дамир-Малик добрался до Гурганджа и присоединился к защитникам города.

Миогие города сдавались добровольню. Но и это отнюдь не всегда гарантировало безопасность и доброе отношение. По пути на Бухару Чингис-хану добровольно сдался г. Зариук. Тем не менее жителей выгнали из города, а интадель города разрушили, в всю молодежь угнали в хашар. Добровольно сдался монголям небольшой город Нур-и Бухара. 600 молодых горожам было

забрано в хашар.

К концу апреля, еза короткий период (всего за сто е небольшим дней) Чингис-хану удалось без особых усилий сокрушить могущественное государство хорезмшахов: самые мощиые укрепления были взяты или разрушены, заквачены самые населенные города, разгромлена по частям самая многочисленная и хорошо вооруженная двия того времения,— пишет 3. М. Буниятов.

Чингис-кан повелел Чжебе и Суботаю «днем и ночью преследовать хореэмивах, скватить и доставить к нему». Хорезмивах форсировал Аму-Дарью, забрав и затопив в реке привезенную из г. Кермана свою казну, в которой только золота было 70 выкова, Хорезмишах при-

был в Хорасан, но не остановился там.

«И случилось так, что Чингиз-хан отрадил для похода на Хорасан своего эятя Тогачар-нойона и эмира из своих начальников по имени Беркей-нойона и десятью тысячами всадников, чтобы они разграбиля, сожтли страну, высосали мозг из ее костей и кровь ее жил и оставили лишь остатки и последние искры жизни» (Нисвви).

«Как черная ночь», — рассказывает Нисави, — напали монголы на город Наса в Хорасане. Пятнадцать дней штурмовали город, гоня пленных впереди себя его стенам. В стене была пробита брешь и ночью мон-

голы овладели стенами города.

«А когда настал день, татары спустились к ним со стены и погнали их на открытое место за салами... булто стадо овец, которое сгоняют пастухи. Татары не протянули своих рук к добыче и грабежу, пока не собрали их с детьми и женщинами на этом общирном пространстве. Вопли разрывали покровы небес, и крики наполняли воздух. Затем они приказали людям крепко связать друг друга, и те покорно исполнили это. Между тем, если бы они не сделали этого, а разбежались бы, стремясь к спасению и бежали даже без боя ведь горы близко - то большинство их спаслось бы. И вот когда они связали друг друга, татары подошли к ним с луками, бросали их на землю и накормили земных зверей и птиц небесных. И сколько было пролитой крови, изнасилованных женщин, детей, убитых и брошенных у груди своих матерей! Количество убитых из числа жителей Насы и тех, кто находился здесь из чужестранцев... было семьдесят тысяч. А ведь это был всего лишь один из округов Хорасана».

Насави отмечает, что всюду обстоятельства завоеваняя были «похожи друг на друга: повсюду смерть, везде разрушения», во взятых городах не оставалось никого, кто «мог бы развести огонь или жить в доме. И

овладел душами страх».

Хорезмшах сбежал из Хорасана. На пути в Ирак его пытались убить родственники матери, может быть, они надеялись тем самым остановить или приостановить войну. Ведь всюду, куда прибывал беглец, загоралась земля. Покушение не удалось, 18 апреля 120 г. хо-

резмшах прибыл в Нишапур.

Нишапур был также я́зят монголами и сравнен с землей. Монголы «приказали пленими сравнять его лопатами, пока земля не стала здесь ровной, без комьев и камней, и всадник, играя в мяч, не мог бы споткнуться. Большая часть населения города погибля под землей, так как они до этого устроили подвалы и подземные ходы, полагая, что они там могут удержаться» (Насави).

Монгольские кони буквально висели на хвостах у коней воинов хорезмшаха. В горах хорезмшах спрятал 10 сундуков с драгоценными камнями, они достались

монголам.

И вот отряд хорезмшаха вышел к южным берегам Каспийского моря. Здесь хорезмшах укрылся на острове Ашур-Ада, неподалеку от устья реки Гурган и порта

Абаскун. Его мать Теркен-хатун попала в плен. Наследником престола был объявлен Джелал-ад-дин. При

этом хорезмшах сказал:

 Узы власти порвались, устои державы ослаблены и разрушены. Стало ясно, какие цели у этого врага: его когти и зубы кренко вценились в страну. Отомстить за меня может лишь мой сын Манкбурны. И вот я назначаю его наследником престола.

А в декабре 1220 г. хорезмшах скончался. Его похоронили на том же острове, и, как свидетельствует историк, у бывшего владыки запада «не было даже савана, в который его можно было бы завернуть».

Позже, поскольку монголы не шадили, а выкапывали и сжигали останки своих врагов, Джелал-ад-дин перевез прах отца в крепость Ардахи. Когда же эта крепость была взята монголами, они таки вырыли останки корезмишах на земли, а свезли их в Монголию, где и

(уже во время правления Огодая) сожглн.

Сам Чингис-хан лего 1220 г. провел в районе г. Несефа. Осенью его войска подошли к Термезу, Монголы предложили жителям Термеза сдаться и самим разрушить цитадель. Взятие внугригородских укревлений в других городах стоило монголам большой кровы. «Получив отказ, Чингис начал штурм и на одиннадцатый день взял город. Монголы выгивани всех людей одновременно в степь и, по своему обыкновению, разделив между войском, всех неребили».

Двигаясь дальше (по территории современной Кулясской области, Таджикская ССР), Чингие «закавтил те места. Он стер их с лица земли, грабя и избивая потоловно население, разрушая и предвава все отною (Рашида-ад-дин). Зиму 1220—1221 гг. он провел на берегах Аму-Дары. Одновременно высланные им отряды осадили столицу государства хорезмицаха Мухаммеда г. Ургенч (Тургандж). Чингие-хан постала к Геркен-хутун, матери хорезмицаха, хаджиба Данишманда с письмом: «Тебе известно, как неблагодарно поступил твой син в отношения твоих прав*. Вот теперь в согласии с некоторыми из его эмиров я выступаю против него, по я не стану нападать на то, чем владеещь ты. Если ты примешь это, то пришли ко мие кого-инбудь, каты примешь это, то пришли ко мие кого-инбудь, затем подтвердит тебе, что я верен своему слову, а затем

^{*} Намек на хорошо известные противоречия между хорезмшахом и его матерью.

тебе будут отданы Хорезм, Хорасан н то, что соседст-

вует с ними по ту сторону Джейхуна».

Теркен-катун на сделку с Чинтиом не пошла, она пыталась уйти, но попала в плен в крепости Илан, осада которой длилась четыре месяна. С ней были дети и жены хорезмшаха. Дети хорезмшаха были перебиты, а ето жены отданы блияким Чингис-хапа. Теркен-хатун отправили в ставку Чингис-хапа. Перед тем, как Чингис покинул Среднюю Азию, Теркен-хатун и женам хорезмшаха было приказано выйти вперед и громко оплакивать государство хорезмшаха, пока мингольские войска не пройдут перед ними». Теркен-хатун увезли в Монголию, где она жила в хапской ставке, питаясь объедками с ханского стола. Скончалась Теркен-хатун в 1233 г. уже после смерти Чингис-хана.

Осада г. Ургенча длилась семь месяцев. Не хватало камией для катапульт и монголы использовалы вымоченные в воде кругляши, выточеные в тутовых деревьев. Осада заятилулась благодаря вновь вспыхиувшему соперничеству между Чжочи и Чататаем. Чингис переподчиння все войска одному Огодою и дело пошауспешнее. Когда город был взят, сто тысяч ремесленников из столицы хорезмшаха было отправлено в Монтолню. По данным Ибн-Асира, в Ургенче «монголы переблян всех, находившихся в нем, н ограбили все, что в нем было. На каждого из 50 тысь, омогольсь по 24 убитых жителя Ургенча. Избиение сопровождалось унизительными надревательствами.

Вот жуткие документальные свидетельства. «Монтолы приказали пленным женщинам Гурганджа раздеться доната, разбили их на две группы и приказали
«Женщины вашего города — прекрасные кулачные бойцы. Поэтому приказываем, чтобы обе стороны начали
между собой кулачный бой». И несчастные женщины
Турганджа набросились друг на друга. Потечнившиеь
этим тпусным эрелящем, монголы изрубили весх выживших женщины (Джузджани). Иютом онн открыли
плогину, которою удерживалась вода Джейхуна (АмуДары) от города: тораа вода кланиула в него н затопила весь город; строения разрушились, и место их
заняла вода. Из жителей его положительно ни один не
уцелел, тогда как в других местах некоторым удалось
спастные; на инх кто спритался, кто бежал, кто вышел
да потом спасся, кто сам ложился среди убитых и потом уходил; в Хорезме же тех, кто спрятался кот готатар,

или затопила вода, или убили развалины. И превратилось все в груды и волны» (Иби-аль-Асир). По словам Джувейни, Ургенч (Гургандж) «превратился в место пребывания шакалов и убежище сов и воронов».

Весной 1221 г. Чингис с армией форсировал Амударью и заиля Балх, Легом и осенью 1221 г. пали города Термез, Заузан, Мера, Нишапур и Герат. На сторону монголов перешли двоюродный брат хорезмшаха Амин-ал-Мульк и ряд других эмиров хорезмшаха. Борьбу с монголами на территории Восточного и Северного Прана возглавил Джелал-ал-длин, который у Насы впервые разгромил монгольский отряд в 700 всадинков и «впервые мусульманский меч обагрился кровью монголов». В битве около Кандагара Джелал-ал-длину удалось нанести новое, уже более существенное поражение монголам. Мусульманские авторы высоко оценили победуто помогло местному населеннов выйти из того глубого шока и страха, в котором оно пребывало, а монголов заставило быть более осторожными.

Монголы полагали, что «враг способен лишь бежать от них, полобно газели, что никто не собирается нападать, что копья сопротивления притуплены и некому разить ими. И когда вдруг увидели эти копья, которые жаждут их горла и стремятся достать их сердца, онн оседлали коной бетства», и «стали мясом для острых межей и пищей для хромых орловь. В Газие Джелал-ад-дин собрал армию в 130 тыс. чел. и разгромил монголов у крепости Валиян. Чинте выслал против него три тымы под командованием Шиги-Хутукту. Протившим соцились у Первана, близ истоков реки Лугар, притока Кабула, и Джелал-ад-дин нанее монголам сокрушительное поражение, унитуахив почти весь кор-

пус Шпги-Хутукту.

«Оседлав кой и ненависти, Джелал-ал-дин отсекал мечами концы шейных вен, отделял плечи от места, где оби сходятся. А как же иначе? Ведь они причинили большие страдания ему, его братьям и отцу, его государству, его родие и приближенным. Известие о победе вызвало восстания в ряде завоеванных монголами городов. Чингис-хвя инчно выступил против Джелал-ал-дина. Однако эффект от победы был сильно ослаблен тем, что восиачальники Джелал-ал-дина поссоризинсь из-за дележа добычи. Джелал-ал-дин не смог воспрепятствовать тому, чтобы монголы перешли через переваля 1 инидукуша. При осаде города Баммана был убит стре-

лой сын Чагатая, любимый виук Чингис-кана Мутуген. Когла крепость была взята, Чингис приказал, «чтобы убивали всякое живое существо из любого рода людей и любой породы коктины, диких животных и птиц, пе брали ни одного пленного и никакой добычи и превратили бы город в пустыны и впредь не восстанавливали», чтобы ени одно живое создание в нем не обитало». Приказ его был добросовестно выполнен, и это место сисе долго называлось Мобалык — Дурной город. Осенью 1221 г. Чингис-кана заявля Гавич.

Джелал-аддии к этому времени уже покинул город, монголы догнали его уже у Гардиза, но оп разбил отряд преследователей и ушел. Решающее сражение произошло 24 ноября 1221 г. на берегу реки Инд. Войска Джелал-аддина были разгромлены, он сам (утолив в реке весь свой гарем) с четырымя тысячами воннов переке весь свой гарем) с четырымя тысячами воннов пе-

реплыл Инд и ушел.

Есть предание, что Чингис-хан запретил его преследовать, сказав: «Только такой сын должен быть у отца. Раз он сумел выйти невредимым из такой пучины на берег спасения, от него проистекут множество денний и бесчисленные смуты». Монголы в Индии дальше города Мултана не пошли. В 1222 г. отряды Чингис-хана ище штурмовали и брали укрепления в окрестных горах, но воины уже чувствовали усталость — пора бы домой... Чингие располагался к югу от Гиндумуша. Отсода он решил вернуться домой: произошли важные события на Востоке.

«Чипгис-хан,— сообщает Джувейни, решил возвратиться в Монголию из Пешвавра к себе домой; и причиной для столь поспешного его возвращения было то, что китаи и тангуты, воспользовавшись его отсутствием, производили беспокойства и вызывали между подчиненными смугу и мятежи». То же подтверждает и Рашидал-дин: «Чингис-хан привел в исполнение свое намеренее верыться к своему коренному становищу и древнему своему юргу, Причиной поспешности в этом деле было известне о восстании жителей Тангута, которые вследствие продолжительности времени его отсутствия стали колеблющимися в помыслах». Пока Чингис-хан воевал, Монголией правил его младший брат Темуте. Осенью 122г. Чингис-кам в вить.

Джелал-ад-дин, загнанный в Индию, провел в Северо-западной Индии около двух лет, где воевал с местными раджами. Затем через Керман, Шираз, Исфаган он возвращается из запад. Вместе со своим братом Пир-шахом он пытается организовать сопротивление монголам. В одном из писем Джелал-ал-дии прямо сказа, что халиф является причиной гибели мусульмы, гибели моего отца и вторжения неверных в страны ислама». Поэтому в 1225 г. он в Ираке штурмует Багдад, как полагает 3. М. Буниятов, в отместку за тайную связь халифа с моиголами. Затем он войет лабрий страна, в торму примеры: взяв в марте 1225 г. г. Дакуку, он «перебил жителей, разгромил и сжег город, разрушил стены», взяв 9 марта 1226 г. Тифлис, он опустошает Гручно.

По середины 1231 г. он — правитель Азербайджана, Ширвана и Грузии. Ревани в войне с монголами был одной из целей его жизии. В то время, когда Чингисхан завершал свой путь на территории Си Ся, Джелалад-лии 5 сентября 1227 г. нанес поражение монголам v Исфагана. Где-то в 1229—1230 гг. он получил письмо от своей сестры Хан-Султан, отданной в свое время в жены Чжочи. Она писала, что по ее сведениям, монголы не прочь примириться с иим, сделав границу размежевания владений по реке Джейхун. Однако сестра писала: «Если ты найдень силы противостоять им, отом« сти, сражайся с ними. Если одолеешь, то поступишь, как захочещь. Если иет, пользуйся случаем примирить. ся, пока они этого хотят». Кажется, это письмо и предложение о мире осгались со стороны Джелал-ад-дина без ответа.

Против Джелал-ад-дина сложилась коалишия влаатетей Малой Азин, Сирии и Северной Мессопотамин. Ее глава Кенийский султан Ала-од-дин с союзниками разгромил Джелал-ад-дина 10 августа 1230 г. и по сведениям Ибн-аль-Асгра, «послал к монголам сообщение о слабости Джелал-ад-дина и его бетстве и стал торопить их идти против него, слабого, гарантируя им победу». В итоге в 1230—1231 гг. монголы вторглись в

Азербайджан и быстро захватили страну.

Последней попыткой Джелал-ад-дина бороться с монголами было обращение к соседним мусульманским владетелям начать с монголами совместную борьбу, «Их остановят,— писал он,— только совместные усилия всей общимы мусульман и полное согласие». Вскоре всеми покинутый и преследуемый Джелал-ад-дин где-то между 17—20 августа был убит курдом.

Мусульманские историки, миого писавшие о Джелал-ад-дине, видели в ием борпа против моиголов, человека храброго, ио ие сумевшего перешагнуть через смуты междоусобиц и жестокости и, тем самым, в извсстной мере, открывшим даже дорогу моиголам к завосванию страи ислама.

«Он был смуглым, небольшого роста, тюрком по реци, ио говорил также и по-переписки. Что касается его храбрости, то это был лев среди львов и самый отважный среди веаликов-смельчаков. Он был крот-ким, не сердился и не бранился. Он был сръезец, никогда не смеялся, а только улыбался и был иемного-словен. Он любил справедливость, одиако время смуты, с которой он встретился, восторжествовало над ним, измения его характер. Он любил облечать жизыв подданных, но правил в период упадка и нотому прибегал к насилиют (Нисави).

Ибн-Васил считал, что именно войско Джелал-алдина стало спреградой между нами и монголами». Но Джелал-ал-дли «чинил несправедливости, враждовал с соседями, вел себя предательски и вызывал иедовольство. Это привело к его гибели и гибели его войска. А затем последовало нашествие монголов и их победа над странами ислама. Если Аллах пожелает чест-инбудь.

то он подготавливает и причины».

Иби-аль-Асир полагал, что из-за того, что Джелалад-дии враждовал с соседями, «они покинули его и ие протянули ему руку помощи».

Надо сказать еще о действиях корпуса Субетая и Чжебе, преследовавших хорезмишаха. Не заполучив его, эта, армия вторглась в Азербайджан. Взяв и разорив в течение 1221 г. крупиейшие города Азербайджана, включая Нахичевань, монголы перешли границы Грузин и в 1222 г. в долине Котмана изнесли поражение грузинской армин. Покимув Грузию, они штурмом овладели Шемахой, миновали Дербент и в пределах Северного Кавказа поодниочее разбили половцев и аланов (осетии). Преследуя разгромленных половцев, Чжебе и Субетай причеркоморскими степями дошли до Крыма, гле взяли и разграбили Судак. Половцы собрали новые силы во главе с ханом Юрием Кончаковичем, но мондо Диепра. Тогда половцы обратилнсь за помощью к русским князьям. Часть князей со своими полками откликиулась на призыв, справедливо решив, что «aule мы им не поможем, и предвдутся половцы татарам, то тягче ны будсть.

Пришли князь кневский Мстислав Романович, князь князь-ский и черниновский Сстислав, князь смоленский Владимир Рюрикович, князь курский Олег. Чжебе и Субетай не хотели сражения с русскими и отправили к ним посла с запросом; «пошто хощете на ны итти,

кровь пролияти?» — Посла убили.

31 мая 1223 г. в сражении на реке Калке монголы разгромили объединенные слаы половцев и русских князей, устроив после победы пир на телах плененных князей. После этого они двинулись вверх по Динеру, но не дойля до города Перекславля, повернули на восток и через степи нынешнего Казахстана вернулись в Монголию, куда уже возвращался и Чингис-хан из западного похода. Как и везде, где воевали монголы, поведение русских князей отражкало типичное «пеодиначество» (гермин акад. Б. А. Рыбакова).

«Битва на Калке происходила далеко от Руси... победители скоро ушли, а русские киязья о них забыли, урок не дал результатов. Грустно листать летописи за годы 1224—1236, Кияжеская вркушка, видавиа связанная с восточными купцами, как будто ничего не знаето победах над Китаем и о завоевании Чинтис-ханом Средней Азии, о кровопролитных сражениях в Закавказье, о том, что грозная и могучая сила уже пододантается к близким землям. Киязья по-прежнему враждуют между собой... Разрабатывать стратегные общероской обо-

роны некому».

На востоке события шли своим чередом. В 1221 г. Мухаяли обратился к тангутам за разрешением провести свои войска через территорию Си Ся для нападения на чакурчжэней. Іангуты пропустили монголов. Более того, тангутский государь выслал 50-тысячный корпус в помощь Мухали, так как тангуты все еще находились в сестоящии войны с Цзинь. Овладев рядом чакурчжэньских городов, монголы оставили в главном из них на тангутско-чжурчжэнской границе свой гаринзон. Эти спуталот апытутов, так как монгольские войска оказались

Изображено художником Ильей Глазуновым в углу картины «Тысячелетне Руси».

в их тылу. Тангутский посол Мипу прибыл к Мухали и потребовал объяснений. Во время приема встал вопрос о церемониале, Мухали заявил Мипу:

- Ты смотришь снизу вверх на своего государя, твой государь - на моего государя - вот таков цере-

мониал!

Он потребовал, чтобы Мипу встал перед ним на колени. Однако Мипу отказался:

Я не могу совершить коленопреклонение, не по-

лучив на то приказа.

Посол уехал, и тангутские войска покинули монгольский лагерь. Мухали напал на соседний с Си Ся город Янъань. Тангуты смирились, подарили Мухали коня, и их посол встал перед ним на колени.

Может быть, это побудило Чингис-хана тронуться в обратный путь? Во всяком случае, не раскаяние в массовых убийствах. Интересная версия на этот счет дается в жизнеописании киданя Елюй Чу-цая, сыгравшего важную роль при монгольском дворе, есть такая версия. «По прибытии (его величества) к горному проходу Темэнь (Железные ворота) в Восточной Индии, его телохранитель увидел зверя, похожего по виду на оленя, но с конским хвостом, зеленой масти и с одним рогом, умевшего произносить человеческие слова и сказавшего ему: «Пусть твой государь скоро возвращается к себе!» Его величество, удивившись, спросил его превосходительство (Чингис-хан Елюй Чу-цая — Е. К.) который сказал ему: «Этот зверь называется цзюелуань, он способен пробежать восемнадцать тысяч ли в день и понимает языки всех племен. Он - символ отвращения к убийствам, Всевышнее Небо прислало его предостеречь. Ваше величество, внемлите воле Неба и пощадите жизнь народам этих стран! Это действительно принесет Вашему величеству бесконечное счастье! «В тот же день его величество приказал войскам выступить в обратный путь». Текст характерен представлением современников о том, что даже Небо возопило, увидав те моря крови, которые пролили армии Чингис-хана. И кто знает, может, люди Елюй Чу-цая и он сам решились разыграть с Чингис-ханом подобную шутку.

Первоначально Чингис думал пройти обратно через Индию, Гималайи и Тибет и выйти к южным границам тангутского государства. Рашид-ад-дин сообщает, что он уже прошел несколько остановок по намеченному пути. когда «пришло известие, что тангуты восстали». Тогда он прииял другое решение — вернуться тем же путем, что и пришел. В начале марта он прибыл из Пешавара

в Кабул, прожил лето в горах, переправился через Аму-Дарью и провел зиму 1222—1223 гг. в районе Самарканда. Вот тогда-то Чингис-хан и устроил нечто вроде парада победы, на потеху победителям, заставив мать хорежишах и его жен оплавивать погибиее госу-

арство.

Тамбис полагал, что веску 1223 г. Чингис-хан провел в районе Куран-Баши к северу от гор Александра, гле был курнатай, о котором нам ничего невзвестно. Легом 1223 г. он находился в степях Таласа и Чу, загаче орда двинулась на северо-восток и все лего 1224 г. Чингие Эмила и, наконец, отгуда прибил в Монголию. Чингис в долиние Эмила и, наконец, отгуда прибил в Монголию. Чингис-хан останил. Среднюю Азию и Иран опустошенными и разоренными. Шестьсог лет, по подсечтам ученых, потребовалось на восстановлене того, что было разрушено за три-четыре гола. «Можно лишь сказать с уверенностью, что экономика обеих этих страи,—писал И. П. Петрушеский, —и поздиес, до начала XIX в., никогда не достигала того уровня, на каком она находилась в начале XIII в.,

А приближенные Чингис-кана заявляли: «Мы (...) радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили снлы наши и вот мы сокрушили сартаульский парод». Возможно, курилтай 1223 г. подвел итоги войны на западе, Западный поход Чингис-хана, так же, как и восточный поход на Цзинь, закончился победоносно, разгромом главных сил врага, но далеко не полным завоеванием края. Война продолжалась в Китае, в Иране и Ираке, аппетит возрос, монголы уже мыслили масштабно. Стредки Хонхай, Хонтохор и Чормахан заявляли.

— А ведь у нас веголу враг от заката солнца и до восхода его! Оченцию, так мыслил и сам Чингис, так мыслили приближенные его, стремившиеся к сокрушению этого «врага», ограблению и подчинению весто доступного мира, «от заката солнца и; до восхода его».

С возвращением Чингис-хвиа в Монголию «Тайная история» связывает назвачение наместинков в основных городах и областях завоеванных земель. Эти наместник ки, дарухачи, веси учет нассления, собирали с него подати и набирали войска из местных жителей, следили за работой почтовой ямской службы и ведали доставкой в хавскую орду дани. Маскут Хурумиш был назначен даручахи Средней Азии, а Яловач-дарухачи в <mark>Пе-</mark> кине. Правителем Хорезма был оставлен Чжочи. Остальные сыновья Чингиса возвратились вместе с ним

в Монголию

Чингис-хан вериулся на родину, туда, где текли родние ему реки «голубой Керулен», «золотой Опон» не
для поком, а для исполнения своего замысла, ставшего
последним — низвержения непокорного тангутского государства, «Мягеж» тангутов подтверждается и «Юань
ши»: «Тай пзу находился в Западном крае. Государь
государства Ся Ли ван тайно заключил союз о помощи
извие, вынашивая планы отложиться». Вопрос был в
том, кто мог оказать помощь извие? Были ли это чжур«Жэни, с которыми, нажопец, замирились тангуты. Или,
что хуже, кто-то из Монголии? И чтобы думать так, у
Чингис-хана имелись некоторые основания.

СМЕРТЬ ЧИНГИС-ХАНА

Есть средства хранить свою жизиь, ио иет лекарства бессмертия

Чан Чинь. Си ю изи

Чингис-хви был не молод, когда в 1219 г. выступил, в похол на запад. Его путь к славе был по горам трупов в Монголии, тангутском государстве, Северном Китае, он не мог не думать о жизни и смерти. Он видел, как легко обрывается человеческая жизвы, и хотел найти способ продлить собственную, а то и познать тайну бессмертия. Еще в Северном Китае он слышал, что этой тайной владеют даосы». Вольшой славой при Чингис-хане пользовался даосекий монах Чан Чунь (Цю Чунзи), Чингие слышал о Чан Чуне и, находясь в западном походе, с берегов Иртыша вызвал его к себе.

чтобы воспользоваться секретами даосов и узнать тайну достижения бессмертия. Чан Чунь согласился прибыть в ставку Чингис-хана. Мудрец и поэт, даосский мо-

Даосими, одна из редигий в Китае. Соеднияя в себе элемента философского долосима древнего Китая, истолжованием мистически, с элементами свымых различных народных верований, культом мигни и цизамиства, столь характерными для Восточной Азим. Даосмат ругом долосим притом долосим долосим

нах надеялся повлиять на грозного хана и уменьшить кровопролитие. По дороге к Чингису он писал:

Я иду к местопребыванню государя, что на вершинах реки, Для того, чтобы прекра ыть войну и возвратить мир!

Оба они ошибались — и кровавый завоеватель и мудрец, постигший тайны магии и достигший величия духа.

Каждый ждал от другого невозможного.

16 мая 1222 г. Чан Чунь прибыл к Чингис-хану, преодолев громадный путь через Северный Китай, Монголию, Восточный Туркестан и Семпречье к берегам Аму-Дарын. После обычного объена приветствиями Чан Чуню было позволено сесть, ему подали еду, и Чингисхан задал ему тот вопрос, на который страстно желал получить ответ:

— Святой муж! Ты пришел издалека, какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить меня им?

Монах ответил:

 Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия.

Ответ его был правдив и прост. Он не требовал особых истолкований, и Чингис понял, что и ему, грозному владыке Востока и Запада, уготована всеобщая участь.

Мы не знаем точно, задал ли Чан Чунь Чингису свой вопрос, но и он ясно понял, что ему надеяться не на что. Покинув ставку Чингиса, он писал:

По сторонам дороги разбросаны трупы, Прохожие зажимают носы...

Десять лет на десять тысяч лн движутся военные орудия, Но рано или поздно войска возвратятся, и водворится мир!

ЭТОМУ МОНАХУ ОСТАВЛЯСЬ ЛИШЬ НАДЕЖДА НА ТО, ЧТО СРАВНО ИЛИ ПОЭДНОЭ МИР ВОЕСТАКИ ВОДОБРИТСЯ ИВ ЗЕМЛЕ. ОН ПОИЯЛ СВОЕ БЕССИЛИЕ. ЧИНГИС-ХАН ОХОГНО БССЕДОВАТ С ИНИ ОТАЙНАХ ДУХА И УЧЕНИИ ДЗСОЕМ, НО НЕ ОТАЙНАХ ДУХА И УЧЕНИИ ДЗСОЕМ, НО НЕ ЧУНЯ ПРОСИЛИ ЗАСТУПИТЬСЯ ПЕРЕД ЧИНГИС-ХАНОМ ЗА ЖИТЕЛЕЙ ШАНЬДУНА, ОН ОТВЕТИЛ: «ХОТЯ И ЗАСТУПЛИСЬ, НИЧЕГО ИЕ СДЕЛЯЮ». НА ВСЕМ СВОЕМ ГРОМДЯНОМ ПУТИ ЧАЯ ЧУНЬ ВИ-ДЕЛ СТРЭИНИЕ РАНЫ ВОЙИМ И С ГРУСТЬЮ ПИСАЛ:

Некогда здесь роши доходили до небес, А теперь селения видиеются кое-тде. Без числа погибло живых тварей от острия меча, Сколько прекрасных жилищ обратилось в серый пепел! Чингис-хан повелел Чан Чуню поселиться вместе с учениками в любом понравившемся ему месте его вла-

дений и молиться о его полголетии.

В 1222 г. Чингис-хана навестил в Средней Азин также посол Южиой Суи, посланный к нему в 1221 г. с целью обсудить возможности союза и ведения совместных воениых действий против Цзинь. В одном из китайских источников есть краткие сведения о самом факте этого визита: «Когда в старину наш император Тайцзу выступил с войском, чтобы покарать Западный край и в год синь-сы остановился у заставы Темэньгуань, сунский владетель Нии-цзуи прислал государственного гонца Гоу Мэнюя, чтобы наладить дружбу и просить мпра. Император Тай-цзу согласился с этим, было приказано государственному курьеру Гэха проводить его обратно в его страну». В «Юань ши» сообщается, что в Средиюю Азию к Чингис-хану приезжал еще посол императора Цзинь: «Государь Цзинь послал Угусунь Чжундуаня представить государственную грамоту с просьбой о мире, Называл императора старшим братом. Не согласились на это», Император чжурчжэней просил заключить мир на условии признания своего младшего; зависимого положения («младший брат» и старший брат»), но Чингис-хан не пошел на это, имея одну цель — добить Цзииь.

В отсутствие Чингис-хана в 1220 г. в долине Орхона, там где позже разместился знаменитый буддийский монастырь Эрдэни-цзу, была основана новая ставка Чин-

гис-хана Каракорум»*.

Новая ставка Каракорум была продолжением уйгурской традиции. Уйгурское Каракорум означало «черные обломки». По преданию, в районе Каракорума мойполы вначале поставили двадцать юрт и учредили здесь свою столицу. Поэтому есть толкование названия Каракорум как «хорин гэр» — «чреные камии». Древнее городище у горы Малакитэ привискало и ране виимание. В XII в здесь была ставка кереитского хана, Тахай-балтас. Впоследствии здесь выстроили городище, в центре которого был поставлен желтый походдище, в центре которого был поставлен желтый поход-

Как читатель помнит, прежиня ставка была в излучине среднего течения Керулена, в местности Кодэ-Арал. Здесь были могилы предков, капище для поклонения им, и рядом кочевали четыре ставки дана, управляемые его женами. Возможно, именно здесь был первый оседый дворец Инпитслана.

ный шатер Чингис-хана. Полагают, что первоначально столица Чингис-хана была размером 400×400 м, позднее она разрослась до крупного города.

Где остановился Чингис-хан по возвращении в Монголию, сказать трудно. В «Юань ши» просто сказано «весной, в первом месяце возвратился в походную

ставку».

По сведениям Рашид-авдляна, по возвращении Чинис-хан «повелел разбить большую золотую орду», сустроить многолюдное собрание и сделать великое пиршество». Лето 1225г. сон пробыл дома и соизволил издать мудоме повеления».

Как писал позже монгольский поэт:

Земля и Небо — пара, Луна и Солице — пара, Зима и Лето — пара, Рождение и Смерть — пара.

Мы знаем, что Чингис-хан думал об этом и знаем, что оставшиеся ему лета он решил посвятить низвержению государства тангутов, в котором произошли некоторые

нежелательные для него перемены.

Под давлением сторонников активной борьбы с монголами тангутский государь Цзунь-сян отрекся от престола в пользу своего сына Дэ-вана. Дэ-ван, зная о возвращении Чингис-хана из западного похода и о его намерении уничтожить государство Си Ся, пытался принять решительные меры для укрепления обороны страны. В конце 1224 г. он добился заключения мира между тангутами и чжурчжэнями. Мухали понял опасность такого поворота событий и выслал войска для опустошения центральных районов Си Ся. Тангуты наголову разбили их. Дэ-ван понимал, что чжурчжэни ныне плохие помощники. Более половины Цзинь находилось в руках монголов. Даже заключив мир с Си Ся, чжурчжэни были вынуждены сражаться на два фронта — на севере с монголами, набеги которых не прекрашались, и на юге с китайцами - южная Сун недальновидно помогала монголам добивать своих недавних врагов и северных соседей. Когда-то китайцы помогли чжурчжэням добить киданей и потеряли половину Китая. Поддерживая монголов, они еще не знали, что вскоре потеряют весь Китай. Таким образом, Дэ-ван не мог рассчитывать и на помощь китайцев. Он предпринял смелый шаг - стал искать союзников во владениях Чингис-хана, среди племен, живущих в пустные Гоби и

Такламакан «к северу от песков», и лишь педавно под-

Это была попытка организовать военный союз в тылу армий Чиптиса, и опа в какой-то мере увенчалась услехом. Не случайно Чиптис больше всего опасался сво-их соплеменников. Армии, способной совершить большой похол в Си Ся, в Монголии не было, Узнав о лействы-ях Дэ-вана, монголы осадили западный центр тангутского государства г. Шаачжоу. Месячная осада не принесла им победы, подкопы монголов под городскую стену тангуты «забросали отнем», тем самым вынудив монголов сиять осаду.

Вернувшись домой, Чингис-хан потребовал от Дэ-вана выслать к нему в качестве заложника своего сына-Государственный Совет Си Ся обсуждал ответ монголам. Многие предлагали смириться, идти на любые уступки, чтобы не давать монголам повола для войны.

Один из сановников говорил:

— Ваше Величество, Монголы — это хищиме зверл. Лаже если они смирные и не беспокоят, все равно следует опасаться их рева. И характер их непостоянен. Своим отказом мы дадим им повод для войны, Государство Цзинь на краю гибели. Оно само не в состоянии обороияться. Разве оно сможет помочь нам? Надо отправить наследника в орду.

Он был прав. Но прав был и Дэ-ван, когда думал, что это не спасение. Спасение в решительных действиях и не только тангутов, но и их возможных союзников.

всех, пострадавших от меча Чингис-хана:

— Я только что восстановил мир с Цзинь и надеюсь совместными усилиями устоять против общего врага. Послать сейчас к ним в кабалу моего единственного

сына, а потом расканваться? Зачем спешить!

Посол Чингис-хана уехал ни с чем. Возможно, переговоры на этом не закончились. Из одното тангутского
документа мы узнаем, что в марте 1225 г. сучжоуский
управляющий пограничными делами, держатель золотой
пайцам был назначен послом и должен был проехать через город Хара-Хото, где и был найден этот подлинный
документ той эпохи в 1909 г. П. К. Козловым. Мимо
этого района, устъя реки Эдзин-Гол посольство могло
схать только в монгольские степи. Как видно, переговоры не были обналеживающими. Через некоторое врсмя
Дэ-ван принял Шылгаксан-хону, одного из сыновей найманского хана, возможно, представителя тех лемен

«к северу от песков», которые ненавидели Чпигис-хана и только еще в тангутах вилели силу способиую противостоять ему. Это уже был открытый вызов а значит.война

Осенью 1225 г. Чингис-хан, видимо, откочевывал в сторону границ Си Ся. В дороге он охотился на диких лошадей и во второй раз упал с коня и сильно расшибся.* Наутро ханша Есуй сказала царевичам и нойонам:

 У государя ночью был сильный жар. Надо обсулить положение.

Совет решил, что «тангуты — люди оседлые, : живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои городища». Поход можно времеиио отложить и возобновить его, когда Чнигис-хан поправится. Однако сам Чингис отверг этот план. Он согласился обождать какое-то время, а чтобы таигуты не подумали, что он струсил, направить к ним посла с объявлением войны. Послу он продиктовал следующее: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на сартачлов, которые нарушили условия мириого договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал мне войска, но еще и ответил лерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобой потом. Ныне, свершив сартаульский поход и с помощью Вечного Неба обратив сартуальский народ на путь правый, я возвратился и илу к тебе. Бурхан. потребовать отчета».

По преданию, когда посол в столнце Си Ся произиес эти слова, один из тапгутских генералов Аша-Гамбу

дал послу такой ответ:

 Если вы, монголы, любители войны, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючиые верблюды. Ступайте в Алашай и жалуйте ко мие, там и сразимся!

Посол уехал с вестью о том, что тангуты полны ре-

шимости драться до последнего.

На совете, обсуждавшем воевать или иет с таигутами, не было Чжочи. В свое время Чингис-хан поручил Чжочи покорить весь Лашт-и Кипчак - башкиров, русских и черкесов. Но Чжочи «уклонился от участия в

^{*} В первый раз это случилось весной 1223 года. Во время охоты он упал с коня и чуть не был убит вепрем,

этом деле и отправился к своим жилищам», за что Чингис-хан пообещал казвить его, заявив: «Я его казню, не видать ему милости». Чжочи заболел и его не было среди возвратившихся в Монголию царевичей. Чингискан несколько раз вызывал его к себе, но Чжочи не являлся, ссылаясь на болезнь. Кто-то оговорил Чжочи, собщив, что он на деле не болеет, а развъекается охотой. Чингис-хан воспринял такое известие как бунт с стороны сына: «Чжочи сощел с ума, что совершает такие поступки». И приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону» (Рашид-ад-дин).

Но поход не состоялся — скончался Чжочи. Ему было сорок лет. Есть сведения о том, что Чжочи не одобрял методов массового террора отна, по словам Джузджанию на заявил: «Чиние-хан потерял рассудок, так как губит етолько земель и народу». Есть глухие сведения о том, что Чжочи не только враждовал с братьями, особеню с Чагатаем, но даже якобы имел намерение убить отца во время охоты. Его замысел стал известен Чингис-хану

и тот приказал отравить Чжочи.

Чингис-хан недолюбливал Чжочи, родившегося после того, как Борте побывала в меркитском плену. Побудительным мотивом этих действий Чингис-хана могло быть и стремление избежать очень вероятного конфликта между Чжочи в Чагатаем после его смерти. П. Рачиевский полагает, что если даже Чингис-хан и был причастен к смерти Чжочи, го это было не столько проявлеимем личного чувства, «а скорее политические соображения: беспокойство об единстве империи».

В 1226 г. вресной в первом месяце, принимая во винмание, что Си Ся приняло его врага Илэтэсянькунь (Шилгоксан-копу), а также не прислало в заложники сана (государя), (Чингис-хан) сам лично возглавил войска и выступил в карательный поход против него. Во втором месяце взял город Хашуй и другие города»

(«Юань ши»).

Чингис, по-видимому, проболед всю зиму 1225— 1226 гг. Только весной 1226 г. монголы перешли гранину Си Ся в низовых реки Эданн-Гол. После упорных боев пал город Хэшуй (Эдэнна, Хара-Хтор). Тангуты и мекоторые союзные им племена были разгромлены и потерляи несколько десятков тысяч убитыми. Мирное мессление, веех процих тангутов», Чингис по обыкновению отдал чап поток и разграбление войскух. Так мачалась последняя война в жизын Чингиса, почти двухлетняя война, рассчитанная на полное истребление

тангутского народа.

От Хара-Хото, двигаясь вверх по течению реки Эдзин-Гол, монголы надвое рассекли территорию Си Ся и вышли в предгорья Нань-шаня. «Летом, (Чингис-хан) спасался от жары в горах Хуньчоушань, захватил Ганьчжоу и Сучжоу. Осенью захватил Силянфу, уезды Шоло и Лохэ, затем перешел Шато и дошел до Хуанхэ у Девяти переправ (Цзюду), Захватил Инли и другие уезды». («Юань ши»). Сам Чингис-хан провел лето в горах Нань-шань, в то время, как его войска совершали походы на соседние области Си Ся, В пятом месяце (28 мая -25 июня) 1226 г. монголы при захвате города Сучжоу понесли большие потери. Разгневанный упорством осажденных, Чингис-хан приказал вырезать всех жителей Сучжоу, а город — разрушить. Такая же судьба ожидала и город Ганьчжоу. Лишь слезные мольбы Чагана, тангута-тысячника в войске Чингис-хана, сына правителя Ганьчжоу, в детские годы попавшего к монголам и служившего Чингис-хану, спасли население Ганьчжоу от поголовного истребления, а город - от разрушения,

По «Юань ши» Чаган (Чакань) был сыном сановника Сн Ся от наложиним. Жена сановника невалюбила его мать и, видимо, ей с сином пришлось бежать. Чингис встретил Чаканя на охоте, ему понравилася разговор с ним, мальчик заявил, что высшими чиновниками считали тех, кто «нзучили церемоннал». Мальчик стал жить при жены девушку на кунтираток. В войнах с Цзинь дослужился до тысчиника. Он был в числе тех, кто брал Бухару и Самарканд, участвовал в преследовании Джелал-ад-дина в потому знал, что ждет город, взятый

монголами после упорного сопротивления.

Осада Ганьжиоу в жизнеописании Чаханя собрисована следующим образом: «Отец Чаханя Цзойе Целой жил в обороннощемся городе. Чахань прикрепил к стреле письмо и вызвал его. Просил показать ему его младшего брата. Брату было 13 лет. Он подиялся на городскую стену на возвышенном месте и (Чахань) увидел его. Загем послали посла в город с приказом заголя слаться. Помощник отца (Чаханя) Ачжо и другие за очел. объединялись и решили убить Цзойе Целой. При этом убили посла. Объединили все силы для обороны порода и отпора врагу, когда город был взят, импера-

тор высказал пожелание полностью срыть и на его месте оставить яму. Чахань сказал, что народ не виноват. Наказали только 36 человек».

В декабре монголы форсировали Хуанхэ и вышли в восточные районы Сн Ся. Как раз в это время скончался Дэ-ван, который пытался наладить борьбу с монголами. Новому тангутскому государю, князю Сянь, досталось трудное наследство: стотысячная тангутская армия под Линчжоу пыталась остановить продвижение монголов к столице. Подробности гранднозного сражения, в котором принимал участие лично Чингис-хап, остаются неизвестными, но его итоги были для тангутов катастрофическими, Их армия была полностью разгромлена, Линчжоу пал. Перед монгольской армней был открыт путь на столицу Си Ся.

Зимой 1226-1227 гг. пачалась последняя осада Чжунсина. В то время, как основные силы монгольской армии осаждали город, отдельные ее отряды добивали еще не занятые и неразрушенные города и селения. В одной из кнтайских летописей сообщается: «Монголы полностью покорили города и области Ся. Его жители зарывались в землю и камии, чтобы укрыться от мечей и стрел, но спаслись лишь один-два человека из ста. Белые кости

покрыли степь».

Весной и летом 1227 г. государство оказалось практически стертым с лица земли. Столица тангутов была обречена. Лишь летняя жара отсрочила ее нападение. Гнбель столицы Си Ся связана непосредственно со смертью Чингис-хана, который скончался под ее стенами. По сведениям Рашид-ад-дина, это случилось еще до падения тангутской столицы. Перед смертью Чингис-хан сказал своим приближенным:

 Вы не объявляйте о моей смерти, не рыдайте и не плачьте, чтобы враг не проведал о ней. Когда же государь и жители Тангута (столицы Си Ся) в назначенное время выйдут из городов, вы их всех сразу унич-

тожьте!

«В пятнадцатый день среднего месяца осеин года свиный, соответствующего месяцу рамазану 624 г. (29 августа 1227 г.) он покинул этот тленный мир, оставил престол, владения и государство своему именитому уругу. Эмиры согласно его приказу скрывали его кончину, пока тот народ (т.е. тангуты) не вышел из города. Тогда они перебили всех».

По данным «Юань-ши», Чингис-хан паходился в го-

рах Люпань. «Государь Ся прочно оборонял Чжунсин, Император послал Чаханя в город с приказом, в котором излагались беды и благополучия. Войско и народ (тангуты) только-только соглашались сдаться, как случалось, что скопчался император, Генералы пленил государя Ся и убили его. Снова обсуждаля вопрос, чтобы выресать все население Чжунсина, Чахань прилагал все силы и убедил не делать этого. Он лично вступил в город, услокоми и собрал оставшихся плодей».

По сведениям же «Тайной истории». Чиштис-хан лично принял прибывшего с богатыми дарами для переговоров правителя тангутов. Тангутский государь для полношения Чингис-хану сподобрал по мере, цветам и мастям вскики предметов и вещей в десятикратном числе, как то: золота с серебром, посуды с утварью, коношей и девушек, меринов с верблюдами и во главе всего этого золотые кумирни». Во время аудиенции Чинтис-хан почувствовал себя плохо. Он распорядиляся убить

государя тангутов.

Некоторые поздние монгольские летописи, например, «Шара Туджи», рассказывают о фантастическом единоборстве Чингис-хана с правителем тангутов - правитель тангутов обратился в змея, Чингис-хан в мифическую Гаруду, правитель тангутов обратился в тигра, Чингис-хан - в арслана, мифического льва, правитель тангутов - в юношу, Чингис-хан в божество Хармусту. Когда Чингис-хан пленил, наконец, правителя тангутов, тот сказал: «Если убъешь, самому тебе будет плохо». Если не убъещь, то потомству твоему потом булет плохо». Если Чингис убъет его, то погибнет сам, а если не убъет, то плохо станет чингисову потомству. Чингис-хан правителя тангутов убил и пленил его жену Гурбэлджин Гоа-хатун, Она-то и убила Чингис-хана: «Гурбэлджин Гоа-хатун к потаенному месту своему прижав щипцы, тайному месту Эдзэна (Чингис-хана - Е. К.) вред причинила. Убежав, в Хара-Мурэн (Хуанхэ) прыгнув, утопилась». Получив столь необычную и жестокую травму, Чингис-хан тяжело заболел и «на шестьдесят шестом году жизни в год огня-свиньи в двенадцатый день седьмого месяца в тангутском городе Турмэгэй Балгасун скончался». В. Груссе высчитал, что Чингис-хан умер 18 августа 1227 г.

Нарушив перемирие, монголы ворвались в столицу Си Ся. Почти все население тангутской столицы было уничтожено. Ее храмы, дворцы и библиотеки обращены в развалины, Покончив с тангутским государством, Чингіся якобы повелелі: «Так жак я вистребил тангутов до потомков их и даже до последнего раба..., то пусть напообедом». «Дважды ополчась на тангутский народ за нарушение данного слова, Чингис-хан после окончательного разгрома тангутов возвратился и взошел на небесав в год свыньы».

В первом цзюане «Юапь-ши» о его смерти рассказывается: «Осепью в 7 месяце скопчался в походном латере Халаоту у реки Саличуань. Перед смертью сказал окружающим его: «Отборные войска Цзинь находятся к югу от заставы Тунучав н опираются на горы Ляншань. С севера они защищены Великой рекой (Дахэ). Трудно подойти к ним и разбить их. Если воспользоваться дорогой через владения Сун? Сун и Цзинь давние враги и Сун обязательно разрешит (провести войска) и мы непременно разгромми их (чжурчжэней)». Сказал и умер в возрасте 66 лет. Захоронен в ущелье Цин-

яньгу»

Таким образом, по официальному жизнеописанию, Чингис-хан перед смертью думал даже не об уничтоженин уже поверженных тангутов, а о том, как добить «Император был глубоких помыслов и ниел великие «Император был глубоких помыслов и ниел великие палым. Использовал войска, как дух (божество). Потому и емог уничтожить 40 государств, а затем покорил Си Са. Свидегельства его удивительных геройских деяний многочисленны, К сожалению, в то время не готовили чиновников истографов и поэтому многое упушено и противоречиво. Это касается обстоятельств смерти Чингис-хана.

По данным «Юань-ши» и Рашид-ад-дина, Чингисхан умер от болезни, как писал позже Р. К. Дутлас, от скоротечной болезни». Абул Фарадж считает, что у Чингиса была малярия, Джувейни писал о «пездоровом климате» танитуского государства, вызвавшем болезнь. «Тайная история» полагает причиной болезни и смерти Чингис-хана падение с лошади во время хохты на куланов, когда «его коричиево-серый подиялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся». Лубсан Данзана рассказывает об обстоятельствах смерти Чингиса следующее: «в последнюю луну года красноватой свиным был закрачен Чингис-ханом Шийана», владелец народа Сп Ся, Чингис, овладев народом Си Ся, вернулся осенью. В лути он сделал остановку у река Доораду мурэна (Нижняя река), принадлежащей кокзусунским Си Ся. Хаган обессился. Прожив семь дней, на восьмой он скончался, сделав соев последнее духовное завещание. Тело его было привезено с почестями и превращено в онгон (т. е. похоронено) в районе реки Чивмя. Говорят так, но также неизвестно, где находится эта «местность». Он упоминает, что перед смертью су звгустейшего владыми случился сильный жар», сказав наставление потомкам, «на шестьдесят шестом году жизни, в двадиать второй год правления, в год красной свиньи в двенадцатый день седьмого месяца он стал тангом».

Джузджани рассказывает, что пленный император тангутов предсказал Чингис-хану смерть на третин дене своей собственной смерти. У Чингис-хана действительно из ранн лотекла кровь, как белое молоко, и он «отправился в агр. О том, что Чингис-хан умер от раны, старой раны, полученной еще в войне с Цзинь, писал Марко Поло. Плано Карпини сообщает, что Чингис-хан был о Поло. Плано Карпини сообщает, что Чингис-хан был

убит ударом молнии.

Таким образом, обстоятельства смерти Чингис-хана остаются неясными. Можно с уверенностью сказать лишь одно: он умер в начале осени (или в конце лега) 1227 г. на территории тангутского государства Си Ся сразу поста (или незалолго до) падення столицы Си Ся (чжунсин (соврем, г. Иньчуань), пленения последнего тангутского государя и унитожения тангутского государства. В Ордосе у речки Чжамхак (ил территории Автономного района, Внутренняя Монголия), теперь возвышается величественный мавзолей великого хана и установлена огромная белокаменная статуя его, считается, что именно заесь его не стало.

После смерти великого владыки, монголы, езабрав его гроб, пустлись в обратыва путь. По дороге они убивали все живое, что им попадалось, пока не доставили гроб в орды Чингиз-хаван и его детей. Все царевичи, жены и эмиры, бывшие поблизости, собрались и оплакивали покомного:

Обернувшись крылом паряшего ястреба, ты отлетел, государь мой!

Неужели ты грузом стал повозки грохочущей, государь мой?

Обернувшись крылом добычу явлатающего ястреба, ты отлетел.

Неужели ты грузом стал повозки с вертящейся осью, государь мой? Обернувшись крылом щебечущей тосударь жой! Неужели ты грузом стал повозки скрипящей, мой!

Так или примерно так оплакивали Чингис-хана.

Как сообщает Рашил-ал-лин, в Монголии есть большая гора, которую называют Бурхан-Халдун, С одного склона этой горы стекает миожество рек, по берегам их растут густые леса, «В тех местах живут племена тайчиутов. Чипгис-хан сам выбрал это место для своего погребения и повелел: «Наше место погребения и нашего уруга будет здесь». Летине и зимние кочевья Чипгиз-хана находились в тех же пределах, родился ои... в низовьях реки Онона, откуда до горы Бурхан-Халдун будет шесть дней пути... Дело обстояло так: однажды Чингис-хаи был на охоте. В одном из этих мест росло одинокое дерево. Он спешился под ним и там обред некую отраду. Он сказал: «Эта местиость полходящая для моего погребения! Пусть ее отметят!» Во время оплакивания люди, которые тогда от него слышали эти слова, повторили их. Царевичи и эмиры согласно его повелению избрали ту местиость для его могилы. Говорят, что в том же самом году, в котором его похоронили. в той степи выросло бесчисленное количество деревьев и травы. Ныне же лес так густ, что невозможно пробраться через него, а этого первого дерева и места его. Чингиз-хана, погребения совершенно не опознают».

Эту версню принвмает П. Рачневский, который заключает, что место захоромення великого хана было объявлено запретным, корит». Л. Тамбие считал, что, возможню, Чингие-хан был «похоронен с частыю своих потомков в районе, близком к истокам трех оке в Юж-

ной Моиголии».

мой Иэхэ-Утэк.

Хотя и покинула тебя милостивая душа, Все же мы вернем твой прах, подобный драгоценной яшме, Доставим его всему твоему народу...

И шевельнулась, скрипя, большая повозка

И возрадовался весь народ!

До великой ханской земли тогда его провожали... («Алтан-Тобчи»)

Одни говорят, что похоронеи ои был иа Бурхан-Халдупе. Другие — на севериом склоне Алтай-хана, или на южном склоне Кэнтэй-хана, или в местности, иазываеМарко Поло утверждал, что местом погребения Чингис-хана и прочих монгольских государей был Алтай.

«Всех великих государей, потомков Чингис-хана, звайте, хоронят в большой горе Алтай, и где бы не помер великий государь татар, хотя бы за сто дией пути до той горы, его привозят туда хоронить. И вот еще какая дижовина: когда тела великих ханов несут к той горе, всякого дней за сорок, побольше или поменьше, убивают мечом провожатые при теле да приговаривают: «Иди на тот свет служить нашему государьо?» Они воистипу верят, что убитый пойдет на тот свет служить их государь, со конями они делают тоже своме. Когда государь умирает, всех его лучших лошалей оли убивают на тот конец, чтобы они были у него на том свете».

Монголовед и тибетолог прошлого столетия Я. Шмидт, основываясь на том, что монголы не умели бальзамировать трупы, полагал, что тело Чингис-хана до Монголии не довезли, в Монголии были захоронены только какие-

то вещи, реликвии.

И уже Огодой, взойдя на престол, принес в жертву чингисханову духу сорок красивых девушек и много породистых лошадей.

В XVII в. местом погребения Чингис-хапа призпали Ихэ-Эджен-Хоро, в Ордосе, где стояли юрты, якобы с останками Чингис-хана*. В конце XIX в. эти места по-

сетил русский этнограф Г. Н. Потании...

В нарядном китайском платье, сопровождаемый двумя монголами, Григорий Николаевич пешком отправился к Ихэ-Эджен-Хоро, Вот и сама святымя, На невысокой четырехугольной насыми, облицованной кирпичатии, за проломленной деревяниюй оградой впритик стояли две юрты, и там, где они соприкасались, был устрои тайный прохол. На вортах золотием маковки, верхние войлоки, покрывающие своды юрт, вырезаны по инжией кромке фестопами в виде языков, свисающих вниз. Вместе с монголами Тригорий Николаевич трижды поклонился, встав перед растворенными дверями юрты. Входить в юрту не разрешалось. Только из техных две-

[«] К 800-легию со для рождения Чинтис-хана (отмендлось в КНР В 1962 г.) в 1956 г. на месте комплекса Имэ-Элжен-Коро был построен роскошимай храм (выкота 25 м., длонидав 2400 кв. м.). В тоды войны с Бионией святыни Имэ-Элжен-Коро были перевеная в монястиры Тумбум в сверо-мосточном Тибете (1958 г.), в 1954 году сий комплекс и место поклонения.

рей неожиданно высунулась рука с красным деревянным блюдом, на котором стояла медная вазочка с горевшим маслом. Монголы-дархаты, хранители юрты, сопровождавшие Потанина, предложили ему взять блюдо и подержать его. Затем они снова троекратно поклонились юрте и уладились.

Т. Н. Потанину удалось выяснить, что в юрге якобы находится серебряная рака с костями Чингис-хана. Каждый год в двадиать первый день третьего месяца по лунному календарю ордоские монголы усгранвают большой праздник — тайлат — в честь Чингис-хана. К юрге подвозят Донду Эджен-Хоро — Среднюю ставку Владыки, ставку первой жены хана Борге, и ставку Бага Эджен-Хоро (младшую ставку Владыки), с платем хании Гурбелджин, которая столь коварно и неожиланно погубила властелина мира. В этот день в жертву Чингис-хану приносят дошадь.

Один монгол рассказал Г. Н. Потанину, что в древности Чингис-хану приносились и человеческие жертвы. Кровожадного Чингиса смирил тибетский панчен-лама. Оставшись в юрте один на один с прахом великого хана, этот живой бог перепоясал высшее тело хана красным кушаком и сказал: «Отныне ты должен быть милосердным и не убивать живых людей! В жертву тебе должны приносить лошадей, а не людей!» Затем он запер раку тремя замками, а ключи увез с собой. С тех пор дархатъ-хоашители сами не янали, что лежит в уска-

пальнице хана.

«Юань ши» утверждает, что у Чингис-хана было 23 жены-императрицы и 16 наложниц (цз. 106). В другом месте официальной истории сказано, что жен и наложниц у Чингис-хана было более 40 (дз. 114). Жены и наложницы размещались по четырем ордам. По Рашидад-дину, у Чингис-хана жен и наложниц было около 500. Он «по старому монгольскому обычаю ... брал себе и раздавал приближенным, в частности сыновьям, жен и дочерей побежденных предводителей племен или правителей стран». Л. Гамбис считал, что только пять жен Чингис-хана имели статус императриц — Борте, Хулунь (меркитка), татарки Есуй и Есудунь, и дочь чжурчжэньского Вэй-шао вана, известная как гунчжу-хатун. По «Юань ши» у Чингис-хана было шесть сыновей: Чжочи, Чаадай, Огодой, Тулуй, Улучи, и Колецзинь, Л. Гамбис полагал, что известны восемь сыновей Чингис-хана, но трое из них умерли малолетиими.

Таков, в самых общих чертах, был жизненный путь великого хана монголов, основоположника монгольского государства, одного из величайщих завоевателей в истории человечетва, чье имя поными известно миллионам людей и давно стало наришательным. Известно, что Н. И. Бухарин называл И. В. Сталива Чингельностью и П. И. Бухарин называл И. В. Сталива Чингельном.

Нет едипого мнения о годе рождения Чингис-хана, Трудпо и по разному датируются и все основные события жизпи Темучжина примерно до 1200 г., хотя и после 1200 г. ряд событий в разных источниках датированы неодинаково. Трудпо рассчитывать на то, что эта ситуащия изменится к лучинему, ведь между тремя информативными источниками о жизни Чингис-хана («Тайная история», «Собрини летонисей» Рашпуа-да-дания и официальная история династии, основанной Чингис-ханом «СОвы ши») имеются заметные рассожиения.

личность

С кровявым сгустком В лядоми всткой — Поводырь убийц, Кормивший смертью с Острия мещ вадший мир. Работинк, Бравший твердь копьем Дикарь С петель сорвавший Пверь Евоопы

Был уролен...

Дмитрий Кедрин

Говоря об уродстве дикаря, Дмитрий Кедрии имел в виду иравственное уродство Чингис-хана, уродство прославленного массовыми убитствами и бессмысленной жестокостью монстра. Его представляют низкорослым, кривомогим кочевинком, но Чингис-хан отличался внешностью привлекательной, был рослим и сильмим и

Джузджани, который видел Чингис-хана в Хорасаве немоспрым, написал о пени «Чингис-хан отличался высоким ростом в крепким телосложением. Имел кошачыя глаза». Чжао Хун, возможио, лично не видел Чингис-хана, но составия его описание с чужих длов, его сви-

детельство столь же важио, как и свидетельство Джузджани — оба они были современниками Чингиса, Чжао Хун записал: «Что касается татарского владетеля Темучжина, то он высокого и величественного роста, с общирным лбом и длинной бородой. Личиость воинственная и сильная». Много свидетельств о внешности Чингиса оставил Рашима-да-дин.

Вот так рековструвровал образ Чингиса писатель В. Г. Ян: «...строгое темное лицо с жесткой рыжей бородой. Две седве скрученные в уэлы косы падали на широкие плечи. Из под лакированной червой шапки с огромным изумрудом пристально вожатривались зеленовато-желтые глаза». И еще: «Он высокого роста и хотя ему уже больше шестидесяти, он еще очень силен. Тякелыми шагами и неуклюжими ухватками он похож на медведя, хитростью — на лиснцу, заобой — на змею, стремительностью — на барса, неутомимостью — на вербнюда, щедростью к тем, кого хочет наградить — на кровожадирую тигрицу, ласкающую своих тигрят. У него высокий лоб, длинияя узкая борода и желтые немигающие, как у кошки, глаза».

Рыжеватость и светлоглавость достались борджигиблизка с киргизом (древние киргизы отличались этими признаками). В Чивилихин вообще относит его не конголам, а к некоми «Коледнам Азин». Вряд ли это так, Сама Алан-Гоа была из племени куралас, которое входило в число техе настоящих монгольских народов, кои были на Эргунэ-Куне» (Рашид-ад-дии). Из этих же енастоящих монголово было и племя матери Чингиса Оэлун. Кроме того известно, что среди группы племен шивяй, из которых вышли древние монголы, известны хуантоу (Куне. желетоголовые») шивяй, и рыжеватость и светлоглазость, наблюдавшиеся в роду Чингис-хана, совсем меобязательном могля происходить с сапада».

Характеристики внешности Чингиса, которые встречаются в «Тайной истории», типа «во взгляде— отонь, а лицо— что заря», поэтико-мифологические, и, возможно, носят сакральный характер, указывают на божественное в нацием понимании происхождение.

Миогне авторы подчеркивают, что Чингис-хан был физически крепким человеком, П. Рачиевский предполагает, что он, «наверное, находил удовольствие в сексе»: каждый год в государстве отыскивали красивых девущек и доставляли ему. Известно, что из каждого победоносного похода Чингис-хан возвращался с новой женой, но это не может рассматриваться признаком сексуальной моши. Жены от побежденных - признак заключения политического союза (тангутская, чжурчжэньская жены) и покорности или, выражением превосходства над победителем (жена найманского Таян-хана). Нет никаких сведений о том, чтобы Чингис-хан был излишне пристрастен к прекрасному полу (12 тыс, красивых девушек, которых ему, по Джузджани, доставили в Западном походе - тоже не довод, это была военная добыча). Хотя алкоголизм был в его роду (его сын Огодой был алкоголиком, «любил наслаждения и пил вино», а внук Каши «был большим любителем вина и постоянно пребывал в опьянении», «умер от порока чрезмернего пьянства») - сведений о том, что он был невоздержан в питие, мы не имеем.

Охарактеризовать сущность личности Чингис-хана пы-

тался еще Рашид-ад-дин в специальном разделе «Повествование о Чингис-хане, относительно его похвальных свойств, душевных качеств, о его избранных обычаях, о прекрасных притчах...» Уже само название раздела свидетельствует о том, как именно характеризовал Чингисхана Рашид-ад-дин. Он писал, что в Китае были разработаны определенные нравственно-этические нормы. Их суть заключается в следующем: у народа, у которого сын не слушается отца, младшие братья — старших, «муж не полагается на свою жену, а жена не следует повелению мужа», «великие на защищают малых, а малые не принимают наставлений от старших», «у такого народа воры, лжецы и всякие мошенники затмевали солнце на его собственном стойбище». Тот, кто умеет управлять семьей, сможет управлять и государством, «Каждый, кто в состоянии содержать в порядке свой дом, в состоянии содержать в порядке и целое владение», «каждый, кто может так, как это положено, выстроить в бою десять человек, достони того, чтобы ему дали тысячу или туман». Каждый, вызванный к старшему, отвечает только на то, о чем его спрашивают, тот, кто произнес слово прежде вопроса, может быть и не услышан, «хорошо, если его услышат, в противном случае он будет ковать холодное железо». Хорошо служит тот, кто служит верно и преданно в любых условиях: «добрым можно назвать только того коня, который хорошо идет и откормленным, и в полтеле, и истощенным», Начальником достоин быть тот, кто понимает нужды под-

чиненных, «который сам знает, что такое голод и жажда и судит по этому о состоянии других». Народы управляются наставлениями (билик) и законами - ясой.

Все это общие положения и средства сделать государство упорядоченным и сильным. Во имя чего? - Вот основной вопрос идеологии Чингис-хана и чингисха-

новшины

«Неупорядоченные и безрассудные народы» подлежат подчинению и управлению ими с помощью Ясы. Он, Чингис-хан, призван сделать это высшими силами и эти силы подают ему знаки своей милости, «Однажды в молодые годы Чингис-хан встал на рассвете и в его чубе уже победело несколько волосков. Приближенные задали ему вопрос: «О, счастливый государь, возраст твой не достиг еще порога старости, почему же в твоем чубе появилась седина?» В ответ он сказал: «Так как всевышний госполь пожелал сделать меня главою и старейшиною туманов и тысяч и водрузил бунчук моего благоденствия, то он проявил на мне знак старости, который является знаком старшинства». Чингис-хан хан волею Неба, говоря нашими словами, хан милостью божьей. Во имя чего действует хан? Во имя того, чтобы члены его уруга, его мужские потомки и их семьи оделись «в затканные золотом одежды», чтобы они вкущали «вкусные и жирные яства», садились на красивых коней и обнимали «прекрасноликих жен». Столь же «красивую жизнь» должны получить те, кто служит хану.

«Мои старания и намерения относительно стрелков и стражей, чернеющих словно дремучий лес, супруг, невесток и дочерей, алеющих и сверкающих словно огонь. таковы: усладить их уста сладостью сахара своего благоволения и Украсить их с головы до ног тканными золотом одеждами, посадить их на идущих покойным холом меринов, напонть их чистой и вкусной водой, пожаловать для их скота хорошие травяные пастбица». Нет ни слова о том, что для этого надо работать. Все это следует взять у «пеупорядоченных народов» силой, уничтожая непокорных, ибо «если мы отправляемся на охоту, то убиваем много изюбрей, а если мы выступаем в похолы, то уничтожаем много врагов».

Это сравнение военного похода и охоты не просто метафора. Как лес и степь полны добычи для удачливого охотника, так и окружающие народы — те же лес и степь, где при удачной «охоте» можно добыть все для той жизни, которую ты считаешь для ссбя идеальной, Хан и его войско, его «мужнь это охотники, и евеличайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет, заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами; в том, чтобы сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов; в том, чтобы превратить животы его прекрасиоликих супрут в иочное платье для сна и подстилку, смотреть на их разноцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета спелой наты и целовать их, а их сладкие губы цвета спелой

Можно спорить о том, является ли все это подлинной сущностью монгольского хана. Но, по словам Рашид-ад-дина, все это «его (Чингис-хана) назидательный рассказ» и его образ мыслей и действий, устрашающий и пугающий, и не случайно Рашид-ад-дин кончает его словами: «Ду будет мир над людьми мира!», ибо какие бы оговорки мы не допускали, прав был акад. Б. Я. Владимирцов, которого невозможно заподозрить даже в неуважении к монгольскому народу, что это была идеология разбойничьей шайки и ее главаря! Л. Гамбис также писал: «Чингис-хан «смотрел на оседлые страны — Китай, Иран, как на регионы-источники дохода своей семьи, своей знати и своего народа». По заключению того же Л. Гамбиса, Чингис-хан обладал характером «благородного человека» своей эпохи, если не принимать в расчет мелочи, «разрушения и убийства, которые он полагал необходимыми». А так это был человек преданный друзьям, неумолимый к врагам, человек. который «всегда сохранял ясное понимание величия своей миссии, для которой, как он думал, он был избран Небом», человек умеренный в повседневной жизни, Он «унаследовал от своих предков простоту погонщика стад, терпение и хитрость охотника». Необходимость историзма в оценке личности Чингис-хана отметил и П. Рачневский: «Чингис-хан вошел в историю как беспощадный завоеватель. Его завоевательные походы принесли смерть и гибель бесчисленному количеству людей, уничтожили невосполнимые культурные ценности. Но было бы несправедливо судить Чингис-хана с высоты наших столетий. Чингис был продуктом своего народа и своего времени. Его поступки определялись жестокими законами степи, которая не знала жалости к врагу. Его дела вершились в военной области. Свои-

яголы сосать!»

ми успехами он был обязан не столько своим воинским дарованиям, сколько искусной политике и своим организаторским способностям». И тут же он добавляет, что «его путь к власти пролегал по трупам». Тот же П. Рачневский отмечает ряд личных качеств Чингисхана, которые действительно характеризуют его положительно. Это чувство благодарности, папример, к Сорган-Шира, спасшему ему, возможно, жизнь, когда он бежал из тайчиутского плена. Забота о детях павших соратников. «Чингис-хан повелел: «За то, что друг Хуилдар на брани живот свой положил, пусть получают сиротское пособие даже и потомки потомков его». Нарин-Тоорилу, сыну Чаган-гоа он сказал: «Твой отец, Чаган-гоа, пал в бою при Далан-балчжутах от руки Чжамухи, пал, ревностно сражаясь перед моими очами. Пусть же теперь Тоорил, за службу своего отца, получает сиротское пособие». Чингис доверял своим сподвижникам, например, Мухали, который в Китае был его личным представителем и в отдельные периоды был вторым после хана лицом в государстве. Он заботился о солдатах, Чан Чуню он говорил: «Я забочусь о монх солдатах, как о своих братьях». На основании доступных источников трудно определить, отличался ли Чингис личной храбростью. В детстве, мальчишкой, он боялся собак. Будучи физически слабее братьев Хасара и Бектера, он не в честном бою, а с помощью сильного. но, возможно, не очень умного Хасара застал врасплох и погубил безоружного Бектера. Молодой Темучжин не раз спасался бегством и не видел в этом позора. Но он же бросился отбивать угнанных у семьи меринов (правда, позднейшие источники утверждают, что Темужчин поехал не один, а с братом Хасаром) и вступил в драку с чжуркинцами, когда те во время пира в Ононской дубраве ранили Бельгутая. Чингис-хан, безусловно, был человеком незаурядного ума, хитрым и коварным политиком, знавшим людей, их слабости и умевшим использовать их в своих интересах. Сколько ловкости, хитрости и ума проявил он при побеге из тайчиутского плена. Мы не знаем, видимо, решающего этапа в карьере Чингиса, когда он, прожив полтора года с Чжамухой, оказался, только благодаря своему уму и смекалке, не главой аила, а ханом собственного улуса. Он сумел найти и выделить из своего окружения талантливых полководцев. Мухали, Боорчу, Субетай, Чжебе, Чжочи и другие военачальники, выдвинутые им, приносили ему военные победы и значительная часть полководческой славы Чингиса принадлежит по справед-

ливости им.

Чинтис-хап требовал верности подланных государю, слуг своему хану и мы видели не рад, как он казныл тех, кто пытался верейти на его сторону и получить его милость выдачей своего господина. Как правыто, эти люди не находили у него поддержки. Чинтис-хан отличался недоверием, подозрительностью, даже к близтим людям, Мы знаем о его недоверии к Хасару, хотя может быть, тот и давал поводы к этому, к Бельгутаю в его конфликте с шаманом Теб-Тептри. Он с подозрением отнесся к Чжелме, когда тот сходил в стан тай-чиутов за кислым молоком, чтоби спасти жизнь своего раненого хана. Он ценил в людях способность сказать правду, простил. Чжебе, признавщегося в том, что это

он стрелял и ранил его.

Мстительность во многом определяла натуру Чингис-хана. П. Рачневский пишет, что его мышление было «мышлением метителя». Он возвел месть в ранг государственной политики. «В то время, когда Чингис-хан предпринял поход во владения Китая и выступил на вейну против Алтан-хана, он один, согласно своему обыкновению, поднялся на вершину холма, развязал пояс и набросил его на шею, развязал завязки кафтана, встал на колени и сказал: «О, господь извечный, ты знаешь и ведаешь, что ветром, раздувшим смуту, был Алтан-хан и начало распре положил он, Он безвинно умертвил Укин-Баркакака и Хамбакай-каана... я же домогаюсь их крови, лишь мстя им. Если ты считаешь мое мнение справедливым, ниспошли мне свыше в помощь силу!»... С полнейшим смирением он вознес это моление; затем сел на коня и выступил, Благодаря своей правоте и верному намерению, он одержал победу над Алтан-ханом... и его владения и его дети очутились во власти Чингис-хана». Считать это лишь рецидивом обязательности кровной мести, присущей первобытному мышлению, было бы, наверное, неверно. Давно уже правил не тот Алтан-хан, который убил его сородичей. более того, когда это было выгодно, Чингис-хан дружил с ним, он не отказался принять из рук Алтан-хана чин. да и не случайно, замечает П. Рачневский, что в случае пеудач, Чингис часто ищет убежища поближе к границам Цзинь. На его совести убийства родичей Чача-беки и Тайчу, Арслана и Хучара, которые возвели его на ханский престол, он убил побратима Чжамуху, и, возможно, своего сына Чжови. Он во мистом был обязан Ван-хану, которого в свое время называл отцом, но это не помещало ему на пути к собственной власти, к утверждению власти над Монголией погубить и его улус, и его самого, хотя и не своими руками. Ван-хан, Чжамуха, Хучар и др., ие раз бывшие его союзниками люди. «Мог ли он оставить их в живых,—задается вопросмений. Регим видел в них сопериихов, вставших иа пути его к власти, Чингис полагал, что он вставина и права и утветом увысшими силамия. О воерта прав, призван к этому высшими силамия.

так и внешней политики Чингис-хана.

Л. Н. Гумилев пишет: «После стольких преступлеиий, совершенных именио чжурчжэнями, ожесточение монголов объяснимо как психологическая реакция... При такой ситуации, сложившейся исторически, личные качества Чингис-хана не имели значения. Он повел свой народ на исконных, безжалостных врагов потому, что этого хотел весь народ (?), дети убитых и братья проданных в рабство. Да если бы он этого не сделал, так не быть бы ему ханом!» - Откуда такая уверенность? Где сведения о том, что войны с Цзинь хотел весь изрод? Почему Чингис-хаи, не начни он эту войну, не был бы ханом. Он стал им за 5 лет до этого. - «Война, конечио, продолжает Л. Н. Гумилев, дело страшное, но в классовом обществе она неизбежна, как единственный способ разрешения противоречий. Можно осуждать морально того, кто начал войну, но тогда виноваты чжурчжэни. А винить победителя, перенесшего поле сражения на территорию противника, бессмысленно и аморально. Тут, очевидно, доминирует не историческое прозрение, а пристрастие». — Будем пристрастиы. Именно Чингис ввел месть в культ, он спровоцировал, хорошо подготовил войну и вел ее предельно жестоко. А может быть, пристрастен Л. Н. Гумилев, объяснявший нападения монголов убийством их послов. Речи иет, убивать послов нехорошо, но ведь и требования монгольских послов, как правило, были провокационны, а в основе своей содержали одно - или вы покоритесь, или война, а с ней смерть и разрушения.

Жестокость, еще одна черта характера Чингис-хана, возведенная в разряд средства государственной политики. Поголовиое истребление населения многих городов и сел в целях устрашения противинка в руках Чингисхана и его полководцев было политнкой, осознанным методом ведення войны, «Это были уже не стихниные жестокости, -- справедливо писал в предисловии к русскому переводу труда Рашид-ад-дниа известный советский востоковед проф. И. П. Петрушевский, - а целая система террора, провозглашаемая сверху и имевшая целью организованное истребление способных к сопротивлению элементов населения, запугивание мирных жителей и создание массовой паннки в завоеванных странах». В мусульманских источниках зафиксировано около трех десятков случаев «всеобщей резни» при взятин городов. Но зачастую вместе с городами вырезали и население окрестных селений. Плеиные писцы подсчитывали число убитых. После резни в Мерве, например, этот ужасный подсчет продолжался 13 дней.

Чингис поддерживал такие методы ведения войны, и есть сведения современников о том, что он лично горылся своими жестокостими. Джузджани приводит рассказ очевидца событий Вахид-ад-дина Бушенджи о том, как Чингис-хан квастался в кругу приболженных тем, что перебил огромное множество людей и потому его слава будет вечной. Бывший пои этом Бушенджи шене оснава будет вечной. Бывший пои этом Бушенджи

резонно заметнл:

 Если хан н его слуги перебьют всех людей, среди кого же будет жить его слава?

Чнигие обозвал его глупцом и заявил:

 Государей в мнре много. Я творил всеобщую резию и разрушение повсоду, куда ступали копыта коней войска Мухаммеда Огузского хорезмшаха. А остальные народы, что находятся в странах других госу-

дарей, сложат рассказы во славу мою!

Прав Л. Н. Гумилев, когда пишет: «Жестокости, совершенные победоносными монголами, конечно, ужасны, но не менее ужасными были зверства чжурчжэней в Китає, сельджуков в Арменин, крестоноснев в Прибалтике и Византин, Такова была эпоха». Это верно, Такова была эпоха. Но даже и в эту эпоху Чинтис-хан оказался непревзойден — творимую им резию народы помнят до сих пор. Следует сказать, что остъ мнения о том, что масштабы зачастую неоправданных убийств, производимых по приказу Чинтиса и его полководиевь, устращали и удивляли самих монголов. «Находящаяся уже в «Сокровенном сказании» легенда о том, что Чинтис-хан родился с комком запекцийся крови в руке,— писал В. В. Бартольд, — наглядно показывает, что количествь крови, пролитой по повелению Чингис-хана, поражало и его монголов». Не одобрял массового террора старший сын Чингис-хана Чжочи. Будучи наместником Хорезма, он старался избавить край от разорения и говорал дрибляженным, что «Чингис-хан потерял рассудок, так как губит столько земель и народу» (Джузяжании).

Чингис-хан безусловно был властолюбив. «Воля к власти, - пишет П. Рачневский, - преобладающая черта в характере Чингис-хана». Чингис искренно верил (или с какого-то неясного для нас момента поверил). что власть нал всем миром, именно над всем миром, дарована ему Вечным Небом. Как пишет проф. И. де Рахевильц, «хотя многие народы в данный момент еще дефакто находились за пределами монгольской империи, деюре они уже являлись потенциальными членами монгольской империи, находящейся в процессе ее созидания». Все, кто не принимали эту доктрину, считались «булга нрген», «мятежниками». Они выступали против социального порядка, установленного высшими силами. Война протнв «мятежников» была не только морально оправданной, но и необходимой. Хан получал от Вечного Неба «силу» — «кючу» и «защиту» — «ихе-экдэ». Благодать императора называлась «су», от которого происходит прилагательное «суту», «сутай», «счаст-กนอเมนัก

И. де Рахевильц полагает, что нет никаких сомиений в том, что идея кагана-хана, избранного Небом или поставленного по воле Неба, «испытала сильное влияне китайской концепции сына Неба и мандата Неба. Сам Чингие к концу жизын хорошо знал китайскую концепцию власти. В письме к Чан Чуню от 1219 г. он писал, что поражения Цзинь в войне с инм определены тневом Неба на дурное поведение цзиньских государей, от же пользуется полдержкой Неба. Чан Чунь, объясияя свое учение Чингис-хану в 1222 г., также говорил, что государя, это небесные существа, направленные Небом жить среди людей и ни предназначено вернуться на Небо.

Елюй Чупай, кидань, перешедший на монгольскую службу, вручая в 1222 г. Чингнс-хану составленный им календарь для Монгольского государства, развивал идею о том, что только благодаря воле Неба Чингисхан завоевал импеению, столь великое дело не могло быть совершено силами обыкновенного человека. Все исследователи сходятся в том, что Чингис-хан увере вал в свое право завоевать Поднебесную, т. е. весь доступный и известный ему мир. Его потомки и старались выполнить эту задачу. Как говорил автору этих строк один монгол, не спейся Оголой и не умри от чрезмерного употребления спиртных напитков, Европа была бы завоевана.

Мім уже говорили о том, что так четко сформулировал П. Рачневский: «Из веры в то, что он исполняет свою миссию по повелению Неба, Чингис-хая выводил свое притязание на мировое господство. Правитель чужеземного народа, который отказывался признать его верховенство, признавался врагом и мяжетником. Требование признать верховенство монголов стало директивой межуичародной политики монгольских власти-

телей».

П. Рачневский правильно отмечает, что монгольская доктрина универсальной монархин отличалась от китайской тем, что китайская ставила цель подчинения посменения коменская нет. Можно согласиться с П. Рачневским и в том, что Чинтис-хан не был врагом культуры вообще. Он ценил писыменность и ввел ее для пужд государства, ремесло и продукты ремесла. Безжалостно уничтожалось им то, что в тот момент он нето окружение признавали для себя бесполезным. И многое в культуре народов было посублено безовазнатия.

Чингис-хаи непавидел пьянство. «Еще он сказал: «Когда человек, пьющий вино и водку, напьется, он становится дета,—ничего не в состоянии видеть, он становится глух — не слышит, когда его зовут; он становится нем,—когда с ним говорят,—не в состоянии ответить… В вине и водке нет ни пользы, ни разума, ни становительность в пределение по пр

доблестей...»

Джувейни писал: «Всевышний отличил Чингис-хана умом и рассудком». Безусловно, Чингис-хан был не только кровавый завоеватель, но и выдающийся государственный деятель. Он создал монгольское государство, использовав традиционные для Центральной Азин формы и придав им определенный монгольский колерит. Он занмствовал все, что счел пужным от соследигонцы и правители с пайцзой, превосходно организованная ямская служба, строгое административное деление и прикрепление населения к месту работы и месту жительства. Яса гласила: «Никто не уходит из своей тысячи, сотни или десятка, где он был сосчитан, Иначе да будет казнен он сам и начальник той части, который его прииял». Гвардия и рекрутируемые из гвардии чиновинки центрального аппарата управления великолепно справлялись со своими обязанностями. Возможио, никогда ни до, ни после кочевые формы государственности не были так отточены, так совершенны, как в улусе Чингис-хана. Он если не создал лично, то освятил своим именем «Ясу», Г. В. Вериалский считал «Ясу» не кодифицированием норм обычного права, а рассматривал как «создание новых иорм права в соответствии с нуждами иовой империи», «Положил ои для каждого дела законы и для каждого обстоятельства правило, и для каждой вины установил кару, а как у племен татарских не было письма, повелел ои, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей и те ясу и приказы записали они на свитки, и называются они Великой кингой Ясы. Лежит она в казие доверенных царевичей и в какое время станет хан на трои салиться, или посадит на конь войско великое, или соберутся царевичи и станут советоваться о делах царства и их устроении - те свитки приносят и по ним кладут основу дел; построение ли войска, или разрушение стран и городов по тому порядку выполияют» (Джувейии).

Чингис-хан был шаманист, он верил в колдовство. гадания, приметы. Он соприкасался с мировыми религиями - христианством, исламом, буддизмом, видимо, выслушал основы даосизма, но судя по всему, никакого особого интереса ин к одной из этих религий не испытал. Его вера — комплекс тех верований, который был присущ монголам его эпохи. Может быть, веру эту условио можио было назвать тэнгринзмом, широко поклонением Небу как верховному божеству и творцу всего сущего. Это был глубоко азиатский культ, присущий древиим китайцам, тибетцам, всем кочевым государствам - предшественникам империи Чингис-хана. Культ Неба предполагал и культ Земли, но Земля играда подчинениую родь. Во всяком случае, в эпоху Чингис-хана больше аппелировали к Небу, чем к Земле. Наличие «своей веры» лелало Чингис-хана и его подданных-монголов достаточно безразличными к другим религиям. Отсюда веротерпимость монголов, в чемто способствовавшая их воинским успехам.

то спосооствовавшая их вониским успехам.

Вот две любопытные и заслуживающие внимания характеристики личности Чингис-хана, Француз Л. Гамбис: «Он был человеком своей эпохи и был помечен той грубой средой, в которой он жил. В этом следует искать причины его безразличия к принесению в жертву человеческих жизней, поэтому он обладал мало развитой чувствительностью. Свои юные годы он начал с убийства своего сводного брата, который мог бы оспаривать его власть главы семьи. Без всяких колебаний он отбрасывал все то, что становилось препятствием его амбиции, потому что в существе своем он был холодный и расчетливый политик, который терпеливо действовал так, как будто право на его стороне. С чрезвычайной выдержкой он добивался реализации своих проектов, старался завершить дело так, чтобы не было необходимости оставить врага позади себя. Сам себе хозяни, он делал свою игру лояльно и не прощал измены данному слову. Однако он действовал изворотливо и всегда хотел бы оставить право за собой, полагая, что он действует под божественным покровительством, он терпел только тех, кто признавал его авторитет. Так же безжалостен он был, когда метил за оскорбление и отвечал на вероломство. Молодым он вынужден был долгие годы ждать случая утвердить себя, когда он состарился, он всегда действовал быстро и реализовал огромные замыслы за короткое время. Он постоянно был осторожен и не нскал приключений. Он был воздержан во всем, хотя и имел страсть к женщинам и крепким напиткам, он был щедр и всегда вознаграждал тех, кто заслужил. Он вершил великие дела и полностью наслаждался жизнью, не думая об ее каком-то смысле, со спокойной радостью, без необузданных страстей. Он никогда не отправлялся в поход, не взяв с собой одной из своих жен [...] Он интересовался мыслями завоеванных людей, не отдавая предпочтения тем или другим, считая, что все правила морали хороши, и не считая, что какие-то одни из них лучше. В особенности он был практиком и великим организатором. Все в его жизни было распределено, даже в самые трудные минуты он никогла не терял спокойствия. Он умел связать людей со своей судьбой, и когда они начинали служить ему, они не хотели иметь больше другого господина. Таковы причины его успеха и его величия, Никогда ни один человек не достигал такой степени могущества, без всякого тщеславия».

Это писал француз, легко, изящно, не забыв про

женщин и вино. Предоставим слово немиу.

«Личность Чингис-хаиз соединяет силу и страстность человеческой натуры с дисциплиной, которую диктует ей разум. В частной жизии он был сердечным другом, заботливым отцом, пекущимся о благополучин своей семы и своих домашинх, человек объчного и непривлекательного ирава. Как правитель он был неполнен безмерного честолюбия, не боявшийся никаких средств для достижения своей цели, с безжалоствой жестокостью подавлявщий малейшее сопрогивление». Немца привлекли в Чингисе сила, дисциплина, немного сентиментальности.

Да, это личность незаурядная, на которую наложили жесткий отпечаток его тяжелые юные годы и та среда, в которой он рос и мужал. Талантливый государствениый деятель, если не способный военачальник, то великолепный организатор армии, он был человеком карьеры, искрение считавшим, что он избраи для нее высшими силами. На пути к власти он инкогда не был разборчив в средствах, а, приобретя эту власть, он использовал ее в личных интересах и интересах своего уруга, своих мужских потомков и членов их семей. Его жестокость, возможно, объясинма средой, жизиью, шире эпохой, когда действительно людей не жалели, но она была все-таки чрезмерной. Он считал, что цель оправдывает средства и не органичивал себя в выборе этих средств. Положа руку на сердце, мы не можем сказать, что он был любящим сыном, мужем и отцом. По-видимому, это оттого, что наши источники рисуют нам образ хана-правителя, а не человека. Любил ли он братьев? Кого, кроме своих нукеров, в которых ценил прежде всего преданность, а затем храбрость и силу. он любил еще? Он заботился о тех, кто служил ему, оказанных услуг не забывал, и вознаграждал за службу н услуги. Он требовал беспрекословного подчинения и дисциплины. Выделял ли он, особенио в последний период жизни на службе монголов? Кажется, нет. Для него неважно было, к какому народу принадлежит человек, который ему служит, лишь бы он служил хорошо ему и его делу. В этом он был чужд нацнональной ограниченности. Чингис-хан был человеком подозрительным, как все правители, пришедшие к власти по трупам и сознающие, что те методы, которые они применяли к другим, могут быть применены и к иим самим. Мы не знаем примеров его мужества в зредом возрасте, его умения владать оружием. Воевать он доверял другим, Он создал идеал облаченного властью грабителя и следовал ему, не без основания полагая, что многие захотят следовать за инм. Он безусловно был опьянев властью и не знал ограничений в пользовании ею. Любил ли он свой изрод? Неяско. Тогда не слициком задавались этим вопросом. Он требовал от народа службы и дисциплины, слепою повирименныя его ханкой воде и строго карал за

упущения по службе и неповиновение. Я представляю себе этого седого, крепкого рыжеватого старика с плоским волевым лицом, с бородой растущей в основном с подбородка, человека коварного и изворотливого, одержимого жаждой сокрушения власти соседних владетелей и возвеличения своего уруга. И этой идее подчинена вся его жизнь, по крайней мере, с 1211 г. Он не увидел при своей жизии свержения своего главного соперника - императора Цзинь, Император Си Ся, видимо, был убит уже после его смерти. Его реальный приз — хорезмшах Мухаммед. Мы так и не узиаем, утолил ли он лично свою жажду властолюбия. Можно согласиться с тем, что он был умерен в страстях, справедливо видя в иих препятствие к успешному достижению цели. Может быть, он и был одержим некоторыми из них (пьяиство, женщины), но ограничивал себя, это лишний пример наличия у этого человека твердой воли. Он не был, возможно, счастлив в детях, и ие без тревоги за судьбы своего уруга оставлял этот мир. Таков был Чингис-хан, хан карающий и вознаграждающий, видевший личное счастье в бесчестьи и гибели поверженного врага.

Можно не согласиться и с такой характеристикой, несомнению одно: Чингис-хан — личность с громадной разрушительной силой, таким он запомнялся на века, таким вошел в историю человечества. О нем написано много книг, на русский язык переведены «Тайная история» («Сокровенное сказание») и «Сборник летописей» Рашид-ад-дина. Читатель сам может ознакомиться с довольно обширной литературой и сделать свои выводы.

эпоха

«Побежденные... были повинны не менес победителей».

> Л. Н. Гумилев Поиски вымышленного иарства

Великий Рашид-ад-дин не случайно в своем «Сборным ке легописей» каждый период в жизви Чингис-кана сопровождал «Летони побед Чингиз-кана не только всо таланге государственного и политического деятеля, стратега и полководца, в военном мастерстве его генералов и воинском искусстве его солдат, они в объективных слабостях его противников, в той политической стуации, которая сложилась в Азии на начало XIII в. Причины эти в пеихологии победителей и побежденных, в их воспорятия собъятия от ответия и помеждения к им.

Япония, находясь на островах, в первой трети XIII в. была вне игры и лишь много позднее монголы предприняли попытку захватить ее, но неудачно. Корея после походов монголов в соседнюю Маньчжурию в 1218 г. добровольно подчинилась монголам, ван Корё признал свою зависимость от Чингис-хана. В северном Китае к моменту рождения Чингис-хана произошли важные перемены. В 1115 г. чжурчжени провозгласили создание своего государства Цзинь в Центральной Маньчжурии. К 1125 г. они уинчтожили своего сюзерена, киданьское государство Ляо. В том же 1125 году чжурчжэни начали наступление на Китай, где правила династия Сун. Уже на следующий год они взяли столицу Сун г. Бяньцзин (соврем, г. Кайфань) и два китайских императора оказались в плену и были увезены на север, в Маньчжурию. Один из членов императорской фамилии в 1127 г. был провозглашен новым китайским императором (гао-цзун, 1127-1162 гг.), новое китайское государство, занимавшее южную часть современного Китая, было названо Южная Сун, столицей его стал г. Ханчжоу (Линь ань). Войны между Южной Сун и Цзинь продолжались до 1141 г. и завершились заключением мирного договора, в соответствии с которым северная часть Китая осталась за чжурчжэнями. В том году, когда в Монголии собрался великий курилтай, провозгласивший Чингис-хана правителем всей Монголии (1206 г.), войска Южной Сун напали на Цзинь, Война длилась три года, в 1208 г. был заключен мир. Чингис-хан, готовясь к нападению на Цзинь, конечно, не мог не знать об этих событиях. Он отлично понимал, что в войне с ним империя Цзинь не имела надежного тыла, так как ее южный сосед, империя Южная Сун была откровенно враждебио настроена к северному соседу. К югу от Монголни находилось тангутское государство Си Ся. В конце XII в. были нарушены добрососедские отношения между тангутским государством и государством чжурчжэней, чжурчжэни, как мы знаем, отказались прийти на помощь тангутам в критический момент осады их столицы монголами, это лишь усилило вражду и привело к войне Си Ся и Цзинь (с 1214 г.), С этого времени Южиая Сун отказалась платить дань Цзинь, Си Ся и Южиая Суи решили объединить свои усилия против чжурчжэней и без того терпящих сокрушительное поражение под ударами монголов. С 1217 г. китайцы Южной Суи перешли к прямым военным действиям против Цзинь, Война Си Ся и Южной Сун против Цзинь длилась до 1224 г. Стоит ли говорить, что это было на руку Мухали, воевавшему в эти годы в Северном Китае, Уже после смерти Чингис-хана Южная Суи возобновила войну с Цзинь и китайцы совместиыми усилиями с моиголами добили чжурчжэньское государство. Таким образом, в первой трети XIII в. в Восточной Азни была налицо политическая ситуация, исключительно благоприятиая для монголов. Цзинь, Южиая Сун, Си Ся и Корё не образовали единого союза против монгольской агрессии, три ведуших государства Восточной Азии в итоге были разбиты и добиты поолиночке, в союзе с монголами нередко выступали и другие их противники, а Корея признала свою зависимость от монголов без войны.

Если мы обратимся на запад, то и здесь обнаружим вражду и соперпичество и ситуацию, выгодную для монголов. Уйгуры и тюрки-карлуки добровольно подчиняются Чингис-хану и становятся акитивными пособниками его в войнах с государствами Хорезмшах в Кучлуком. Хорезмшах воюет с владетелями сосслики страи и многие области он силой оружия включил в состав своего государства лишь за 5—25 лет до нашестви Чингис-хана (Хороса — в 80-е гг. XII в., Западный Иран — в 1194 г., Мавераниахр — в 1210, Афганистам в 1215 г.) Это не способствовало укреплению его государства. На севере постоянно шля столкновения с коче-

выми племенами тюрков-кыпчаков. Соперничавшее с тосударством хорезмшаха государство кара-китаев доживало последние годы, оно испытывало большие внутренине трудности, потерпело ряд поряжений от того же хорезмшаха и, наконец, трои был узурпирован бегльми найманами во главе с Кучлуком. Жестокое прелыми найманами во главе с Кучлуком. Жестокое прелыми найманами во главе с Кучлуком. Жестокое преинфермацијую волиу недовольства и способствовало победе монголов и итбели Кучлука и государства, которым ои управлял. Государство найманов на Алтае было разгромлено Чинтес-ханом ранее.

Киргизы, которые еще в VIII в. создали в Центральк начали свой каганат и господствовали в Монголии, к началу XIII в. имели несколько раздробленных владений в верховых Енисея и не представляли собой сялы, способной оказать серьевное сопротивление Чингис-хану.

Все сказанное, включая длительное отсутствие (в XI—XII вв.) мощной централизованной власти в самой Монголии, создали ту благоприятную политическую обстановку, которая позволила возвыситься Чингис-хану, объединить Монголию и, собрав в сдиний кулак значи-

тельные силы, выйти за ее пределы.

Сила монгольской армии, с которой столкнулся воссамой и вне ее. В ней самой она заключалась в создании системы военной организации, традиционной для Центральной Азин, но, воможно, дополнительно усовершенствованной Чингис-ханом. Сила ее была в закалке и выпослявости монгольского воина, прирождениого кавалериста, и его тренированного коня, в умелом использования мобильности и ударной силы конницы монгольскими полководцами, в их тактическом мастерстве, в хорошем оснащении монгольской армии до выхода ее за предсым Монголии и в воспримичивости монгольских военначальников к использованию военной техники соседей, прежде всего камиментий в тиллерии.

Чжао Хун писал: «Татары рождаются" и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весни до зимы они каждый день гонятся и охотятся и это есть их средство к существованию. Поэтому у них нет пеших солдат, а все конные». Значение охоты в приобретении воинских навыков у монголов подчеркивал и Чингис; «Когда нет войны с врагами, пусть предаются делу лова—учат сыновей, как гнать диких животных, чтобы опи навыками к бою и обретали силу и выпосливость.

и затем бросались на врага, как на ликих животимх, не шаля себя» (Джувейни). По сведениям Абуль-Фараджа, в монгольскую армию брали мужчин с 20 лет. Монгольские воины в десятках, сотиях, тысячах в мирное время работали в хозийстве, «как крестяяне». На службу по мобильзации воины являлись с конем (конями), оружием и доспехами, набором инструментов, нужных на войне. Регулярио в десятках и сотиях устраивались смотры, на которых провералось наличие и состояние оружия и доспехов: «В день смотра предъявляют они сцаряжение, и, если коть немного и не хватит, то такому человеку сильно достается и его крепко наказываютси Джувейни). Система монголов конирует систему тан-

гутского права XII в. Сабли монголов были легки, тонки и изогнуты. Превки стрел изготовлялись из ивы, луки и селла из лерева. Монголы не знали кольчуг, тело они защищали тралипионным для Центральной Азии, дамедлярным панцирем, изготовленным из узких кожаных или металлических пластинок, связанных между собой ремешками, Панцири из твердых материалов, из леталей, связанных между собой, именовались «хуяг». Другой тип панциря именовался «хатангу дегель», это были «кафтаны» из мягких материалов - войлока, ткани, кожи, простегаиные и проложенные металлом. Хуяг навешивался на тело иа лямках и оставлял открытыми плечи, хатангу дегель защищал плечи и имел оплечья в виде фигурио вырезаиных лоптовидных лопастей. Шею защищали «боевые воротники» из мягкой кожи, на которую нашивали металлические пластины. Щит воина, «халха», был сплетен из ивовых прутьев, имел круглую форму и диаметр около 50 см. Шлемы у монгольских воинов были сфероконическими, склепанными из отдельных элементов, по швам перекрытые металлическими пластинами, с коническим, полушаровидным или плоским навершием. Лоб защишала прямоугольная или фигурная пластина, затылок прикрывали пластинчатые бармицы. Имелся и конский доспех. Монголы имели в достатке металла и были хорошими кузнецами. Их оружие и доспехи оказались належными и эффективными в бою.

Боевые кони проходили специальную выучку, «Лошадей,— сообщил Чжао Хун,— ...иа первом или втором году жизни усилению объезжают в степи и обучают. Затем растят в течение трех лет и после сиова объезжают их». Во время марша командир был обязаи орыентироваться на слабейшего и их темп движения был обязательным для остальных. Чингис считал, что «подобает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соразмеряет с этим положение других, идет в дороге с расчетом и не допускает войско терпеть голод и жажду, а четвероногих - отощать» (Джувейни). По вычете доли, причитающейся кану, каждый воин имел свою долю в добыче. Это было весьма важным стимулом и побуждало этой добычей завладеть, а сделать это можно было только победив врага, В найденном не столь давно в Корее памятнике монгольского законодательства XIII в. прямо декларируется: все то, что захватнл солдат, все его, «Все трофеи, найденные солдатом в походе, как то: пленные, скот, вещи принадлежат только этому солдату и запрещается его начальнику конфисковать их путем наказания и угрозы солдату».

Семья, член которой пал на поле брани, на год освобождалась от мобилизации в армию других военнообязанных мужчин. Если член семьи, воин, умирал на службе в армии от болезни, отсрочка на призыв в армию другого члена семьи давалась на полгода. Дезертир подлежал смертной казин, которая обычно совершалась

перед строем.

Первый отряд камнеметинков в монгольской армин был организован, возможно, монголом Аньмухаем. В «Юань ши» рассказывается, что Чингис спросил Аньмухая о тактике взятия городов. Аньмухай сказал; «Чтобы атаковать город, надо прежде всего использовать камиеметные орудия. Когда силы от этого увеличатся, можно двигаться вперед». Император обрадовалов и тотчас приказал назначить его камнеметчиком.

Он отобрал 500 чел. и обучил их».

Мы уже писали о том, что монгольская доктрина отношений с соседями требовала от них безоговорочного подчинения. Чжао Хун отмечает, что «как только враг, отклонив приказ, выпускал хотя бы одну стрелу или метательный камень, в соответствии с государственной системой все убивались без пощалы во всех случаях». Монголы предпочитали начинать войну осенью, когда кони нагуляют тело, но планы и цели будущей войны обычно обсуждались и определялись вселой и в начале лета. Современники полагали силу монгольского войска в их откорименных и обученных люшалях: «Северные войска потому постоянно одерживают победу над

Цзинь, — говорил чжурчжэньский император Ай-цзун, —

что опираются на силу северных коней».

Приказы о мобилизации войска и выступлении в поход передавались быстро и четко, нередко через гонцов, устно, без всяких письменных приказов. Немаловажно то, как оценивали приемы и тактику ведения боя монголами их современники, в том числе и европейские. Венгерский монах, брат Юлиан, сведения которого относятся к 1235—1237 гг., доносил: «Сообщу вам о войне его по правде следующее. Говорят, что стреляют они дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят. не летят, а как бы ливнем льются. Мечами и копьями они, по слухам, быотся менее искусно. Строй свой они строят таким образом, что во главе десяти человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики не могли укрыться среди них... и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены. Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воннов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кто пошли в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли... и обязывают тех людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибнут в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить, а умереть скорее». «На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок», «нз всех завоеванных стран они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве».

Сведения брата Юлиана о ведении боя, тактике взятия укреплений и городов, о том, что армия монголов потому и была велика, что состояла «из разных языков и народов», часть из которых шла в бой по принуждению. Почти слово в слово повторяют свидетельства Ижао Хуна. Джувейни пишет: «... от границы Туркестана до крайней Сирии, ... повсюду, где был царь либо владетель сграния, либо управитель города, что встретили его супротивно, он всек их уннятожил с семьями, прееминками, сродниками и чужаками. Так что, где было народу сто тысях, без преувеличения соти не осталось». В 1233 г. при взятии Кайфани Субетай объявял: «Этот город долго сопротивлялся, убито и ранено много воннов, поэтому хочу вырезать его весь». Это стало правнялом.

Если Чингис-хан считал, что он избран Вечным Небом на роль завоевателя мира и выполняет высшее предназначение, то те, на кого он обрушил мощь своих армий, сочли его карой, посланной свыше, бичом божьим, существом, посланным им в наказание, как это ни удивительно, теми же высшими силами. Вера в повеление высших сил, в то, что мы назвали бы «божественным промыслом», давало одним уверенность в побеле, других лишало воли к сопротивлению. Массовый террор деморализовал противника, приносил свои черные плоды. О страхе, парализовавшем людей, ярко рассказывал Ибн-аль-Асир. «Так, например, рассказывалось, что один человек из них (татар) заехал в деревню или улицу, где находилось много людей, и, не переставая, перебил их одного за другим, и никто не решился поднять руку на этого всадника. Передавали мне, что один из них схватил человека, и так как при татарине не было чем убить его, то он сказал ему: «Положи голову свою на землю и не уходи». Тот и положил голову на землю, а татарин ушел, принес меч и им убил его. Рассказывал мне человек также следующее: был я с 17 другими людьми в пути; подъехал к нам всадник из татар и сказал, чтобы один из них связал другого. Мон товарищи начали делать, что он им приказал. Тогда я сказал им; он один, отчего бы нам не убить его и не убежать. Они ответили: мы боимся, а я сказал: он ведь хочет убить вас сейчас, так мы лучше убьем его, может быть, Аллах спасет нас. Клянусь Аллахом, ни один из них не ре-шился сделать это. Тогда я взял нож и убил его, а мы убежали и спаслись. Таких примеров много».

Жестокость стала политикой, об этом мы уже говорили. «Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-пибудь в качестве рабов» (Плано Карпини). «Кровопролития,

грабежи и разрушения были таковы, что селения были покинуты, а земледельцы уходили голые. Было извлечено открытое и закрытое, выжато явное и спрятанное, и стало так, что не было слышно ни блеяния, ни рева лишь кричали совы и отдавалось эхс, «убийства становились забавой», «небесная сеть разорвалась, ось земли сломалась, человеческая справелливость исчезла» (Налинсь на могиле Елюй Чуцая), «Они предают мечу людей независимо от их возраста, положения и пола», «Только археологические раскопки могут во всей неприглялной правдивости дать представление о масштабах общерус-СКОГО ПОГРОМА: ВЫМЕРШИЕ СТОЛИЦЫ КНЯЖЕСТВ. ТЫСЯЧИ сожженных домов, скелеты разрубленных саблями женщин и детей» (Б. А. Рыбаков). Смбат Сарапет ехал в 1247 г. в Каракорум, В районе Самарканда, записал он в отчете о поездке, «я видел там несколько городов, разрушенных татарами... Я видел некоторые из них за три дия пути и несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили». Другой армянский автор писал: «Они были настолько жестоки, что если бы я обладал самым хорошим красноречием, то не смог бы рассказать те страдания и горести, которые они дали испить полной чашей в Араратской долине. особенно в городе Ани». И вполне ожидаемый результат: воля к сопротивлению была подавлена, повсеместно царили ужас и рабская покорность. Ведь везде было одно и то же: в Китае, Средней Азни, Иране и Кавказе, на Руси и в Восточной Европе.

> Нет больше ин родника, ин реки, Не наполненных нашими слезами. Нет больше ин гор, ин полей, Не потоптанных татарами. Лишь дышим мы сдае-сдае, А ум и чувства в нас мертвы (Фрик, 1210—1290)

Вот это и нужно было завоевателям: чтобы ум и чувства покоренных народов были мертвы. Они добивались этого и это способствовало их победам. Это создало легенду о том, что «от Адама до наших дней не было армин, которая могла бы сравниться с армией татар» (Джувейни).

Помимо кровавого террора, помимо других причии, в силу которых незначительным по численности монголам удалось подчинить себе общирные территории, стало массовое предательство многих племен и народов, перешедших на сторону сильного. Это предательство. эта преданная служба недавнему врагу - есть нравственно-психологический фон эпохи, высвечивающий ответ на вопрос о том, каким образом монголам удалось вести за собой или подчинить себе и заставить действовать в своих интересах целые армии, состоящие из покоренных и сдавшихся народов, те «разные языки и народы», которые с неменьшим усерднем, чем верные нукеры Чингис-хана ковали для него победу. Мы видим тангута Сили Кяньбу, защищающего стены родного города, осажденного монголами, а не пройдет десяти лет, и этот же человек с усерднем штурмует Рязань и Ковельск. Этот красноречивый факт свидетельствует о многом. Тангут в татарской армин ковал ей победу, он спас лично себя, но презрел муки и судьбы своего народа, который, о чем он мог и не знать тогда, уже был обречен на поличю гибель, на исчезновение в качестве самостоятельного этноса.

В биографии Субетая в «Юань ши» подчеркивается, что объединив Монголию, монголы создавали тысячи из меркитов, найманов, керентов, из соседних тюрков, канглы и кипчаков. Керент Цисили изменил Ван-хану и стал служить Чингису. Покорился и перешел на монгольскую службу найман Мача, позже командовавший монгольской и китайской армиями, Служил Чингису и Чаосы, найман, найман не простой, а правнук Таянхана и внук Кучлука. Канглы Хашибол (Хасбулат) сдался монголам и позже ведал скотом при дворе одной из императриц. Мусульманин Джафар-ходжа присоединился к Чингис-хану в 1203 г., вместе с другим мусульманииом на службе у Чингис-хана купцом Хасаном пил воду из озера Бальджуна. Был одним из первых монгольских даругачи. Даругачи стал уйгур Цюели, который ранее также добровольно сдался монголам, Служили Чингису грамотные уйгуры Мэнсусы и Булухай.

В биографии Мухали сообщается, что когда во время войны с Цяны с давались полководцы тыкдапи, китайцы, чжурчжэни, то им давали армию, территорпю в управление и отправляли на войну против их бывшего государа. С 1216 г., монголы стали брать в гвардию сымовей сдавшихся полководцев и вельмож Цзинь. Короче, привлечение завоеванных к продолжению завоеваний было правилом. Уже после смерти Чингис-хана в 1235 г. обсуждался проект использования мусульман для завоевания юга Китая, а китайцев для похолов в Восточную Европу. Елюй Чуцай, имевший большой авторнтет при монгольском дворе, отговорил хана от этой затеи, сославшись на различие климатов, но предложил, что «лучше, если и те и другие будут участвовать в

карательных походах в своих странах».

Основное население империн Цзинь составляли китайцы, чжурчжэни, кидани, бохайцы. Кидани мечтали о восстановлении своей погибшей династии. Китайцы в массе своей были, естественно на стороне Южной Сун, также думали об изгнании завоевателей чжурчжэней. И бохайцы, возможно, не забыли о том, что двести лет назад имели свою государственность, **УННЧТОЖЕННУЮ** киданями, Поэтому обстановка для монгольского вторжения была достаточно благоприятной, Многие, слишком многие в империи Цзинь были равнодушны к судьбе династин. У Чингис-хана не было недостатка в информаторах. Еще до объединения им Монголии к нему на службу перешел Елюй Ахай и Елюй Тухуа. братья отпрыски правившей в киданьском государстве династии. Они были посланы императором Цзинь Ванхану керентскому, но перешли на службу к Чингис-хану и пили с ним вместе воду из озера Бальчжуна. Они хорошо знали положение Цзинь и особенно ситуацию в пограничном районе. В 1208 г. четыре высоких цзиньских чиновника-китайца с семьями перебежали к Чингис-хану и стали его советниками. Это были Лн Цао, человек ученый, который усиленно подбивал Чингиса на войну с Цзинь, а также Бай Лунь, У Фэньчэнь и Тянь Гуанмин. Ли Цао и Бай Лунь в 1221 г. занимали высокие посты в монгольской администрации. Причины перехода этих людей не очень ясны (кроме естественного желания натравить монголов на Цзинь). Игорь де Рахевильц полагает, что трое из них готовили поход на монголов. но император Чжан-цзун решил, что они хотят переметнуться к монголам. Чтобы избежать следствия и наказания, они действительно оказались у монголов. Елюй Ахай участвовал в западном походе, был монгольским наместником в Самарканде и умер на этом посту. Еще ло начала войны с Цзинь на сторону монголов перешел кидань Елюй Ниэр, Ему принадлежит авторство плана нападения на Цзинь, состоявшего из 10 пунктов. Елюй Ниэр занимал должность секретаря-бичечи. Пост бичечи считался очень важным. Бичечи считался гвардейцем, это был не просто писец, а секретарь, советник, эксперт, положение бичечи, по предположению Игоря де Рахевильца, равнялось положению министра,

Война принесла с собой новую волну перебежчиков. В период 1211 г. именно перебежчики внесли большой вклад в то, что монголы научились пользоваться осадными машинами и брать города. По подсчетам Игоря де Рахевильца, специально исследовавшего вопрос, сохранились сведения о 35 видных деятелях Цзинь, перешедших на службу к монголам. Среди них было 22 китайца, 9 киданей и 4 чжурчжэня. Уже в 1213 г. была сформирована первая армия из местного населения Цзинь, воевавшая на стороне монголов. Она называлась «Черная армия», ее первым командующим был китаец Ши Хуайдэ, после его смерти Ши Тяньсян. Семья Ши преданно служила Чингис-хану, Ее глава Ши Бинчжи перешел на сторону монголов в 1213 г. Его сын Ши Тяньни стал темником. в 1214 г. получил золотую пайцзу от Чингис-хана, в 1215 г. золотую тигровую пайцзу и пост главнокомандующего не монгольскими войсками на западе Хэбэй. Ши Тяньсян дослужился до «маршальского» звания «юанышуай», с 1220 г. левый помощник главнокомандующего Мухали. Из числа китайцев в монгольской армии, воевавшей в Цзинь, было три темника - Джалар, Лю Хэйма и Ши Тяньцзэ. Сохранилась биография китайца на военной службе монголов Ван Цзи. советником Мухали был китаец Хэ Ши,

Игорь де Рахевильц выделяет четыре причины перехода подданных Цзинь на сторону монголов: предчувствие гибели Цзинь и подъема новой династии, использование вторжения для борьбы с давним врагом, стремление сохранить свою жизиь и жизнь своих людей, наконец, стремление присоединиться к родственникам, попавшим в руки монголов. Иногда помощь и предательство приносили большой эффект. Кидань Шимо Есянь не раз спрашивал отца о причинах гибели государства «Ляо», «Ты можешь возродить его!» -- сказал ему отец. Шимо Есянь подчинился монголам и дал им совет атаковать исконные земли Цзинь в Маньчжурии. Восточную столицу, Мухали взял Восточную столицу Цзинь при совете и помощи киданей, в результате, как сообщается в «Юань шн», монголы получили территорию в несколько тысяч ли, 108 тыс. дворов, стотысячную армию. А взятые фураж, военное снаряжение военная техника «громоздились горой». В итоге «люди Цзинь оплакивали свои исконные земли».

В 1216 г. к монголам попал знаменитый будущий их советник Елюй Чуцай, человек большой учености. считавший, что даже служа, можно продолжать учиться. ибо день принадлежит службе, а иочь — тебе. Чингис принял Елюй Чуцая и имел с ним беседу:

 — Ляо и Цзинь — извечные враги. Я отомстил чжурчжэням за тебя! Однако Елюй Чуцай не согласил-

ся с ним и сказал:

- Мой дед и мой отец служили дому Цзинь как подданные. Неужели я решусь быть двоедушным и

осмелюсь стать Врагом государя и отца!

Исход у этой, как мы видели не раз, стандартной беседы тоже стандартен. Чингис-хан оставил Елюй Чуцая при себе советником. Если Елюй Чуцай предпочел службу монголам личной смерти, то и в духе морали той эпохи оп служил Чингис-хапу преданно, как новому «государю и отцу», в. как сам он позже говаривал, за 30 лет службы «никогда не поворачивался спиной к государству». И Чингис ценил своего советника, он сказал как-то Огодою: «Небо пожаловало этого человека нашему дому», Именно Елюй Чуцай (как утверждают источники), предотвратил поголовное истребление Северного Китая, Многие монголы считали китайцев бесполезными, «нет от них никакой пользы, лучше уничтожить их всех». Елюй Чуцай убедил императора, что население Северного Китая следует сохранить, страну не превращать в пастбища, это будет выгоднее, ибо, облагая его налогом, можно будет получить много серебра, шелковых тканей и зерна. Он же виушил монголам, что Поднебесную можно получить, сидя на коне, но управлять ею, силя на коне, невозможно, Перебежчики и люди, очутившиеся на монгольской службе из Цзинь и Си Ся, принесли с собой богатый опыт многовековой китайской государственности.

Из тангутского государства на монгольской службе известны еще Вачжацзэ, профессиональный историк, человек, работавший в управлении историографии государства Сн Ся. Он слался при осаде г. Силяна (соврем, г. Увэй, пр. Гапьсу) вместе со старейшими и почетными жителями города. После гибели государства Си Ся стал управителем бывшей ее столицы Чжунсин, занимался спабжением монгольской армии проловольствием и фуражом. Тысячником монгольской армии был тангут Ебу Ганьбу, бичечи Чингиса был тангут Сэн Цзито, Сяо Ню, выдающийся тангутский мастер по изготовлению луков, стал сотником мастеров лучни-

ков в Каракоруме.

В ходе войны в Северном Китае появилась армия тамачи, сформированная из отрядов киланей китайцев чжурчжэней, а затем китайская армия, Начиная с 1219 г. с похода Чингис-хана на запад, завоевание Северного Китая все больше и больше велось чужими руками, в основном китайскими. Можно согласиться с Игорем ле Рахевильцем, что в одиночку монголы воял ли смогли бы завоевать и удержать северные провниции Цзинь. Число китайцев-перебежчиков неуклонно росло, из числа 23 видных перебежчиков после 1216 г. уже только один кидань и 22 китайца, Из числа глав местных, так называемых «подвижных» провинциальных управлений, созданных с 1214 по 1228 г. монгол был один, үйгүр один, чжурчжэнь один, выходец из Средней Азии один, киданей четыре и китайцев девять. В целом в органах управления завоеванными территориями Цзинь 80% чиновников были китайцы. Власть ряда из них стала наследственной, права их приравнивались к правам монгольской знати, а подчиненное им население считалось «народом» (улусом или иргеном), а не рассматривалось как рабы. Монголы сохраняли китайским и киданьским перебежчикам их цзиньские титулы, они были безразличны монголам, но имели значение в глазах местного населения. Все видные перебежчики по социальному статусу приравнивались к нукерам.

Перебежчики были и при завоевании Средней Азии и Ирана. После падения Бухары на сторону Чингисхана перешли владетель Кундуза Али-ад-дин и владетель Балха Мах Руи, В числе наиболее видных перебежчиков был Бадр-ад-дин, Он заявил Чингис-хану: «Пусть хан знает, что султан в монх глазах — самое ненавистное из творений Аллаха, потому что он погубил многих из моих родичей». Именно Бадр-ад-дии предложил Чингис-хану посеять рознь между тюрками и не тюрками в государстве хорезмшаха. Он научил написать подложные письма от имени родственников Туркан-хатун, матери хорезмшаха Чингис-хану, в которых говорилось: «Мы с нашими племенами и теми, кто ищет у нас убежища, пришли из страны тюрок к хорезмшаху, желая служить его матери. И мы помогали ему против всех правителей земли, пока он не завладел ею, пока ему не покорились властелины и не подчинились подданные. И вот теперь изменилось его намерение в отношении прав его матеры: оп ведет себя запосчиво и непочтительно. Поэтому она приказывает оставить его без помощи. А мы находимся в ожидании твоего прихода, чтобы следовать твоей воле и твоему желанию, такие письма вызывали недоверие у хорезмилах к тюркам из окружения матери, выпуждали его принимать меры предосторожности, ведимать силы, что было на меры предосторожности, ведимать силы, что было на

руку завоевателям. В. В. Трепавлов подчеркивает особое отношение Чингис-хана к тюркам. Он полагает наличне программ «объединения» и «пропаганды тюрко-монгольского единства». Программа «объединение» — это присоединение к империи киргизов, алтайцев, кимаков, уйгуров и карлуков, Восточного Туркестана после разгрома Кучлука. Программа «пропаганды тюрко-монгольского единства» - привлечение в 1218-1223 гг. отколотых от хорезмшаха и побитых монголами канглы, туркмен, кипчаков в монгольские войска. Может быть и не было специальных программ, это, в какой-то мере, реконструкция событий В. В. Трепавловым, но он прав в главном — монголы действительно выделяли тюрков и стремились сделать из них своих союзников. Позже, при правлении в Китае монгольской династии Юань, тюркам (как показали работы алма-атинского исследователя А. Ш. Кадырбаева) принадлежала важная роль управления страной.

В Хорасане, по сведениям ал-Насави, монголам активно помогал некий Хабаш из Касиджа. «Люди протерпели от вего страшные бедствия», он заставлял местных жителей и владетелей осаждать и брать города, тех же, кто не повнювался, сои предвази мечу и

отправлял по пути смерти».

Таким образом, хотя бы часть успехов монгольского оружия — заслуга тех, кто перешел на его сторону и преданно служил ему. Таких людей было много, за ними была немалая сила и они активно содействовали победам Чингис-хана и поражениям тех, на кого он нападал. Личность и эпоха, роль личности в истории отнодь не простая проблема, когда мы переходим от общих рассуждений к конкретным фактам. В чем провыляет себя закономерность, а в чем — случайность, как произошло то сцепление событий, которое вытолкпуло на поверхность событий такую личность, как инфинаты и вкупе с его личными зачасчетами произвелю

— интив-хан и вкупе с его личными качествями произвелю

— произвелю произвелю произвелю

— применения произвелю

— применения произвелю

— применения пределения произвелю

— применения применения

— применения применения

— применения применения

— применения применения

— применения

то, что произошло? На протяжении полутора тысяч лет возникали и гибли кочевые государства Центральной Азии - гунны, сяньби, жуань-жуань, тюрки, уйгуры, киргизы, кидани. И монголы не замыкают эту цепочку, монголы Чингис-хана, потому что было возобновление монгольского государства после падения династии Юань. были ойраты (джунгары, калмыкн). Здесь на отрезке истории в две тысячи лет сначала появилось монгольское государство, произошло объединение Монголии, затем — развал и упадок, нбо все это бывало и не раз уже до этого. Для данной цепи событий, проявления развития кочевого прозводства в этом регионе, для которого чередования объединения и распада (и наоборот), видимо, почему-то были необходимы, разумеется, с учетом рождення, мужання и упадка живущих в данном регионе этносов. Объединение Монголин в начале XIII в. вполне закономерно, и в принципе, с позиций этой закономерности безразлично, кто это сделал бы, Чингис-хан или Чжамуха, или Ван-хан.

Этносы, народы мужают и ослабевают, то обстоятельство, что именно монголы объединили Монголию, шире Центральную Азию, в какой-то мере объяснимо тем, что монгольский этнос, выйдя на просторы Халхи нвытесияя оттуда тюрков, заимствуя от тюрков, мы бы сказали, все пригодное, был на подъеме и неслучайно, что именно монголы, потерпев в первый раз неудачу—развал Хамат монгол улуса— объединили страну, ко-

торую мы и именуем теперь Монголией.

Но почему именно Чингис-хан, вернее, Темучжин? Темучжин, происходя из ханской семьи, имел потенциальное право на власть, но эта потенция могла и не быть реализована, как у многих других представителей его рода. Он жил в подростковом возрасте в гонениях и матернальном неблагополучии, хотя это для его семьи не было закономерным, это была случайность, неблагоприятное стечение обстоятельств в связи с безвременной гибелью Есугай-баатура. Чингис мог погибнуть, мог быть покалечен, кончить свон дни в плену илн даже рабстве, на его месте мог быть кто-то другой, в результате не было бы уже его личности, ее влияния на событня, на эпоху. Гибель Темучжина или то, что он сумел возмужать - случайность, но вот то, что время требовало там, где он жил и рос, такую или схожую с ним личность - это необходимость,

Нам не кажутся все-таки глубоко аргументирован-

ными противопоставления Чжамухи и Темучжина (якобы один - носитель старого, родо-племенного быта, другой - нового общественного феодального строя). В источниках скорее противопоставлены качества личностей, чем их «программ». Устремления их были одинаковыми - уничтожить соперников и объединить монголов и окружающие улусы под своей властью. Да и вообще полагать, что монголы в XII в. это родо-племенное общество, общество первобытно-общинное, пусть даже на той стадии, которую выделяли ранее и называли военной демократией, нам кажется ошибочным. Темучжин превзошел своих соперников, реальных правителей Монголии тех лет, Чжамуху и Ван-хана, Таянхана и Торгутай-Кирилтуха именио своими личными качествами, импонировавшими тем, кто являл собой реальную силу, и потому подчинившимся, перешедшими на службу к нему и начавшими выполнять его волю. В данном случае решающую роль сыграла личность Темучжина. Главным, вероятно, явилось то, что Темучжин ие только искрение и со всей ответственностью поверил в свое призвание избранника Неба, но и сумел внушить эту веру, а значит и уверенность в необходимости (если не правоте) его действий другим. Видимо, в данном случае произошло то единение истории и личности одного из ее творцов, которое составляет суть каждого крупного исторического события; и нашел то, что смогло увлечь его армию за пределы страны. Понимая идеалом жизни мужа, нукера, воина-кочевника ниспровержение н ограбление врага, захват и дележ добычи, он указал на соседние страны, где такая добыча была и ее возможно было получить, не рискуя погибнуть.

Объектняным и закономериым было и то, что сосель ий Китай (поннмая под этим словом Китай в его современних границах и границах конкретно- исторических для каждой данной эпохи, что не одно и то же), столь же регулярно, как и сосседний кочевой мир, переживал периоды объединения и раздробленности, усиления и ослабления с бодной стороны, на соселиих с Китаем землях непрерывно шел процесс мужания этносов и появления и с самобытной государственности, будь то Тибет, тюркские каганаты, Непычжо, государства киданей, тангугов, чжурчжэней, а затем и монголов Чингис-хана, с другой – Китай тоже переживал регулярные периоды единения и распала: эпоха Вокрощих царств — IV—III в. он. в. и объединения при династиях Цинъ и Ханъ

до III в. н. э., распад с III в. н. э. до конца VI в., объединение с VII до началя X в. и распад до завоевание монголами всего Китая во второй половне XIII в. Объединение кочевого мира отнюдь не всегда совпадало с разъединением Китая, по возинкиювение сильных кочевых держав не раз приводило к включению в их состав северных районов страны. Современия китайская наука сочла удобным для себя полагать издреже Китай в современных границах как некое извечное культурнотеографическое единктом, объявляет разные государства, так или иначе вылочавшие в свой состав территорию свременного Китая. политическими властями, на кото-

рые временами распадался Китай.

Проф. Хань Жулинь в предисловии к «Истории династии Юань» писал: «Во время полъема монголов в Китае утверлились семь-восемь политических властей: Южная Сун. Изинь, Си Ся. Си Ляо (государство каракитаев - Е. К.), Дали (государство на юго-западе современного Китая — Е. К.). Тибет». Чингис-хан объедииил Монголию и вошел в силу как раз в тот момент. когда Китай был расчленен на южную и северную половину, северная входида в состав государства Изинь. часть китайцев жила в созданном тангутами государстве Си Ся. Ситуация для завоевания части страны (или всей страны) была благоприятной. Китай не объединила даже реальная угроза гибели, упадок страны — вот, по мнению китайских авторов, та политическая ситуация, которая привела Чингис-хана к победам. Упадок сомнителен. Не было в состоянии упадка тангутское государство, государство хорезмшаха при всех его слабостях набирало силу. Не было упадка в сущности и в Цзинь. Трудности, возникшие в этих государствах, не выходили за границы обычных, даже повседневных, они стали роковыми тогда, когда подверглись атакам монголов, Многонациональные государства, государства, населенные различными этносами, в особенности, если один из них покорен другим, всегда более уязвимы. Межэтнические трения резко обострились в Цзинь во время монгольского вторжения и дали свои печальные для Цзинь плоды. Не исключено (мы просто не имеем свидетельств источников), что межэтническая рознь обострилась и в Си Ся, в этом государстве при господстве тангутской иародности жили еще, по меньшей мере, три народности — китайцы, уйгуры и тибетцы. Уйгуры, часть китайцев и тибетцев были включены в состав тангутского

государства силой оружия. Государство Си Ляо вли кара-китаев также было многованиональным при господстве киданей-завоевателей. В этой стране внутренняя рознь усиливалась благодаря вражде на религиозной ночве (большинство подданных мусульмане, а господствующий народ и династия — буддисты). В государстве хорезмидка были трения, в том числе и в пределах правящего дома, между иравоязычными и тюркоязычными этносами. Политическая ситуация в окружающем мире была исключительно благоприятной для личности с такими притязаниями, каковые были у Чингис-хана, личности, за которой стояла такая мощная и хорошо обученная и запикнованная амыя.

Следует учитывать и психологию людей той эпохи. Минен из них служили верио и преданно своему государю, своей династии. Но именно государю и династин, а не своему народу, своей родние. Патриотизм в современном понимании не был господствующим и единственно ирваственным. Елюй Чуцай, оказавшись на службе у Чингис-хана, считал столь же правственно отдавать все силы служению Чингис-хану, как ранее — минератору Цзинь, хотя Чингис-хан и воевал с его прежним государем и не думал восстанавливать киданское го-

сударство.

Налепо было бы отрицать силу этинческих связей, но отношения подданные — государь, независимо от этинческой принадлежности государя и подданным, нередко были сплынее связей и отношений этинческих. Современному китай как некое культурно-географическое, полнэтинческое единство при культурном (для прошлого даже необязательно всегда политическом) превосходстве китайцев, при доминировании их государственности, не составляет сосбого труда представить завоевание сго страны моиголами как... объединение страны.

«Почему только монголы смогли объединить Китай, покончить с пятисотлетним расколом?»— задается Ханы Жулинь вопросом, который в наши головы и не придет. Он сам на него отвечает: «сила коней», «китайское мастерство» (техническое), личный глаянт Чингис-хана, неравномерное развитие национальностей (имеется в виду Китая), монголы были на подъеме, а Сун и Цзинь в периоде упадка. «Монголы объединили Китай, и это в объективной ситуации того времени было совершению в объективной ситуации того времени было совершению. Не завоевание (кровавое) Цзинь, Си Ся.

Южной Сун, Си Ляо, Дали, подчинение Тибета, а объелинение Китая».

Думали ли так современники? На западе — ясно пет. Там сичтали Чингин-слян ебичом божьным, наказанием за грехи, но отнюдь не объединителем. В Восточной Азин с ее представлениями о своей ойкумене каподнебесной и с давними ндеями объединения Поднебесной под властью одного императора — может бытьно вряд ли эта идея была господствующей и мела тузаконченную форму, которую за последние двадиатьдет в целях опредленной политической конъюнктуры
ей придали современные китайские историки, но она
тлела тысячелетия и момогала объединять страну,

«Император юзпьской династии,— писал Хань Жулинь,— был монголом О времени, когда на драгоценом
императорском троие Центральной равнины сидел инператор из национальных меньшинств, некоторые люди,
и утруждавшие себя тщательными всследованиями,
говорили, что это было темное время. Это не научный
подход. Объединение под властью Юзань завершило пятисотлетний первод национальной вражды и кровазывойн, позволило каждой из национальностей страны
в сравнительно спокойных условиях трудиться, развивать материальную и духовную культуру и это, безусловно, был исторический прогресс». С пояньской эпохи
тибет «стал неотъемленой частью родины». А «монголов было мало» и поэтому «не научно считать династию
Одань черным пятном».

Очевидно, существует ие только объективное, но и субъективное национальное мышление. То, что для одних было «объединеннем», для других — татаро-монгольским игом. Нам гораздо ближе восприятие сущности многих китайских оценок Чингисхановой деятельности Лу Синем: «В двадцать лет я услышал, что когда «наш» Чингис-хан покорял Евроиу, то был «наш» золотой век. Лишь когда мие исполнялось двадцать пятьлет, я узнал, что на самом деле в так называемый «наш» золотой век монголы покорили Китай и мы ста-

Пумается, социально-экономические корин феномена Чининс-хаиа, его появление связаю с развитнем мон-гольского общества, с его переходом к феодализму, с его феодализацией. Первым о монгольском кочевом феодализацией четко написал акад. В , В владимирцов. В «Историн Монгольской Народной республики»

мы читаем: «Создание монгольского государства знаменовало собой замену родового строя новым общественным строем - феодальным». Монгольские феодалы, имея ограниченную собственную базу эксплуатации -- кочевое скотоводство с одной стороны и «все возраставшие потребностн» с другой, повелн аратов на захватнические войны. Чингис-хан отражал «интересы феодализнрующейся кочевой знати». Чулууны Далай пишет о Чингис-хане как «выразителе прежде всего интересов монгольских феодалов». Современный французский монголовед Жак Легран избегает слова «феодализм», заменяя его словом «аристократия». Аристократия желала прочного установлення своей власти и срочного расширения социально-экономической базы своего господства «ввиду низкого, недоразвитого уровня производительных сил самого собственного монгольского общества и хозяйства». «Именно на этой двойной почве -т. е. специфика, в том числе, политическая специфика образования классового общества у монголов и необходимость для только что возникшей аристократии при-СТУПИТЬ К ЭКСПАНСИОНИСТСКОЙ ПОЛИТИКЕ - ЛЕЖИТ СУЩНОСТЬ чингисхановой личности, нового исторического типа индивидуальности». О феодализации монгольского обшества конца XII- начала XIII в, писали и некоторые западно-европейские ученые, например, в 1936 г. Ральф Фокс, Он полагал, что объединение Монголии явилось «неизбежной стадней в процессе развития феодализма у этого пастушеского и воинственного народа», Стремление вывести явление из развития производства и социально-экономических отношений данного общества безусловно правильно. Монгольское общество XII в. было классовым, Чингис-хан создал социальную (военно-административную) иерархию и прикрепил производителей к месту производства. Возможно, в этом не было ничего принципиально нового для тысячелетией историн Центральной Азин, но, видимо, это было внове для монгольского общества и государства. Называть ли монгольских нойонов, нукеров и полководцев Чингис-хана, монгольскую родовитую знать феодалами или степной аристократией? Стремление дать этому классу общества европейскую характеристику объективно непросто, как непросто объяснить, почему в большинстве случаев феодализация разъединяет общество, порождает «феодальную раздробленность», а Монголию она объединила? Все это действительно чрезвычайно трудно поддается точной и убедительной научной характеристике. С полным основанием следует утверждать, что Чингис-хан был продуктом своего общества, не абсо-

лютизируя и не упрощая его связи с ним.

Хорошо известно, что в мировой науке нет единых оценок Чингис-хана и его роли в истории. Иитерес к его личности, оценки ее зачастую прямо связаны с политической ситуацией тех дней и лет, когда авторы вновь берутся за перо и в который раз воскрещают из небытия грозную фигуру завоевателя. В Европе долгое время Чингис-хаи воспринимался как правитель, одержимый злой волей, направляющей на соседние народы своих варваров-грабителей. Еще Рубрук писал: «И конечно, если бы мне позволили, я стал бы, насколько у меня хватило бы сил, во всем мире проповедовать войну против них». Ж. де Гинь, известный французский историк XVIII в., писал, что монголы не являлись цивилизованным народом и не стремились распространить мудрость своих законов. Это были варвары, которые отправились в соседние страны, чтобы захватыть их богатства, а завоеванные народы обратить в рабов, вернуть покоренных в состояние варварства, а одним именем своим внушать страх всем и вся. Известный историк монголов д' Оссои объяснял все честолюбием монгольских вождей и злой волей Чингис-хана, неуемной жаждой «жестоких и неистовых орд» к грабежу и захвату. Можно заметить, что в этот период акцент делался еще не столько на личность самого Чингис-хана, сколько на монгольские завоевания, их грабительский характер,

Со второй половины XIX в. авторы начинают больделять винмания непосредственно Чингис-хану,
«Когда в возрасте 13 лет Чингис наследовал трои своего отна, он унаследовал только небольшой негостепраимный кусок территории ив реке Онон. Для человека
неуемной амбицин и воинственной натуры было неюзможно удовлетвориться столь узкой минерией, и с ненечерпаемой энергией он разворачивал свои завоевания
направо и налево до тех пор, пожа не наступиль высший
момент и он увидел свою армию побелоносной от Китайкого момра до берегов Днепра» (Р. К. Дитлас, 1871).

«Он поставил цель перед людьми, которые были послушны ему... Его жизпь вся целиком была отдана этой цели... Дух великого Чингиса сделал способными его многочисленный род и его последователей... тосподтавать вать не голько иад их степной империей, но и над другими завоеванными культурными странами Восточной и Западной Азии» (Е. А. Краузе, 1922).

«Семьсот лет назад человек почти завоевал землю. Он стал владыкой половины известного мира и возбудил в людях чувство страха, которое сохранялось поколеинями». «Чингис-хан — завоеватель более гигантского масштаба, чем хорошо известные европейские деятели». «Мы не должны верить в «сатанинскую мощь» Чингисхана, не смотреть на него как «на чудо», на «воплощение варварской мощи», а видеть в нем «обычного человека», Тайна Чингис-хана — «в примитивной простоте монгольского характера», «Он взял от мира то, что он хотел для своих сыновей и своего народа. Он сделал это путем войн, потому что он не знал иных средств. То что он разрушил, он не хотел разрушать, потому что он не знал еще, что с этим лелать». Но, может быть, впервые звучит такая мысль: «Чингис-хан разрушитель сломал барьеры веков тьмы. Он открыл дороги, «Европа вступила в контакт с Китаем» (Х. Ламб, 1928).

Питиеровская Германия вносит свою струю в оценки Инигис-хана. «Монголы играют для великой монгольской расы точно такую же роль, какую блондины для европеоидной». Чингис-хан счимел в себе факторы блондинымар, хотя и «нельзя сказать, что эти факторы стали факторами его личного могущества» (Жорж Монтали). Он перевел на французский язык книгу Иоахима Баркхаузента с Моная империя Чингис-хана». Сам Барк-хаузен трактует Чингис-хана», с м Барк-хаузен трактует Чингис-хана», с м нем соединились—
поределенно последний раз в истории вся знергия чистого центральноаэнатского номализма, которая достита чрезмерного величия и изменила лицо мира»

Очень детально останавливается на анализе личности инителхана и последствий его завоеваний Р. Фокс. «История не представляет параллелей этим дваддати годам завоевания мира неграмотным кочевником», «не добилась успеха в том, чтобы найти для него окончательное место». Объединение им Монголии — «неизбежива стадия в процессе развития феолализма». Контакты с великими занатскими цивилизациями — «потребность экопомической жизни». Но «будь Китай сильной и объединенной страной со стабильной экопомикой, инкакой Чингис-хан инкогда не завоевал бы его, даже благодаря своему «богоподойсном» вомискому мастерству».

То же самое - Центральная Азия и Иран. Под Центральной Азией Р. Фокс имеет в виду Средиюю Азию. «Будь эти два великих общества, китайское, с одной, и тюрко-пранское с другой, не в полном упадке, Темучжин остался бы Темучжином, не имевшим никакого поиятия о мире за пределами его родных степей», Р. Фокс против того, чтобы оценивать Чингис-хана только как кровавого завоевателя. Если думать так, то «реальность Темучжина-Чингис-хана станет привидением Чингисхана и подлинным памятником монгольскому народу была бы лишь знаменитая пирамида из черепов с картины Верещагина. Пирамиду из черепов игнорировать нельзя... Да, пирамида — закономерное основание, но это не полная правда». Результат не был «чисто негативным». Доводы в пользу этого: Чингис-хан задержал (?) упадок азнатских обществ, после завосваний - расцвет культуры в юаньском Китае и Персии, завоевания - поворотный пункт в истории человечества, монголы доказали на практике, что они были такими же блестящими организаторами, как и воннами (почта, дисциплина в армии, поощрение торговли, спокойствие гранны), наконем, завоевания Чингис-хана внесли «великие изменения в отношения между Азней и Европой». «восток и запад вступили в прямой контакт», «были созданы реальные условия для мирового рынка и мировой торговли», «Темучжин открыл богатства Азни западному миру» и «тем самым сделал возможным рожление современного человека». Наконец, он «восстановил единство Китая». Вот откуда идеи Хань Жулиня и других китайских историков, разделявших и разделяющих его взгляды. Имя Чингис-хана, - завершает свои выводы Р. Фокс, - «одно из самых известных простым людям Азии, которые доказывают, что они имеют лучшие суждения, чем многие историки».

Рене Груссе, возможно, собравший в своем труде наиболее полью доступный ему материал, тем не менее избегал оценох. Для него Чингис-хан «наиболее великий и наиболее заменитый завоеватель Востока», человек, который в рамках своего образа жизни... проявил врожденный вкус к порядку и хорошему управлению». «Убийства забываются... а поддержка дисципланым чингисханидами и уйгурская канцелярия остались. Эта работа после первоначальных разрушений оказалась в конечном итоге полезной для цивилизации... Объединия все тюрко-монгольские народы в единую империю, уставест ворко-монгольские народы в единую империю, уста-

новив железную дисциплину от Пекина до Каспийского моря, Чингис-хан подавил венную войну одних лемен с другими и дал невиданную ранее безопасность караванам (Груссе, 1941). П. Рачневский полагает спори о том, «были ли деяния Чингис-хана прогрессивными или негативными бессмыслеными, ибо не он первый жынустил на волю экспансионистекий натиск кочевников», «не он выдумал идею универсальной монархии». Он оказалсяя только «удаливой экспонетной» этих сил, «завоования Чингис-хана не были ни первыми, ин послед-имии попытками кочевников Центральной Ази установления господства над культурными народами» (П. Рачневский, 1973).

Мы привели лишь немногие из оценок, которыми пестрит значительная по объему литература о Чингисхане. Стоит остановить внимание читателя на двух моментах. На якобы «врожденной» экспансии кочевников. Это серьезный довод, подтверждение которому видят в самом способе кочевого производства, в экономической необходимости (отсутствие нормальной торговли толкает кочевников на обмен силой, на ограбление оселлых соседей), в более повышенной «воинственности» кочевников, вызванной их образом жизни. Нельзя утверждать, что в этом вопросе в науке парит полная ясность, однако нельзя утверждать, что кочевники были более жестокими и неумолимыми завоевателями, чем оседлые народы, Если мы, к примеру, возьмем взаимоотношения оседлых цивилизаций современного Китая с кочевниками Центральной Азин, то обнаружим, что китайцы постепенно поджимали кочевников, оттесняли их в глубины Азии, медленно, но неуклонно продвигая свои границы и сферу распространения своего этноса к северу. Совсем неслучайно современные монгольские историки видят положительным в действиях Чингис-хана то, что он нанес удар «по захватнической политике китайских императоров и чиновников, постоянно стремившихся к угнетению кочевых народов, в том числе монголов» (Чулууны Лалай).

Говоря о том, что Чингис-хан и его преемники создали условия для более широких контактов между Азней и Европой, нельзя забывать о «пирамидах из черепов». Неправ Р. Груссе в том, что убийства забываются. Человечество запомилло Чингис-хана не как правителя, обеспечившего достаточно надежную торговлю между Востоком и Западом, а прежде всего как кромежду Востоком и Западом, а прежде всего как кромежду Востоком и Западом.

вавого завоевателя. Какой бы ни была геростратова слава, к сожалению, геростраты не остаются в проигрыше, их помият. Человечеству небезразлично какой цевой оно оплатило пути из Азин в Европу и обратно.

проложенные монголами.

У историка всегда есть право на то, чтобы сказать: «а что, если бы...». Если бы Монголию объединили не Темучжин, а Чжамуха, Ван-хан, Таян-хан, другой из «природных монгольских ханов», Завершилось ли бы дело такой же внешней экспансией или нет? Была ли одержимость Чингис-хана, его ненасытность как завоевателя велением эпохи или его личным качеством? Думается, что если даже некоторые свойства его характера отражали особенности того общества, в котором он жил, мера его собственной жестокости была исключительно его личным свойством. И будь на его месте другой, меньше было бы пролнто крови, меньше бы человечество заплатило за те блага, о которых мы много писали выше и которые связываются с именем завоевателя. Нет, не может человечество не задумываться о цене, поэтому оно так или иначе представляло всегля и представляет счет всем чингис-ханам, какими бы благородными целями те не прикрывались. А лично Чингисхан и не искал себе оправданий. А. Борщаговский, написавший послесловие к одному из изданий книги И. Калашникова «Жестокий век», вслед за покойным монгольским академиком Ринченом, с которым он имел беседу о Чингис-хане, полагает, что Чингис-хану «открылась страшная тщета собственной жизни, его бессилие победить смерть, перед которой он еще более жалок, чем покорный судьбе инщий пастух». Он предполагает, что разрушенными оказались не только владения сопредельных народов, но и прежде всего личность самого Чингис-хана. «Нравственная казнь», которую А. Борщаговский приписывает Чингис-хану и которую, кстати, трудно обнаружить и в романе И. Калашникова,сентенции Ринчена, за которыми следует А. Боршаговский. Это - антинсторическая выдумка, которая не находит ни малейшего подтверждения во всем том, что мы знаем о Чингис-хане. У Чингис-хана не было и тени раскаяния в содеянном, он был тверд в том, к чему, как он верил, его призвало Небо, и был последователен в своих действиях до последнего своего часа. Однако нельзя, как это сделал В. Чивилихии, полагать Темучжина-Чингис-хана «человеком без морали». Он руководствовался принципами морали своего общества, морали «природных ханов», к числу которых принадлежал, И среди этих принципов имелись и такие (например, верность долгу), которые не вызовут осуждения и сейчас.

Вероятно, оценки с позиции «прогресса-регресса» жестки и чересчур прямодинейны. Многие авторы, мнения которых были процитированы, стремились избежать такой жесткой оценки. Несогласие между китайскими и советскими историками в оценке Чингис-хана и его леяний лежит именно в этой плоскости. В свое время в широко пропагандировавшейся статье Хань Жулинь писал: «И вот появился возвысившийся иал миром» Чингис-хан, его боевые коин прорвади железные стены сорока больших и малых государств, в которых были заперты изроды, и в результате их изроды увидели более широкий мир, в котором они могли действовать, познакомились с более высокой культурой, у которой могли учиться (имеется в виду китайская культура — E. K.) Таким образом, с точки зрения общей тенденции исторического развития разве стоит отрицать роль Чингисхана? Уничтожение сорока государств, конечно, не могло произойти без крови и разрушений, но неужели мы будем защищать замкнутость и изолированность крупных и мелких рабовладельцев и феодалов всех этих государств или мы согласимся с тем, что Чингис-хан разбил эту замкнутость и создал народам разных наций в экономике и культуре условия, при которых они могли взаимно общаться и учиться друг у друга?».

Критикуя эти вагл'яды, советские нсторики Р. В. Ваткин и С. Л. Тиханиский задают Ханы. Жулиню вопрос: «Можно спросить автора: какую евысокую культуру» культуру» принесли монгольше и подосить от тибели сорока государств и заниматься при этом софистикой, воскваляя ликвидацию замклутости и подсчитывая «Костижения» в перенесении некоторых китайских изобретений? Какой широкий мир смогли увидеть порабощение народы?» «Нет,— заключают ови,— подобную оценку приизть нельзя! Грабительские войны Чингис-хана и его прееминков, их кровавое господство не имеют оправдания с точки зрения исторического прогресса».

Современная монгольская и советская историческая наука исходит из того, «что историческую роль Чингисхана нельзя оценивать однозначно. Она была прогрессивной в том смысле, что соответствовала объективно историческому процессу консолидации монгольской народности и формированию единого монгольского феодального государства». Когда же Чингис-хан ∢встал на путь захватинческих войн, его деятельность приобрела реакционный характер». Войны эти оказались губительными и для самой Монголии, они «способствовали разобщению монгольской народности, истощали людские ресурсы Монголии, обусловили длигельный политический, экономический и культурный ее упадок в последующие века» («История Монгольской Народной Республики»).

«Труды Чингис-хана пропали,— пишет П. Рачневский. — Со времен Чингис-хана Монголия стала монгольской. Но монголы никогда не стали монголами вре-

мен Чингис-хана».

Да, Чинтис-хан объединил разобщениме, враждовавшие между собой татаро-монгольские племена в единое монгольское государство. Но и в данном случае не слинство — судьба татар хороший гому пример. Выросшее в войнах и нацеленное на захватинческие войны государство Очингис-хана, разросшееся впоследствия до гигантских размеров, мало что принесло самой Монголии. В монгольском произведении, которое некоторые исследователи относят к XIII веку, «Смазании об Аргасун-Хурчи» гонец, прибывший из Монголии к воевавшему в далеких восточных землях Чингису, на его вопрос «Здоровы ли супруга моя, сыновья и народ мой?» отвечает:

> Супруга твоя в сыновья твой вдоровы! Но не знаешь ты, как живет весь народ твой! Жена твоя и сыновья твой здоровы, Но не знаешь ты поведенья великого народа твоего!

Поедает он кожу и кору, что найдет, разорванным ртом своим,
Всего народа твоего поведеньи

не знаешь ты!
Пьет он воду и снег, как случится, жаждущим
ртом своим,
Твоих монголов обычая и поведенья
не авлаешь ты!

...

Войны принесли не только добычу, но и немалые бедствия простым монголам. Источники сообщают о разорении монгольских семей, о безлошадных кочевниках, о продаже монголов в рабство. Обиншание аратов полтверждает «ту истину, что завоевателями и угнетате» лями чужих наролов были не вообще монголы, а только монгольские иойоны» (Н. П. Мункуев). Тяжек был налог кровью. Лучшие люлские силы были посланы за пределы страны на войну и остались за ее пределами. сложив головы на полях сражений или осев на завоеванных землях Вонны Чингиса наволиили Монголию награбленными предметами роскоппи и пленцыми ремесленинками, произволящими по-преимуществу оружие и все те же предметы роскоши, но не внесли (да и не могли внести!) сколько-нибудь существенных изменений в основу хозяйства монголов - кочевое скотоволство Последующее перенесение центра государства за пределы Монголии превратило ее в почитаемую, горячо любимую, бедную провинциальную окраниу. Не удивительно, что когда приблизительно через сто лет после окончания войн завоеванные народы свергли татаро-монгольское иго, монгольский арат оказался живущим почти в тех же условиях, что и в конце XII начале XIII вв. В наследство от Чингис-хана ему осталась только память о его походах и его кровавая слава. И тем не менее, почему монголам не считать Чингисхана выдающимся государственным деятелем? А жителям Средней Азии. Ирана и Кавказа. России не подагать его кровавым завоевателем? И даже китайцам. тысячелетия зараженным вирусом великодержавия, не писать о нем как об «объедниителе Китая и выдаюшемся государственном леятеле и их, китайской истории? Как показывает жизнь, писать портрет деятелей такого масштаба, как Чингис-хан, только черной или белой краской невозможно. И в злодействах своих они были масштабны и гениальны. Таков был Алексаилр Македонский: гениальный полковолен, стратег и тактик. выдающийся организатор побел — и лушитель греческой свободы и лемократии. Мужественный, непобедимый воин, рыцарь без страха и упрека — и человек. подозреваемый в отцеубийстве, кровавый палач, не останавливающийся перед пытками, казнями и жестокими расправами нал пельми народами, странами и городами» (И. Ш. Шифман).

Таков и Чингис-хай. Еще немало книг будет написаио о нем, отсиято кино и видеофильмов и всякий раз ученые, писатели и сценаристы будут стоять перед проблемой, как оценить Темучжина-Чингис-хана, и будут решать ее в зависимости от своей национальной принадлежности, своей эпохи, своего характера и даже своих личных смилатий и антинатий. И может быть, прав Л. Н. Толстой в том, что нет величия там, где нет добра и правды, но как еще эподи, адлеки от того, чтобы не только правду, но и добро понимать однозначно. И нередко, касаясь одних и тех же событий, одни возвеличивают героя, а другие оплакивают его жертвы — и тратедня состоит в том, что иногда и те и другие бывают правы.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алтан Тобчи — Лубсан Даизан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). Перевод Н. П. Шастиной. — М.: Наука. 1973.

Аннинский С. А.— Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. — Исторический архив. Ш. —

М. — Л., 1940.

Армянские источники — Армянские всточники о монголах. — М.: ИВЛ, 1962. ИВЛ, 1962. Балданжапов П. М. — Монгольская летопись XVIII в. — Улан-Удэ,

1970.

Банзаров — Банзаров Д. Собрание Сочинений. Подготовка к печати

н примечания Г. И. Румянцева. — М.: Наука. 1959. Баркхаузен — Barckhausen I. L'Empire jaune de Genghiskhan, Paris, 1935.

Бартольд, Владимирцов — Бартольд В. В., Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. — Академик В. В. Бартольд. Сочинения. Т. У. — М.: Наука. 1988.

Бартольо. Образование империи — Бартольд В. В. Образование империи (Чинтис-хана. — Академик В. В. Бартольд. Сочинения. Т. У. — М.: Наука. 1968.

Бартольд, Туркестан — Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Академик В. В. Бартольд. Сочинения. Т. I. — М. ИВЛ. 1963.

I. — М.: ИВЛ, 1963. Буниятов — Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов Алуштегелиедов (1097—1231). — М.: Наука. 1986.

Васильев — Васельев В. П. История древности Восточной части Средней Азии от X до XIII века. С приложением перевода китайских известий о Киданях, Чжурчжэнях и Монголо-Татарах. — СПБ. 1857.

Викторова, Монголы — Викторова Л. Л. Монголы. Пронсхождение народа и истоки культуры. — М.: Наука. 1980.

Владимирио, Общественный строй—Владимирио В. Я. Общественный строй монголов, Монгольский кочевой феодализм. — Л., 1934.
Владимирио, Чингис-хан — Владимирио В. Я. Чингис-хан. Петер-

Владимирцов, Чингис-хан — Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Петербург — Москва — Берлин, 1922. Воробьев, Чжирчжэни — Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство

Цзинь. — М.: Наука. 1975.

Вяткин, Тихвинский — Вяткин Р. В., Тихвинский С. Л. О некоторых вопросах исторической науки в КНР //Вопросы истории. 1963. № 10

Гамбис — Hambis L. Gengis-Khan, Parls, 1973.

Гамбис, История - Hambis L. L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'apres les sources chinoises et mongoles et la documentation conserve par Rashidu-d-din //Central Asiatic Journal, 1970, vol. XIX, N 1-3.

Гао Вэньдэ - Гао Вэньдэ. Мэнгу нули чжи чутань (О рабстве у монголов), отд. отт.

Горелик — Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины X1V - начала XV в. - Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. - МГУ,

Fpucce - Grousset Rene. L' Empire du Monde. Paris, 1941.

Гимилев, Поиски — Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного навства. - M.: Наука, 1970. Джувейни — Ata-Malik-Juvaini. The History of the World Conqueror.

trans, A. Boyle, London, 1958.

Докладная записка — Кычанов Е. И. Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1225). - Письменные памятиики Востока //Историко филологические исследованяя. Ежегодияк. 1972. — М.: Наука, 1977. Дорока-Тиб — Доожунь Тибу (Дорока Тиб). Сниь и изянь чжу «Мэнгу би ши» (Новый первод с кратким комментарием

«Тайной истории монголов»). — Хух-Хот, 1979.

Дуглас — Douglas R. K. The Life of Jenghiz-Khan. London, 1877. Е Лин-ли — Е Луи-ли. История государства киланей (Пидань гочжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и примечания В. С. Таскина. — Памятники письменности Востока. XXV. - M.: Hayka, 1979.

Жак, Легран, Определение — Легран Жак, Определение политического содержания Монголын нууд товчоо и установление даты его сочинения. — Олон улсын монголу-эрдэмтийй IV нх

хурад, I боть. — Улан-баатор, 1984. Звучат — Кычанов Е. И. Звучат лишь письмена. — М.: Наука, 1965.

Ибн-аль-Асир — Тизенгаузен В. Собранне материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. І. — СПб. 1884. Известия венгерских миссионеров — Аниниский С. А. Известия

венгерских миссионеров X111-XIV вв. о татарах в Восточной Европе. — Исторический архив, Ш. — М. — Л., 1940.

Илиньчжэнь — Илиньчжэнь, Чжунго бэй миньцзу юй мэнгу цзу

юань (Северные народности Китая и происхождение монголов). отд. отт. История Монгольской Народной Респиблики — История Монгольской Народной Республики, Издание третье. - М.: Наука,

История первых четырех ханов — Иакинф (Бичурин Н. Я.). История первых четырех ханов из дома Чингисова. — СПб, 1829. Калашников — Калашников И. Жестокий век. — Улан-Удэ, 1985. Капица — Капица М. С. Еще раз о роли Чингис-хана в истории //Вопросы истории. 1988. № 7. Китайский источник — Мункуев Н. Ц. Китайский источник о пер-

вых монгольских ханах. — М.: Наука, 1965.

KAUBS - Cleaves F. W. The Historisity of the Baljuna Convenant //Harvard Journal of Asiatis Studies, 1955, vol. 18.

Комаи Есиаки, - Коман Еснаки, Моко си дзёсэцу (Введение в историю монголов). — Кното, 1961. Kpayse - Krause E. A. Cingls Han. Die Geschichte seines Leben nach Chinesischen Reichs Annalen. - Heidelberg, 1922,

Куликовская битва — Рыбанов Б. А. Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. - МГУ, 1983.

Кычанов, Очерк - Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. — М.: Наука, 1968.

Ламб — Lamb H. Genghis Khan, Emperor of all Men. - London, 1928.

Марко Поло — Поло М. Книга Марко Поло. — М., 1956.

Михайлов, Литературное — Михайлов Г. И. Литературное наследие монголов. - M.: Наука, 1969.

Монгольская летопись XVIII в. — Баоданжапов П. Б. Монгольская летопись XVIII в., Altan Tobci. — Улан-Удэ, 1970.

Мункцев — Мункуев Н. Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII—XIV вв. — Татаро-монголы в Азин и Европе. — М.: Наука. 1970.

Намиюнь — Намуюнь, Гуаньюй 11-13 шицзи мэнгу цзу шэхуй синчжи (О характере общества монголов в X1-X111 вв.),

отд. отт.

Насави — Шихаб ад-Дин Мухаммед ал-Насави. Жизиеописание султана Джелал ад-дина Манкбурны. Перевод с арабского, предисловие, комментарии, примечания, указатели 3, М. Буинятова. - Баку, 1973.

О составе Великой Ясы — Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана. - Studies in Russian and Oriental Histo-

ry. - Bruxells, 1939.

Πελοο-Γαμόμο - Pelliot P., Hambis L. Histoire des Campagnes de Gengiz Khan. Cheng-Wou Ts' in-tscheng lou. — Leiden, 1951. Пелью, Заметки — Pelliot P. Notes on Marco Pol. 1. Ouvrage posthu-

me. - Paris, 1959. Пелью, Монголы — Pelliot P. Mongols et la Papaute — Paris, 1923.

Петрушевский — Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Средиюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия. — Татаромонголы в Азии и Европе. - М.: Наука. 1970.

Полное описание - Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»), пер. Н. Ц. Мункуева. - Письменные памятники Восто-

ка. XXVI. - М.: Наука, 1975.

Путевые заметки — Путевые заметки кнтайца Чжан Дэ-хоя во вре-мя путеществия его в Монголию в первой половине XIII столетия, пер. П. Кафарова. - Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Кн. 1Х и Х. -Иркутск, 1867. Питешествия — Путешествия в восточные страны Плаид Карпини и

Рубрука. - М., 1957.

Пэн Да-я, Сюй Тин — Пэн Да-я, Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах, публикация Линь Кюн и Н. Ц. Мункуева //Проблемы востоковеления, 1960. № 5.

Paseptu — Rayerty, Tabakat-i-nasir, A General History of Muhammadan Dynasty. - London, 1881, vol. I-II.

Рахевильц, Личкое и личкости — Rachewiltz de I. Personel and Personalities in North China in the Early Mongol Period //Journal of the Economic and Social History of the Orlent, 1966, vol. IX. Рахевильц, Некоторые замечания - Rachewiltz de Ig. Some Remarks

on the Ideological Foundation of Chingis Khans Empire // Papers on Far Eastern Histor, 1973, vol. 7.
Рачневский — Ratschnevsky P. Cinggis-Khan. Sein Leben und Wirken

// Münchener Ostasiatische Studien. - Wiesbaden, 1983, Bd. 32,

Рашид-ад-дик — Рашил-ад-лии, Сборник летописей, Т. I. ки. J. Пер. Л. А. Хетагурова. М. — Л., 1952. Т. I, кн. 2. Пер. О. И. Смир-иовой. М. — Л., 1952. Т. П. Пер. Ю. П. Верховского, М. — Л., 1966, Т. III. Пер. А. К. Арендса, М. — Л., 1946.

Сандаг — Санлаг Ш. Образование монгольского государства и Чингисхан. — Татаро-монгоды в Азин и Европе. — М.: Наука.

Си юй изи — Сн юй изн или описание путеществия на Запал Пер

П. Кафарова. — Труды членов Российской духовной миссин в Пекине, т. IV, СПб. 1866. Синь Тан шу — Синь Тан шу (Новая история династин Тан). — Сы

бу бэй яо. — Шанхай, 1935,

Скрынникова. Монгольские термины — Скрынникова Т. Д. Монгольские термины сакральности правителя. V Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, сентябрь 1987), Доклалы советской делегации. І. История. Экономика. — М.: Наука.

Сокровенное сказание - Козин С. А. Сокровенное сказание, Мон-

гольская хроннка 1240 г. Т. І. М. — Л., 1941.

Старинное монгольское сказание — Старинное Монгольское сказание о Чингисхане. Перевел с китайского с примечаниями Архимандрит Палладий. — Труды членов Российской духовной миссин в Пекцие. Т. IV. — СПб, 1866.

Суй шу — Суй шу (История династии Суй), — Сы бу бэй яо. —

Шанхай, 1935. Симънабаатор — Сумънабаятор Б. Новонайленный монгольский законодательный памятник XIII в. - Олон улсые монголч эр-

дэмтний IV их хурал. I боть. — Улаан баатор, 1984.
Сяо Цицин — Ch'i-ch'ing Hsiao. The Military Establishment of the

Yuan Dynasty. - Cambridge - Massachusettes - London, 1978. Тайная история — См. Сокровенное сказанне.

Тайная история монголов — The Secret History of the Mongol, transl. By Igor de Rachewiltz // Papers on Far Eastern History, 1971, № 4; 1972, № 5; 1974, № 10; 1976, № 13; 1977, № 16; 1978, No 18: 1980, No 21: 1981, No 23: 1982, No 26, 1984, No 30: 1985, Nº 31

Тамира Лациидао, Легенда о происхождении — Татига Jiisuzo. The Legend of the Origin of the Mongol and Problem concerning

Their Migration // Acta Asiatica, 1973, vol. 24.

Трепавлов — Трепавлов В. В. Социально-политическая преемственность в государственном строе монгольской империи XIII в. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени канди-

дата исторических наук. - М., 1987. Федоров-Давыдов — Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй

Золотой Орды. — М., МГУ, 1973.

жэньминь чубаньшэ, 1982,

Фокс — Fox Ralph. Genghis Khan. — London, 1936. Франке, От племени — Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. The Legitimation of the Yuan Dynasty // Bayerische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch - Histo-

rische Klasse. Sitzungsberichte. Jg. 1978, H. 2. Франке, Чужеземное - Franke H. Fremdeherrschaften in China und ihr Einfluss auf die staatlichen Institutionen (10-14 Jahrhun-

dert) // Österreichische Akademie der Wissenschaften, 122, Philosophisch - Historische Klasse, 1985, № 3. Хань Жулинь - Хань Жулинь, Чэнцэпсы хань (Чингиз-хан). Цзянсу Изю Тан шу — Цзю Тан шу (Старая встория дпнастин Тан). — Сы бу бэй яо. — Шанхай, 1935.

Чивилихия — Чивилихии В. Память. Роман-эссе. Кн. 2. Собрание сочинений в 4-х т. 7. 4. — М., 1985. Чулуны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. —

М., 1983. Шара Туджи. — Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. Пср.

Шара Туджи. — Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. Пер. Н. П. Шастиной. — М. — Л., 1957.

Шастина. Образ Чингис-хана — Шастина Н. П. Образ Чингис-хана в средневсковой литературе монголов. — Татаро-монголы в Азии и Европе. — М.: Наука, 1970.

Шифман — Шифман И. Ш. Александр Македонский Л., 1988, Шмидт — Schmidt I. J., Edeni-yin Tobci. Geschichte der Ost-Mongolen

Шмидт — Schmidt I. J., Edeni-yin Tobci. Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhaus. — St. Petersburg, 1829.

Кань чао шп — Юань чао шн, Хань Жулинь чжубявь (История династин Юань, Главный редактор Хань Жулинь), Ч. I. —

Пекин, 1986. Юань ши — Юань ши (История династии Юань). — Сы бу бэй яо. — Шамхай, 1935.

Ян — Яв В. Г. Чингис-хан. — Нукус, 1972.

алтан хаган

альчик

КРАТКИЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

 — «золотой хаган», император. Древиемонгольское наименование императоров киданьской династии Ляо.
 — бабка, простоивродное русское «шишка».

Кость вижнего сустава колытных животных (овен, коров), используемая для

ператора или вышестоящего начальника.

анда	— см. аньда.
бильге	 мудрый. Древний тюркский титул, ис-
	пользовавшийся и монголами.
бика	 силач, сильный. Древиемонгольский ти-
-	тул.
гереге	 деревянная дощечка, пластинка. Символ
·	власти. В старом Китае выдавалась чи-
	новинкам для записи распоряжений им-

нгры в бабки.

 гур-хан
 — тнүүл, равнозвачный тнүүлу шахиншаха или императора. В эпоху Чингис-хана один из высших тнуулов правителей Центральной Азии.
 гурк
 — от китайского <го ван>, кияжеский тисти китайского <го ван>, кияжеский ти-

тул.

— чужой, чужак, в противопоставление сорознузм своего урука или обока.

∂жат
 — см. джад.
 — человек, получивший дархатство, право

не нести повинности в пользу тана.

— освобождение от повинностей в пользу тана.

джаргичи

дианьшигиань udusur

инал каган

килюк

мангис

мерген мохадо мохэфи

МИЗНИМ

нинтик

никер отэгу-богол οδοκ

CENTION сечен сянвэнь

тайши тарбаган

таян тарханты улус

sugu ирик

итэги-богол хаган xansan

хармиста хиби хида

 букв. «судья», наименование одних из первых монгольских правителей над покоренными народами.

судья, см. джаргучи. титул правителей древиих уйгуров.

 титул правителей синсейских киргизов. (или кааи) см. хагаи.

 богатырь, силач. Дэрбэн кулюк — четыре кулюка — Борохул, Боорчу, Мухали и Чилаун - четыре самых близких иукера Чингис-хана.

- льявол. существо яз мира тьмы и нечистых сил. меткий стрелок, древний монгольский

титул. см. мохэфу.

 титул правителей народа шивэй, в состав которого входили и древине монголы.

 от китайского лингун, наименование должности. В Китае - глава Государ-

ственного секретариата, Чжуншу, - кочевье, территория улуса, территория, на которой кочевала та или ниая социальная группа

 друг, дружниник хана. древнемонгольские племена и роды, по-

павшие в рабскую зависимость. - пол. клан. В эпоху Чингис-хана нерархические образования, состоявшие из не-

скольких социальных групп. от китайского цзяньзюнь, генерал. мудрый, древний монгольский титул.

 от китайского сянгун, чин, равнозначный чину министра. от китайского тайизы, иаследиик престола. У монголов титул принадлежности к

половой знати. сурок, суслик. от китайского тайван, великий киязь.

 гвардейская стража монгольского хана. народ; народ, объедниенный в государ-

ство: государство. - потомки, мужское потомство какого-либо лица вместе с родней.

- CM. VDVF. см. отзгу-богол.

 титул центральноазиатских правителей с III в. н. э., парь. мера объема.

 небесное божество пранского происхожления, от Ормузл.

 доля в добыче, доля, удел, жалуемый ханом. свойственники, родственники женщии, 4310

черби

взятых в жены мужченами, членами данного урука, сват, сватья,

 войска из нвоплеменников, несущие пограничную службу. Использовались при киданьской династии Ляо и чжурчжэньской династии Цзинь.

цзюйэрхань чаутхури — см. гур-хан.

предположительно чин сотника, чин, по-

лученный Темучжином от властей Цзинь, — служилые люди при дворе монгольского хана, вообще лица, исполнявшие какуюлибо полжность.

племена и народы

авары айриуд-байрууд алухай-татар

алухай-татар алчи-татар аньчи-татар

арулат баарин барулас баянт

бесуд борджигин бирджигин

горлос дарлекины

джадаран джаджират джалаир джаирэит

джуръят долобань долубань долоибань

дорбэн дурбан дирбэн

дурбэн-татары дутай-тата**р** жуаньжуан**ь**

икирас икирэс см. жуаньжуань.
татарское племя.

одно из объединений древних татар,
 одно из объединений древних татар,
 одно из объединений древних татар,

 одно из древнемонгольских племен, вышедшее из Эргунэ-куна.

монгольское племя из инрунов,
 монгольское племя из инрунов,
 монгольское племя из дарлекинов.
 деревнемонгольское племя

 древнемонгольское племя;
 сниеглазые, потомки отца Чингис-хана Есугай-багатура.

см. борджигин,
см. хорулас.

монголы вообще и группа монгольских племен, не являвшихся инрунами.
 см. джаджират, чжачжират.

— см. чжачжират. — монгольское племя.

монгольское племя.
 см. джуръят, джаджират, чжучжират.
 см. джаджират, чжучжират.

см. дорбэн.см. дорбэн.см. дорбэн.

 нанменование монгольского племени на нирунов.
 см. дурбэн.

 см. дорбэн, а также наименования группы татар, дурбэн-татары.

 наименование группы татао.
 подразделение татарских племен.
 древний народ, госполствовавший в Центральной Азии в V — VI вв.

Центрально
 см. икнрэс.

 монгольское племя, выходцы с Эргунзкун. HHURECH кара-китан см. нкирэс.

 группа киданей, ушедшая в конце 20-х гг. после гибели государства киданей Ляо на запад и основавшая в Семпречье государство кара-китаев Запалное Ляо.

катакин KEAGD кереиты - см. хатагив. см. кэрэл.

один из могущественных народов Древ-

кидань

ней Монголии в XII в. - древняя монгольская народность с наличнем тунгусо-маньчжурских элемен-

китад KUST

тов в языке, кидани в X в основали свое государство Ляо. см. кидань. древние монголы, потомки Тумбинай-се-

кикгират карал мангит

чена и Хабул-хана. см. унгират, хунгират.

 одно из древинх, вероятно, тюркских плсмен.

см. манхут.

MONXYT MEDKUT монгольское племя на нирунов. одно из древних монгольских племен.

мэркит

 одна из народностей, господствовавших в Центральной Азия в XII в. Возможно. тюрки. Их точная этническая принад-

нирун

лежность (тюрки?, монголы?), как и керентов, до сих пор не установлена. - монгольские племена, потомки первых двух сыновей прародительницы монголов Ала-Гоз от ее мужа Добун-Мергена. - Бельгунотая и Бугунотая.

кяньбага няньбасы ofinal

 см. найман. см. найман. см. жуаньжуань,

OGDAT - см. одхувут. ОЛКИНИТ

 древнемонгольские племена, относившиеся к числу лесных.

ӨЛХ УНУТ OHEUT

- монгольские племена, выходцы с Эр-ГУНЭ-КУН. «белые татары», вероятно, тюркская на-

самодийны

родность, проживали на северо-запалных границах Цзинь. народности юга Спбири, относившиеся в язычовом отношения к финно-угорско-

салджиит саньчжиц

-самодийским народам, - монгольское племя из инрунов. см. салажнут.

сартанлы

мусульманское население государства

силдис

 превняя монголо-тунгусская народность. - дреннее монгольское племя из дарлекинов.

сяньби

 древний народ, госполствовавший в Центральной Азии в III - до первой трети VI в.

тайджинт - см. тайчиут.

тайджи-эгэчи - монгольское племя.

тайчинт монгольское племя на нирунов. тангиты

 тибето-бирманская по языку народность. основавшая к югу от пустыни Гоби и к северу от Тибета государство Занад-HOE CR (CH CR).

- древнее монгольское племя из дарле-KHHOR

ингират

ирянкат - CM. VDSHXST. ипянкат - древнее монгольское племя на дарле-

UDRUT - древнее монгольское племя на дарлекинов.

хатагин древнее монгольское племя из инрунов, хатаизинь см. хатагин хадаизинь см. хатагин.

XOAUAGCIA - см. хорулас. хорилас древнее монгольское племя, вышедшее

нз Эргунэ-кун. жингипат см. унгират. хунцзила

 см. хунгират. цзубу одно из общих наименований татарских

племен в X-XI вв. изиби чжалаби - см. джалано.

 одна из групп татар. чаган татар чеитай одно из монгольских племен.

чжала см. лжаланр. чжачжират см. джаджират.

чжинин одно из племен татар. чжирки - из киятов, потомки старших виуков Хабул-хагана.

чжурчжэнь тунгусо-маньчжурская народность, основавшая в начале XII в. государство

чинос древнее монгольское племя из нирунов.

чонос - см. чинос. юещоелюй см. хунгират.

юркин см. чжурки (джурки).

ИМЕНА

Ачжулу - см. Ачжулуг. - сполвижник Чингис-хана. Ачжулуг

 предок Чингис-хана. Амбагай-хаган Алахуш-дигит-хурн правитель онгутов. Алдиер кнргизский нойон. Алтан сын Хутула-хагана

Алтан Джиут - см. Алтан. Аньпань - см. Алтан.

Ань-пюань Аньчэнь-нойон

 тангутский император. монгольский военачальник, Аоло боизнае

 хаган первого государства монголов Хамаг монгол улус. сын Тулуя, младший брат Кубилая.

Ариг-Бука Арслан-хан хан үйгүрөв. Архай-Хасар Байшинхор-Дохшин

тысячинк Чингис-хана, старший сын Хайду, предок Чингис-

Балагачи Бартан-бахалур Бартан-баатур

Ваньянь Сян

 иукер Амбагай-хагана. см. Бартан-баатур.

 сын Хабул-хана, отец Есугай-баатура, дед Чингис-хана. Барчук идикут уйгуров. Бата-Чиган — потомок Борте-Чино и Гоа-Марал, ми-

фических предков Чингис-хана. сводный брат Чингис-хана, старший сын Бектер второй жены Есугай-баатура.

 сводный брат Чингис-хана, второй сын Бельгутай второй жены Есугай-баатура. - см. Борчу.

Богорчи Бодончар младший сыв прародительницы монголов Алан-Гоа, предок Чингис-хана.

 первый нукер Чнигис-хана.
 нукер Чнигис-хана. Боорчу Борохул Борчжу - см. Боорчу.

Борте-Чино легендарный предок монголов. Боту глава монгольского племени икирес. Бугу брат Мухали, иукера и полководца Чин-

гис-хана см. Буюрук. Бунрук Бурхан буддийский святой, изображение буддийского святого. В тексте - наименова-

ние последнего императора тангутского государства, как главы государства буддийского. Бучаран-черби один из 6 черби, управляющих в улусе

Чингис-хана.

Буюрук-хан - хан найманов, брат Таян-хана. Бэлхутай см. Бельгутай. Вадзар - хан тюрок-карлуков, правивший в горо-

де Алмалык. Ван-хан - см. Тоорил-хан, Вангии пинсан

 Ваньянь ченсян, полководец государства Ваньянь Аньго генерал государства Цзинь,

 генерал государства Цзинь. Вотала генерал государства Ляо. Вэй Шао-ван император государства Цзинь. Гоа-Марал легендарная прародительница монголов.

Гун-ва - Отец Мухали, нукера и полководца Чингис-хана. Гурбесу - мачеха и жена найманского Таян-хапа, - см. Гурбесу. Гурбэсу

Гур-хан - дядя Тоорил-хана. Далитай

 см. Даритай. Данншменд-хаджиб

 мусульманский купец на службе у Чингис-хана. Джабар-ходжа мусульманин на службе у Чингис-хана, Джавал-ходжа мусульманский купец на службе у Чин-

гис-хана. Джака-Гамбу брат керентского Тоорил-хана,

Джамукэ — см. Чжамуха.— см. Чжамуха.— см. Чжелме. Джамуха Джелмэ - см. Чжочи. и Рож П

- см. Хасар. Лжочи-Касар — см. Чжебэ. Пжэбэ

 одни из 6 черби, управителей в улусе Додай-чербн Чингис-хана.

Поритай-Отчигии младший брат отца Чингис-хана. один из 6 черби, управляющих в улусе

Чингис-хана. Дохолу-черби Едн киргнзский нойон. Еке-Церен правитель татар.

Елюй Даши - член императорской династии Ляо, предводитель киданей, ушедших после гибе-ли Ляо на запад и основавших государ-

ство Западное Ляо. Есугай-баатур отец Чингис-хана. Есугай-багатур см. Есугай-баатур. татарская княжна. Есуган-хатун Есушэй-бахадур см. Ёсугай-баатур.

Есуй татарская княжна, жена Чнигис-хана. Есыбу - кидань на службе Елюй Люге, кидани-

на, полководца Цзинь, перешедшего на службу к монголам. Идн-уруи правитель киргизов. - см. Шилгоксан-хона,

Илэгэсянькунь найманский хан. Инанч-хан Кадан-тайши сын Амбагай-хагана. один из предков монголов.

Каян Кокчу шаман Чингис-хана. см. Кокчу. Кокэчу

- см. Кокчу. Кокочу Котон-Барах предводитель татар. см. Хубилай. Кубилай Кучар сын Нэкун-тайшн.

Кучар-беки сын Нэкүн-тайши. Кули-нойон татарии на службе Чингис-хана. Куту-Тэмур правитель татар.

Кучлук сыи найманского Таян-хана. татарин на службе Чингис-хана. Менге-Уху Менгучжин-Сеульту правитель татар. - посол государства Цзинь к Чингис-хану.

Мингань Могусы правитель керентов. Мухали нукер и полководец Чингис-хана.

Haxy - отец Боорчи, иукера Чингис-хана. Некун-тайчжн - дидя Чнигис-хана по отцу, старший брат отца Чингис-хана Есугай-баатура,

Нилха-Сангун — см. Сангум.

Ноктэ-буула — представитель монгольской знати,

Нукуз — один из предков монголов. Нукун-тайшн — см. Некун-тайчжн.

Огодай — сын Чингис-хана, его преемник на мон-

Огодой — см. Огодай.
Огодай-чербн — младший брат нукера Чингис-хана Боорчу. один на первых командующих гвар-

джей Чингис-хана.

Оголе-черби — один из 6 черби, управляющих в улусе

Окин-Бархах Чингис-хана.

— сын Хабул-хана, предок чжурки.

Олебек-дигин — киргизский нойон.

Олунь-бэйле — см. Аоло боцзиле.
Он-хан — см. Ван-хан, см. Тоорил-хан.
Орос инал — вредводитель киргизов.

Орбай — вредводитель киргизов Орбай — жева Амбагай-хагана. Оэлун — мать Чингис-хана.

Оэлун-фучжин — см. Оэлун.
— сын керентского Тоорил-хана.

Сача-бекн — один из предводителей чжурки, участвовал в возведении Чингнс-хана на ханский трон.

Сайн-Тегии — глава племенн хунгиратов. Сапа — слуга Чингис-хана.

Соркин-Ширэ — см. Сорхаи-Шира. — сын Окни-Бархаха, предок чжуркн.

Сохотай — жена Амбагай-хагана.

Субетай-баатур — вукер и полководец Чингис-хана.

Сузгай — представитель монгольской знати.
— один из 6 черби, управляющих в улусе.

Сечэ-беки — см. Сача-бекн. — представитель монгольской знати на племени мангут.

Тайчар — брат Чжамухи.
Тайчу — правитель чжурки.
Таргутай-Кирилтух — правитель тайчичтов.

Тататунга — правитель танчнутов.
— найманский писец, обучивший монголов

уйгурскому письму.

Таян-хан — хан найманов.
Темуджин — см. Темучжин.

Темучкин — см. Темучкин. Темучкин — личное имя Чингис-хана.

Темучжин-Уге — знатный татарин, именем которого был

Тодоен-Гиртай назван Темучжин.
— правитель тайчиутов.
Тогорил-хан — см. Тоорил-хан.

Тогорил-хан — см. Тоорил-хан. Тоорил-хан — хан керентов.

Толун-черби — один из 6 черби, управляющих в улусе Чингис-хана.
Томучни — см. Темучкий.

Тохтоа-беки — правитель меркитов, Тудай — внук Амбагай-хагана, Тукучар-баатур Tycaxy

монгольский полководец.

- внук керентского Тоорил-хана, сын Сан-

гума. Угэлэй см. Огодай. Хабаиь

отец Субетай-баатура, нукера и полко-

Хабул-хан

волна Чингис-хана. предок Чингис-хана.

Хадаан - дочь Сорган-Шира, спасителя Чингисхана в тайчиутском плену. Халаан-тайчжи - сын Тумбенай-сечена, предка Чнигис-

Хайду

хана. сын Хабул-хана, предок Чингис-хана.

Хамбагай-каан см. Амбагай-хаган. Хасан

 мусульманский купец, состоявший на службе у Чнигис-хана. младший брат Чингис-хана.

Xacap Хорн-Буха Хорилартай-Мерген XOUR

знатный татарин. одни из пукеров Чиигис-хана. представитель правящей монгольской

знати из клана баарии. Хочжин-беки дочь Чингис-хана.

Хочар - см. Хучар. полководец Чингис-хана. Хубилай

Худу сыи хана меркитов Тохтоа-беки, Худус см. Худус-Халчан.

Худус-Халчан один из первых командующих гвардией Чингис-хана.

Хуилдар-сечеи иукер Чингис-хана. Хулуба правитель меркитов.

 старший брат Субетай-баатура, нукера Хулухань н полководца Чингис-хаиа. - он же Сюань-цзун, император государ-Хушаху

ства Цзинь. Цзун Би командующий пограничными войсками

· государства Цзинь в XII в. Цингоу кидань на службе у Елюй Люге и

Циич кидань на службе у Елюй Люге, — мать Борте, жены Чингис-хана. Потан

Чаалай см. Чагатай. Чаган - нойон, тысячник Чингис-хана, происхо-

дил из Си Ся. Чагатай третий сыи Чингис-хана. Чарахай-линку

 сын Хайду, предка Чингис-хана. Чарха-Ебуген иукер Есугай-баатура, отца Чингис-хана. Чахань - см. Чаган.

Чжамуха знатный монгол, побратим и сопериих Чингис-хана в борьбе за власть над монголами и Монголией.

Чжелме нукер и полководец Чингис-хаиа. Чжилн-Буха предводитель татар.

Чжочи старший сын Чингис-хана. - сын Сорган-Шира, спасителя Чингис-Чилачи хана во время тайчиутского плена. Чилелу - см. Эке-Чиледу.

286

Чильчир Чимбай

> Чингиз-хан Чингис-хан

Шиги-Хутукту

Шилгоксан-хона

Шимо Миигань Эда Эке-Чиледу

Эрке-Хара Элджидай-нойон Элзэн младший брат Чиледу.

 сын Сорган-Шира, спасителя Чингисхана во время тайчичтского плена.

- см. Чингис-хан.

ханский титул основателя империи монголов и китайской династии Юань Те-

 татарин, главный судья в государстве Чингис-хана.

 сын найманского хана, бежавший от преследований Чингис-хана в государство Си Ся.

ство Си Ся.см. Мингаиь.

см. Мингань.
 моигольский посол в государстве Си Ся.
 представитель меркитской знати, у него отобрал Оэлун, мать Чингис-хана, отец Чингис-хана Есугай-базтур.

брат Тоорил-хана керентского.
 двоюродный брат Чингвс-хана.

 двоюродный брат Чингвс-хана.
 букв. «владыка», употреблялось как одно из имен Чингис-хана.

СОДЕРЖАНИЕ

Всту	плев	1 11 6													
«Hapo)	ц безв	ест	ный	H 9	уже	«Йo									
Рассел	ение .	apei	вних	M	отно	JOB,	бы	T, O	быч	aH.	нра	вы			1
Предки	1 Tem	учж	нна												3
Рожде	нне Т	CMV	чжи	на										- 1	4
Гибель	Ecvr	ая				÷	i.					- 1	Ĭ.	Ţ.	5
«Ключ	CBMe I	ROTE	ы пт	en:	2 75 54	бел	-V 21	uem.	TDI	PC MS			- 1	- 1	5
«Я нап	lea W	TO I	ICK 3	73	,	0011				,		•	•	•	7
Свой	. muc		icht	***		•	•	•	•	•	•		•	•	8
Побрат	raye			•	•	•	•	•	٠	•	•	•	•		9
Hefen	Hatter	вра	n	•	•	•			•	•	•		•		
Набег	иа та	тар							٠				•		114
Месть	за от	ца				٠			٠				٠		114
Кто же	стан	ет в	лад	ык€	OF CI	rene	82								12
Велики	ій кур	илг	ая												140
Богатс	тва ст	rpai	ны т	аиг	уто	в.									150
Шамаи	Кокс	чу													167
Исполн	ение	38	ета	AN	баг	ай-х	ага	на							173
Отрарс	кая к	ата	TDO	фа											189
Смерть	Чанг	ис-	кана	٠.											213
Личнос	Th .					- 1					- 1				230
Эпоха									Ĭ.					- 1	245
					•			,		•			•	•	

Научно-популярное издание

Кычанов Евгений Иванович

жизнь темучжина, думавшего нокорить мир

(Чингис-хан. Личность и эпоха)

Издание второе, исправленное и дополненное

Зав. редакцией Т. Иязалиев

Редактор Г. С. Ибраимова Худ. редактор А. И. Ерошенко Техн. редактор Ж. Искакова Корректор Г. Самаева

ИБ № 4935

Сдано в набор 05, 03, 91. Подписано к печати 14, 08, 91. Формат бумаги 84×108¹/₂₂. Бумага газетная. Литетатурная гаринтура. Печать высокая. 9,0 фяз. печ. л. 15,12 услови. печ. л. 16,582 учет.-изд. л. Тираж 20000. Заказ № 43. Цена 5 руб.

Ордена Дружбы народов издательство «Кыргызстан» 720737, ГСП, г. Бишкек, ул. Советская, 170.

Кыргызполнграфкомбинат ям. 50-летая Кыргызской ССР Министерства печати и ниформации Республики Кыргызстаи. 720461, ГСП. Бишкек, 5, ул. Жигулевская, 102. 91. зая вн. уб.

ган.

